

Российская академия наук
Институт психологии

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ЗНАНИЕ**
стадии исследовательского процесса

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев,

Д. В. Ушаков,

А. В. Юревич

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2023

УДК 159.9
ББК 88
П 86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

П 86 Психологическое знание: стадии исследовательского процесса / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. – 478 с. (Методология, теория и история психологии)

doi: 10.38098/

ISBN 978-5-9270-0457-7

УДК 159.9

ББК 88

В трех разделах сборника авторы рассматривают общую логику и стадии исследовательского процесса в психологии. В первом разделе проанализирована структура этого процесса, во втором рассмотрены его стадии, в третьем – его организация и разрабатываемые в настоящее время сюжеты.

Книга предназначена всем, кто интересуется методологическими проблемами психологической науки.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2023

ISBN 978-5-9270-0457-7

Содержание

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юевич. Введение. 5

Раздел I СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА В ПСИХОЛОГИИ

<i>В. А. Мазилев.</i> Предмет психологии, психологическое знание и объяснение	11
<i>Т. П. Войтенко.</i> К вопросу об антропологических основаниях психологических исследований	36
<i>Т. В. Корнилова.</i> Современные дискуссии о построении психологического объяснения и соотношении теории и эмпирии в психологии	58
<i>А. Н. Лебедев.</i> Специфика социально-психологического знания: от научных исследований к социальному проектированию.	82
<i>А. А. Фёдоров.</i> Повторение как стадия исследовательского процесса.	106
<i>В. А. Чикер, Л. Г. Почебут.</i> Структура и стадии исследовательского процесса в социальной психологии.	139

Раздел II СТАДИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА

<i>М. С. Гусельцева.</i> Психология как социальное знание: этапы исследовательского процесса.	167
<i>Т. В. Зеленкова.</i> О соотношении креативности и творчества на разных стадиях исследовательского процесса	210

<i>Д. А. Китова, А. Л. Журавлев.</i> Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы эмпирических исследований	249
<i>А. А. Грачев.</i> Этапы прикладного психологического исследования	283

Раздел III

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА

<i>В. В. Знаков.</i> Знание и понимание «правильного» и «неправильного» мира человека.	317
<i>А. А. Костригин, Н. Ю. Стоюхина.</i> Экспериментально-психологические концепции в дореволюционной российской психологии.	331
<i>А. М. Двойнин.</i> Естественно-научные взгляды в психологии религии: стадии и пути развития	392
<i>И. А. Мироненко, А. Л. Журавлев.</i> Культурная психология Яана Вальсинера: опыт эмпирических исследований	421
<i>Л. М. Попов, П. Н. Устин.</i> Стратегии и этапы научно-педагогической деятельности	441
Авторы и составители сборника.	476

Введение

Выделение стадий исследовательского процесса — одна из важнейших задач его осмысления, которой науковеды занимались с первых шагов становления своей дисциплины. И для социогуманитарной науки, и с позиций здравого смысла естественно, что различные авторы выделяли разные стадии. Некоторые из них, например стадии сбора данных, их обобщения и т. д., настолько самоочевидны, что их специальное выделение вроде бы лишено смысла. Другие, такие как подготовка, инкубация, озарение и проверка, тесно связаны с анализом закономерностей бессознательного мышления, и их изучение стало очень популярно в психологии вслед за «открытием» бессознательного.

Ученые всегда были склонны к выделению стадий исследовательского процесса. Тому есть как минимум две причины. Первая: эти стадии, что называется, «лежат на поверхности», и достаточно одного лишь участия в данном процессе (а все исследователи, по определению, в нем участвуют), чтобы их наблюдать и, соответственно, выделять. Вторая причина состоит в том, что, как регулярно отмечалось, систематизация того или иного процесса — важный шаг в его понимании. Исследовательский процесс всегда привлекал внимание наиболее достойных умов, стремившихся его понять и сделать объектом практических воздействий, в том числе манипуляций, а его систематизация, включая выделение стадий, представлялась важным шагом на этом пути.

Всегда возникал риск логизации исследовательского процесса, подмены реальности нормативным представлением о ней, протекающими из ее «правильной» организации. Любой исследователь знает, что стадию можно поместить и в начало, и в конец процесса в зависимости от обстоятельств. Например, гипотезу принято считать началом исследования, операционализацией теории на определенном исследовательском материале. Однако часто гипотезы фор-

мулируются тогда, когда исследование уже проведено, что отражено и в науковедческих представлениях о науке, и в юмористическом фольклоре, который тоже нередко отражает истину (в любой шутке есть лишь доля шутки, все остальное — вполне серьезное содержание). Тем не менее, и явная логизация представления о стадиях исследовательского процесса, безусловно, полезна, поскольку высвечивает их важную сторону.

Возникает вопрос: а как быть с нормативными представлениями о его структуре? Но, во-первых, для социогуманитарных наук вообще характерен дефицит представлений, которые можно считать «нормативными», и этот факт сам по себе является для них нормативным. Во-вторых, не ясно, какая степень детализации этой структуры является нормативной. В результате исследователи выделяют больше или меньше стадий исследовательского процесса в зависимости от опыта участия в нем, стоящих перед ними задач и других обстоятельств.

Видение основных стадий исследования предопределено местом в нем данного ученого и другими факторами. Конечно, ситуация здесь не как в анекдоте, где слепые описывали слона, служившего им повадырем. Слепой, державшийся за хвост, описал слона как хвост, державшийся за хобот — как хобот и т. д. Естественно, ученые видят в исследовательском процессе не только «свое», но и общее содержание. Но конкретная привязанность ученого неизбежно оказывает влияние на его представления об общей организации исследований. М. Г. Ярошевский разделил всех участников процесса исследования на четыре категории: организаторов, генераторов идей, критиков и эрудитов, подчеркнув, что, конечно, ученый может одновременно выполнять и различные исследовательские роли, но всегда так или иначе тяготеет к одной из них (Ярошевский, 1978). Соответственно, общая структура исследовательского процесса видится ему смещенной в сторону организационных аспектов научной деятельности, в направлении порождения научных идей, их критики или информационного обеспечения. Накладывают свой отпечаток на представления ученого об общей структуре исследовательского процесса и другие факторы, многообразие которых трудно переоценить.

Книга ни в коей мере не является учебником и даже учебным пособием. И тому, кто ищет простынь и ясных ответов на поставленные вопросы, она едва ли будет полезна. Авторы выделяют различные стадии исследовательского процесса в зависимости от личного опыта и своих представлений о науке, а самым неуместным явля-

Введение

ется вопрос о том, кто же из них прав, а кто — не прав. Книга лишь добавляет материал для стремящихся понять, как строится научное познание.

Структура книги проистекает из многообразия заключенных в ней сюжетов и тоже, как и структура исследовательского процесса, нуждается в систематизации. В первом разделе рассмотрены, в соответствии с общим замыслом книги, разнообразные представления авторов об общей структуре исследовательского процесса в психологической науке. Концентрация авторов на одной из стадий, по всей видимости, более близкой им по собственной исследовательской деятельности, нашла отражение во втором разделе. В третьем разделе представлены наиболее спорные и «не причисленные» пока вопросы, касающиеся структуры исследований.

Литература

Ярошевский М. Г. Программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива // Вопросы психологии. 1978. № 3. С. 40–53.

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич

Раздел I
СТРУКТУРА
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА
В ПСИХОЛОГИИ

Предмет психологии, психологическое знание и объяснение¹

В. А. Мазилев

doi: 10.38098/

Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени *совершенства*, либо по тому, что оно знание о более *возвышенном и удивительном*, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест.

Аристотель. «О душе»

Введение

Приведенная в качестве эпитафии начальная фраза аристотелевского трактата «О душе» позволяет как нельзя лучше охарактеризовать современное состояние проблемы научного знания в психологии. Не подлежит никакому сомнению, что психологическое знание — знание о человеческой душе — по-прежнему есть знание о возвышенном и удивительном. Вряд ли кто-то серьезно усомнится в том, что психика, психическое относится к числу самых сложных и во многом загадочных феноменов, с которым пришлось столкнуться человеческому познанию. Однако по степени совершенства психологическое знание вряд ли может претендовать на «первые места». Опубликованные сборники научных трудов «Психологическое знание» (2018, 2021), публикации (Виленская и др., 2021; Журавлев, Сергиенко, 2018; Журавлев и др., 2019) убедительно свидетельствуют о том, что нерешенных проблем в этой области очень много. Это понятно. Поскольку знание как продукт научной деятельности отражает проблемы психологической науки, особенность проблемы знания состоит, как представляется, в том, что в ней сплетены в единый узел практически все нерешенные вопросы психологии, поэтому распутать его чрезвычайно трудно. Как следствие в настоящее

---

1 Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-28-00089.

время — необходимо это признать — отсутствует целостная непротиворечивая система научно-психологического знания, сколько-нибудь удовлетворяющая как теоретиков психологии, так и психологов-практиков (см., например: Взаимоотношения исследовательской и практической..., 2015).

Однако в случае «запутанного узла» часто возникает искушение не пытаться его развязывать, а «разрубить» и тем самым начать с «чистого листа». Представляется, что такая стратегия ошибочна: проблемы, существующие в психологии (психофизическая, биосоциальная, психофизиологическая и др.), никуда не денутся и дадут о себе знать. Тем не менее такие методы представлены и сегодня.

Как свидетельствует опыт науки, когда что-то не получается, важно обнаружить причины относительной неудачи. Заведомо огрубляя, можно сказать, что главной ее *объективной причиной* является общеизвестная сложность и многомерность изучаемых психических явлений, порождающих *множественные* существенно различающиеся *концептуализации*. Главной *субъективной причиной* является, на наш взгляд, распространенная *недооценка* значения *методологических вопросов* психологическим сообществом, конечно, за небольшим исключением (Методология комплексного человекознания..., 2008; Новые тенденции..., 2019; Парадигмы в психологии, 2012; Прогресс психологии..., 2009; и др.). В частности, недооценивается значение методологических исследований, посвященных *предмету психологии*, которые, по нашему мнению, являются важнейшим условием существенного продвижения в разработке проблемы психологического знания в целом. Мне уже приходилось обращать внимание коллег на этот ключевой вопрос (Мазилев, 2020д, е, 2022), но в настоящий момент возникла необходимость вернуться к его развернутому обсуждению.

Общая психология сегодня

Психология, утвержденная Вильгельмом Вундтом в качестве *самостоятельной науки* в 1870-е годы, готовится ныне к полуторавековому юбилею. Безусловно, предстоит важная дата в истории психологии (особенно если вспомнить известное разделение «жизни психологии» на длительное «прошлое» и короткую «историю», проведенное Германом Эббингаузом в 1908 г., разделение, которое, как представляется, принимается ныне большинством психологов). В этой связи вполне уместен вопрос, с какими достижениями и настроением встречает психологическая наука свой грядущий юбилей.

Конечно, пытаться оценивать состояние мировой психологии в целом — дело принципиально неблагоприятное, поскольку отсутствуют четкие общепринятые критерии оценки, однако некоторые тенденции, вызывающие обоснованную тревогу, могут быть обозначены.

Создается впечатление, что научная психология, прошедшая за полтора столетия значительный путь и имевшая в своей истории драматические эпизоды (например, открытый методологический кризис в 1910–1930-е годы), в настоящее время переживает не лучшие времена. Особенно заметным это становится, если сравнить состояние психологической науки в 1960–1970-е годы, когда в мировой психологии явно присутствовало всеобщее воодушевление, психология представлялась наукой будущего, наукой XXI в., и ее современное состояние: эйфорические настроения участников XVIII Международного психологического конгресса в Москве (1966) (Мазилев, 2020в, 2021), воодушевление, которое царило в среде психологов в связи со столетним юбилеем научной психологии (Лейпциг, XXI Международный психологический конгресс, 1980), и практически полное равнодушие по поводу предстоящего юбилея, о котором вообще предпочитают не вспоминать. Представляется, дело не в забывчивости, а в отсутствии праздничного настроения психологов.

Кратко сформулируем те негативные тенденции, которые проявляются в современной психологии все более явно.

Пrestиж психологии как науки неуклонно снижается, ее позиции теснятся конкурентами. Ясно, что в настоящее время происходит неуклонное снижение интереса к теоретическим вопросам психологии. Действительно, если в 1960–1970-е годы в психологии наблюдался очевидный подъем, то в настоящее время можно скорее говорить о падении интереса к научной психологии в целом. Более того, на изучение традиционных для психологии проблемных полей активно претендуют когнитивные науки и нейронауки.

Необходимо, по нашему мнению, учитывать, что в научной психологии продолжается *методологический кризис*. По-видимому, психологам надоело обсуждать проблему кризиса в целом, поэтому в настоящее время речь чаще всего идет о *кризисе доверия к результатам исследований* в области психологии. Исследования, посвященные «кризису репликации», имели достаточно большой резонанс. Это также негативно отозвалось на имидже научной психологии. Стоит добавить к этому широкую кампанию последних лет по дискредитации выдающихся психологических экспериментов, что также внесло свой вклад в снижение позитивного образа психологической науки (см.: Мазилев, 2020в, 2022).

Не стоит забывать об извечной проблеме психологии, заключающейся, как известно, в том, что в научной психологии традиционно существует множественность исследовательских подходов, прямым следствием чего являются десятки теорий одного и того же психического явления, число различных определений основных психологических понятий исчисляется едва ли не сотнями (Мазилев, 2017, 2019, 2020б). Конечно, для этого есть объективные предпосылки, заключающиеся в сложности и многомерности объекта и предмета психологии. Известно, что за основу для построения той или иной психологической теории берется ограниченный эмпирический базис, а это приводит в конечном счете к конструированию ограниченной (частной) теоретической модели. Однако по традиции теория обычно позиционируется авторами как *общая*, претендующая на объяснение того или иного психологического явления в целом. Кроме того, нельзя не учитывать роль некоторых традиций, существующих в психологической науке: идущая от Вундта традиция конструировать предмет узкоаналитически, психологическое исследование строить как направленное на изучение единиц психического, перенося полученные результаты на целое (Мазилев, 2019а, 2020б, в). В ранг методологического правила это положение, как известно, было введено Л. С. Выготским. Можно было бы указать на исторически обусловленные ограниченные возможности *объяснения* в современной психологии, приводящие к тому, что вместо полноценного научного объяснения авторы часто довольствуются интерпретацией (Мазилев, 2020г, д). И последнее: современная психология чрезвычайно далека от финальности, от построения обобщающих глобальных теорий (хотя бы потому, что наука пока не понимает подлинной природы психического) (Мазилев, 2020в; Jung, 1967). Как итог складывается образ научной психологии, весьма далекий от идеалов науки. Констатация хоть и неприятная, но далеко не новая.

На самом деле список признаков неблагополучия в психологии сегодняшнего дня легко можно продолжить, не станем этого делать, поскольку любой заинтересованный читатель видит эти черты в современной психологической науке. Некоторые авторы вообще высказываются в том духе, что психология, возможно, вообще не наука.

Гораздо интереснее проследить, как сами психологи реагируют на констатацию подобного рода проблем. Возникает устойчивое впечатление, что психологическое сообщество относится к этому не просто безучастно, но и — сколь странным это ни покажется — выражает некоторую хорошо замаскированную заинтересованность в подобном исходе, не то чтобы руководствуясь принципом «чем ху-

же, тем лучше», но, как можно полагать, надеясь, что коль «нет науки, нет и проблемы». Не будет психологии как фундаментальной науки, претендующей на изучение психического во всей его полноте, не будет и проблем, которые трудно решаются, а обсуждение их порою буксует на месте. Здесь видится роковая ошибка: такое изменение масштаба решаемых проблем отнюдь не избавляет от необходимости их разрешения, но нахождение конструктивного варианта становится принципиально недоступным, ибо часть есть часть и целым ей, увы, не быть. В желании отказаться от разработки предметной психологии как чего-то «старомодного» на фоне новейших, к примеру сетевых, подходов видится злая ирония судьбы: отказаться от продолжения поисков, не исчерпав возможных вариантов построения науки по классическому предметному образцу, не просто наивно. Попытки высказать точку зрения, согласно которой возможности разработки психологии как научной дисциплины, построенной по предметному принципу, не исчерпаны, блокируются аргументом, что современная методология принципиально плюралистична, поэтому авторы, разделяющие позицию предметного построения психологии «абсолютные ретрограды», пытающиеся установить единомыслие в психологии и не видящие новаторских тенденций в методологии. Разумеется, дело не в негативных оценках, а в отказе от дальнейших попыток решения проблемы.

Обозначим один важный момент. Как представляется, требует ответа вопрос: почему выживание психологии как *фундаментальной науки* сегодня становится на повестку дня в столь *острой форме*?

С нашей точки зрения, ответ прост:

- Психология *исчерпала кредит доверия*, который был фактически безграничным во второй половине XIX в., когда научная психология о себе впервые заявила, и который был огромным на протяжении XX в.
- Сейчас у психологии появились *конкуренты* – нейро- и когнитивные науки, успешно теснящие психологию на ее традиционных проблемных полях. Повторим: знание о психике, полученное в рамках, скажем, тех же нейронаук или когнитивных наук – *другое знание*, фундаментальные *психологические* вопросы при этом принципиально остаются без ответов. Психология должна дать ответы по основным проблемам – психофизической, психофизиологической, психосоциальной, психогностической и др.; никакая другая наука, кроме психологии, этого сделать не может. При всем уважении к конкурентам стоит отметить, что в их за-

дачи получение ответа на эти вопросы не входит. Поэтому судьба психологии в руках самих психологов – или они покажут, что психология действительно является фундаментальной наукой, способной внести свой вклад в построение современной научной картины мира и человека, или реально превратится в *множество подходов*, решающих *локальные задачи* и совершенно не претендующих на звание науки о удивительном и возвышенном, как некогда полагал Аристотель.

Не хотелось бы излишне драматизировать ситуацию, сложившуюся в психологии, однако нельзя не заметить, что в настоящее время речь идет о возможности дальнейшего существования психологии как *самостоятельной фундаментальной науки*. Вопрос стоит так: быть или не быть психологии фундаментальной наукой, то или иное решение этого вопроса представляет ключевой методологический выбор. Как когда-то заметил У. Джеймс, когда необходимо сделать выбор, а вы его не делаете, – это тоже выбор...

Наша позиция состоит в том, что *психология должна сохранить свой статус именно как фундаментальная наука*. *Возможности ее обоснования как фундаментальной науки*, повторим, *далеко не исчерпаны*, поэтому либерально относясь к плюралистически ориентированным методологическим поискам и новациям, всё же стоит задуматься о последствиях тех или иных принимаемых решений.

В качестве иллюстрации приведем фрагмент из статьи А. А. Фёдорова (Фёдоров, 2021). Автор сочувственно относится к мысли З. Коха, согласно которой современная психология представляет собой не науку, а совокупность психологических исследований. В своей статье российский ученый представляет свое видение перспектив психологии: «Я, однако, полагаю, что более вероятен иной сценарий. По мере развития часть психологии, которая ассоциируется с *hard science*, будет все больше интегрироваться с физиологией и нейронауками, пока окончательно с ними не сольется. Обособится и другая ее часть, изучающая то, что можно назвать «поведением», сформировав отдельную квантитативную науку (бихевиорологию?), которая также будет входить в биологические науки в широком смысле. Наконец, третья часть психологии (по сути, психология *per se*) будет все больше отдаляться от *hard science*, превращаясь в мозаичную *soft* психологию. Это не значит, что третья часть не будет продуцировать знание, но это знание не будет научным. Не означает это и того, что это знание будет полностью оторвано от эмпирического изуче-

ния действительности. С моей точки зрения, здесь вместо термина «наука» вполне можно использовать термин «психологические исследования» (psychological studies), предложенный З. Кохом. Как он писал, психология «является не единой дисциплиной, а собранием исследований различного рода, часть которых можно квалифицировать как науку, в то время как большинство — нельзя. В этом выделении двух классов исследований я не подразумеваю ничего оскорбительного. Давным-давно я рекомендовал заменить термин „психология“ термином „психологические исследования“, но едва ли я ожидал достичь цели» (Koch, 1993, p. 902). В каком-то смысле то, что в психологии является научным, не является психологическим, а то, что является психологическим, не является научным. Научное и психологическое держит вместе история их развития, но рано или поздно исторические связи ослабнут настолько, что произойдет естественный и — к тому времени — безболезненный распад» (Фёдоров, 2021, с. 23).

Не будем подробно комментировать точку зрения многоуважаемого автора. Обратим внимание только на то, что, судя по всему, проблемы психологии решатся сами собой — одна часть «экс-психологии» решит их за счет физиологии и нейронаук, другая — «бихевиорология» будет жива научностью биологии, а паноптикум — мозаичная «soft психология» — все равно не наука...

По нашему мнению, в психологии уже почти полтора столетия не преодолен методологический кризис, *производный* от общего, так и не получившего своего разрешения (Мазилев, 1998, 2005, 2020в). Сегодня речь идет не столько об общем кризисе психологии, сколько о *кризисе доверия к результатам исследований* в области психологии (см., например: Schmidt, Oh, 2016). Новоявленный кризис (точнее, обострение перманентного, существующего с XIX в.) заключается в том, что в современной психологии отсутствует необходимая репликация: повторные исследования, воспроизводящие проведенные ранее, не дают того же результата. Исследования, посвященные «кризису репликации», имели достаточно большой резонанс. Понятно, что такие публикации не способствуют повышению интереса к психологии и добавляют разочарование в возможностях научной психологии. И совершенно ясно, что за кризисом репликации видится более общая проблема, не получившая разрешения, — проблема предмета (Мазилев, 2021, 2022). Не будем сейчас выяснять, какие причины привели к такому положению вещей, обратимся непосредственно к проблеме предмета психологии, сколь бы архаичным мероприятием это кому-то ни показалось.

О предмете психологии

Проблема предмета психологии, несомненно, является важнейшей для самоопределения психологии, поскольку то или иное ее решение является основанием для существования науки в статусе *научной* дисциплины. И. Г. Фихте в свое время утверждал, что любая наука должна иметь *основание* и притом только одно. Можно полагать, с тех пор обоснование той или науки включало в себя в том числе и указание на предмет науки — что, собственно, они изучают.

В течение долгого времени неявно предполагалось, что основой для выбора предмета является акт волеизъявления — предмет может быть выбран *по желанию автора*. Конечно, вслед за выбором обычно следовали комментарии и обоснования, разъясняющие, почему принятое решение следует считать наилучшим. Собственно история психологии может быть рассмотрена как трансформация представлений о предмете психологии (Ждан, 1990, 1994).

Вариантов трактовки за XX в. накопилось множество.

Не будем их здесь перечислять. Обратим внимание на главное. То или иное определение предмета является *обязательным для существования психологии как самостоятельной фундаментальной науки*. Соответственно, *попытка уйти от ответа на вопрос о предмете означает de facto поддержку позиции «ликвидаторов» — «психология не наука»...* Понять такую точку зрения легко: *продолжавшиеся в течение многих десятилетий многочисленные, а иногда и ожесточенные дискуссии, посвященные обсуждению предмета психологии, к сколько-нибудь однозначным результатам, как хорошо известно, не привели. Разочарование в финальной успешности, вероятно, было столь велико, что побудило ряд методологов психологии отказаться от серьезного отношения к проблеме определения предмета науки.*

Процитируем в этой связи В. П. Зинченко: «К задаче определения предмета науки нужно отнестись *cum grano salis*, следуя совету Г. Г. Шпета: „Для науки предмет ее — маска на балу, аноним, биография без собственного имени, отчества и дедовства героя. Наука может рассказать о своем предмете мало, много, все, одного она никогда не знает и существенно знать не может — что такое ее предмет, его имя, отчество и семейство. Они — в запечатанном конверте, который хранится под тряпьем Философии... Много ли мы узнаем, раздобыв и распечатав конверт?.. Узрим ли смысл? Уразумеем ли разум искусств? (добавим: и наук. — В. Зинченко). Не вернее ли, что только теперь и задумываемся над ними, их судьбою, уйдем в уединение для мысли о смысле?“» (Зинченко, 2019, с. 849).

Полагаем, что такого рода позиция не оправданна. Предмет науки никоим образом не «маска на балу». Наука, осознавшая себя наукой, есть в первую очередь *система понятий*, среди которых важнейшим является понятие «*предмет науки*». Более того, наука, осознавшая себя наукой, не может существовать без *методологии*. Вспомним классику отечественной психологии. Согласно К. А. Абульхановой-Славской, «роль методологии заключается не только в указании на то, что должна исследовать данная наука, но и в выработке таких способов, которые кратчайшим путем вели бы познание к выявлению сущности данного круга явлений. Речь идет о выработке типичных для данной науки способов добывания новых знаний, способов раскрытия закономерностей данного круга явлений. Функция методологии заключается, прежде всего, в *определении предмета исследования науки*, в данном случае психологии» (Абульханова-Славская, 1969, с. 318; курсив мой. — В. М.). Методология не составляет предмета психологии, но на ее основе предмет выделяется. К. А. Абульханова-Славская приходит к важному выводу, согласно которому развитие конкретной методологии науки не произвольный, а диктуемый самим ходом развития науки процесс. Различение предмета и объекта психологии, на котором настаивает автор, позволяет избежать противоречий и ошибок: «В отличие от объекта науки, предмет научного исследования есть логическая категория научного познания, результат или продукт абстрагирующей деятельности научного исследования» (Абульханова-Славская, 1969, с. 320).

Однако дело даже не в том, продолжать обсуждения проблемы предмета, которые кому-то кажутся бесконечными и бесплодными, или их прекратить. Как мы полагаем, методология, которая в соответствии с классическим определением перестает быть только совокупностью принципов, становится *концепцией*, в которой методологические понятия используются *в системе*. Напомним, что методология, согласно практически общепринятому определению, «система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также *учение об этой системе*» (Спиркин и др., 1989, с. 359; курсив мой. — В. М.). Это означает, что конструкт «предмет» должен выполнять в этой системе — *концепции методологии* — определенные *функции* и, стало быть, иметь определенные *характеристики* (Мазилев, 2019а, б, 2020в). Таким образом, конструирование предмета не может быть представлено как декларация, ибо является результатом специальной теоретической работы.

Сердцевиной методологии психологии является понятие *предмета психологической науки*. Как считает Г. В. Залевский, «недостаточ-

но понимать систему, в том числе и методологическую, только с позиции взаимосвязи составляющих ее элементов, не учитывая того, что каждый элемент играет свою роль в этой взаимосвязи, во-первых, и во-вторых, по мере усложнения живой системы — от клетки до человека и человеческого сообщества — эти взаимосвязи все больше иерархизируются с появлением «командного» элемента, играющего роль интегратора всех элементов системы. С моей точки зрения, в интегративной методологии таковым элементом и является предмет психологии (точнее, понимание предмета, что для нас выступает в качестве предмета психологии)» (Залевский, 2019, с. 198).

М. Г. Ярошевский с юмором писал, цитируя автора статьи в Британской энциклопедии, о «бедной психологии», которая потеряла сначала душу, затем сознание, а теперь испытывает сомнения по поводу поведения. Нельзя не отметить, что такого рода упрощенные представления о последовательной смене трактовок предмета не только не описывают реально происходившие в психологической науке процессы, но и входят в значительное противоречие с методологическими исследованиями. К тому же обычно не принимается во внимание, что познание психического связано с довольно существенной спецификой. Отметим только, что историко-методологические исследования показали, что проблема предмета психологии реально выглядит значительно сложнее, чем это представлялось ранее. Во всяком случае не все авторские указания на то, что выступало в качестве предмета психологии в той или иной работе, стоит принимать безоговорочно.

Напомним, целесообразно различать декларированный, рационализированный и реальный предмет психологии (Мазилев, 1998; Mazilov, 1997). Суть состоит в том, что рассуждения о психике не столь похожи на обсуждение других предметов: в этом случае предполагается замена исходной абстракции в силу ее труднодостижимости и сложности для понимания. Иными словами, происходит замена непостижимого объекта другим, более доступным для понимания. Не стоит напоминать, что какое бы то ни было эмпирическое исследование такого рода абстракции невозможно. Заметим, что эмпирический базис предполагает почти любая научная теория, это стало едва ли не атрибутом научности. Поэтому, когда мы говорим о психике, в действительности рано или поздно в нашем рассуждении появляются такие понятия, как «отражение», «деятельность», «поведение», «адаптация», «личность», «ориентировка» и пр. Таким образом, понятно, что предмет психологии имеет достаточно сложную структуру, включающую различные компоненты. Можно говорить о *деклари-*

руемом предмете. В настоящее время под декларируемым предметом обычно имеется в виду «психика», поскольку именно она заявляется в качестве предмета психологической науки. О сложностях исследования психики как таковой уже упоминалось. Поэтому используется «заместитель» декларируемого предмета – «отражение», «деятельность», «поведение» и т. п., который уместно именовать *рационализированным* предметом. И наконец, тот конструкт, который порождается при непременном участии моделирующих представлений, вполне заслуживает наименования *реального* предмета. Это необходимо для того, чтобы не запутаться, что имеется в виду в том или ином случае (Мазиллов, 2017).

Констатируем, что многие авторы и исследователи ограничиваются декларативным определением предмета. Действительно в настоящее время в психологии широко распространена точка зрения, согласно которой предметом психологии считается «психика». Поскольку это трудноопределимое понятие, в основном «про предмет» ритуально «приговаривают». В первой главе условного учебника приводятся фразы о психике, в дальнейших разделах книги речь идет о том, что с предметом науки, заявленным в первой главе, реально не соотносится. Это представляется нам существенной ошибкой.

Например, те, кто пишут, что предметом психологии является сознание, характеризуют его по результатам эмпирических исследований, однако на самом деле изучали явно не сознание в целом. Сознание в целом, как и поведение в целом, не говоря уже о психике в целом, никто никогда не изучал. Всегда речь должна идти о чем-то куда более конкретном, включающем моделирующие представления и производные от них конкретные исследовательские процедуры. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что, исследуя реальные предметы, разные психологи получают различные результаты. Удивляться может лишь тот, кто полагает, что все исследуют декларативный предмет. Существенная проблема психологии в том, что, изучая реальный предмет, результаты привычно переносят на предмет декларативный.

И если подойти к истории психологии с учетом этих соображений, то вполне может оказаться, что представления о развитии психологической науки сильно изменятся. К тому же, если добавить, что в истории психологии пока почти не используется уровеньный подход (на его реализации в истории психологии настаивал М. С. Роговин, а сама история рассматривается как фактически линейный процесс, многое в ней остается непонятным (Роговин, 1977).

Обратим внимание, что историко-психологический анализ показывает: в психологии явно доминирует узкоаналитический подход в определении предмета. Само возникновение научной психологии и ее обоснование как самостоятельной науки предполагало конструирование *нового* предмета. Напомним, что в философской психологии предметом изучения была душа, которая понималась как единое целое, обеспечивающее важнейшие функции познания, чувства и воли. Вундт, выступивший инициатором признания психологии самостоятельной наукой, первым задал предмет физиологической психологии (которую он и полагал самостоятельной наукой) узкоаналитически, объявив, что предметом является непосредственный опыт. Фактически предметное поле физиологической психологии оказалось чрезвычайно суженным, охватывая лишь ощущения и восприятия. Таким образом, Вундт явился инициатором традиции *узкоаналитического задания предмета*. Противники Вундта, полемизировавшие с ним, возражали против конкретного понимания предмета психологии Вундтом, но, предлагая свои варианты трактовки предмета, сохранили традицию узкоаналитического способа определения предмета (см.: Мазилев, 2021). Констатируем, что научная психология, таким образом, становится множеством *новых альтернативных подходов*, фактически не соотнесенных между собой, но активно полемизирующих. Иными словами, множится число конкурирующих подходов, но не решается задача накопления психологического знания, поскольку авторы нового взгляда искренне убеждены в своей правоте и заблуждениях предшественников и оппонентов. Причина понятна — проводя исследования на узкопредметном материале, исследователи распространяют результаты на декларативный предмет. История научной психологии, таким образом, становится множеством новых подходов, фактически не соотнесенных между собой. Ради исторической справедливости отметим, что возможность трактовки предмета как совокупного рассматривалась Л. С. Выготским, такой подход был в значительной степени реализован Пьером Жане, но эта инициатива не получила сколько-нибудь существенного распространения.

В психологии сегодня необходим именно такой подход к способу задания предмета. Этот путь описан (Мазилев, 2017, 2020в; Шадриков, 2006; Шадриков, Мазилев, 2015). Суть состоит в том, что *предмет психологии понимается как целое, внутри которого по-новому осмысляются отношения между составляющими*. Иными словами, предмет должен рассматриваться как совокупный, как целостное образование. Раз мы не понимаем в точности природы сущности цело-

го, вряд ли мы сможем сконструировать единицы, отражающие эту не вполне понятную нам сегодня сущность. Пока нам не известна природа психики — подлинного предмета психологии, мы должны выбирать объекты нашего психологического исследования с большей осторожностью, не допуская подмены целого его частью.

Психика и внутренний мир человека

Поскольку в ряде работ в качестве возможного варианта трактовки предмета психологии был предложен «внутренний мир человека», целесообразно соотнести перспективы использования традиционного декларируемого предмета «психика» и конструкта «внутренний мир человека».

Обращаясь к вопросу о трактовке предмета психологии как «психики», отметим, что сама идея не нова. Психика в качестве предмета психологической науки начала утверждаться в 1920-е годы. Отметим, что это не было требованием идеологии. В начале XX столетия распространенными были трактовки предмета психологии как души или душевных явлений (см., например: Мазиллов, 2019а; Журавлев, Мазиллов, 2021; и др.). Причина замены понятия «душа» на понятие «психика» была достаточно очевидна: психологи того времени сочли, что душу *научно объяснить и изучить значительно труднее*, чем психику. К тому же термин «душа» традиционно использовался в философии и богословии, поэтому произошло своего рода размежевание: психика стала термином сугубо научным, душа осталась «за философами и богословами».

Однако все оказалось не так просто. Душа предполагала принципиальную целостность, несводимость к какой-либо другой сущности (см.: Мазиллов, 2019б). Иными словами, существовала своего рода надежная защита от редукции. Психика, которая тоже декларировалась как единое целое, такой защиты не имела, поэтому вряд ли стоит удивляться, что вариантов редукции возникло множество.

Психика как целое, конечно, не самый удобный предмет исследования. Поэтому стратегия, в соответствии с которой выделяются единицы, подлежащие изучению, была с удовлетворением принята сообществом: результат, полученный «на единице» планировалось перенести на не слишком понятное целое. В работе В. П. Зинченко приводится огромный список единиц, которые подвергались исследованию. Не будем здесь его воспроизводить (Зинченко, Смирнов, 1983). В другой статье В. П. Зинченко замечал: «Конечно, главным предметом, к которому даже не редуцировалась душа, а которым

она заменялась и заменяется, является психика. Подобные эрзацы язык не поворачивается назвать смыслообразом, и по отношению к такому «целому» синтетическая, интегративная работа не может быть продуктивной: хотя бы потому, что ее давным-давно уже проделали» (Зинченко, 2004, с. 101).

В. П. Зинченко предпринимает попытку «вернуть душу»: «Я попытаюсь показать, что психология может быть наукой о душе, а не только наукой об ее отсутствии, и что возможна не только декларация о целостности психологии, но и работа по достижению целостности, конечно, при том условии, что осмысленное целое будет присутствовать в сознании исследователя» (там же, с. 101–102). Вряд ли это возможно в полной мере.

Наша задача намного скромнее. Мы попытаемся в рамках научной психологии сконструировать такой предмет, который, с одной стороны, соответствовал бы смыслообразу «души», но, с другой, отвечал бы требованиям современной методологии психологии к конструкту предмета науки и имел бы соответствующие характеристики (Мазилев, 2020б, в). В качестве такого конструкта может быть использован «внутренний мир человека». Этот конструкт соответствует предъявляемым требованиям (см.: Мазилев, 2020а, б, в).

Не будем повторять аргументацию, почему понятие «сознание» даже при широкой его трактовке не может быть предметом психологии, поскольку этому вопросу была посвящена специальная работа (Мазилев, 2019б).

Обратимся непосредственно к сопоставлению понятия «психика» (почти общепризнанному ныне кандидату на роль предмета в отечественной психологии) и его альтернативе — «внутренний мир человека». Трактовка внутреннего мира человека как предмета психологии, напомним, предложена в работах В. Д. Шадрикова и его последователей (Шадриков, 2019а, б; Шадриков, Мазилев, 2015).

Внутренний мир человека един (единство), но в него входят составляющие, имеющие различную природу и происхождение. Этот тезис важен, так как в нем заключена дополнительная защита от искушения редуцировать психическое к чему-либо. Напомним, «единая психика» неизбежно сводится к отражению, регуляции, адаптации, ориентировке и т. п. мотивацией (Мазилев, 2018; Шадриков, Мазилев, 2015). Редуцировать внутренний мир просто невозможно (разве что к внешнему миру, да и то это скорее источник продуктивных аналогий в духе античных «макрокосма» и «микроскосма» — не более того), в связи с чем эта трактовка выгодно отличается от узкоаналитических попыток определения предмета, когда редукция не-

избежна в соответствии с природой психологического познания (Мазиллов, 2021).

Поскольку развернутые характеристики внутреннего мира человека предпринимались уже неоднократно (см., например: Шадриков, Мазиллов, 2015), ограничимся формулировкой нескольких наиболее важных в данном контексте положений.

1. Для внутреннего мира возможно построение архитектоники. Обратим внимание, что речь именно об архитектонике, а не об архитектуре (помня, аристотелевское различие). Внутренний мир охватывает все пространство психической жизни человека, поэтому представляет собой совокупный предмет общей психологии человека. Архитектоника представлена в ряде работ (Шадриков, 2006; Шадриков, Мазиллов, 2015, 2020в).
2. Построение архитектоники опирается на многовековой опыт осмысления номенклатуры психологических понятий, начатый в Новое время Х. Вольфом, который опирался в решении этого вопроса на представленность способностей в языке. Важно отметить, что современная номенклатура психологических понятий рассматривается не как нечто неизменное (хотя и исторически сложившееся), но допускает *оптимизацию*. В.Д. Шадриков провел переосмысление основных понятий, в первую очередь, понятия *способности*, занявшего ключевое место среди психологических понятий. Важность этого решения очевидна, поскольку оно позволило переосмыслить психические процессы и рассмотреть их как способности. В результате были ликвидированы существовавшие разрывы между процессами и психическими качествами человека, мотивацией (Шадриков, 2006, 2019а; Шадриков, Мазиллов, 2015).
3. Широкое использование понятия «мысль» В.Д. Шадриковым (до этого оно, конечно, существовало в мышлении, но явно было на «вторых» ролях) позволило понять механизм функционирования внутреннего мира, взаимодействие входящих в него компонентов (см.: Шадриков, 2019а, б).
4. Внутренний мир имеет уровневое строение. Согласно В.Д. Шадрикову, функционирование его обеспечивается индивидуальными, субъектными и личностными уровнями, каждый уровень предполагает совместную работу различных подструктур, входящих в общую структуру внутреннего мира (см.: Шадриков, 2019а, б).
5. Такой подход позволяет полностью использовать психологический потенциал таких понятий, как «личность», «субъект», «инди-

- вид». Методологическое исследование показывает, что, признавая в качестве предмета психологии понятие «психика» главной трудностью является включение в единое пространство анализа категорий деятельности, сознания, личности, субъекта, что заставляет авторов предполагать наличие в единой психологии соответствующих «субдисциплин», что явно «торпедует» саму идею единой психологической науки. Эти понятия не входят полностью в состав предмета психологии (это не полностью психологические, а общенаучные, т. е. *междисциплинарные* понятия), но их роль в предмете определяется тем психологическим содержанием этих понятий, которое необходимо для организации и функционирования внутреннего мира человека. Аналогичным образом обстоит дело с понятиями «деятельность» и «поведение», которые тоже не входят целиком в предмет психологии.
6. Наконец отметим, что использование представлений о внутреннем мире человека и его архитектонике позволяет реально перейти к аккумулярованию и интеграции психологического знания, используя аппарат коммуникативной методологии (Мазилев, 2020в).

Идея типологии

Те, кто полагают предметом психологии психику, считают, что ее архитектура универсальна, существуют лишь количественные отличия между людьми по составляющим. В соответствии с представлением об архитектонике внутреннего мира, напротив, утверждается, что существуют *типологии внутренних миров* человека. Любому непредубежденному читателю понятно, что внутренний мир психотика или невротика имеет весьма существенные качественные отличия от внутреннего мира здорового человека. В психологии много важных типологий, для примера достаточно вспомнить знаменитую юнговскую. Ясно же, что внутренний мир интроверта имеет значимые отличия от внутреннего мира экстраверта. Для процветающей практики корреляционных исследований, конечно, не очень приятно узнать, что роль, скажем, мышления для того испытуемого, у которого это ведущая функция, в экспериментальной ситуации будет существенно отличаться от роли у другого, для которого эта функция слабая. Важных *типологий много*. Вернемся к началу статьи. Неужели мы серьезно надеемся, что, уравнив группы по возрасту и образованию, решили проблему? Конечно, кризис репликации будет продолжаться, поскольку мы не учитываем значимые момен-

ты. И я хотел бы подчеркнуть, что перечень значимых типологий далеко не исчерпывается популярными, известными по мейнстриму психологии. В качестве примеров таких значимых типологий, мало известных широкому кругу психологов, я уже называл работы В. Г. Морогина, основанные на палеопсихологии, и Г. В. Парамонова, базирующиеся на лингвистических исследованиях (см.: Мазилев, 2020е, ж). Увы, почему-то многие психологи полагают, что про это лучше не думать, а важнее использовать методологические новации, благо их очень много, и, опробовав одну, можно смело переходить к другой... Тем не менее, трудно себе представить, как можно подойти к проблеме, к примеру, кризиса репликации с позиций сетевого подхода. Кажется, проще не обращать на нее внимания.

Великие психологические проблемы

Говоря о великих психологических проблемах, мы имеем в виду те, которые оформились как проблемы психологии в процессе ее становления и имеют важнейшее значение для ее существования как фундаментальной научной дисциплины. Перечень их хорошо известен: психофизическая, биосоциальная и др. Оговоримся, что анализ каждой из них представляет собой отдельную задачу, требующую специальной подробной аргументации. Важно, подчеркнуть, что их анализ и решение связаны со значительными трудностями, но без продвижения в этом направлении надеяться на подтверждение статуса фундаментальной науки не приходится. Напомним, что трактовка предмета психологии как внутреннего мира основана на утверждении его онтологического статуса: внутренний мир существует не как отражение, а как онтологическая система психической реальности.

В качестве примера обратимся к психофизической проблеме. Рассматривая, к примеру, психофизическую проблему, В. Д. Шадриков и В. А. Мазилев приходят к следующим выводам: «Проведенное исследование показало, что, вслед за С. Л. Рубинштейном, целесообразно выделение процессуального аспекта и результата. Наше представление можно выразить так: *процесс* — описывается как функционирование физиологических функциональных систем, реализующих психические функции, во взаимодействии с предметами объективного мира в процессе деятельности и поведения человека, направленных на достижение определённых целей. Результатом будет формирующийся и развивающийся субъективный образ внешнего мира и способы взаимодействия с ним (функциональные семантические модели, планы и структура поведения). Результат, как субстанция

(по Рубинштейну), как сущность внутреннего мира, будет обладать относительной независимостью от внешнего мира, способностью сама себя рефлексировать, в каждый момент времени проживать всю жизнь или отдельные события.

Психика, как *продукт*, функционально отделена от субстрата, ее породившего, но едина с субъектом. Физиологический субстрат памяти является только носителем психики, позволяющим ее использование субъектом. Психика как продукт выступает в единстве с субъектом, с его потребностями и переживаниями, она представляет собой субъективное восприятие мира, выраженное в мыслях, поэтому *принцип единства* следует дополнить *принципом функциональной независимости психики*. Психика едина с субстратом и независима от него, так как является частью более крупного целого — субъекта жизнедеятельности. Этим мы доказываем онтологический статус психического» (Шадриков, Мазилев, 2022, с. 22).

Авторы заключают: «Можно констатировать, что для психологов в первую очередь важен результат — содержание психики и закономерности ее функционирования. Именно этот функционально независимый результат должен стать предметом изучения психологии. Отдельный аспект представляет раскрытие взаимосвязи нейропсихологического субстрата и идеального содержания психики. Сам принцип психофизического единства заключается в единстве материального субстрата и идеальной психики, именно это открывает дорогу для новой трактовки предмета психологии человека как внутреннего мира человека, имеющего уровневое строение и архитектонику и включающего в себя всю психическую реальность» (там же, с. 22).

Обращаясь к биосоциальной проблеме в психологии, заметим, что ее возможное решение, как и психофизической, предполагает онтологическое существование психического. Заметим, что в рамках традиционных подходов к решению этой проблемы рассматриваются социальное и биологическое как внешние факторы, оказывающие воздействие на психику (см.: Мазилев, 2020а). В 1950-е годы С. Л. Рубинштейн, углубляя свое понимание принципа детерминизма, сформулировал широко известное положение, согласно которому внешние причины действуют через внутренние условия, которые сами формируются в результате внешних воздействий. Эта замечательная формула до сих пор не очень эффективно работает, поскольку внутренние условия трактуются не вполне однозначно: то ли это вся психика, то ли какие-то отдельные подструктуры. Как нам представляется, внутренний мир человека — напомним утверждение,

приведенное выше, — *един*, но в него входят составляющие, имеющие различную природу и происхождение. Действительно, трудно не признать, что *психологические подструктуры* внутреннего мира, относящиеся к индивидуному уровню, отличаются от подструктур субъектного уровня. Например, скорость протекания психических процессов (психофизиология мышления, зависящая в основном от темперамента, — индивидуальный уровень), операциональные механизмы (определяемые обучением и опытом в основном социально — субъектный уровень) и духовные состояния, к примеру вдохновение (как проявление личностного-духовного уровня), органически входят в мышление человека, хотя происхождение и природа их составляющих существенно различны.

Таким образом, решение фундаментальных психологических проблем представляет нам принципиально разрешимым в пространстве внутреннего мира человека. Аналогичным образом дело обстоит и с другими вечными проблемами психологии.

Объяснение

Предельно кратко обозначим третье следствие. Дело в том, что проблема объяснения, увы, далека от решения; сколько-нибудь принятой теории объяснения в психологии не существует (Мазиллов, 2018, 2020г, д). Не секрет, что многие авторы избегают объяснения, предпочитая вместо объяснения использовать процедуры интерпретации. Трудно не согласиться с Н. Е. Харламенковой в том, что остается актуальной проблема соотношения объяснения и интерпретации: «Избегая иллюзий относительно продвижения идеи объяснения в психологической науке, скажем, что реальной проблемой, которая требует своего решения, является вопрос о специфике интерпретации и ее связи с объяснением данных психологического исследования, а также о функциональной роли каждой из научных процедур в развитии научного знания» (Харламенкова, 2021, с. 87).

Нуждается в комментарии тезис об избегании объяснения в психологическом исследовании. Как представляется, дело в том, что без учета архитектоники внутреннего мира проблема объяснения превращается в довольно рискованное предприятие. Традиционно наиболее сильным вариантом объяснения представляется причинно-следственное. Опять же традиционное представление о биосоциальной проблеме в психологии состоит в том, что психика детерминирована *взаимодействием биологического и социального*. Собственно биосоциальная проблема при таком понимании трансформируется во *взаимо-*

действие двух факторов. Речь может идти только о *взаимодействии биологического и социального*, результатом чего и должно выступать само *психическое* (см.: Мазилев, 2020а). Подчеркнем, что в этом случае речь может идти *только* о взаимодействии биологического и социального, что, как хорошо известно из истории психологии, заводит решение проблемы в тупик. В случае конкретного исследования автору остается сделать вывод о редукции психического явления к биологическому или социальному или принять «диалектическое» решение о «совместной» обусловленности.

Обратим внимание на то, что требуется *перенос объяснения внутрь предмета психологии* (Мазилев, 2018). Подчеркнем, что тезис представляется важным не в плане отказа от внешних объяснений, выходящих за рамки предмета, но как иллюстрация того положения, что внешние причины действуют через внутренние условия (С.Л. Рубинштейн), ибо использование внешнего объяснения в причинно-следственном варианте ведет к редукции, что, на наш взгляд, лишает психическое его несомненной специфики.

Поясним это. Как хорошо понятно, указание на внешние причины при использовании причинно-следственного объяснения (в варианте традиционной трактовки предмета психологии) дает весьма предсказуемый результат.

Возьмем для примера интеллект. Варианты всем хорошо известны: он оказывается либо обусловлен биологически, либо социально, либо взаимодействием биологического и социального. Напомню, что основанием традиционного понимания психики является непризнание ее онтологического статуса и постулирование существования как процесса, инициируемого взаимодействием материальных систем. Поэтому разговоры о взаимодействии биологического и социального в психическом представляют собой не более чем диалектическую риторику.

С другой стороны, внутренний мир, трактуемый как предмет психологии, как уже упоминалось, многоуровневый. Когда утверждается необходимость переноса объяснения внутрь предмета, речь идет лишь о том, что *в первую очередь* целесообразно рассматривать связи между уровнями и составляющими внутреннего психического мира (к примеру, темперамента как структуры индивидуального уровня, определяющего скорость протекания мыслительных процессов, и субъектного, и личностного, в которых представлены интеллектуальные операции и стратегии, формирующиеся в значительной степени при обучении, творческие духовные состояния). Такая стратегия представляется более правильной.

Теперь обратимся к другому аспекту этого же утверждения. Напомним, речь идет о переносе объяснения «внутри предмета психологии». Соглашусь с тем, что оппонентам такая позиция может показаться очевидной несуразностью, кто-то возможно скажет: «Как быть с *внешними* воздействиями? Как можно их отрицать?»

Никто не собирается сомневаться в очевидном. Конечно же, эти воздействия есть. Вопрос, однако, заключается в том, как и на что действуют эти внешние факторы?

Традиционная психология знает два ответа: глобальный (действует на всю психику) и локальный (на конкретное то или иное явление).

Как нам представляется, может быть дан и другой ответ. Он сформулирован в известной формуле, которая была приведена выше: «внешние причины действуют через внутренние условия». В контексте наших рассуждений внутренние условия представляются не неким мистическим амортизатором, преломляющим внешние воздействия, в качестве внутренних условий выступают вполне определенные компоненты и уровни архитектоники внутреннего мира, имеющего уровневый характер. Внешние воздействия *будут понятны* после того, как мы выявим и исследуем детально систему *внутренних* связей, т. е. связей *в пределах самого внутреннего мира*. Очевидна первоочередность решения именно этих задач. Как ясно из вышеизложенного, внутри предмета – внутреннего мира – возможно использование причинно-следственного объяснения, которое в этом случае имеет абсолютно нередуктивный характер. Именно оно способно дать точные и определенные ответы.

Приведем фрагмент работы Е. П. Никитина, который характеризует специфику причинного объяснения так: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто „пассивное“, „страдательное“, произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а „со стороны“, посредством указания другого, внешнего объекта. Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта „извне“, через его внешние соотношения с другими объектами, как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обуславливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения...» (Никитин, 1970, с. 88–89).

Таким образом, на первый план выходит *стратегия объяснения*. При акценте на *внешнее* «активное функционирование объекта» в принципе не может быть раскрыто; не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» (что, кстати, является важнейшей задачей психологии). Отсюда становится понятным, что источник активности психики при таком подходе «обнаруживается» в физиологии, социологии, логике и пр. в зависимости от склонности использовать тот или иной тип редукции. По нашему мнению, продуктивен тот подход, который определяет источник активности психики в ней самой.

Иными словами, первоочередной задачей является «имманентное познание внутренних связей и структуры». Повторим, от рассмотрения внешних связей никто не отказывается, лишь акцентируется, что стратегически это задача второго порядка.

Важно подчеркнуть, что при таком подходе сохраняется ведущая роль причинно-следственного объяснения, которое остается главным и наиболее надежным видом объяснения.

Заключение

Психология как научная дисциплина не утратила возможности сохранить свой статус фундаментальной научной дисциплины. Сохраняется возможность деятельности по предметному принципу науки о психическом. В статье было показано, что это возможно на основе трактовки предмета психологии как *внутреннего мира человека*, были прослежены некоторые перспективы такого подхода. Хочется надеяться, что проект Аристотеля не завершится спустя два с половиной тысячелетия. У психологии как науки, несомненно, впереди великое будущее.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Методологический аспект проблемы субъективного // *Методологические и теоретические проблемы психологии*. М.: Наука, 1969. С. 317–347.
- Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Виленская Г. А., Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е., Сергиенко Е. А.* Системно-сетевая организация понятий современной психологии

- (вместо предисловия) // Разработка понятий современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологи РАН», 2021. С. 50–55.
- Ждан А. Н.* История психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Ждан А. Н.* История психологии как становление ее предмета: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1994.
- Журавлев А. Л., Мазиллов В. А.* Предисловие. Душа человека: Возвращение из изгнания // В. Д. Шадриков. Возвращение души: Теоретические основания и методология психологической науки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 9–18.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Современные понятия в психологической науке: попытка анализа // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 5–60.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е., Виленская Г. А.* Понятия современной психологии: содержание, взаимосвязи, место в системе (вместо предисловия) // Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 7–59
- Залевский Г. В.* Рецензия на монографию В. А. Мазиллова «Методология психологической науки. История и современность» // Сибирский психологический журнал. 2019. № 71. С. 197–200.
- Зинченко В. П.* Духовный организм и его функциональные органы (опыт интегративной работы в психологии) // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии / Под ред. В. В. Новикова, И. Н. Карицкого, В. В. Козлова, В. А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2004. С. 101–120.
- Зинченко В. П.* Сознание как предмет и дело психологии // Общая психология: Хрестоматия. В 5 т. Т. 1 / Сост. В. А. Мазиллов, В. Д. Шадриков при участии А. А. Костригина. М.: РИД РосНОУ, 2019. С. 848–874.
- Зинченко В. П., Смирнов С. Д.* Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Мазиллов В. А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
- Мазиллов В. А.* Научная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара. Ярославль, 2005. С. 248–279.
- Мазиллов В. А.* Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017.
- Мазиллов В. А.* Разработка концепции объяснения в психологии // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 188–197.

- Мазилев В. А.* De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019а. № 6. С. 60–70.
- Мазилев В. А.* Сознание и предмет психологии // Методология современной психологии. 2019б. Вып. 10. С. 106–128.
- Мазилев В. А.* Биосоциальная проблема в контексте методологии психологической науки // Психологический журнал. 2020а. Т. 41. № 3. С. 122–130.
- Мазилев В. А.* О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии. 2020б. № 1. С. 71–83.
- Мазилев В. А.* Предмет психологии. Монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020в.
- Мазилев В. А.* Предмет психологии: целостность и анализ «по единицам» // Высшее образование сегодня. 2020г. № 2. С. 48–56.
- Мазилев В. А.* Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья первая. Трудности объяснения // Высшее образование сегодня. 2020д. № 6. С. 69–76.
- Мазилев В. А.* Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья вторая. На пути к разработке новой концепции объяснения // Высшее образование сегодня. 2020е. № 7. С. 59–65.
- Мазилев В. А.* Российская историческая психология: новые горизонты // Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020ж. С. 86–105.
- Мазилев В. А.* Природа психологического знания и возможные пути его интеграции // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 221–255.
- Мазилев В. А.* Научная психология в поисках своего предмета // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3. С. 89–104.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Никитин Е. П.* Объяснение – функция науки. М.: Наука, 1970.
- Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. В. Корниловой, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Предмет психологии, психологическое знание и объяснение

- Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое знание: Виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Роговин М. С.* Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977.
- Спиркин А. Г., Юдин Э. Г., Ярошевский М. Г.* Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 359–360.
- Фёдоров А. А.* Проблема научного знания в психологии // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 11–27.
- Харламенкова Н. Е.* Объяснение и психологическое знание // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 69–91.
- Шадриков В. Д.* Внутренний мир человека. М.: Логос, 2006.
- Шадриков В. Д.* Мысль и понимание. Понимание мысли. М.: ИД «Университетская книга», 2019а.
- Шадриков В. Д.* Способности и одаренность человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019б.
- Шадриков В. Д., Мазиллов В. А.* Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
- Шадриков В. Д., Мазиллов В. А.* О психофизическом принципе (предмет психологии) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 15–24.
- Jung K. G.* Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung für die Psychologie // K. G. Jung. Ges. Werke. Bd. 8. 1967. S. 418–423.
- Koch S.* “Psychology” or “the psychological studies”? // American Psychologist. 1993. V. 48. № 8. P. 902–904.
- Mazilov V. A.* About methodology of Russian psychology of today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow–Jaroslavl: International Acad. of Psychology, 1997. P. 126–134.
- Schmidt F. L., Oh I.-S.* The Crisis of confidence in research findings in psychology: Is lack of replication the real problem? Or is it something else? // Archives of Scientific Psychology. 2016. V. 4. P. 32–37.

К вопросу об антропологических основаниях психологических исследований

Т. П. Войтенко

doi: 10.38098/

Антропологическая неопределенность психологических исследований как ключевая причина кризиса психологической науки

О необходимости методологической рефлексии антропологического контекста психологических исследований говорят многие современные ученые: В. А. Барабанщиков, А. Л. Журавлев, И. А. Мироненко, В. И. Слободчиков, В. Ф. Петренко, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич и др. Так, В. А. Барабанщиков утверждает: «Очевидно, что в психологии то или иное понимание человека — „альфа“ и „омега“ любых конкретных исследований» (Барабанщиков, 2000 с. 44). Развивая эту идею, В. И. Слободчиков отмечает необходимость введения антропологического принципа в психологическую науку; он пишет: «Как будет задано представление о специфике бытия человека... такую интерпретацию частных понятий о его конкретном бытии мы обретем» (Слободчиков, 2005, с. 81). По мысли И. А. Мироненко, вопрос «Что есть человек?» является «основным» для современной психологии: «...сейчас этот вопрос имеет уже не отвлеченно философское значение, но жизненно важен...» (Мироненко, 2018, с. 415).

Высокую актуальность антропологический вопрос имеет в силу своей связанности с проблемой множественных разрывов психологического знания. Эта связь была отмечена еще Л. С. Выготским в первой четверти XX в., когда впервые был признан и зафиксирован кризис в психологической науке. Первоначальный выбор ориентации на естественные науки вроде бы не требовал от психологии никакой антропологической определенности. Однако идея построить психологию как естественно-научную дисциплину уже в начале XX в. показала свою несостоятельность. Анализируя сложившуюся ситуацию и характеризуя ее как «состояние хаоса», Л. С. Выготский в своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» пи-

сал: «В психологии происходит не борьба воззрений, которые можно привести к соглашению; даже не борьба течений или направлений внутри одной науки, а *борьба разных наук*» (Выготский, 1982, с. 374). Причиной такой ситуации автор считал идею построения психологии как *чисто эмпирической науки* – свободной «от какой бы то ни было философии» (там же, с. 377–379) – и указывал на ее полную несостоятельность: «На деле *нет ни одной* эмпирической системы психологии, все переходят за грань эмпиризма... Всякая психология имела свою метапсихологию. Она могла не осознавать этого, но от этого дело не менялось» (там же, с. 379). Раскрывая установку на эмпиризм как причину «неразрешимого методологического противоречия», Л. С. Выготский подчеркивал необходимость для психологии «выяснить свои конечные посылки» (там же, с. 377–379).

«Конечные посылки» для психологической науки – это решение антропологического вопроса, обозначение исходных установок к пониманию феномена человека. В работе Л. С. Выготского этот вопрос был только намечен; спустя десятилетие он был уже четко поставлен. С. Л. Рубинштейн в заключении своего фундаментального труда «Основы общей психологии» написал: «За каждой теорией всегда в конечном счете стоит какая-то идеология; за каждой психологической теорией – какая-то общая концепция человека, которая получает в ней более или менее специализированное преломление» (Рубинштейн, 2000, с. 643).

Важность антропологического вопроса осознавалась и зарубежными учеными. В начале 1960-х годов в американской психологической науке оформилась гуманистическая психология (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, Ш. Бюлер, Р. Мей, Дж. Бугенталь и др.), выделившая в качестве своей основы систему представлений о человеке (Bugental, 1964). Несколько позднее, обозначив свою антропологическую специфику, из нее выделилась экзистенциальная психология, получившая большое распространение в Европе. Несмотря на некоторые различия в системе антропологических представлений данных направлений, их объединяет взгляд на человека как духовное существо, способное быть выше своей биологической обусловленности и влияний социума.

В эти же годы в нашей стране Б. Г. Ананьев попытался построить антропологическую психологию на материалистических основаниях – новое направление он предложил назвать «синтетическим человекознанием» (Ананьев, 1969). Идеи Б. Г. Ананьева поддерживались многими учеными, и в течение последующих десятилетий в психологии предпринимались попытки интеграции знаний о человеке

из разных наук. К сожалению, эти попытки не привели к формированию целостной антропологической концепции; напротив, способствуя возникновению и развитию прикладных отраслей психологического знания (клинической психологии, психогенетики, психофизиологии, эргономики, экономической психологии и т. д.), они привели к углублению его разрывов. К концу XX в. противоречия обострились не только внутри академической психологии, но и между различными областями прикладной и практической психологии. Психологический кризис обернулся «психологическим схизисом» (Василюк, 1996). Дезинтеграция психологического знания зашла столь глубоко, что, как справедливо заметил А. В. Юревич, методологические проблемы отходят на задний план, на первый выходят проблемы коммуникационные: ученые, работающие в разных подходах, перестают понимать друг друга, психологические теории оказываются несоизмеримыми (Юревич, 1999).

В современной психологической науке надежды на преодоление дезинтеграции психологического знания связываются с нормами постнеклассической рациональности, имеющими выраженную интегративную направленность. Согласно ведущей методологической установке постнеклассической науки – принципу контриндукции (Фейерабенд, 1986), сосуществование конкурирующих подходов и теорий рассматривается как нормальное явление, однако при этом от научного знания требуется «наведение мостов»: оно должно объяснять не только те факты, которые получены в собственном исследовательском русле, но и соотноситься с теми, которые были получены в альтернативных программах. Заметную интегративную направленность имеет и идея П. Фейерабенда использовать для научных построений такие средства, которые традиционно считались «вненаучными»: религиозные, мифологические и даже житейские представления.

Разделяя представление о возможности преодоления дезинтеграции психологического знания с помощью норм постнеклассической рациональности, мы считаем важным, прежде всего, обратить внимание на такую установку новой методологии, как *контроль аксиологического угла научных исследований*. О важности разработки аксиологического аспекта современного наукознания свидетельствуют работы многих отечественных и зарубежных авторов (Р. Мертона, Х. Лейси, Э. Агацци, Х. Дугласа, В. С. Степина, В. Н. Поруса, Л. П. Кищенко, Л. А. Микешиной, В. В. Котляровой и др.). Так, Х. Дуглас выделяет четыре класса ценностей, влияющих на процесс научного познания (Douglas, 2000). В работе У. Паркера и Э. Винсберг раскры-

вается роль ценностного аспекта в использовании исследователем доказательных процедур (Parker, Winsberg, 2018). Обобщая результаты работ современных авторов, В. С. Степин считает, что необходимость контроля (учета) ценностного угла исследования является определяющим отличием постнеклассического типа рациональности (Степин, 2008, с. 23).

Нам видится, что идея контроля (учета) ценностного угла исследования напрямую связана с вопросом о необходимости антропологической рефлексии в психологических работах. Именно в системе имплицитных представлений о человеке скрывается ценностный угол психологических исследований. Импликация антропологического контура оборачивается методологическим произволом. И. А. Мироненко замечает: «Модели человека, имплицитно заложенные в теориях различных школ, существенно различаются. Это заставляет задаться вопросом: как соотносятся данные теоретические модели? Дополняют ли они друг друга или, может быть, взаимно исключают? Без обращения к этому вопросу невозможен диалог теорий в сети глобальной науки» (Мироненко, 2018, с. 415–416). На наш взгляд, не всякий антропологический контур психологического исследования может быть продуктивным с точки зрения интеграции полученных результатов в систему психологического знания. Наибольшим интегративным ресурсом, по нашему мнению, обладают православно-христианские представления о человеке.

Цель настоящей работы раскрывается в двух аспектах:

- рассмотреть перспективы решения антропологического вопроса в формате постнеклассической науки;
- проанализировать возможности православно-христианских представлений о человеке в качестве антропологической основы психологических исследований.

Перейдем к их обсуждению.

Идеалы постнеклассической науки как ресурс обеспечения антропологической определенности психологических исследований и преодоления кризисного состояния психологической науки

Сравнительно небольшая история психологической науки может быть представлена как путь бесконечных попыток преодоления кризиса. На протяжении XX в. эти попытки представляли собой поиск и разработку новых методологических платформ, способных выступить

в качестве интегрирующего основания имеющихся психологических течений. Построение методологических платформ было «опробовано» в разных конфигурациях: в одних случаях в качестве базового элемента выступал *предмет* (например, в бихевиоризме), в других — *метод* (например, в психоанализе), в третьих — *объяснительный принцип* (например, в гештальтпсихологии). Однако ни одно из психологических течений не смогло выполнить роль интегратора.

В начале XXI в. преодоление методологического кризиса, как уже отмечалось, стало обретать новые черты, связываться с попыткой выстроить психологическую науку в соответствии с современным — постнеклассическим — идеалом научного знания. Осмыслению психологии в формате постнеклассической рациональности посвящены работы многих ведущих отечественных исследователей: А. Л. Журавлева, М. С. Гусельцевой, А. В. Юревича, А. Д. Леонтьева, В. Ф. Петренко, Т. В. Корниловой, С. Д. Смирнова, В. В. Знакова, В. В. Карпова, А. В. Барабанщикова, А. В. Шувалова, В. А. Мазилова и др.

Ориентация психологической науки на постнеклассические нормы рациональности сместила фокус поисков путей преодоления дезинтеграции психологического знания: от разработки новых методологических платформ к осмыслению интегрирующих ресурсов отдельных методологических конструктов. В последние десятилетия методологической рефлексии стали подвергаться все ключевые составляющие методологической платформы психологической науки: и предмет, и методы, и конкретно-научные принципы.

Вопрос о необходимости *нового понимания предмета психологической науки* поднимается в работах В. А. Мазилова, В. И. Слободчикова, С. Д. Смирнова, А. Н. Ждан, В. В. Козлова, И. А. Мироненко и др. Ученые отмечают много разных недостатков сложившегося понимания предмета психологии, один из самых серьезных — «невозможность осуществления интеграции». Обобщая представления современных ученых о необходимости нового определения предмета психологической науки, В. А. Мазилов выделяет следующие его черты. Во-первых, такое определение должно выполнять роль «операционального стола», который бы позволял реально соотносить результаты исследований, проводимых в рамках разных подходов и научных школ. Во-вторых, оно не должно быть «искусственно» сконструированным, а указывать реальный предмет науки в подлинном смысле слова. В-третьих, ему следует быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития психического. В-четвертых, понимание предмета должно позволять разрабатывать науку

по собственной логике, не сводя развертывание психологических исследований к чуждой для них логике естественно-научного или гуманитарного знания (Мазиллов, 2006, с. 27).

Тенденции к интегративности проявляются и в обсуждении *методического инструментария психологической науки* (В. А. Барабанщиков, А. В. Юревич, В. В. Козлов, В. А. Янчук, В. В. Знаков, В. А. Мазиллов и др.). Так, В. А. Барабанщиков говорит о необходимости разработки системного метода познания психических явлений (Барабанщиков, 2005а). В. А. Мазиллов, утверждая, что психологический метод необходимо рассматривать как уровневое образование, выделяет в нем три уровня: идеологический, предметный, процедурный (Мазиллов, 2005). В. А. Янчук, рассматривая эволюцию метода психологического исследования, показывает взаимодополняющий характер интраспективной, экстраспективной и диалогической методологии; на этом основании автор обсуждает возможность объединения их ресурсов в виде методологической триангуляции (Янчук, 2005). Созвучную позицию занимает и В. В. Знаков; ученый отмечает, что постнеклассический идеал научности позволяет снять существующее в психологической науке противопоставление естественно-научных и гуманитарных методов и дает возможность реализовать их в психологическом исследовании в тесном единстве (Знаков, 2007). Эта идея иллюстрируется В. В. Знаковым на примере конкретного исследования – Ю. А. Александрова и Н. Л. Александровой, выполненного в области системной психофизиологии. Авторы показали, что процесс специализации нейронов мозга определяется спецификой культуры, в которой индивид формирует свой опыт; для демонстрации данного положения потребовалось привлечение не только естественно-научных, но и гуманитарных методов.

В качестве важнейшего ресурса интеграции психологического знания выступает разработка соответствующих *методологических принципов психологической науки*. В работах современных ученых ведущая роль отводится *принципу системного подхода*.

Этот принцип не является «новым» для психологической науки. Представления о системной природе психического и о необходимости соответствующих методологических установок к ее исследованию складывались на протяжении всего XX в. Большой вклад в развитие данных представлений внесли: Б. Г. Ананьев, П. К. Анохин, В. А. Барабанщиков, Н. А. Бернштейн, В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, А. Л. Журавлев, А. В. Карпов, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, А. Р. Лурия, В. А. Мазиллов, В. С. Мерлин, В. Н. Носуленко, В. Ф. Петренко, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, А. А. Ухтомский, А. В. Юре-

вич и др. Однако, несмотря на значительные разработки принципа системного подхода, в настоящее время, он не рассматривается как сложившийся. «Системный подход – в его современном виде – не есть нечто «полностью сформировавшееся» и «окончательно развившееся»; напротив, значительно более конструктивным является его трактовка как *развивающегося* принципа», – пишет А. В. Карпов (Карпов, 2007, с. 314). Развитие принципа системности видится в контексте *серьезного переосмысления* его фундаментальных оснований. Так, В. А. Барабанщиков указывает на необходимость комплексного методологического развития *базовых* положений системного подхода (Барабанщиков, 2005б). А. В. Карпов также говорит о том, что «дальнейшее совершенствование системного подхода «будет носить отнюдь не „косметический“ характер, а потребует достаточно существенной его трансформации» (Карпов, 2007, с. 315). Интегративная направленность принципа системного подхода вытекает уже из самого его названия. Развитие этого принципа в настоящее время еще более усиливает эту черту, связывается с понятиями «межсистемности» (Ю. Я. Голиков и А. Н. Костин), «полисистемности» (Д. Н. Завалишина), «*метасистемности*» (В. А. Карпов).

Большие ожидания в плане интеграции психологического знания связывались также с *принципом субъектного подхода*, введенным в психологическую науку С. Л. Рубинштейном. Разработке этого принципа были посвящены труды многих отечественных ученых (К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, Д. Б. Боговленской, Е. Д. Божович, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. В. Давыдова, С. Д. Дерябо, А. Л. Журавлева, А. К. Осницкого, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчикова, В. А. Татенко, Г. А. Цукерман, В. Э. Чудновского, Д. Б. Эльконина, И. С. Якиманской и мн. др.). Особый вклад в разработку субъектного подхода внесли ученики С. Л. Рубинштейна – К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский; их усилиями проблема субъекта была выведена на передний план психологических исследований. В 1990-е годы субъектная проблематика стала «основным научным направлением исследовательской работы Института психологии РАН». По замыслу А. В. Брушлинского, категория «субъект» должна была выступить основой интеграции психологической науки (Психологическая наука..., 1997, с. 346). Однако сложилась парадоксальная ситуация: интенсивные разработки в области субъектной проблематики не только не привели к интеграции психологического знания, но и увеличили его разрывы. Противоречивость этой исследовательской области оказалась даже выше, чем всех других. Разрывы отмечаются уже на уровне исход-

ных определений: различия представлений о субъекте, субъектности и субъективности, соотношения понятий «субъект» и «личность»; дискуссионность прослеживается по всем характеристикам субъекта и по всем направлениям исследований в данной области.

На наш взгляд, усиление разрывов теоретико-методологических схем при разработке субъектной проблематики является неслучайным. С. Л. Рубинштейн в своих фундаментальных философских трудах «Бытие и сознание» (1957), «Человек и мир» (1973) дал определение субъекта как *способ реализации человеком своей человеческой сущности в мире*; вводимый им принцип субъектного подхода он рассматривал как *объяснительный принцип психической жизни человека*. Другими словами, разработки в области субъектной проблематики настоятельно требуют *четкой определенности в антропологическом вопросе*. Именно недостаточное внимание к антропологическому контексту принципа субъектного подхода явилось причиной высокой противоречивости данной исследовательской области и препятствием к реализации замысла А. В. Брушлинского — интеграции психологического знания на основе категории «субъект».

Нисколько не умаляя значимости работы по осмыслению интегрирующих ресурсов ключевых конструктов методологической платформы психологической науки — предмета, метода и конкретно-научных принципов — принципиальную роль в преодолении дезинтеграции психологического знания, как уже отмечалось, мы отводим решению антропологического вопроса. Перспективы обеспечения антропологической определенности психологических исследований мы связываем с ключевым требованием постнеклассической науки — *контроля ученым ценностных оснований своей работы*.

Поясним некоторые моменты, связанные с исследованиями отечественных и зарубежных ученых (Р. Мертона, Х. Лейси, Э. Агацци, Х. Дугласа, В. С. Степина, В. Н. Поруса, Л. П. Киященко, Л. А. Микшиной, В. В. Котляровой и др.) в области аксиологического аспекта современного наукознания.

В конце XX в. стали понимать, что результаты научного познания зависят не только от методического инструментария, но и от аксиологического фактора — ценностно-смысловых установок ученого. Представление о «ценностно-нейтральном» исследовании ушло в прошлое. Постнеклассическая наука подняла вопрос о необходимости учета не только средств и процедур получения научных результатов, но и *ценностно-смыслового контекста исследования*.

Новые нормы методологической рефлексии научно-исследовательской деятельности связаны с работами М. Полани и его последо-

вателей. Ученые показали, что любое научное исследование, любая научная теория всегда содержат в себе огромный пласт имплицитного содержания. Это имплицитное содержание М. Полани описал как *личностное знание* (Полани, 1985), в силу его детерминации личностными особенностями ученого, его мировоззрением, ценностями, интуитивными представлениями об изучаемом предмете и т. п. Личностное знание играет доминирующую роль в процессе научного познания: соотношение формализованных и имплицитных компонентов находится в пропорции 1 : 10 (De May, 1992).

А. В. Юревич, развивая представления о скрытом содержании научного исследования, показал, во-первых, что «личностное знание не только играет важнейшую роль в процессе построения научных теорий, но и составляет существенную часть самих теорий, а также образует неизбежный фон их восприятия» (Юревич, 2005, с. 190), во-вторых, что скрытая область научных теорий заполнена не только личностным знанием, но и надличностным, групповым, значение которого особенно велико в тех случаях, когда проводятся коллективные исследования, коллективное развитие тех или иных теорий: «В результате формируются некие коллективные тезаурусы понимания теорий, определяющие, в частности, то, что сторонники концепций всегда понимают их не так, как противники, или то, что одна и та же теория понимается и развивается по-разному различными школами» (там же, с. 192).

Контроль ученым ценностных оснований своей работы позволит уменьшить область скрытого содержания научного знания. Реализация этого требования в разных научных дисциплинах, по-видимому, может иметь разные решения; в психологической науке таким решением видится *методологическая рефлексия представлений о человеке, экспликация антропологического контура психологических исследований*.

Важно отметить, что экспликация аксиологического угла исследования из области скрытого содержания в значительной мере позволит снять барьеры, препятствующие реализации принципа контриндукции в современной психологии — «наведению мостов» между соперничающими между собой теориями. Одной из трудностей реализации этого принципа нам видится определение круга конкурирующих теорий. Экспликация аксиологического момента исследования обеспечивает возможности для более четкой дифференциации круга альтернативных теорий и продуктивных попыток реализации ведущего методологического принципа постнеклассической науки — контриндукции. *Идея плюрализма* — сосуществова-

ния разных теорий, ни одна из которых не может иметь статуса более правдоподобной, — на наш взгляд, явилась логическим следствием признания постнеклассической наукой необходимости контроля аксиологического момента.

Ввиду недоопределенности к настоящему времени нормативных процедур экспликации ценностного контекста психологических исследований мы предлагаем раскрывать его в описательном плане — через совокупность антропологических представлений¹. По своей сути, эта совокупность антропологических представлений видится системным элементом методологического базиса всех конкретных психологических исследований, определяя их принципы, ключевые понятия и рабочие гипотезы. Такая методологическая рефлексия будет не только создавать условия для более продуктивных попыток «наведения мостов» между конкурирующими теориями, но и заметно повышать надежность самих теоретико-эмпирических конструкций за счет большей согласованности. Экспликация антропологического контекста нам кажется вполне оправданной и в тех случаях, когда исследовательская работа выполняется в рамках антропологически определенных направлений (например, гуманистической или экзистенциальной психологии). Как показывает опыт, исследователи, даже указывая на свою приверженность тому или иному направлению, далеко не всегда рефлексировывают соответствующие антропологические основания.

Обсуждая вопрос об антропологической определенности психологических исследований в формате постнеклассической рациональности, нельзя не обратить внимание на его *социальный аспект*.

---

1 Именно таким образом был задан антропологический формат гуманистической психологии; ее перспективы определяются следующими постулатами, зафиксированными еще в 1964 г. и сохранившимися до сегодняшнего дня (Greening, 2006):

1. Человек является целостным существом и не может быть понят в результате изучения частичных функций.
2. Человеческое существование разворачивается в контексте человеческих отношений (человек не может быть понят вне межличностного опыта).
3. Человек обладает сознанием и самосознанием, включающим осознание себя в контексте других людей.
4. Человек не является пассивным наблюдателем процесса своего существования: он обладает способностью делать выбор и, следовательно, несет ответственность.
5. Человек интенционален: он обращен в будущее, в его жизни есть цель, ценности и смысл.

Импликация ценностных оснований, антропологическая неопределенность психологических исследований не только приводят к методологическому произволу и хаосу внутри психологической науки, но и порождают серьезные деструктивные тенденции в жизни современного человека. Эти негативные следствия связаны с особенностями психологической науки, ее огромным влиянием на каждодневную жизнь людей: психологические теории, присваиваясь человеческим сознанием, создают человеческую реальность. На этом основании ряд современных исследователей рассматривают психологию как *социально-конструктивную науку* (В. И. Слободчиков, В. Ф. Петренко, Ю. Б. Гиппенрейтер и др.). Дезинтеграция психологического знания оборачивается не только «методологическим кризисом» или «психологическим схизисом», но и *социально-антропологической катастрофой* (Слободчиков, 2011, с. 4).

Признаки этой угрозы уже становятся заметными. Растет число людей, страдающих психическими заболеваниями. В критическом состоянии находится развитие современных детей. Разнообразные деформации развития (задержки, отклонения, остановки) приобрели массовый характер и отмечаются уже в детстве. Учеными фиксируются новые виды нарушений психического развития. В научный лексикон вошло понятие «*психологическое нездоровье*» (И. В. Дубровина, В. Э. Пахальян, А. В. Шувалов и др.), обозначающее феномены, с которыми не имели дело ни психологическая, ни медицинская практики XX в. Изменение процессов развития современных детей ставит серьезную проблему перед системой образования. Множественные разрывы психологического знания, противоречивые подходы к пониманию процессов развития, лишают твердой опоры задачу построения конструктивных образовательных моделей.

Предельная социальная ответственность психологической науки обуславливается спецификой ее *исследовательской логики*, остающейся, к сожалению, пока без должной методологической рефлексии. Об этой существенной особенности психологической науки мы уже достаточно подробно писали (Войтенко, 2010, 2011), но, чтобы не разрывать нить рассуждений в настоящей работе, коротко обозначим основные моменты еще раз.

О важнейшем значении исследовательской логики говорил еще Дж. С. Милль в середине XIX в. В науке своего времени автор зафиксировал наличие двух исследовательских логик — «*индуктивной*» и «*силлогической*». Первая обозначала логику естественно-научного исследования (хорошо устоявшегося в научном сообществе того времени), вторая — логику нового, только зарождавшегося ти-

па исследования. Различение двух исследовательских логик явилось для Дж. С. Милля *основанием для разделения наук*; точнее, выделения нового класса наук, которым ученый дал название «науки о духе», противопоставив «наукам о природе» (Милль, 2011). В конце XIX в. «науки о духе» стали называться «науками о культуре», а в XX в. — «гуманитарными науками».

Отталкиваясь от идеи Дж. С. Милля, отметим, что логика гуманитарного исследования принципиально отличается от логики исследования естественно-научного. Последнее, имея своим предметом те или иные природные явления, берет их в том виде, как они даны; другими словами, логика естественно-научного исследования описывается формулой: «Как это *есть*?». Гуманитарное исследование, изучая продукты человеческой культуры, берет их в исторической развертке — опирается на формулу: «Как это *стало* таким?»¹.

Есть и третья формула, по ней строится принципиально новый тип исследований, неизвестный во времена Милля — «Как это *может быть*?». Превратившись в производительную *силу*, современная наука не столько исследует окружающую действительность, сколько стремится переделать ее, подчинив нуждам и желаниям человека. Формула «Как это *может быть*?» является типичной для технических наук.

В контексте данных рассуждений представляется эвристичной нелинейная классификация наук Б. М. Кедрова. Отличив психологию и от естественных, и от гуманитарных, и от технических дисциплин, Б. М. Кедров поставил ее на «царское» место: *посередине-и-над* ними (Кедров, 1965). Психология снимает разделенность наук. В ней не только присутствуют логики всех научных дисциплин — естественных (имеющих формулу: «Как это *есть*?»), гуманитарных (строящихся по формуле: «Как это *стало* таким?»), технических (проектирующих реальность по формуле: «Как это *может быть*?»), — но имеется и *своя уникальная логика*, снимающая противопоставленность всех трех видов наук. Ответы на вопросы «Как это *есть*?», «Как это *стало* таким?» и «Как это *может быть*?» для нее — *условия задачи, где вопрос стоит*: «Как это *должно быть*?». Психологическая наука имеет *«проектно-деонтологическую»*² логику. В. Ф. Петренко заметил, что пси-

---

1 Стоит отметить здесь прямую связь с терминологией Дж. С. Милля: слово «силлогизм» происходит от греческого «sollogismos», что означает «подытоживание».

2 Термин «деонтология» (от гр. δέον — должно) был введен в научный лексикон для обозначения учения о долге и должном в XVIII веке английским философом И. Бентамом.

хологическая наука в целом имеет «конструктивистскую направленность»: ее функция состоит не только в описании уже «ставшего бытия», но и в порождении конструкторов расширяющегося сознания, задающего движение «становящегося бытия» (Петренко, 2007, с. 131).

Логика любого психологического исследования требует сопряжения с формулой «Как это *должно быть?*», за которой стоит антропологический вопрос. В исследованиях, строящихся по формулам «Что это *есть?*» или «Как это *стало* таким?» антропологический вопрос стоит как *контекстный*, определяя собой весь возможный содержательный результат. В исследованиях, имеющих формирующую стратегию и опирающихся на формулу «Как это *должно быть?*» антропологический вопрос стоит как *исходный* и *изначально* требует экспликации представлений о человеке. Неучет этого момента не может не приводить к неожиданным результатам.

В качестве яркого примера в этом плане можно указать на исследование И. А. Соколянского и А. И. Мещерякова по формированию психики у слепоглухонемых детей (Мещеряков, 1974). Результаты этой фундаментальной работы взволновали и восхитили всю научную общественность, было получено множество откликов. Комментируя эти отклики, Л. Ф. Обухова написала: «Самое удивительное в этом педагогическом процессе отметил А. Н. Леонтьев. Он сказал: «Формировали рефлексy, а получили душу» (Обухова, 1998, с. 210). Но мы хотим обратить внимание на другое: этот, безусловно, выдающийся социально-педагогический результат, в методологическом плане является не чем иным, как *артефактом*.

К сожалению, неожиданные результаты могут быть и прямо противоположного характера. Так, В. Ф. Петренко, рассматривая теорию З. Фрейда как один из самых ярких примеров влияния теоретических конструкторов психологической науки на социальную действительность, замечает: «Фрейд вывел „из подполья“ человека, осознающего и говорящего на языке психоанализа, спроецировав свою личность во множестве других личностей — „своих детей не по крови, а по ментальности“» (Петренко, 2007, с. 129). Итог печальный. Т. А. Флоренская пишет: «Прошли те времена, когда психоаналитику требовалось много времени и усилий для „раскрепощения“ вытесненных из сознания постыдных влечений. Сегодня это „раскрепощение“ достигло невиданных масштабов: из каналов массовой информации хлещут потоки нечистот. Но душевное здоровье человека и общества явно не улучшается... Вытесняется самое главное — святая святых души человека — голос совести» (Флоренская, 2004, с. 18).

Аксиологический момент научного исследования — «бремя свободы» ученого. В психологии как социально-конструктивной науке, имеющей «проектно-деонтологическую» логику, гнет этого бремени сильнее, чем в естественных, гуманитарных или технических науках. Методологический базис психологических исследований, пронизываемый ценностным «стержнем», должен не только обеспечивать непротиворечивость выстраиваемой на них теоретико-эмпирических конструкций, но принимать и выдерживать нагрузку порождаемого этими конструкциями человеческого бытия. Для этого совокупность исходных *антропологических представлений должна обладать высоким нравственным ресурсом.*

Христианские представления о человеке как антропологическая основа психологических исследований

Сближение современной психологии и христианской антропологии ведется уже не одно десятилетие. В этом направлении работают как профессиональные ученые-психологи (Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, М. И. Воловикова, А. А. Гостев, Ю. М. Зенько, М. Н. Миронова, В. И. Слободчиков, Л. Ф. Шеховцова, А. В. Шувалов, Т. А. Флоренская и др.), так и богословы, известные представители РПЦ (архим. Георгий (Шестун), архим. Платон (Игумнов), иером. Мефодий (Зинковский), иером. Николай (Зинковский), прот. Вадим Леонов, прот. Андрей Лоргус, прот. Владимир Цветков и др.). Примечательно, что попытки опереться на христианскую антропологию отмечаются у многих практических психологов и психотерапевтов, на деле ощущающих недостаточность психологического знания, лишённого твердой основы.

Проблемы осмысления понятийного и концептуального аппарата психологической науки в контексте христианской антропологии обсуждаются в рамках многих научно-практических конференций, в том числе на ежегодных Международных образовательных чтениях (секция «Христианская антропология и современная психология»). Складываются организационные структуры, поддерживающие данное направление деятельности: организована Московская школа христианской психологии (основатель и руководитель — Б. С. Братусь), в Санкт-Петербурге создан Центр христианской психологии и антропологии (руководитель — Ю. М. Зенько), работает Общество православных психологов и психотерапевтов (руководитель — Л. Ф. Шеховцова). Вопросам христианской психологии было посвящено несколько специальных выпусков журнала «Консультативная психология и психотерапия» (главный редактор — Ф. Е. Василюк).

В рамках деятельности по сопряжению христианского вероучения и современной психологической науки осуществляется *восстановление исторической преемственности психологического знания*: оно зародилось в недрах христианской антропологии. Сам термин «психология» (буквально — «наука о душе») был введен в XVI в. немецким богословом О. Касманом¹, разделившим антропологию на психологию и соматологию и посвятившим новой области знания один из своих главных трудов «Psychologia anthropologica». Психология открыто опиралась на христианскую антропологию на протяжении нескольких столетий. Даже после оформления психологии (естественно-научной) дисциплиной сохранилась ее теологическая ветвь (В. Штерн, Э. Шпрангер, У. Джемс, Л. М. Лопатин, Н. Я. Грот, В. В. Зеньковский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. и Е. Н. Трубецкие и мн. др.). В нашей стране религиозно-философская традиция в психологических исследованиях была прервана в 1930-е годы, но ее влияние на развитие отечественной психологии, как отмечают исследователи, продолжало сохраняться и в это время (Петровский, Ярошевский, 1996).

Ориентация на христианские представления о человеке в качестве антропологической основы психологических исследований является оправданной не только в плане восстановления исторической преемственности психологического знания. Здесь видится еще целый ряд аргументов.

Прежде всего, следует отметить, что в формате христианско-православной антропологии исследователь получает четкий ответ на вопрос «Как это *должно* быть?». Это труднейший вопрос для психологической науки: несмотря на широкое распространение стратегии формирования и логики конструктивистского исследования, вопрос «о должном», «о норме» в ней не решен (Братусь, 2019).

Христианская антропология по самой своей сути имеет «проектно-деонтологическую» логику — она рассматривает душу человека в нескольких проекциях и выделяет: естественное состояние души (бывшее у первозданных людей), нижеестественное состояние (возникшее после грехопадения и наличествующее по сей день) и сверхъестественное (подблагодатное). Подблагодатное состояние души является состоянием *заданным, должным*: «Душе... должно

1 Введение термина часто ошибочно приписывается немецкому философу Х. Вольфу. Работы Х. Вольфа послужили широкому распространению термина «психология» вследствие проведенной философом первой методологической рефлексии психологического знания: Х. Вольф различил эмпирическую психологию и рациональную (умозрительную), рассматривая их как две самостоятельные дисциплины.

из нынешнего *порочного состояния* перейти в состояние *иное*, доброе, и нынешнее уничиженное естество *изменить* в естество иное, божественное», — говорит преп. Макарий Египетский (Макарий Египетский, 1994, с. 107). Подобные слова можно найти у многих богословов как ранних и Средних веков, так и новейшего времени. В изречениях, настраивающих душу подвижника на стремление к совершенству, красоте и полноте, четко указывается и антропологический идеал: «Образец этой красоты, полнота этой красоты — Богочеловек, Господь наш Иисус Христос», — пишет один из самых влиятельных богословов XIX в., святитель Игнатий (Игнатий (Брянчанинов), 1998, с. 134). «Во Христе-Богочеловеке явлена мера и высший предел человеческой жизни», — поучает выдающийся православный богослов XX в. протоиерей Георгий Флоровский (Георгий Флоровский, 1998, с. 181). Обобщая христианские представления об антропологическом идеале совершенства и адресуя свои размышления ученым, современный богослов прот. Вадим Леонов заключает: «Иисус Христос явил нам Собой идеал человеческого совершенства, а множество святых угодников показали своей жизнью, как этот идеал достигается. В этом смысле вся православная агиография является неисчерпаемым источником ценнейших антропологических, психологических и педагогических наблюдений. Поэтому православный исследователь изначально находится в несравненно более выгодных условиях, ибо он избавлен от антропологического произвола и имеет ясные ориентиры совершенства...» (Леонов, 2006, с. 91–92).

Во-вторых, христианские представления о человеке содержат в себе высочайший нравственный ресурс. Согласно христианской антропологии, человек является носителем нравственного закона, по которому устроен мир. Состояние человека (как микрокосма) определяет собой состояние всего мироздания (макрокосма). Нарушение людьми нравственного закона приводит к трагическим последствиям и в окружающей природе, и в истории стран и народов, и в судьбе каждого конкретного человека. В Библии приводится целый ряд сюжетов, иллюстрирующих драматическую сторону этого закона: всемирный потоп, Вавилонское столпотворение, гибель Содома и Гоморры, судьба израильского народа и др. (см.: Николай Сербский, 2007).

Будучи носителем нравственного закона, человек призван к нравственному преображению своей души. Для этого он располагает тремя ресурсами (Божьими дарами): «даром любви», «даром свободы», «даром творчества». Все ресурсы находятся в теснейшей взаимосвязи. Инструментальная роль в осуществлении призвания

отводится дару творчества: человек созидает, творит во внешнем предметном мире, но все его деяния отражаются во внутреннем плане, влияют на состояние души. Ключевую роль играют «корни» деяний, побуждающие мотивы; обладая даром свободы, человек волен выбирать между добром и злом — но за свои выборы он несет ответственность перед Богом: «Достойное по делам нашим приемлем» (Лк. 23: 41). «Корни» деяний должны «питаться» даром любви. На заповедях любви стоит закон, по которому Бог сотворил мир (Мф. 22: 40). Таланты и способности ничего не стоят, если человек не раскрыл в себе дар любви: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими... знаю все тайны и имею всякое познание... так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (1 Кор. 13: 1–3).

В-третьих, обращает на себя внимание теоретико-интегративный потенциал христианских представлений о человеке. С позиции христианской антропологии, «хронический кризис» психологической науки, соперничество множества направлений и школ, по-разному понимающих человека и его душевную жизнь, — вполне ожидаемая ситуация. Все имеющиеся направления имеют дело лишь с *отдельными, частными проекциями* психической жизни человека. В каких-то из этих проекций не проводится принципиальных различий между психикой человека и психикой животных (например, в бихевиоризме), в других — человек выступает как плененный бессознательными влечениями (психоанализ), в третьих — как полностью подчинивший свою жизнь разуму (когнитивная психология) или стремлению к самореализации (гуманистическая психология) и т. д. И эти — очень разные — проекции психической жизни человека трудно назвать искаженными; они дают довольно верную картину того, *что есть* современный человек: в одних случаях он действительно часто нисходит до животного существования, растормаживая в себе инстинкты, в других — бесконечно рационалистичен, в третьих — всеми силами устремлен к утверждению своего Я и т. д. Православная антропология, показывая образец того, *каким должен быть* человек, преодолевает рамки частных проекций психического и помогает увидеть человека в его целостности. Она дает возможность ученому «неизмеримо расширить пространство исследований, открыв ведение о человеческом совершенстве, о его идеальном состоянии» (Леонов, 2006, с. 83).

Следует заметить, что в психологической науке имеется немало фундаментальных теоретических конструктов, которые имплицитно опираются на христианскую антропологию. Это не только концепты зарубежных авторов гуманистического и экзистенциального направ-

лений (Г. Олпорта, Э. Фромма, В. Франкла, Р. Мэя и др.), но и разработки наших соотечественников; среди них немало выполненных в XX в., в годы активной пропаганды материалистической идеологии: учение «О доминанте» А. А. Ухтомского, концепция диалога как лично и духовно развивающего общения Т. А. Флоренской, теория уровневой структуры (мотивационно-смысловой вертикали) сознания Б. С. Братуся, модель полного онтогенеза В. И. Слободчикова и др. Рискнем в этот ряд также поставить теорию деятельности С. Л. Рубинштейна...

Имплицитную связь с христианской антропологией, на наш взгляд, имеют не только теоретические конструкты психологической науки, но и целый ряд ее конкретно-научных принципов. В идеале конкретно-научные принципы должны были бы *выводиться* из тех или иных антропологических представлений, как, например, это было сделано в гуманистической психологии. Однако позитивистская ориентация психологической науки не позволяла сразу задать систему исходных методологических установок к исследованию психической реальности. Построение общеметодологической платформы психологической науки имело инверсивный характер: гносеологические принципы «обрисовывались» как результаты методологической рефлексии эмпирически накапливаемых знаний о психической реальности. На этот факт исследователи обращали внимание; в частности, В. А. Барабанщиков, рассматривая принцип системного подхода, говорит, что «представление о системной природе психических явлений сложилось не сразу... Оно выступило в качестве *итога* развития знаний о психике» (Барабанщиков, 2007, с. 268; курсив мой. — Т. В.).

«Антропологические контуры» психологической науки складывались «на ощупь» как результат методологической рефлексии эмпирически накапливаемых знаний о психике — и оказались *высококогерентными христианским представлениям о человеке*. Так, *принцип развития* имеет множество пересечений с христианскими представлениями о человеке как существе интенциональном, призванном к нравственному преображению наличного состояния своей души; *принцип уровневой структуры* — с представлениями об иерархической организации трех модусов человеческого бытия (тело—душа—дух), находящихся в соподчинении духу и в динамической перспективе, заданной интенцией к достижению совершенства. *Принцип деятельностного подхода* созвучен христианским представлениям о способности человека «творить самого себя» посредством своих деяний; *принцип субъектного подхода* — представлениям о человеке как су-

шествие, наделенном способностью к самодействию, обладающем свободой выбора между добром и злом и несущем ответственность за свои выборы. *Принцип системного (метасистемного) подхода* перекликается с представлениями о человеке как «микрокосме».

Выводы

1. Антропологическая неопределенность психологических исследований является, с одной стороны, следствием естественно-научной ориентации психологии в период ее официального оформления научной дисциплиной, с другой стороны, одной из причин глубокой дезинтеграции психологического знания, имеющей место в современной действительности и вызывающей большую тревогу у всего психологического сообщества (как ученых, так и практиков).
2. Преодоление антропологической неопределенности психологических исследований видится возможным в формате постнеклассической рациональности, обозначившей в качестве ведущей методологической установки принцип контриндукции и указывающей на необходимость контроля (учета) аксиологического угла исследования; в психологических исследованиях контроль аксиологического угла обеспечивается экспликацией антропологических представлений, что одновременно создает необходимые условия для реализации принципа контриндукции.
3. Ввиду недоопределенности в настоящее время нормативных процедур контроля ценностного угла психологических исследований, предлагается раскрывать его в описательном плане — через совокупность антропологических представлений; данная совокупность должна выступать системным элементом методологического базиса конкретного психологического исследования (определять его принципы, ключевые понятия и рабочие гипотезы).
4. Экспликация аксиологического угла психологических исследований, обеспечение их антропологической определенности имеет значение не только в научно-методологическом плане (снижая дезинтеграцию психологического знания), но и в социальном: психология является социально-конструктивной наукой, опирающейся на «проектно-деонтологическую» логику; психологические теории не только отражают человеческую реальность, но и создают; в силу этого принципиальным становится вопрос

- о содержательной стороне антропологического контура психологических исследований: он должен обладать высоким нравственным потенциалом.
5. Психология обладала четким антропологическим контуром, имеющим высокий нравственный потенциал на протяжении долгого периода своей «предыстории» — она была выделена из христианской антропологии как ее дочерняя ветвь («*Psychologia anthropologica*»); ориентация на христианские представления о человеке в качестве антропологического контура современных психологических исследований восстанавливает историческую преемственность психологического знания, способствует снижению его дезинтеграции.
  6. Интегративные возможности христианской антропологии обеспечиваются как минимум тремя ресурсами: наличием «проектно-деонтологической» логики, четким представлением об антропологическом совершенстве, сохранением влияния (в том числе имплицитного) на развитие психологической науки даже после ее оформления естественно-научной дисциплиной и в условиях господства материалистической идеологии в нашей стране в XX в.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1969.
- Барабанщиков В. А.* С. Л. Рубинштейн и Б. Ф. Ломов: преемственность научных традиций // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 43–52.
- Барабанщиков В. А.* Методы психологического познания: системный взгляд // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005а.
- Барабанщиков В. А.* Принцип системности в современной психологии: основания, проблемы, тенденции развития // Идея системности в современной психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова. М., 2005б.
- Барабанщиков В. А.* Принцип системности и современная психология // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М., 2007.
- Братусь Б. С.* Аномалии личности. Психологический подход. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Никая, 2019.
- Василюк Ф. Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

- Войтенко Т. П.* Постнеклассическая перспектива современной психологии: сопряжение науки и религии // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 3 (66). С. 61–82.
- Войтенко Т. П.* Психология как научная дисциплина: специфика исследовательской логики и нормативной методологии // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы. В 3 ч. Ч. I. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2011. С. 29–32.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291–436.
- Георгий Флоровский*, прот. Догмат и история. М., 1998.
- Знаков В. В.* От психологии субъекта – к психологии человеческого бытия // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М., 2007.
- Игнатий (Брянчанинов)*, свт. Об образе и подобии Божиих // Аскетические опыты. Т. II. М., 1998. С. 128–136.
- Карпов А. В.* Предпосылки и перспективы метасистемного подхода // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М., 2007.
- Леонов В.*, свящ. Антропологический идеал совершенства // Вестник ПСТГУ. Сер. IV. «Педагогика. Психология». 2006. Вып. 2. С. 81–92.
- Кедров Б. М.* Классификация наук. В 3 кн. Кн. II. М.: Мысль, 1965.
- Мазилев В. А.* Научная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005.
- Мазилев В. А.* Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. № 1 (январь). С. 23–34.
- Макарий Египетский*, преподобный. Духовные беседы. М., 1994.
- Мещеряков А. И.* Слепоглухонемые дети. М., 1974.
- Милль Дж. С.* Система логики силлогистической и индуктивной. Из наследия мировой философской мысли. М., 2011.
- Мироненко И. А.* Проблема личности и задачи современного этапа развития психологической науки // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 409–430.
- Николай Сербский*, свт. Слово о законе (номология). М., 2007.
- Обухова Л. Ф.* Формирующий эксперимент в детской и педагогической психологии // Методы исследования в психологии: квази-эксперимент. М., 1998.
- Петренко В. Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: Постнекласси-

- ческая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии. Т. 1–2. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
- Полани М.* Личностное знание. М., 1985.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 255–285.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 2000.
- Слободчиков В. И.* Очерки психологии образования. Биробиджан, 2005.
- Слободчиков В. И.* Концептуальные основы антропологии современного образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2011. № 3. С. 3–7.
- Степин В. С.* Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности // Этос науки. М.: Academia, 2008. С. 21–47.
- Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Флоренская Т. А.* Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем. М., 2004.
- Юревич А. В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А. В.* Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Янчук В. А.* Эволюция метода социально-психологического исследования: от модернистской экстраспекции к постмодернистской диалогической методологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005.
- Bugental J.* The Third Force in Psychology // Journal of Humanistic Psychology. 1964. V. 4 (1). P. 19–26.
- De May M.* The Cognitive Paradigm. Chicago, 1992.
- Douglas H.* Inductive risk and values in science // Philosophy of Science. 2000. № 67 (4). P. 559–579.
- Greening T.* Five basic postulates of humanistic psychology // Journal of Humanistic Psychology. 2006. V. 46 (3). P. 239–239.
- Parker W., Winsberg E.* Values and evidence: how models make a difference // European Journal for Philosophy of Science. 2018. V. 8. № 1. P. 125–142.

Современные дискуссии о построении психологического объяснения и соотношении теории и эмпирии в психологии

Т. В. Корнилова

doi: 10.38098/

Введение

В последние годы в представлении методологических проблем психологии в зарубежной литературе произошел выраженный поворот от популярной в прошедшем десятилетии проблемы воспроизводимости (невоспроизводимости) результатов психологических исследований к обсуждению затруднений в построении психологических теорий. И «старый» вопрос о соотношении теории и эмпирии в психологии получил новое звучание — соотношения выводов из психологического объяснения с пониманием того, как строится теория, какие требования к ней предъявляются сегодня и какие ошибки в организации выводов можно и необходимо эксплицировать (при контроле за выводом).

Но еще ранее, четверть века назад, проблема диалога в науке стала обсуждаться в контексте соотношения в психологии прежних модернистских (а лучше сказать — классических для XX в., имея в виду классический идеал рациональности) и новых — постмодернистских подходов. Ключевой здесь стала статья Кеннета Гергена, мимо которой не прошли все вовлеченные в спор участники. Я обращаю внимание только на две высказанные им оценочные мысли. Первая: «Концепция психологической науки, обычно разделяемая внутри дисциплины, исторически застыла и находится под угрозой из-за своей изоляции от основных интеллектуальных и глобальных трансформаций современной науки за последние полвека» (Gergen, 2001, p. 804). Вторая о том, что смысл постмодернистской критики построения объективного знания (в том числе и о психике) не в ней самой, а в возможности диалога между разными подходами к построению научного знания при учете культурных позиций в том, каковы критерии научности. Таким образом, речь идет не о замене одного подхода другим, не о спорах относительно фак-

та и ценности, не о конструируемом в социуме знании и знании индивидуального ума о предмете и методе (что более привычно обсуждать в отечественной психологии), а о диалоге как множественности голосов и позиций, базирующихся на интеллектуальной рефлексии. Именно движение в сторону интегративности психологического знания Герген видит в развитии критической психологии и «субдисциплинарной специальности теоретической психологии».

Из множества прозвучавших ответных статей, на которые откликнулся автор, укажу одну, снимающую, на мой взгляд, множество искусственно обостряемых дихотомий – с обеих сторон – в спорах о модернизме, постмодернизме, «монизме» и прочих «измах» в психологии (Gergen, 2002). Это статья Питера Хольца – одна из 12, посвященных новому витку обсуждения методологии в зарубежной психологии (Holtz, 2020). В 2019–2021 гг. появились целые подборки статей по теме построения психологических объяснений применительно к разным подходам в специальных выпусках (в журналах *Frontiers in Psychology*, *Psychological Inquiry*, *Topics in Cognitive Science*, например, выпуск «Уровни объяснения в когнитивной науке: от молекул к культуре»; и др.). Часть статей демонстрирует тенденцию применения общенаучных представлений, например уровеньный подход Д. Марра к оценке теорий в психологии; часть вводит соответствующий современный методологический контекст в историко-психологические представления, чего не наблюдается в отечественной психологии (Gigerenzer, 2020; Marr, 1982). Наиболее интересны те работы, в которых построение психологической теории рассматривается специалистами при содержательном взгляде «изнутри», а не «извне» (один из аспектов проблемы, затронутых Гергеном): исходящие из знания психологической проблематики на современном этапе, а не из внешних критериев оценивания продвинутости психологических теорий. Это приоритет в соотношении методологии «снизу» и «сверху», который мы с С. Д. Смирновым обсуждали в учебнике, приводя примеры взглядов А. Зиновьева и Г. Щедровицкого (Корнилова, Смирнов, 2021).

Согласно мнению П. Хольца, психологу не «спускаются сверху» те или иные критерии научности или оценки разных методологических принципов, а дается детальное сопоставление классического, если говорить в терминологии М. Мамардашвили, согласующегося с попперовской концепцией «критического рационализма», или «традиционного» (в терминологии К. Гергена) пути построения знания и знания, предполагающего включение постмодер-

нистских тенденций, что означает критическую рефлексию метода, построения теории и организации обобщений (Мамардашвили, 1984; Поппер, 1983). Анализируя взгляды К. Поппера и Д. Дойча, Хольц на примере анализа интернета рассматривает подход Гергена как не противоречащий возможности получения ограниченного локально и во времени знания, но оформленного «в рамках данного общественно-исторического контекста», т. е. с учетом его прагматической ценности для тех или иных групп и проблемно-ориентированного (в отличие от методо-ориентированного традиционного подхода). Допущение Поппером множественности описаний одного и того же события не противоречит постмодернистской концепции нарратива (Лиотара), а принцип фальсификационизма не противоречит тому, что «знание начинается не с восприятий или наблюдений, не со сбора данных или фактов, а скорее с проблем. <...> Но это означает, что знание начинается с напряжения между знанием и неведением» (Popper, 1976, p. 88). Искать не абсолютную истину как незыблемую «монаду», а вскрывать взаимоотношения, взаимосвязи, в которых только и рождается тот или иной процесс, — это одно из положений Гергена. Общность подходов, как показывает Хольц, именно в признании диалога, т. е. множественности голосов на пути к знанию, а также «неприязнь к модернистскому высокомерию, упор на смелость и новаторство и борьба с тоталитарными попытками подавить голоса в дискурсе» (Holz 2020, p. 10).

Эта множественность голосов звучит уже в названиях статей в журнале «Границы психологии» в 2020–2021 гг., которые раскрывают направления обсуждаемых аспектов построения теории и объяснения в психологии: «Предсказание и объяснение в постмодернистском мире» (Kueger, 2020), «Количественные и качественные подходы к обобщению и воспроизведению» (Borgstede, Scholz, 2021), «Об отношении к методам в психологии „всё допустимо“» (Zitzmann, Loreth, 2021) и т. д.

В данной работе отбор статей с теми или иными акцентами продиктован тем, что они нашли отклик в постановке вопросов, которыми озадачивалась я в своей исследовательской деятельности на путях построения обобщений. Другой автор отметил бы другие статьи. Таким образом, ниже я выделяю именно те пункты, которые нахожу недостаточно освещенными в дискурсах отечественной методологии психологии. Однако начну издали — с напоминания о традиционно связываемом с экспериментированием в психологии пути построения выводов и проблемы новых путей по отношению к причинно-следственному объяснению.

Эксперимент и постмодернистские устремления

Причинно-следственные объяснения становятся прерогативой экспериментальной науки, начиная с Нового времени. В психологию эксперимент приходит с двух сторон. Во-первых, со стороны логики ее внутреннего развития; не стану здесь проводить историко-психологический экскурс по работам В. Вундта, Л. Фехнера, Г. Эббингаусса и т.д. Отмечу только, что они стали предпосылками «объективистских» устремлений нарождающейся психологической науки. Насколько возможность объективного Наблюдателя не соответствует неклассическому этапу развития науки (Мамардашвили, 1984), было обсуждено в ставшей революционной статье В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили, поставивших проблему возможности объективного знания в психологии как проблему установления законов, а не раскрытия их как «объективных» (Зинченко, Мамардашвили, 1977). Позже В. П. Зинченко еще сильнее выскажется о субъективности объективного и объективности субъективного (Зинченко, 2007). Однако это не меняет того положения дел, что именно экспериментирование в психологии связывается с возможностью получения объективных (репрезентативных, воспроизводимых) данных и причинно-следственных выводов как объяснений изучаемой психологической реальности (реконструируемой исследователем, поэтому именно «психологической», а не «психической»).

Во-вторых, он утверждается в качестве образца реализации принципа фальсификации при проверке гипотез со стороны рефлексии и освоения общенаучной методологии классического этапа, т.е. перехода к тому типу гипотетико-дедуктивного рассуждения, которое К. Поппер выявил и обнародовал в выступлении на Венском методологическом кружке зимой 1933–1934 гг. в качестве общего пути развития научного знания, преодолевающего позитивизм (сколько бы ни относили автора к «третьей волне» позитивизма) (Поппер, 1983). Но в Советском Союзе этот автор попал в запрещенные, поскольку связывал страну с понятием «закрытого общества» (Поппер, 1992). И к сожалению для отечественной психологии, в ней надолго законсервировалось представление об экспериментальном методе как позитивистской методологии организации исследования. Упущенным оказалось положение о том, что именно психологические реконструкции ненаблюдаемых процессов (а не фиксации входа и выхода переменных в экспериментальной ситуации) стали основной целью его применения в психологии. Она достигается проверкой гипотез на основе сбора эмпирических данных в эксперимен-

тально контролируемых условиях. Но гипотезы в научном познании выдвигаются не по заданным каким-то образом правилам (при всех вариантах *категориальных регулятивов* и надындивидуальных знаний для их выдвижения нужен индивидуальный ум исследователя); а значит, это «шаткое» звено, от которого отказался В. Дильтей в своей описательной психологии. В истории психологии это пример прозорливости мыслителя в одних аспектах – философии жизни – и выхода в тупиковую ветвь рассуждений в другом (ведь именно гипотезы становятся основой содержательного психологического анализа при переходе между теорией и эмпирией, что этим автором отвергалось).

Экспериментальная проверка психологических гипотез в рамках исследований всех психологических школ (кроме позитивистского направления классического бихевиоризма) включает звено *реконструкций психологической реальности* (с разной степенью его признания).

Реконструкции психологической реальности – это обсуждение закономерностей применительно к психологическим процессам, явлениям и формам их регуляции, которые сами по себе не доступны наблюдению, но могут мысленно воссоздаваться по наблюдаемым, т. е. фиксируемым, показателям психологических методик.

Психологические реконструкции – это психологические объяснения, которые строятся при разных методах организации исследования и всегда включают общие представления или детально разработанные теории, позволяющие содержательно интерпретировать эмпирические закономерности. Проблема *психологической причинности* при этом тесно связана с теоретическими установками и методологическими позициями авторов относительно сути и форм психологического объяснения. И именно акцентуация звена реконструкций позволила сегодня говорить о «постпозитивистских устремлениях» в связи с использованием экспериментального метода в психологии.

Р. Мэйрхофер с соавт. рассматривают постмодернизм как попытку «достичь большей ясности в нашем восприятии, мышлении и поведении путем тщательного изучения их более широких контекстов и предпосылок, основанных на неразрывно переплетенных уровнях как личности, так и общества» (Mayrhofer et al., 2021). Он является ответом на принятие сложности, двусмысленности, противоречий современного мира. Экспериментирование в таком мире воссоздает, т. е. конструирует, мир, поскольку признаются герменевтические процессы генерирования гипотез и интерпретации результатов; зна-

ние начинает выступать не копией «реальности», а скорее активной конструкцией.

На примерах экспериментов со «свободой волей» и зрительной рабочей памятью Р. Мэйрхофер с соавт. демонстрируют, что создаваемые в экспериментальных моделях феномены являются «симулякрами» и воссоздаваемая в эксперименте гиперреальность отражает лишь постмодернистское мышление их авторов. Сразу отмечу, что такой контекст — проявление интерпретационной схемы авторов статьи, а не авторов названных экспериментов.

Это актуализирует хорошо известный в отечественной психологии спор о сути и смысле лабораторных экспериментов в контексте критериев научности психологического знания и соотношении академической и практической психологии. У зарубежных авторов этот контекст приобрел звучание «постмодернистских устремлений» экспериментальной психологии. Они вспоминают позицию К. Гергена, который утверждал, что «основные принципы» постмодернизма не противоречат принципам научной психологии, а также противников, связывающих постмодернистские устремления с попытками вернуть психологию на донаучный уровень — в лоно философии — и подорвать рациональность академической психологии (Gergen, 2001). Сами авторы статьи говорят о ложности дихотомии экспериментального и постмодернистского мышления, считают, что они не противоречат друг другу, поскольку в эксперименте изначально закладывается идея реконструкции как активного конструирования изучаемой реальности.

Эссенциалистские интуиции и как с ними бороться

Развитие теоретического мира психологии предполагает множественность теорий, как и многоуровневость подлежащих научному объяснению феноменов, явлений или «фактов» (я не буду здесь затрагивать проблему установления факта, после освоения работ К. Поппера и его метафоры «суда присяжных» она уже ушла в учебники по экспериментальной психологии — Корнилова, 2011). Только в идеологической оптике прошлого, оставшейся в отечественной истории психологии, может сегодня обсуждаться «неправильность» самой идеи разных методологических путей в построении психологического знания. Незначительное различие *электики* (как сочетания исходно разных типов объяснений в одной работе) и *мультипарадигмальности* психологии (как со-бытия и взаимодополняемости разных оснований психологических объяснений, каждое из которых последова-

тельно проводит определенную методологию) также оставляю в поле недоразумений, искусственно приносимых в желании защитить «монизм» психологии.

Вместе с тем выдвижение тех или иных проблем как наиболее «остро» поставленных в современных работах по методологии психологии вызывает оценки, которые следует высказать — не в противовес идее поли- или мультипарадигмальности, а в силу необходимости критического мышления в науке. Речь идет об отграничивании метафизических компонентов, без которых трудно обойтись в индивидуальном размышлении, но которые необходимо контролировать при построении научной теории.

Одним из путей, приводящих, по мнению ряда авторов, теоретизирование в психологии в тупик, стали *эссенциалистские интуиции*, которые продуцируют «иллюзорные сущности» и в качестве ведущих к мнимым объяснениям линий обсуждения возрождают *метафизику* в ее понимании как общего поля *ненаучной*, по мнению Л. С. Выготского, психологии (Выготский, 1982).

Эссенциализм означает такую методологическую позицию, которая предполагает наличие *общих сущностей*, скрытых за общими понятиями. Эта сущность выступает основой объединения явлений в единую категорию и понимание их как проявляющих «природу» этой сущности. Называние явления и становится его мнимым объяснением — оно таково, потому что являет свою сущность. Казалось бы, с метафизикой научное познание десятки, если не сотни лет боролось. Но она благополучно прошла в психологические объяснения в виде поиска общих оснований, якобы объясняющих многообразие психологических явлений. К. Брик с соавт. демонстрируют это на примерах развития теорий интеллекта (с поиском общего фактора *g*), синдромального подхода (синдромы вместо симптомов), психологического понимания сущности генов, гормонов и нейротрансмиттеров, нейровизуализации и гендерного неравенства (Brick et al., 2022). Во всех этих направлениях поиск универсалий закрывает понимание того, что к одной и той же цели могут вести (и ведут) разные механизмы и процессы. Я рассмотрела это на примере проблемы понимания эмпатии (Корнилова, 2022), демонстрируя, что на основании ориентировки на достижении конечного результата («вчувствования») и даже при полагании дихотомий (когнитивной и аффективной эмпатии, конгруэнтной и неконгруэнтной и т. д.) снимается проблема многообразия путей, ведущих к эмпатии, множественности регуляции этого результата.

Постулирование процессуального многообразия, стоящее за психологическими явлениями, требует более дифференцированного объяснения, чем указание общей раскрываемой «причины», полагаемой в его основание (интеллект, эмоция, внимание и т.д.). Психологи должны осознавать, что эссенциалистские объяснения не раскрывают объективные сущности; они их конструируют, полагают, подводя под общее понятие многообразия путей становления психологических явлений. Более простое объяснение — не обязательно более хорошее или более «объективное».

Изменению психологических объяснений как разных интерпретаций (или разных голосов в общем научном дискурсе) будет способствовать уход от поиска общих сущностей к теориям, предполагающим, что явления возникают в результате взаимодействия разных факторов. Охватить в теории многообразие эмпирии — это не значит дать универсальное метафизическое объяснение. И в методологической статье авторы (Brick et al., 2022) выделяют четыре пути коррекции эссенциалистских объяснений:

1. Прояснять, выявлять и обсуждать разные механизмы психологического явления. Эссенциализм полезен как путь навязывания ярлыков в психологическом теоретизировании. Но если отдать приоритет «описательной изменчивости в разных контекстах», то появляются ограничения в понимании степени общности явлений и необходимость отказа от унитарных объяснений (вполне укладываемых в схемы обыденного мышления).
2. Отсюда второй путь преодоления эссенциализма — видеть многообразие, казалось бы, одних и тех же феноменов в разных культурах и контекстах, в осмыслении межиндивидуальной и межгрупповой изменчивости психологических явлений. В частности, сегодня с этим связано повышенное внимание к кросс-культурным исследованиям (их научным основаниям, а не только социальным).
3. Проверка предположений о том, что разные феномены или пути решения человеком тех или иных задач имеют одну основную причину. Здесь важным примером является изменение понимания классификации психиатрической симптоматики в DSM-5.
4. Возможность отказа от общеупотребимых языковых обозначений искусственных слов, дабы не «вчитывать» универсальные метафизические объяснения в наблюдаемые феномены. Указывается интересный пример использования искусственных слов для обозначения эмоций (Fiske, 2020). Другой пример — попу-

ляризация Д. Канеманом идеи двух систем (Системы 1 и Системы 2) как названий разных путей регуляции мышления без наделения их онтологическим статусом.

Если внимание к вариативности как психологических явлений, так и путей их внутренней регуляции связано с продвижением в культуре организации исследований, то «вчитывание» универсальных объяснений в разные феномены связано как с представлениями о том, что такое психологическая теория (где она сменяется редукционистской) и как быть с оценкой несомненно конструктивистского характера объяснений ненаблюдаемой психологической реальности. Рассмотрим это последовательно.

Что отличает в психологии богатую и бедную теории? И какова роль статистических моделей?

Выступление Эйко Фрида с докладом в университете Гренобля, посвященное проблеме построения теории и ее проверок (тестирования), легло в основу целевой статьи выпуска в *Psychological Inquiry*. Он ответил на 7 реплик — кратких ответных статей. И обе его статьи были опубликованы вместе с комментариями, продемонстрировав интерес к спровоцированной автором дискуссии о том, в чем специфика психологических теорий и как продвижение в теоретическом мире психологии связано с эмпирическими исследованиями, в чем отличие психологических моделей от статистических и каковы пути развития именно психологических объяснений (Fried, 2020a, b).

В первой статье он утверждал, что собственно теории подменяются в современной психологии подгонкой статистических моделей. Теории остаются латентными — как принимаемые, но не вербализованные подходы. И значит, теории остаются неоднозначными и не поддающимися проверке на опровержение (если использовать критерий фальсификационизма К. Поппера)? Таким образом, теории в психологии остаются «слабыми». Сильными они стали бы при разведении уровней теоретического объяснения и статистического установления явлений или закономерностей.

Существенный аспект бытия теорий в психологии — тот факт, что они не проверяются, не опровергаются, а исчезают со временем, потому что к ним теряется интерес. В этом аспекте это «слабые» теории (Fried, 2020a).

При всем разнообразии представлений о том, что такое теории и модели, принимается, что теории должны иметь широкий охват

эмпирии и давать ее объяснение, в то время как модели локальны, охватывают отдельные аспекты теории, конкретны и выступают посредниками между теорией и реальным миром. В психологии статистические модели – посредники между теорией и психологической реальностью. Продуктивная функция теорий – развитие психологических объяснений, а моделей – представление надежных явлений. Но проблема в том, что психологические явления коморбидны. И вместо того, чтобы раскрывать многообразие психологических явлений в их причинно-следственных связях (что должна предполагать теория), психологи выдают за теории модели. Таким образом, проблема не в том, одна или много теорий подлежат обсуждению при анализе конкретного явления, а в том, что теория не может сводиться к указанию на «факты» или эмпирические закономерности.

По словам других авторов, эффекты являются экспланандами – явлениями, которые должны быть объяснены, они определяют область исследования. «В некотором смысле попытка построить теории на коллекциях эффектов очень похожа на попытку писать романы, собирая предложения из случайно сгенерированных буквенных строк» (van Rooij, Vaggio, 2021). Предлагаемый ими «теоретический цикл» должен включать две составляющие для построения теории: следование *конструктивной стратегии* и соблюдение *ключевых ограничений правдоподобия* (остается вопросом, что под этим имеется в виду).

Вернемся к положениям статьи Э. Фрида, который не согласен с тем, что статистические модели наделяются той степенью общности, которая возможна только для теории. На примерах когнитивной, личностной и клинической психологии он показывает, как модель навязывает объяснение (Fried, 2020a). Наиболее явным выступает, например, факторный анализ, который постулирует в психологических исследованиях общий причинный фактор за корреляциями. И дело не в том, что возникают факторные теории личности, онтологизирующие в понимании личности представленность этого фактора у людей (например, Большая пятерка). А в том, что модель закрывает многообразие процессов, ведущих к сходным явлениям (как результатам разных процессов). И это тормозит развитие теорий в психологии.

Тем самым теряется *контроль за выводом* – как отрефлексируемый путь от теории к получению данных и затем к их обработке на уровне статистических моделей и возврат к обсуждению теоретической гипотезы. Это и потеря контроля за выводом в контексте

логической компетентности: так, отсутствие корреляций может лежать в основе опровержения гипотезы, но выявление корреляций (и факторизация данных) не может служить основой принятия содержательной гипотезы, что делается сплошь и рядом.

Обсуждавшийся с 2015 г. кризис воспроизводимости в психологии поставил вопрос о необходимости отличить «надежные эффекты от шума, вызванного небрежной работой, сомнительной исследовательской практикой, предвзятостью публикаций и так далее» (Robinaugh et al., 2020). Но гипотеза о статистической связи не может лежать в основе психологического объяснения. Студенты это проходят в курсах экспериментальной психологии в виде знакомства с переходами между теоретической, эмпирически загруженными и собственно статистическими гипотезами (Корнилова, 2011).

Необходимо также различать психологические явления и статистические эффекты. Эффекты с уровнем значимости 0,06 не попадают в журналы. Их специально выискивают авторы метаанализов. Это не означает, что соответствующие явления имеют меньший вес в психологической реальности или что их не нужно изучать. Шуткой стало высказывание одного из авторов статьи по проблеме уровня значимости (к сожалению, не помню его точно): «Кто сказал, что Бог любит число 0,05 больше, чем число 0,06?». Таким образом, сами по себе надежные статистические эффекты не устанавливают надежных явлений. Они также чаще всего сами требуют объяснения вместо того, чтобы что-то объяснять.

Кроме того, в психологии тратится мало усилий на теоретическую разработку информативных гипотез; в этом проблема погруженности в эмпирию, а не в том, что ее много. Именно отсутствие необходимой работы по теоретизированию как подготовке гипотез (для проверки) ведут потом к произвольности выводов. Э. Фрид при обсуждении полезности теории как характеристики ее силы прибегает к цитате из К. Левина «Нет ничего более практичного, чем хорошая теория». Не только содержательное описание психологического явления, но и предсказание и контроль делает теорию сильной. Но, по моему мнению, слабость позиции автора при этом проявляется в том, что он не делает различия между собственно теоретической — содержательной — моделью и статистическими моделями. Оценка же психологического содержания теории актуализирует вопрос о соотношении описания и объяснения, поскольку не все объяснения могут соответствовать причинно-следственному (тем более в старом понимании детерминизма — с его единственной и материально действующей причиной).

Проблема различия между описанием и объяснением отражает следующий аспект — уровневого подхода и угрозы редукционизма, когда психологическое содержание явления или процесса переводится на уровни психологического или социального. Редукционизм облегчается подменой теории моделью, которая не имеет сама по себе психологического содержания.

По мнению Фрида, модели могут быть ценной *отправной точкой* для формирования теории. Но только целевая система теории может определять, что подлежит моделированию или измерению. Психологические конструкты имеют отношение к сложным явлениям, а модели лишь отражают отдельные аспекты. В заключение автор обращается к циклу построения теории, основываясь на мнениях других участников дискуссии, представленных в этом выпуске.

Вычислительное моделирование — другой обсуждаемый аспект перехода к теоретическому объяснению в психологии, поскольку предполагает формализацию интуитивных представлений, которые в противном случае остаются неисследованными (Guest, Martin, 2021).

Название статьи «Аргументы в пользу формальной методологии в научной реформе» подчеркивает эту линию обсуждения роли формальных моделей (Devezer et al., 2021). Анализ идеи воспроизводимости результатов и использования строгих (а не «странных») статистических моделей — те пути улучшения эмпирического базиса в психологии, которые авторы связывают с необходимостью ее методологической реформы. Б. Девецер с соавт. придерживаются точки зрения, что воспроизводимость не может служить критерием демаркации для науки, «потому что она не обязательно является хорошим показателем для открытия истинных закономерностей» (ibid.). Не менее серьезная проблем — выбор адекватных статистических моделей; это тесно связано с указанием во многих исследованиях, что они являются поисковыми (эксплораторными) и значит, якобы могут снижать требования к формальному уровню оценивания своих результатов. Модель должна правильно учитывать *механизм генерации данных*. Так, скорость воспроизводимости истинного результата уменьшается с погрешностью измерения в неправильно определенной простой модели линейной регрессии; а слабая идентифицируемость параметров снижает воспроизводимость истинных результатов.

Неадекватное использование статистических моделей (наряду с недостаточным вниманием к выделению переменных и обоснованию репрезентативности выборок) — действительно беда современной психологии. Но в контексте представляемого сейчас обсуждения

обращаю далее внимание на иной аспект — адекватного соотнесения теоретической направленности психологического объяснения и опоры на вычислительные модели (как разноуровневые составляющие развития психологических гипотез о психологических явлениях и закономерностях).

Видимо, можно согласиться с положением, что четко определенная теория, для которой прояснены конструкты, должна сочетаться с возможностью ее совершенствования на вычислительном уровне (Grahek et al., 2021). Но для психологических явлений встает вопрос об адекватности или самой возможности перевода конкретизированной содержательной модели (в качестве эксплицируемой из теории) явления на уровень вычислительной модели. Психологические конструкты опосредствования, эмпатии, динамических регулятивных систем, смысловых образований и т. д. (каждый психолог может продолжить этот список) *содержательно не могут быть переведены на язык формальных высказываний*. Таким образом, спецификация психологических гипотез при проверке их на основе использования статистических моделей может обсуждаться как переход между уровнями или этапами разработки теории в психологии. Но это может происходить именно в последовательности ответов на вопрос, какие статистические модели можно применить для оценки параметров устанавливаемых эмпирических феноменов, а не в подмене теории вычислительным уровнем анализа. К сожалению, пока именно специалисты по статистике, а не психологи обучают студентов применению статистических моделей, так что понимания важности проблемы спецификации психологических гипотез ожидать не приходится. Под спецификацией в данном случае я имею в виду не цикл построения теории, а переход от теории к этапу ее проверки на уровне моделей.

«Теоретический цикл» подготовки гипотез и редукционизм формализации

Исследования Ирис ван Ройдж с соавт. также поднимают проблему тестирования психологической теории в аспекте возврата к уровням анализа Марра (Marr, 1982; van Rooij et al., 2021). Они рассмотрели анализ эффектов в психологии как служащий именно выбору между конкурирующими объяснениями, причем предполагая их представленность уже на уровне «теоретического цикла». Но чтобы объяснения стали правдоподобными еще до установления эмпирических закономерностей, необходима специальная работа в теоретическом

цикле. Авторы обосновывают, что методологическая реформа в психологии должна быть направлена сейчас не на совершенствование методов определения того, какие статистические эффекты являются воспроизводимыми (как то было на предыдущем этапе дискуссий), а на улучшение методов *генерации гипотез* и формализации *научных объяснений*. Обсуждение ими того, что исследователь заранее не знает, какие эффекты наиболее информативны, явно переформулирует старую проблему индуктивного вывода: эмпирия не определяет, что в ней следует обобщать.

Обращение к общенаучному уровню методологии в концепции Д. Марра выступает основанием развертывания в теоретическом цикле рассуждений о *функциональной цели* («что» делает система) психологического процесса или явления. Согласно трехуровневому подходу анализа по Марру, в построении объяснения необходимо пройти по следующим направлениям: 1) верхний уровень – определения целевой направленности как «природы» функции (какова цель и что на выходе); 2) с помощью каких процессов вычисляется функция (алгоритмы вычисления или аппроксимации отображения); 3) каков механизм реализации процесса. Соответственно, Марр различал эти составляющие как теории вычислительного уровня, алгоритмического уровня и теории на уровне реализации. И приложение этого уровневого подхода к теоретическому миру психологии вызывает вопрос о «природе» психологических явлений. Культурно-историческое или природное (как «натуральное»), «естественное» или «искусственное», функциональная цель системы или цель как осознанное предвосхищение будущего результата действия личности – все эти и другие дихотомии демонстрируют, что «анализ по Марру» скорее метафора в психологии.

Но при всей критике такого уровневого подхода он активно используется в исследованиях по когнитивной науке и когнитивной нейробиологии. Ирис ван Ройдж применила его к проблеме построения *теории способностей*. Способность понимается ею при этом очень широко – как диспозиция или тенденция преобразовывать некоторое начальное состояние (или «вход») в результирующее состояние («выход»). Тем самым для психологии в соответствии с уровневым подходом Марра понимание теории сужается: «Психологические теории способностей, как правило, должны быть: а) математически конкретизированы и б) независимы от деталей реализации» (van Rooij et al., 2021, p. 689). Отображение *функции* не обязательно должно быть числовым. Оно также может быть *качественным, структурным* или *логическим*. Не поднимая вопроса о степени или возмож-

ности той или иной формализации теории в психологии (тем более при противопоставляемым сегодня качественным и количественным подходам в психологии), обращу внимание на последний уровень — реализации.

Если вспомнить, какие концепции Ж. Пиаже предложил рассматривать в качестве *нередукционистских*, то для них он выделил именно независимость модели от носителя ее структуры. В своей знаменитой «Психологии интеллекта» он это как раз и реализует, обращаясь к логике группировок как снимающей обращение к биологическому (физическому), «субъектному» или «мозговому» воплощению реализации интеллектуальных операций (Пиаже, 1969). Авторы статьи указывают веер приложений такой конкретизации подхода Марра в психологии. Они выделяют необходимость приложения подхода к *некогнитивной* сфере психики, выдвигают идею соотношения формализации и интуиции в разработке теории. Далее ван Ройдж с соавт. эту линию рассуждений не развивают, видимо, потому, что только для когнитивных структур возможно абстрагирование от реализующего субстрата.

Моделирование любых других психологических явлений (да и целостного мышления, понятого как единство структур когнитивных и целевых, смыслообразующих) дает лишь метафорическое их воплощение, идущее по линии переноса на подразумеваемый психологический процесс тех схем движения к результату (будь то «понятие», «эмоция» и т. д.), которые реализуются процессом вычислительным. Если говорить в психологии о таких «качествах», как ментальные репрезентации, целеполагание, смыслообразование и т. д., то на теоретическом уровне «анализ по Марру» ничего не добавляет в построение психологической теории. И если уж говорить о независимости «способности» от субъекта как ее носителя, то вслед за ван Ройдж психолог должен пойти по линии метафизического анализа функции, а не собственно вычислительного уровня. Здесь обращение к логической компетентности для автора выступило основанием подмены изучаемого предмета. Теоретический цикл предполагает, что интересующая исследователя способность, *explanandum*, должна быть идентифицирована с достаточной точностью, чтобы позволить осуществить спецификацию начальных состояний и выходов, или результирующих состояний. Это и будет характеризовать функцию в полной детализации в «теоретическом цикле». Однако непонятно, почему этот цикл нужно называть теперь теоретическим, если он не включает анализа самих теоретических конструкций и переходов к их эмпирической «загруженности» (в терминологи-

гии К. Хольцкампа) в конкретной модели. В эмпирическом цикле ван Ройдж с соавт. предполагают дальнейшее сужение пространства возможных функций *после* применения соответствующих теоретических ограничений.

Нацеленность на описание того, как функция действует в реальном мире, — существенный аспект предложений авторов, к которым они вынуждены обратиться после того, как оторвали описание функции от ее субстрата. Прогресс в же психологической науке видится ими не в переходе от слабых качественных к сильным количественным тестам, а скорее в «сильных тестах качественной структуры», т. е. в выявлении эффектов, которые непосредственно связаны с работой системы (без субстрата). В прояснении сложных взаимоотношений между теорией и выводом из опытных данных выявление соответствующих эффектов будет способствовать выявлению потенциала теории.

Многоуровневые объяснения видятся перспективой для многих частных направлений психологической науки. Причем их роль обсуждается как раз в контексте перехода от атеоретических накопленных эмпирии к построению теоретического объяснения. Например, в нейробиологии личности осознается необходимость выхода из поля поиска нейрокоррелятов диспозициональных личностных свойств к выявлению «алгоритмических процессов, которые выполняются этими коррелятами» (Allen et al., 2020). Но уровни объяснения — от теории к явлениям и обратно — еще не состоялись в качестве отрефлексированных требований или нормативов, поэтому пока психология принимает их в общенаучном звучании.

Заслуживает внимания проблема понимания «уровней» в системном подходе и с точки зрения выделения «единиц» в психологии, что по-разному освоено в отечественных школах Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева, в работах Н. А. Бернштейна, В. П. Зинченко, Б. Ф. Ломова и др. Литература по этим направлениям хорошо известна; однако сопоставление с обсуждаемыми сегодня методологическими вопросами может быть предметом специальной работы.

От формальной методологии к разным интерпретационным подходам

Постмодернистские устремления — не только метафора; в психологии они важны как очерчивание границ интерпретационных схем. Любое обсуждение результатов проведенных исследований предполагает сопоставление объяснений, идущих на основе изначально

выбранной теории, и других, которые также могут быть привлечены для интерпретации данных. Совмещение же разных интерпретационных объяснительных схем затруднено из-за их связей с тем или иным представлением о рациональности научного познания. Проблеме несоотнесимости когнитивных и эволюционных объяснений в этом аспекте посвящена статья Патриции Рич с соавт. (Rich et al., 2020). Они считают, что программы когнитивных исследований так или иначе ориентируются на уровневую концепцию Марра. Но именно перемещение объяснительных схем в биологические уровни по Тинбергену позволит, по мнению авторов статьи, совместить якобы несоотнесимые уровневый и эволюционный подходы к построению объяснения. Предлагаемый путь – расширение формальных представлений о рациональности действий: дополнение *классической рациональности* критериями *ресурсной рациональности, экологической рациональности* действия, *массивной модульности познания*. И хотя применительно к рассмотрению *когнитивных* объяснений авторы используют понятия рационального анализа Дж. Андерсона, Г. Гигеренцера об экологической рациональности и эвристиках, Фодора о функциональных модулях (он, однако, не все познание сводил к модульной архитектуре) и др., они не переходят к какому-либо содержательному представлению моделей и поправок к ним, выстраивая их архитектурные изменения (Anderson, 1990; Gigerenzer, 2020; Fodor, 1983). Рич с соавт. утверждают, что эволюция стоит и за эвристиками, и за модулями, т. е. включена в механизмы когнитивных структур, а также ставят «обобщенную проблему адаптации» (Rich et al., 2020). Формальный анализ вариантов ее решений позволяет прийти к таким выводам. Во-первых, *не* существует алгоритмов, которые могли бы надежно решать задачи адаптации при разумном количестве (полиномиальных) ресурсов. Во-вторых, эволюция лишь корректирует решение тех основных задач, которые базируются на реализации рациональности познания. Эволюция лишь подготавливает познание «к гибкой настройке своих собственных стратегий выбора действий».

Не очень убеждает проведенный формальный анализ проблемы когнитивных и эволюционных объяснений, поскольку за ним теряется предмет исследований. Именно в конкретных исследованиях реализуются те или иные объяснения, и совмещение названных подходов в общем формальном поле решения проблем адаптации скорее уводит от содержательного анализа их различий. Отмечу также, что в отечественной методологии психологии содержательно обсуждается другая проблема – пре-адаптации (Асмолов и др.,

2017). И большой вопрос, могут ли ее охватить использованные Рич с соавт. средства формализации (без потери основных — содержательных аспектов эволюции познания человека и его культурно-исторической детерминации). Но важным шагом становится попытка соотношения эволюционной оптики и формальной методологии (уровневой концепции Марра) как разных подходов к построению интерпретаций. Вопросом остается, как они могут соотноситься на общем пути к интеграции (интеграции в общем научном диалоге, а не в отдельной теории).

Стили и уровни объяснений

Тема «Уровни объяснения в когнитивной науке: от молекул к культуре» развивается и в иных контекстах. А. Поточник и Г. Оливейра не согласились с общепринятым «фреймингом» выделения в когнитивных исследованиях уровней редукционистских (нейрофизиологических), механистических — соединяющих рядоположно разные основания объяснений — и более высокого уровня обобщений — «плюралистических» (в частности, динамических подходов и подхода «воплощенного познания») (Potocknik, de Oliveira, 2019). Эти «уровни» оказалось возможным представить как *стили* объяснения, возникновение которых диктуется паттернами связей исследуемого явления и целей работы (самих исследователей). Концепция Марра и механистические концепции уровней вводят предположения об упорядоченности уровней и специфичности их описания (молекулярный, неврологический, репрезентативный/вычислительный и социальный/культурный). Предпочтение одного уровня приводит к редукционизму, сочетание — к объяснительной интеграции, допущение нескольких уровней как отдельных объяснительных — к объяснительному плюрализму. Однако объяснения идут не по уровням. А. Поточник и Г. Оливейра приводят пример анализа преступного поведения — от нейрофизиологического до социального уровней, что демонстрирует несвязанность факторов, обсуждаемых на разных уровнях, их принципиальную несопоставимость и несводимость к причинно-следственным отношениям другого уровня.

По мнению этих авторов, именно различия в целевых подходах акцентируют внимание на разных особенностях когнитивных явлений. Это делает объяснения *фокусными*, снимая необходимость других объяснительных уровней. Тем самым идею плюралистического объяснения нужно переформулировать в идею *плюрализма объяснительного стиля*: независимые объяснения в когнитивной науке

обеспечивают сквозные описания, иногда даже одних и тех же явлений, которые охватывают разные *причинные модели* (ibid.). Научные стили объяснения при таком подходе предполагаются вариативными, не связанными жестко с одним аспектом причинно-следственного объяснения. Они определяют, *как* осуществляется поиск знания, *что* считается знанием и *из чего* оно состоит. Это не стили рассуждения вообще, а стили *исследования*. И разные стили исследования в когнитивной науке выявляют разные причинно-следственные зависимости.

Этот стилевой подход иным образом подходит к психофизиологической проблеме, чем постулируемое единство нейронных сетей и психологических явлений в понятиях «когитома» и др. Он скорее позволяет обойти ее. Подход признает, что каждый стиль объяснения игнорирует некоторые важные каузальные факторы; при этом он свидетельствует о том, что интегрированные объяснения имеют меньшую силу, чем плюралистичные (выше стоящий в обобщениях уровень), поскольку включают дополнительную информацию, отвлекающую от основной для выделенного целевого паттерна. Успешным же стиль становится в зависимости от правильно поставленного исследовательского вопроса и закономерностей в отношении интересующего причинно-действующего фактора. «Просто так» описания не станут объяснениями; за объяснением все-таки кроется модель.

Заключение

Говоря о теоретическом мире психологии, трудно пропускать звено философских предпосылок, но я постаралась не касаться их, поскольку это достаточно освещено в отечественной истории психологии применительно к рассмотрению психологических школ. Еще важнее не упустить проблему освоения в психологии общенаучных принципов. Здесь я могу сделать отсылку к учебнику «Методологические основы психологии» (Корнилова, Смирнов, 2021). Но при выборе темы данной статьи я учитывала сложившуюся оторванность отечественного читателя от тех методологических дискуссий, которые сегодня занимают зарубежных коллег. Диалог школ и диалог коллег не может, на мой взгляд, проходить мимо звена построения объяснительных схем, которые направляют и организацию исследований, и выводы из них.

Психологи достаточно дистанцированы от методологического дискурса, происходящего в современных работах, в частности, в связи с громко звучащей социоидеологической критикой *постмодер-*

низма, социального конструктивизма и прочих «ненаших» поворотов мысли в философии науки. В результате отечественная психология проходит мимо той проблематики, которая обсуждается на непривычных путях соотношения общенаучной и частнонаучной методологии. Подход Э. Юдина к выделению уровней методологии научного знания остается актуальным, поскольку позволяет прояснять соотношение уровней конкретнонаучного (теории и методы в психологии) с общенаучным (принципы детерминизма, системности, неопределенности и т. д.) и философским представлением путей познания. В частности, он может помочь в понимании происходящей ныне дискуссии о том, действительно ли для психологии все методы пригодны (Zitzmann, Loreth, 2021). Однако если философия психологии может в своих построениях не видеть эмпирическую базу, то мир психологических теорий без нее (без соотношения теории и эмпирии) развиваться не может. И эти переходы обсуждаются авторами представленных статей как ловушки эссенциалистских объяснений, как уровни – формальные и содержательные – объяснений, как стили или циклы построения объяснений, как попытки соотносить эволюционную и когнитивную парадигмы.

Я не затрагивала вопроса о соотношении качественных–количественных методов, схем индивидуального мышления и надындивидуального развития идей в научном познании, соотношения принципов детерминизма и неопределенности как они освоены в психологии (Асмолов, 2015; Корнилова, 2010; и др.). Эти и многие других вопросы также могли стать подразделами статьи. Но нельзя в одной статье охватить все обсуждаемые повороты методологических работ; я старалась дать представление о наиболее «горячих» из опубликованных в зарубежной литературе.

Уровневый подход, как я показываю в обзоре, учитывается в современных дискуссиях зарубежных психологов, но как один из вариантов формальной методологии. Усилий, затрачиваемых на объяснения межуровневых переходов между теориями и формальными моделями, больше, чем на анализ построения психологических теорий и диалога между ними. Но без этих направлений поисков знание о современном дискурсе в методологии психологии было бы далеко не полным.

К каждой из приведенных работ могут быть свои «претензии». Например, мне показалось странным, что Р. Мэйрхофер с соавт., обращаясь к концепциям Жана Бодрийяра и Ролана Барта, вообще не упоминают о концепции К. Поппера, сформулированной в его работе о научном методе (Поппер, 1983; Mayrhofer et al., 2021).

Они говорят о необходимости расширения рамок понимания экспериментального метода в рамках борьбы с позитивизмом. Допустим, не нужно предъявлять претензий к переходам между философским и общенаучным уровнями анализа проблемы. Но нельзя вновь изобретать велосипед — его уже изобрели. Нельзя не знать ключевой характеристики экспериментального метода — поиска не просто закономерностей входа—выхода переменных, а использования его (в гипотетико-дедуктивном контексте принципа фальсификации гипотез) для реконструкций теоретически предполагаемых психологических процессов.

Если для российского ученого такое смешение позитивизма с экспериментированием еще можно оправдывать старым запретом (хотя книга Поппера для научных библиотек вышла уже в 1983 г.), то для пишущих в 2021 г. авторов это выглядит сознательным замалчиванием чужого «открытия» либо недостаточным знанием предмета. Думаю, что незнание или умалчивание нельзя называть «постмодернистским устремлением».

Уже со времен введения Т. Куном понятия парадигмы обсуждался вопрос о том, спорят ли в науке между собой разные исследовательские подходы или придерживающиеся их исследователи. С. Цицман и Л. Лорет включают новый аспект — необходимости толерантности в понимании возможности разных путей развития психологии, в частности, в отношении использования разных статистических подходов (в частности, байесовского и фишеровского) (Zitzmann, Loreth, 2021). Они приводят также позицию П. Фейерабенда в его работе «Против метода», который писал о том, что превалирование одного подхода (подразумевается гипотетико-дедуктивный подход К. Поппера) может мешать науке. Авторы статьи предлагают вместо фейерабендовского «анархизма» использовать для обозначения принимаемой ими соответствующей постмодернистской методологии термин «либерализм». Но в связи с введенной Фейерабеном фразы «Всё допустимо» они предлагают изменение понимания плюрализма методов как необходимой терпимости исследователей, использующих разные методы, друг к другу. А для этого «нужно укрепить свою общую идентичность как психологов». Притом что психологи могут предпочитать разные методы, они должны строить интерпретации именно в связи с нормативами того или иного метода (не проявлять эклектики), их исследование должно соответствовать тому или иному подходу. А вот интерпретации нельзя смешивать или размыывать. Такая постмодернистская методология не подразумевает, что к истине нельзя приблизиться или построить ее. Эта общая задача может

решаться только коллективными усилиями. Она также подразумевает не приемлемость любого дискурса, а определенную строгость в следовании выбранному исследовательскому пути.

Литература

- Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.12.2015).
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. М.: Педагогика. 1982. Т. 1. С. 366.
- Зинченко В. П.* Толерантность к неопределенности: новизна или психологическая традиция // Человек в ситуации неопределенности / Под общ. ред. А. Б. Болотовой. 2007. С. 9–33.
- Зинченко В. П., Мамардашвили М. К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.
- Корнилова Т. В.* Принцип неопределенности: основания и проблемы // Психологические исследования. 2010. Т. 3. № 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.01.2011).
- Корнилова Т. В.* Экспериментальная психология. М.: Юрайт, 2011.
- Корнилова Т. В.* Единство интеллекта и аффекта в множественной регуляции эмпатии // Национальный психологический журнал. 2022. Т. 41. № 1. С. 94–103. doi: 10.11621/npj.2022.0100
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2021.
- Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Пиаже Ж.* Психология интеллекта // Ж. Пиаже. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. С. 55–232.
- Поннер К.* Логика и рост научного познания. М.: Прогресс, 1983.
- Поннер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. М.: Культурная инициатива, 1992.
- Allen T. A., Schreiber A. M., Hall N. T., Hallquist M. N.* From description to explanation: integrating across multiple levels of analysis to inform neuroscientific accounts of dimensional personality pathology // Journal of Personality Disorders. 2020. V. 34 (5). P. 650–676. doi: 10.1521/pe-di.2020.34.5.650

- Anderson J. R.* Cognitive psychology and its implications. 3rd ed. W. H. Freeman—Times Books—Henry Holt & Co, 1990.
- Brick C., Hood B., Ekroll V., de-Wit L.* Illusory essences: A Bias holding back theorizing in psychological science // *Perspectives on Psychological Science*. 2022. V. 17 (2). P. 491–506. P. 1–16. doi: 10.1177/1745691621991838
- Borgstede M., Scholz M.* Quantitative and qualitative approaches to generalization and replication—a representationalist view // *Front. Psychol.* 2021. V. 12. Article 605191. doi: 10.3389/fpsyg.2021.605191
- Devezer B., Navarro D. J., Vandekerckhove J., Buzbas E. O.* The case for formal methodology in scientific reform // *Royal Society Open Science*. 2021. V. 8 (3). Article 200805. doi: 10.1098/rsos.200805
- Fiske A. P.* The lexical fallacy in emotion research: Mistaking vernacular words for psychological entities // *Psychological Review*. 2020. V. 127 (1). P. 95–113. doi: 10.1037/rev0000174
- Fried E. I.* Lack of theory building and testing impedes progress in psychological science // *Psychological Inquiry*. 2020a. V. 31 (4). P. 271–288. doi: 10.1080/1047840X.2020.1853461
- Fried E. I.* Theories and models: what they are, what they are for and what they are about // *Psychological Inquiry*. 2020b. V. 31 (4). P. 336–344. doi: 10.1080/1047840X.2020.1854011
- Holtz P.* Does Postmodernism really entail a disregard for the truth? Similarities and differences in Postmodern and Critical Rationalist Conceptualizations of truth, progress, and empirical research methods // *Front. Psychol.* 2020. V. 11. Article 545959. doi: 10.3389/fpsyg.2020.545959
- Fodor J. A.* The modularity of mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1983.
- Gergen K. J.* Psychological science in a postmodern context // *American Psychologist*. 2001. V. 56 (10). P. 803–813. doi: 10.1037/0003-066X.56.10.803
- Gergen K. J.* Psychological science: To conserve or create? // *American Psychologist*. 2002. V. 57 (6–7). P. 462–463. doi: 10.1037/0003-066X.57.6-7.462b
- Gigerenzer G.* How to explain behavior? // *Topics in Cognitive Science*. 2020. V. 12. P. 1363–1381. doi: 10.1111/tops.12480
- Grahek I., Schaller M., Tackett J. L.* Anatomy of a psychological theory: Integrating construct-validation and computational-modeling methods to advance theorizing // *Perspectives on Psychological Science*. 2021. V. 16 (4). P. 803–815. doi: 10.1177/1745691620966794
- Guest O., Martin A. E.* How computational modeling can force theory building in psychological science // *Perspectives on Psychological Science*. 2021. V. 16 (4). P. 789–802. doi: 10.1177/1745691620970585
- Krueger J. I.* Prediction and explanation in a postmodern world // *Front. Psychol.* 2020. V. 11 (1). Article 597706. doi: 10.3389/fpsyg.2020.597706

- Marr D. C.* Vision: A computational investigation into human representation and information processing. N. Y.: W. H. Freeman, 1982.
- Mayrhofer R., Kuhbandner C., Lindner C.* The practice of experimental psychology: An inevitably postmodern endeavor // *Front. Psychol.* 2021. V. 12. Article 612805. doi: 10.3389/fpsyg.2020.612805
- Popper K. R.* “The logic of the social sciences” in *The positivist dispute in German sociology* / Transl. by G. Adey, D. Frisby; German original 1969; T. Adorno, H. Albert, R. Dahrendorf, J. Habermas, H. Pilot, K. R. Popper (Eds). N. Y.: Harper Torchbooks, 1976. P. 90–104.
- Potochnik A., de Oliveira G. S.* Patterns in cognitive phenomena and pluralism of explanatory styles // *Topics in Cognitive Science.* 2019. V. 12 (4). P. 1306–1320. doi: 10.1111/tops.12481
- Rich P., Blokpoel M., de Haan R., van Rooij I.* How intractability spans the cognitive and evolutionary levels of explanation // *Topics in Cognitive Science?* 2020. V. 12 P. 1382–1402. doi: 10.1111/tops.12506
- Robinaugh D. J., Hoekstra R. H. A., Toner E. R., Borsboom D.* The network approach to psychopathology: A review of the literature 2008–2018 and an agenda for future research // *Psychological Medicine.* 2020. V. 50 (3). P. 353–366. doi: 10.1017/S0033291719003404
- van Rooij I., Baggio G.* Theory before the test: How to build high-verisimilitude explanatory theories in psychological science // *Perspectives on Psychological Science.* 2021. V. 16 (4). P. 682–697. doi: 10.1177/1745691620970604
- Zitzmann S., Loreth L.* Regarding an “Almost Anything Goes” attitude toward methods in psychology // *Front. Psychol.* 2021. V. 12. Article 612570. doi: 10.3389/fpsyg.2021.612570

Специфика социально-психологического знания: от научных исследований к социальному проектированию¹

А. Н. Лебедев

doi: 10.38098/

Введение

Вопрос о том, обладает ли социально-психологическое знание особой спецификой по сравнению с тем, что ученые изучают в других науках или отраслях психологии, вполне уместен по целому ряду причин. Прежде всего по причине ценностно-субъективной природы сознания представителей биологического вида *Homosapiens*, способных мысленно оперировать тем, что объективно не существует. По мнению историка Ю. Н. Харари, это первая основная способность нашего биологического вида, отличающая его от любых других животных, существовавших когда-либо или существующих на планете в настоящее время. Она позволяет человеку абстрактно и творчески мыслить, сопоставляя уникальные фантастические образы, рождающиеся в голове каждого человека, с такими же нереальными образами, возникающими у других людей, а также с реальным физическим миром. В результате появляются: искусство, религии, философия, математика и др. (Харари, 2021).

Можно сделать вывод, что именно эта интеллектуальная способность проявляется и во многих феноменах социальной психологии, изучением которых ученые занимаются последнюю сотню лет. К ним следует отнести: групповые нормы, которые необходимы, чтобы поведение и индивидуальная деятельность одних людей были согласованы с поведением и деятельностью других, межличностные конфликты, возникающие потому, что люди видят мир по-разному, социальные представления и иллюзии, социальные влияния и сравнения, лидерство, интрагрупповой фаворитизм и патриотизм, групповое планирование совместной деятельности, групповую поляризацию мнений и, конечно же, конформизм, без которого слаженное взаимодействие было бы невозможно. Ведь если я вижу мир

---

1 Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2022-0005.

иначе, чем другой человек, то я должен либо заставить его признать мою позицию, либо подчиниться и согласиться с тем, что мне кажется абсурдным.

В отечественной психологии XX в. свойственный людям субъективизм как психологический феномен в определенной степени нашел свое отражение в субъектном подходе с той лишь разницей, что понятие субъектности в научной литературе всегда носило положительный характер, а субъективизм — всегда отрицательный, хотя биологические основы феномена, обозначаемого данными терминами, одни и те же. И если в искусстве субъективное в целом считается социокультурной нормой: «Я художник — я так вижу!» — то в совместной деятельности это всегда проблема, с которой людям приходится либо мириться, либо бороться. Для решения именно этой проблемы создаются социальные нормы, правила поведения и юридические законы. В противном случае относительно мирная жизнь и продуктивная деятельность в сообществах людей были бы большой редкостью.

Вторая способность биологического вида *Homo sapiens*, по мнению Ю. Н. Харари, состоит в том, что сапиенсы, в отличие от других *homo*, способны объединиться в очень большие группы порядка сотен и тысяч особей и выполнять слаженную совместную деятельность в экстремальных условиях, например, в условиях войны или охоты. Такие объединения людей в древности возникали явно не на основе биологических инстинктов, что отличало их, например, от муравьев, поэтому без умения «видеть» то, чего нет на самом деле, и верить в это такие союзы, по мнению автора, были бы невозможны (там же).

Тем не менее в повседневной жизни способность мысленно представлять несуществующее, а значит, по-разному видеть мир, при длительном контакте неизбежно приводит к проблемам. И объективных оснований для бесконфликтного общения в больших социальных группах в этом случае часто оказывается недостаточно. В межличностных отношениях, когда проявляется чрезмерное разнообразие мнений и нет возможности проверить их достоверность, очень часто субъективизм начинает преобладать, позволяя одерживать верх не самому умному, а самому сильному. В этом случае на передний план выходит вера, а не рациональные аргументы, и люди следуют мифам, которые для управления этими людьми создает тот, кто имеет над ними власть. Для социальной психологи важно не то, что люди видят мир не таким, каким он является «на самом деле», это важно для общей психологии, но прежде всего то, что люди видят этот мир по-разному и часто не могут договориться о том, каким же он является.

Специфика социально-психологического знания и логика системного подхода

Логика системного подхода, пытающегося объяснить рассматриваемый феномен на теоретико-методологическом уровне, состоит в том, что явления или объекты, попадающие в любую систему неких элементов, приобретают особые (системные), а по выражению К. Маркса — «сверхчувственные», свойства. Они возникают и существуют только в рамках этой системы, а по сути дела — лишь в сознании людей. Целое никогда не «равно», точнее, «всегда больше», чем «сумма его частей». При этом данные свойства неизбежно исчезают, когда система по каким-либо объективным или субъективным причинам разрушается (Маркс, 1955).

Таким образом, все «сверхчувственное», возникающее внутри социальных групп легко трактуется людьми по-разному, что происходит именно в силу ценностно-субъективной природы сознания (Аллахвердов, 2000; Акопов, 2010). Изначально любая длительно существующая социальная группа (команда, компания, коллектив и пр.) и даже какое-либо временное объединение людей (проект) потенциально конфликтны, и всегда есть вероятность того, что в жизни этой группы наступит момент, когда люди перестанут понимать друг друга и нужно объединяться вокруг идей и принципов, которым будут следовать не все члены группы, а лишь ее определенная часть. В результате неизбежно возникают механизмы защиты сообщества от распада в форме групповых норм и санкций, социального влияния, конформизма, авторитаризма и других социально-психологических феноменов.

При этом большинство конфликтов, особенно бытовых, между людьми происходит вовсе не из-за дефицита и невозможности удовлетворить свои биологические (витальные) потребности, а именно из-за различий во взглядах и мировоззрениях, которые часто формируются на основе того, чего на самом деле объективно не существует. В этом случае на первое место выходят не объективные факты, а мифы, религии, специфические политические и идеологические воззрения, философские и околонучные учения, антипатии непонятого происхождения, традиции, привычки и предпочтения, вкусы и мн. др.

В процессе выяснения того, кто «прав», соперники унижают чувство собственного достоинства друг друга, и такие конфликты, особенно на уровне больших социальных групп, могут длиться годами и даже столетиями. Либеральная идея культурного разнообра-

зия и толерантности существует ровно до того момента, пока противоречия не накопятся и власть не получит диктатор. В этом случае в обществе устанавливается «порядок» и вынужденное однообразие, пока жесткий режим не надоеет большинству населения. И так по кругу: от эпохи к эпохе, от столетия к столетию.

Бесконтрольное саморазвитие какой-либо социальной группы — процесс малопредсказуемый с высоким уровнем неопределенности, что рано или поздно делает актуальной задачу контроля и управления, а в итоге — при появлении высоких информационных и производственных технологий — проектирования условий и правил эффективного и стабильного взаимодействия. Из всего сказанного выше следует один очень важный методологический принцип: изучение чего-либо в науке в целом и тем более в социальной психологии неизбежно заканчивается выдвижением идей управления, а затем и проектирования, что само по себе имеет как плюсы, так и минусы и создает проблемы, порой не имеющие однозначных решений.

История науки знает немало примеров того, что новое направление научной мысли возникает в определенный момент истории и продолжает развиваться, не исчезая и даже не теряя своего значения. В этом случае сохраняются основные методологические принципы и теоретические основы, но могут измениться названия и терминология. При этом происходит это, несмотря на то, что позже появляются новые направления, которые также находят своих сторонников и последователей. В результате того, что такие направления возникают в разные периоды времени, может создаваться иллюзия, что они не самостоятельны, а являются стадиями или этапами развития одного поступательного познавательного процесса.

Так, например, это происходит в общей психологии. Сегодня нет оснований утверждать, что когнитивная психология вытеснила бихевиоризм, а на смену понимающей психологии пришла гуманистическая. В настоящее время ни одно из психологических направлений, возникших на рубеже XIX—XX вв. и позже, на самом-то деле полностью не исчезло, а лишь приняло несколько измененную форму. Это очень похоже на развитие популярной музыкальной культуры в обществе. Появление новых музыкальных направлений утрачивает свою массовость, но не исчезает полностью. Смена поколений меняет преобладающий музыкальный тренд, но остаются многочисленные субкультуры, которые поддерживаются ограниченным количеством наиболее верных последователей (Моль, 2008).

Так, например, вовсе не исчез бихевиоризм, он лишь занял определенную нишу и существует в новой форме, в частности, в форме по-

веденческой экономики, психологии менеджмента, психологии потребительского поведения и др. Сегодня у бихевиористов есть свои научные центры, научные и прикладные журналы, профессиональные ассоциации и пр., а многие исследовательские принципы и методики остались прежними. В соответствии с этой моделью научные подходы не приходят на смену друг другу, а как бы расходятся по предметным направлениям, существуют параллельно, вполне уживаются и даже взаимодействуют по поводу практических вопросов.

При этом мы неизбежно сталкиваемся с этапностью и стадийностью развития научного знания в направлении перехода от собственно исследования к прогнозированию и управлению, а затем — к проектированию. И эта этапность должна быть изучена как самостоятельное и очень важное не только сугубо научное, но и общественное явление.

Несложно заметить, что первый этап развития социально-психологического знания, который возник более ста лет назад, но существует и по сей день, — это традиционные исследования, выявляющие связи и механизмы изучаемых процессов и явлений. Суть его состоит в изучении социально-психологических феноменов эмпирическими методами, в накоплении феноменологических данных, их систематизации и обобщении. Основной метод таких исследований — эксперимент в лабораторных или естественных условиях.

Можно заметить, что идеи контроля, управления и тем более проектирования на этом этапе развития социальной психологии фактически отсутствуют. Здесь изучение часто оказывается оторванным и от широкой практики, поскольку бывает совсем не понятно, как можно применить на деле результаты каких-то отдельных, пусть и очень оригинальных экспериментов. Даже наиболее яркие, своего рода резонансные исследования, например хотгорнские эксперименты Э. Мэйо, поначалу не давали четкого понимания того, как именно нужно организовать совместную деятельность работников на предприятии, чтобы получить максимальный эффект от изменения физических условий труда или от улучшения отношения администрации к работникам (Mayo, 1945).

Важно то, что изучение отдельных социально-психологических феноменов, подобных сдвигу к риску при принятии групповых решений, не учитывает групповую динамику, конкретные моменты развития группы, состояние в определенный момент или промежуток времени. Об этом ученые и менеджеры стали задумываться гораздо позже. Тогда появились и начали развиваться новые отрасли науки, как, например, психология организации и др. Мысль о том, что более

или менее длительно существующая группа не является стабильным объектом, а всегда проходит определенные стадии и этапы развития, вначале не имела особой популярности среди ученых и менеджеров. На то, что исследователь конкретного отдельного социально-психологического феномена лишь фиксирует некий момент такого развития, психологи до определенного времени, похоже, вообще не обращали особого внимания.

Групповая динамика и развитие группы

В западной социальной психологии идеи развития групп встречаются в целом ряде теорий (Bales, 1965; Hollander, Julian, 1970; Homans, 1950; Mabry, 1975; Tuckman, 1965). Одной из них является теория групповой динамики К. Левина, которую он разрабатывал приблизительно с 1945 г. (Левин, 2019). В соответствии с его концепцией при взаимодействии и влиянии членов группы друг на друга в ней возникают процессы, которые отличают ее от совокупности индивидов. В этом случае выделяют такие процессы, как например, образование подгрупп по интересам; появление лидеров и их «уход в тень»; принятие групповых решений; кооперация и соревнование, конфликты, изменение ролей членов группы и др.

Также хорошо известна двухфакторная теория развития группы Б. Такмена (Tuckman, 1965). Изучая процесс развития малой социальной группы, Б. Такмен выделял две важные сферы ее существования: инструментальную и экспрессивную. Также он говорил о двух групповых структурах, которые определяют деятельность и межличностную активность членов группы. Кроме того, Б. Такмен выделил четыре стадии такого развития: формирующая стадия (*forming*) конфликтная стадия (*storming*), нормирующая стадия (*norming*) и стадия функционирования (*performing*). В 1977 г. в модель была включена пятая стадия — распад группы или «расставание» (Tuckman, Jensen, 1977).

На формирующей стадии межличностные взаимоотношения характеризуется зависимостью. Члены группы воспринимают лидера как основу для объединения интересов, взглядов и точек зрения. Они составляют впечатления друг о друге, устанавливаются правила поведения. Чтобы перейти на следующую стадию, каждый должен отказаться от тем, которые могут вызвать конфликт.

На конфликтной стадии неизбежно возникают конфликты. Чтобы их избежать, членам группы приходится подстраиваться под принципы и убеждения друг друга. Чтобы перейти на следующую стадию,

члены группы должны пересмотреть стратегию поведения и сосредоточиться на решении проблем.

На нормирующей стадии межличностные отношения характеризуются сплоченностью. Члены группы активно поддерживают друг друга, каждый участвует в решении общих вопросов. Лидерство распределяется равномерно, стираются границы между подгруппами. Участники лучше узнают друг друга, возрастает уровень взаимного доверия, что способствует росту сплоченности. На этой стадии члены группы начинают испытывать чувство групповой принадлежности, исчезают межличностные конфликты. Недостатком нормирующей стадии, по Б. Такмену, является страх распада группы, что вызывает сопротивление любым изменениям взаимодействия.

Стадия функционирования достигают далеко не все группы. На этой стадии члены группы могут действовать и независимо друг от друга в подгруппах, и как единое целое. Участники взаимодействия приобретают уверенность в себе и уже не нуждаются в одобрении большинства. Укрепляются групповая идентичность и сплоченность, взаимоподдержка.

На заключительной стадии – расставания – группа перестает существовать, так как она выполнила все стоящие перед ней задачи. В ряде случаев это может приводить к кризису вследствие неопределенности перед новыми задачами.

Поначалу модель казалась весьма перспективной. Автор изложил ее в 50 научных публикациях, однако после длительных исследований с применением многофакторного дисперсионного анализа результаты не подтвердили существования четырех выделенных автором последовательных фаз в развитии группы. При решении различных задач фазы часто смешивались.

Тем не менее на основе теории Б. Такмена социальный психолог Т. Биггс предложил выделять шесть стадий, а психологи Г. Стенфорд и А. Роарк выделили семь (Кричевский, Дубовская, 2001; Singh, Rani, 2017).

Другая модель, также ориентированная на процесс решения групповой задачи, была предложена Р. Бейлсом (Bales, 1965). Автор рассматривал два значимых фактора для развития межгрупповых отношений: непосредственно процесс решения и межличностные (эмоциональные) характеристики взаимодействия. С его точки зрения, возрастающая в процессе решения функциональная специализация участников ведет к дифференциации их позиций, перераспределению ресурсов и различиям в степени влияния на партнеров. Такие изменения группового взаимодействия, гипотетически необ-

ходимые для эффективного решения задачи и адаптации к внешней ситуации, в то же время создают трудности в межличностных отношениях и способствуют дезинтеграции группы.

При этом одновременно нарастающее напряжение создает стремление членов группы к интеграции, единению и действует в противовес дифференциации, необходимой для решения инструментальной задачи. Вопределенный момент времени группа входит в состояние динамического равновесия, некоей равнодействующей двух противоположных тенденций. По Р. Бейлсу, групповая структура, наиболее эффективная в инструментальном плане, может оказаться неэффективной в межличностном. Однако, по мнению критиков, модель Р. Бейлса, определяющая важность баланса в развитии группы, не объясняла, как именно и при каких условиях группа переходит на более высокий уровень функционирования с начала ее развития.

К теориям развития группы многие авторы также относят концепцию «идиосинкразического кредита» Е. Холландера. В этой модели рассматриваются феномены соотношения уровня нормативного поведения, в частности конформности и величины статуса индивида в группе, т. е. лидерства. Модель предполагает, что лидер не всегда устанавливает жесткие групповые нормы и следит за их соблюдением, что считается общепринятым мнением, а привносит в жизнь группы некую новизну, способствуя более эффективному достижению цели и переводя группу на иной, более высокий уровень функционирования.

При этом традиционно считается, что субъект с высоким статусом (лидер) не только сильнее других членов группы мотивирован, но обладает наибольшей компетентностью в групповой деятельности и вносит более значительный вклад в ее выполнение. Поэтому ему в соответствии с моделью в большей степени, чем члену группы с низким статусом, предоставляется право отклоняться от сложившихся групповых норм. Этот феномен, называемый Е. Холландером «идиосинкразическим кредитом», в соответствии с теорией становится одним из наиболее важных условий развития группы (Hollander, Julian, 1970).

Среди зарубежных теорий развития группы обратим внимание и на модель Дж. Хоманса (Homans, 1950). Основу данной модели составляет ряд системообразующих факторов, к которым автор относит: *индивидуальные действия* членов группы; *эмоциональные отношения членов группы друг к другу (чувства)*; *взаимосвязанные взаимодействия* членов группы. К этим факторам добавляются *групповые нормы* как стандарты поведения членов группы. В соответствии с этой мо-

делью каждая группа имеет некое внутреннее начало и своеобразную психологическую границу, за которой оказывается окружающая среда: физическая, техническая, социальная. Именно цели и задачи эффективного функционирования группы во внешней среде делают активными выделенные им элементы группового поведения. Групповая деятельность, вызванная необходимостью решения проблем внешней среды, порождает новый тип отношений и поведения членов группы. Таким образом, внешняя и внутренняя «системы» различаются по выполняемым функциям, но представляют некое единое целое, находящееся в постоянном развитии.

Анализируя социально-психологические модели групповой динамики и развития, некоторые авторы ссылаются на так называемую теорию «групповой синтальности» (поведения группы, действующей как целое). Данную модель связывают с именем Р. Кеттелла (Cattell, Slice, 1960). Предложенная им концепция группового поведения основана на понятии *синергии*. Предполагается, что, вступая в группу, каждый индивид привносит в нее некую «энергию» и нечто новое, в результате чего возникает синергетический эффект. Модель направлена на оценку потенциала группы с учетом индивидуальных вкладов ее членов. При этом системообразующим началом здесь выступает некая экспрессивная активности, а инструментальная активность (деятельностная) оказывается в определенной степени вторичной и зависимой.

Таким образом, в целом этапность развития группы определенным образом связана с этапностью формирования знания о группе, поскольку конкретную группу исследователь может начинать изучать на одном этапе, а закончит уже на другом.

Теории развития группы в советской психологии

Огромный интерес к явлениям саморазвития группы и ее развития через преднамеренное внутригрупповое или внешнее управление в наибольшей степени и закономерно проявился в советской социальной психологии, в рамках направления, которое получило название теории коллектива (Донцов, 1984; Петровский и др., 1979; Уманский, 2001). Особое значение они приобрели после того, как в 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята так называемая триединая задача построения коммунизма в стране. Предполагалось, что на это уйдет около 20 лет. Программа предполагала: 1) создание материально-технической базы коммунизма; 2) создание новых производственных отношений (системы управления) и 3) воспитание «нового

человека» коммунистического типа. Все социально-психологические исследования обязательно должны были иметь прикладную направленность (социальный заказ), т. е. любые научные исследования автоматически становились заложниками идей идеологического контроля и управления.

Предполагалось, что личность — феномен преимущественно социальный, и поэтому ее можно формировать (воспитать) такой, какая необходима для «всеобщего счастья». Биология человека (инстинкты, биологические потребности, патологические девиации, психические отклонения и пр.) публично и в научном плане игнорировались или отрицались. Воспитание должно было проходить в так называемых социалистических коллективах. Для этого нужна была специальная научная теория, которую было поручено разработать представителям советской науки и, прежде всего, социальным психологам.

В основу такой теории, как известно, было положено определение коллектива, которое когда-то сформулировал известный советский педагог А. С. Макаренко еще в 1920-е годы (Макаренко, 1951, 1985). А. С. Макаренко доказывал, что непродуктивно с позиции решения глобальных задач, выдвинутых советской властью, ориентироваться на принцип «учитель и ученик». По его мнению, наилучшая система воспитания новых людей должна быть основана на понимании важности представления об организации школы и коллектива. Принципы, положенные им в основу организации коллектива, прежде всего детского, были основаны на определении совокупности обязанностей и прав членов коллектива. Им была разработана психолого-педагогическая концепция коллектива, которая включала следующие понятия: система перспективных линий, методика параллельного действия, отношения ответственной зависимости, принцип гласности и др. Все это было направлено на то, чтобы «вызвать лучшее в человеке, обеспечить ему радостное самочувствие, защищенность, уверенность в своих силах, сформировать постоянную потребность движения вперед» и пр.

По А. С. Макаренко, коллектив проходит три стадии развития: зарождение коллектива, накопление опыта совместной жизни, расцвет коллектива. На первом этапе — зарождения — определяются цели, формируются формальная и неформальная структуры. На этом этапе коллектив еще не готов определить перспективы своего развития. Здесь педагог держит в руках все нити управления коллективом, является организатором и работает с активом — лидерами. На втором этапе коллектив накапливает опыт совместной жизни и опреде-

ляет для себя перспективы развития. Педагог постепенно передает управленческие функции активу. Главное здесь — сохранить хороший психологический климат. На третьей, заключительной стадии наступает «расцвет коллектива». Коллектив уже способен к самоорганизации и саморегуляции. Складывается атмосфера взаимопомощи и доверия. Педагог по отношению к коллективу в целом и каждому его члену «выходит на уровень сотрудничества». Теорию коллектива по А. С. Макаренко многие педагоги пытались реализовать в советских тюрьмах и в армии. Считалось, что этот подход работает вполне эффективно (Макаренко, 1985).

А. С. Макаренко выделил также два закона развития коллектива. Первый — «Закон движения коллектива» — гармония ближних, средних и дальних индивидуальных и коллективных целей. В системе перспективных линий, по А. С. Макаренко, реализуется идея «завтрашней радости». Второй — «Закон параллельного педагогического действия». Суть закона в том, что через коллектив оказывается влияние на личность, а через развитие каждой отдельной личности происходит развитие коллектива.

А. С. Макаренко сформулировал особые требования к организации коллектива: коллектив должен иметь традиции, поддерживать преемственность поколений (более опытные и организованные должны быть примером для младших), иметь мажорный тон настроений и атмосферу постоянной бодрости (никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию), в коллективе личность должна чувствовать себя защищенной, должны быть сформированы отношения взаимной ответственности и взаимного подчинения, должны соблюдаться вежливость в деловых отношениях и уважение к чувству достоинства.

Таким образом, постулировалось право коллектива на обладание истиной в любых сферах деятельности людей. Для создания некоей атмосферы объективности и справедливости часто устраивались мероприятия по публичной самокритике отдельных его членов. Однако критиковать руководство считалось дурным тоном, а позицию всего коллектива и вовсе — чуть ли не преступлением. Получалось, что коллектив всегда прав. Поскольку его интересы представляли руководители коллектива — актив, — то правым всегда оказывались те, кто действовали от имени коллектива.

Большой вклад в развитие идей коллективизма и их внедрения в широкую практику внесли А. В. Луначарский, В. А. Сухомлинский, Н. К. Крупская, основатель первой школы-коммуны С. Т. Шацкий и мн. др. Именно благодаря активности советских идеологов и педа-

гогов в социальной психологии того времени фактически отсутствовали исследования и соответственно научные статьи аналитического и критического содержания. Считалось, что воспитательная концепция коллектива настолько очевидна и единственно правильная, что собственно научные исследования, выявляющие отрицательные стороны повальной психологической коллективизации, игнорировались полностью. Коллективистический пафос создал условия для фактической ликвидации многих научных направлений психологии и завершился принятием ряда определяющих ее дальнейшее развитие документов, в частности, хорошо известного постановления ЦК ВКП(б) от 4.07.1936 о педологических извращениях в системе Наркомпросов.

В постановлении говорилось, что советской системе воспитания был нанесен непоправимый вред. Утверждалось, что «практика педологов, протекавшая в полном отрыве от педагога и школьных занятий, свелась в основном к ложно-научным экспериментам и проведению среди школьников и их родителей бесчисленного количества обследований в виде бессмысленных и вредных анкет, тестов и т. п., давно осужденных партией. Эти якобы научные «обследования», проводимые среди большого количества учащихся и их родителей, направлялись по преимуществу против неуспевающих или не укладывающихся в рамки школьного режима школьников и имели своей целью доказать, якобы с «научной» «биосоциальной» точки зрения современной педологии наследственную и социальную обусловленность неуспеваемости ученика или отдельных дефектов его поведения, найти максимум отрицательных влияний и патологических извращений самого школьника, его семьи, родных, предков, общественной среды и тем самым найти повод для удаления школьников из нормального школьного коллектива».

В постановлении также говорилось о том, что в целях дискредитации советской системы воспитания детей действовала «обширная система обследований умственного развития и одаренности школьников, некритически перенесенная на советскую почву из буржуазной классовой педологии и представляющая собой форменное издевательство над учащимися, противоречащая задачам советской школы и здравому смыслу» (Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», 1936).

В соответствии с принятым постановлением ЦК ВКП(б), в частности, требовал: ликвидировать звено педологов в школах и изъять педологические учебники, пересмотреть школы для трудновоспитуемых детей, переведя основную массу детей в нормальные школы,

«раскритиковать в печати все вышедшие до сих пор теоретические книги теперешних педологов», «желающих» педологов-практиков перевести в педагоги.

Таким образом, руководством страны фактически была дана установка на отказ от объективных исследований и на переход к стратегии формирования через воспитание. Психология как наука ушла на задний план, на передний план вышла педагогика, направленная на достижение целей, определяемых советской властью и коммунистической партией на основе марксистско-ленинской идеологии. Получается, что вера в непогрешимость власти и неизбежное светлое будущее, основанная на пафосе любви к тому, что на деле тебе не принадлежит, как раз и есть проявление уникальной способности Homo sapiens создавать мифы и принимать их за реальность, о которой пишет историк Ю. Н. Харари.

Коллективы всегда неизбежно создавались там, где они вовсе были не нужны, где в профессиональном плане можно было действовать более эффективно и обойтись временными трудовыми коллективами, создаваемыми под проекты. Об этом, например, неоднократно говорил основатель советской экономической психологии А. И. Китов, но его позиция была абсолютно неприемлемой для власти вплоть до 1990-х годов – одного из самых тяжелых периодов истории России второй половины XX в. (Китов, 1987).

А. И. Китов неоднократно подчеркивал, что «люди ходят на работу зарабатывать деньги, а не общаться», поэтому целенаправленно формировать коллективы там, где они вовсе не нужны, по его мнению, не имело никакого смысла. Функция воспитания бездельников и тунеядцев, полагал А. И. Китов, силами производственных объединений – это иллюзия, которая не может дать ничего хорошего ни в экономическом, ни в социальном, ни в морально-нравственном плане (Китов, 1987). Именно такой тип работника, которого коллектив пытался безуспешно перевоспитать, был показан в известном фильме Г. Данелии «Афоня», вышедшем на советские экраны в 1975 г. Фильм тогда многим пришелся по душе и практически ни у кого не вызывал негативных эмоций по той причине, что ситуация, показанная в нем, была хорошо узнаваемой и вполне заурядной для миллионов советских граждан.

Сегодня за неимением каких-либо достоверных данных сложно опровергнуть положение о том, что в целом социалистические коллективы на самом-то деле не представляли собой социальные группы с абсолютным ценностно-ориентационным единством их членов, где не было равнодушия, конформизма, конфликтов, поляризации

мнений, социального влияния и давления, подчинения авторитетам, унижения, взаимной недоброжелательности и неприязни, антипатии и других известных в мировой социальной психологии феноменов. Хотя именно это утверждали многие идеологи, советские СМИ и социальные психологи, которые работали над созданием этой теории.

Очевидно, что никакие по-настоящему научные объективные исследования в таких условиях были невозможны, а те, что проводились, лишь доказывали абсолютную истину идей коллективизма без какой-либо критики. На практике же коллективы часто вмешивались в личную жизнь граждан и совсем не обязательно выполняли роль того хранителя моральных норм, которые им приписывали советские идеологи и средства массовой информации. И здесь функцию критики массовой коллективизации пытались выполнить искусство, которое отражало те психологические проблемы коллективов, о которых не могли говорить ученые. Все это находило отражение в многочисленных художественных произведениях, прежде всего, в кинопроизводстве. Можно вспомнить такие пользовавшиеся у населения популярностью кинофильмы, как «Служебный роман», «Премия», «Мы нижеподписавшиеся», «Гараж» и др. Получается, что феномен коллектива в советской социальной психологии оказался одним из наиболее ярких примеров противоречий между объективными научными исследованиями и идеологически заданным формированием и управлением социальными отношениями.

Было бы неверно полагать, что социально-психологические исследования не выполнялись вовсе. Наоборот, и их было очень много. По результатам таких исследований готовились сборники и монографии, проводились многочисленные конференции. Однако системообразующая роль коллектива в жизни советского общества до распада СССР и смены политического курса оставалась непререкаемой.

Социальные психологи, работавшие в данном направлении, постоянно занимались критическим анализом зарубежных исследований малых социальных групп, обозначая «явные преимущества» советского научного подхода к изучению социально-психологических феноменов. При этом методики исследования чаще всего заимствовались у зарубежной психологии, но подвергались непринципиальным модификациям, как например, социометрия Дж. Морено.

К середине 1960-х годов в СССР многие советские ученые, не ограничиваясь идеологическими и педагогическими установками, стали активно заниматься изучением различных видов совместной профессиональной и иной деятельности. Понятие коллектива стало все чаще употребляться именно в данном контексте.

Одна из наиболее проработанных социально-психологических теорий коллектива, основанных на понятии совместной деятельности, была разработана А. В. Петровским, его учениками и последователями (Петровский и др., 1979). Коллектив здесь рассматривался как группа, состоящая из трех страт (слоев).

Теория утверждала, что в первом слое реализуются непосредственные контакты между людьми, основанные на эмоциональной приемлемости или неприемлемости; во втором слое отношения опосредуются характером совместной деятельности; в третьем, который А. В. Петровский назвал ядром группы, развиваются отношения на основе принятых членами группы единых целей совместной деятельности. Это высший уровень развития группы как коллектива. Именно наличие этого слоя, по мнению автора, свидетельствует о том, что коллектив окончательно сформировался. Особую популярность приобрел термин ЦОЕ («ценностно-ориентационное единство»), что описывалось не только как совпадение ценностей, связанных с содержанием совместной деятельности, но и как эмоциональная идентификации личности с группой.

Таким образом, в рамках этой теории системообразующим признаком коллектива является совместная деятельность. Примечательно то, что в данной теории минимум внимания уделяется формированию человека нового типа, принявшего моральные нормы строителя коммунизма. В этом случае заметным оказывается отступление от некоторых основополагающих положений, на которые опирался А. С. Макаренко в 1920-е годы, а также от соответствующей им терминологии. Однако принцип формирования, управления, целенаправленного развития социальных отношений в группах здесь соблюдается однозначно.

Очевидно, что в этом случае исследование все также подчиняется задачам формирования под внешним контролем (в детских коллективах это был педагог) со всеми очевидными негативными последствиями для объективного анализа. Утверждение о том, что любой коллектив как профессиональное сообщество является группой случайных людей, временно объединившихся, чтобы получать зарплату, что соответствовало действительности, считалось ложным, вредным и даже антисоветским.

Деятельностную концепцию коллектива предложил также Л. И. Уманский. В основу его подхода было положено представление о социально-психологических параметрах группы – критериях ее развития как коллектива. К их числу Л. И. Уманский отнес: 1) содержание нравственной направленности группы – интегративное

единство ее целей, мотивов, ценностных ориентации; 2) организационное единство группы; 3) групповую подготовленность в сфере реализации совместной деятельности; 4) психологическое единство – интеллектуальную, эмоциональную, волевою коммуникативность, характеризующую процесс межличностного познания и взаимопонимания в группе, межличностные контакты эмоционального характера, стрессоустойчивость и надежность группы в экстремальных ситуациях (Уманский, 2001).

Примерно в это же время начали появляться отечественные методики для оценки эффективности взаимодействия людей в условиях совместной деятельности. Так, например, талантливым военным психологом Ф.Д. Горбовым была разработана знаменитая методика гомеостата, которая не зависела от идеологических установок и могла быть использована в любых условиях, т. е. в странах с любым государственным устройством и политическим строем (Горбов, 2000).

Однако то, что люди в профессиональных сообществах должны соотносить свои потребности, запросы и амбиции с интересами коллектива и его руководства (актива) независимо от своей симпатии или антипатии по отношению друг к другу, считалось абсолютно и однозначно правильным. По сути дела, классический конформизм с социальным влиянием, описанный в исследованиях С. Аша, М. Шерифа, С. Московичи, Л. Фестингера и других западных социальных психологов, отрицался полностью, хотя знаменитый «переход от диффузной группы к коллективу» с точки зрения мировой науки был признан обычной приспособительной реакцией людей на необходимость подчиняться социальным санкциям и нормам, определяемым идеологическими установками марксизма-ленинизма. В результате была создана общность людей, многие из которых действительно верили в то, что подчинение мнению большинства – это единственно правильный путь личностного роста. Очевидно, что это ограничивало возможности реализации потенциала наиболее талантливых и творческих, но не способных или не желающих противостоять консервативному большинству специалистов.

Еще в начале 1950-х годов Л. Фестингер предположил, что конформность будет сопровождаться личным одобрением норм только в том случае, если субъект хочет остаться в группе (Festinger, 1953). Причем угроза наказания вызовет лишь внешнее согласие с группой, не затрагивая подлинного изменения во взглядах. А несколько позже М. Дойч и Г. Джерард указали на два типа социального влияния в группе: нормативное и информационное (Deutsch, Gerard, 1955).

Это объясняет, почему, например, в СССР были придуманы так называемые трудовые книжки – советский аналог западного резюме, CV и пр. Любые конфликты на производстве в виде выговоров фиксировались в трудовых книжках, а найти новую работу уволенному «по статье» человеку было крайне сложно. Поэтому многие люди, не желая терять работу старались терпеть и приспосабливаться, просто делая вид, что они действительно являются частью некоего дружного коллектива единомышленников и друзей с ценностно-ориентационным единством. Однако, переходя на другую работу, люди чаще всего забывали о большинстве тех, с кем раньше работали, запоминая лишь некоторых наиболее приятных и наиболее неприятных для них сотрудников. И поскольку выйти из этого порочного круга было невозможно, вся страна, по сути, являлась одним большим советским коллективом во главе с так называемым «активом», о котором писал А. С. Макаренко.

Одним из наиболее часто обсуждаемых советскими социальными психологами был вопрос: есть ли в социалистических коллективах конформизм или нет? Сегодня нам очевидно, что конформизм, разумеется, был. Однако пропаганда и педагогическая система, основы которой были заложены А. С. Макаренко, работали так, что люди, похоже, не только не могли признаться в этом другим, но и самим себе. Они верили, что любить коллектив, несмотря на все его очевидные мерзости – принимаемые единогласные решения, вмешательство в личную и даже интимную жизнь граждан, навязывание вкусов в одежде, в искусстве, норм поведения, традиций (например, отмечать коллективной пьянкой государственные праздники и дни рождения) – это их долг и личный выбор.

Представления ученых и обычных людей об отсутствии конформизма в коллективах хорошо иллюстрируются известным выступлением писателя М. Шолохова на Втором Всесоюзном съезде советских писателей в 1954 г., который сказал буквально следующее: «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством» (Шолохов, 1956). Следует подчеркнуть, что работы по теории коллектива всегда подкреплялись пафосными призывами и обязательным цитированием классиков марксизма-ленинизма. А идея управления и развития здесь всегда была системообразующей.

В целом с точки зрения мировой науки психологическая теория социалистического коллектива оказалась огромным идеологи-

ческим мифом, который тем не менее наряду с прочими рычагами управления позволял советской власти решать задачи поддержания стабильности общества. Тем не менее идея появления «нового человека» на основе биологического вида *Homo Sapiens* и построения «идеального коммунистического общества» играла в СССР и позитивную роль. Многим она давала надежду, что когда-нибудь общество действительно станет таким, о каком писали фантасты и философы-утописты. Эта надежда психологически выполняла ту же функцию в советской стране, что и религии в современном мире, т. е. позволяла решать проблемы, которые возникали из-за присущих людям пороков: эгоизма, жадности, равнодушия, недобросовестности и т. д. Вера в светлое будущее и уверенность в завтрашнем дне были стимулами для многих советских людей и позволяли оправдывать бытовые неудобства, нищету и тяжелый и не всегда хорошо оплачиваемый физический труд.

От социально-психологических исследований к социальному проектированию

Осознание того факта, что социальная группа — развивающийся организм, а управление и формирование групп, наиболее эффективных с точки зрения межличностного взаимодействия, — жизненно важная необходимость, привело многих исследователей к выводу о том, что собственно научные социально-психологические исследования могут быть лишь средством для решения основной задачи — целенаправленного и рационального проектирования эффективной совместной деятельности.

В этом случае проблема ценностно-субъективного противостояния, когда отсутствуют объективные способы доказать истину, принимаемую в группах всеми людьми без исключения, неизбежно приводит к выводу о необходимости контроля межличностных и межгрупповых отношений. Очевидно, что такой контроль есть не что иное, как неизбежная власть активного меньшинства над большинством внутри групп или некоего внешнего управления со стороны. Следует подчеркнуть, что принцип, который обычно кладут в основу понятия демократии — принятие решений подавляющим большинством — есть лишь некая удобная иллюзия, поскольку решения, за которые большинству предлагается проголосовать, всегда формулируются наиболее активным меньшинством, так как что-либо иное в реальности просто невозможно (Moscovici, 1979).

Так называемое саморазвитие или развитие группы за счет внешних воздействий и внешнего управления — это по сути своей есть привнесение ценностного разнообразия (субъективных мнений и ценностей) к единому знаменателю, прием зачастую по принципу диктата наиболее сильной власти. И это часто оказывается единственным решением для формирования среды, в которой люди со своим субъективизмом могут действовать слаженно и непротиворечиво. Особенно это становится важным в ситуациях опасности военного, политического или иного противостояния. В странах, где такие ситуации встречаются часто, это чуть ли не единственный механизм управления большими группами людей.

Науковедческий анализ социально-психологических и близких к ним исследований заставил многих ученых и философов говорить о том, что этап накопления знаний пройден, оторванное от практики изучение каких-либо социально-психологических феноменов оказывается крайне неэффективным занятием и может иметь лишь прикладное, ситуативное, но никак не фундаментальное значение.

Это означает, что если любая группа может меняться, самоорганизовываться, саморазвиваться, обучаться, менять свою структуру, структуру самоуправления, создавать какие угодно каналы обмена информацией и пр., то какой смысл заниматься воспроизведением уже накопленных знаний и нет ли смысла перейти к проектированию тех отношений между людьми, которые будут наиболее эффективными и для этой группы, и для общества в целом? Поскольку огромные деньги тратятся на выполнение исследований, оборудование, содержание научных лабораторий, тысячи научных статей, отчетов и протоколов скапливаются в библиотеках и оказываются невостребованными, то без практического применения все эти знания теряют какой-либо смысл.

Если в XIX и первой половине XX в. ученые лишь изучали социально-психологические феномены, то во второй половине XX в. они все чаще стали обращаться к идеям научного проектирования, философские основы которого были определены футурологическими и утопическими идеями.

Одним из таких глобальных проектов стал «Проект Венера» футуролога, психолога и дизайнера Жака Фреско (Тром, 2018). В 1950-х годах в США Ж. Фреско занимался психологическим консультированием, но, получив негативные отзывы от «Американской психологической ассоциации», прекратил эту деятельность и перешел к глобальным проектам.

В 1975 г. он учредил проект «Sociocyberneering Inc.», который в 1994 г. эволюционировал в «Проект Венера». Для этого в городе Венус (штат Флорида, США) на территории 10 гектаров им был создан специальный исследовательский центр. Ж. Фреско утверждал, что все основные социальные проблемы являются результатом коллективного невежества, что приводит к созданию политических, денежно-кредитных и религиозных учреждений. По его словам, свободное предпринимательство не способствует человеческому прогрессу. Капитализм не может рассматриваться в качестве основы общественного прогресса, так как проблемы, за которые никто не платит, никогда не будут решены.

Научно-методологическая концепция Ж. Фреско определялась этапами, которые в многочисленных публикациях, публичных лекциях и фильмах он определял втрехпунктах. Первый этап: «Как есть на самом деле?». Второй этап: «Что будет, если сделать так?». Третий этап: «Сделаем так, как нужно, и получим запланированный результат!». Во многих странах были созданы отделения, которые курируются, поддерживаются и развиваются активистами «Проекта Венера». На территории стран СНГ действует общественная организация, которая получила название «Проектирование будущего».

Ж. Фреско заявлял, что серьезными стимулами для него всегда были «некомпетентность правительств и практически полное отсутствие предложений со стороны научных кругов». Он утверждал, что узкая специализация в отдельных науках и дисциплинах препятствует универсальному пониманию окружающей действительности. По его мнению, ученые и политики смотрят на возникающие проблемы изнутри системы, в которой сами находятся, в то время как именно эта система и является основной причиной всех проблем (Тром, 2018).

По мнению большинства философов и ученых, идеи Ж. Фреско есть не что иное, как вариант утопического социализма XXI в., которые похожи на те идеи, которые высказывали многие ученые в СССР в начале XX в., поскольку Ж. Фреско говорит о роли научных технологий в жизни людей, об отсутствии денежной рыночной экономики, о планировании, о коллективизме и др.

В нашей стране необходимость проектирования межличностных отношений в общественной жизни и о подчинении научных исследований практическим задачам социального конструктивизма также можно встретить в целом ряде крупных проектов. В частности, подобные идеи высказывали социолог и футуролог И. В. Бестужев-Лада, математик В. А. Лефевр, методолог Г. П. Щедровицкий и др.

Так, например, в работах Г. П. Щедровицкого предлагалась концепция, суть которой состояла в том, чтобы, фактически отказавшись от традиционных научных исследований, разработать систему конструирования эффективных социальных отношений. Концепция охватывала огромный круг сложных вопросов методологии, психологии, философии и пр. и была крайне популярна у оригинально мыслящих ученых СССР в 1970–1980-е годы.

Г. П. Щедровицкий называл свою концепцию «системомыследеятельностной» методологией (СМД), которая развивалась и несколько лет обсуждалась на многочисленных семинарах в Институте психологии РАО (Щедровицкий, 1995). К традиционной методологии науки данная концепция прямого отношения не имела, поскольку ее задача состояла в том, чтобы обосновать возможность на основе логики и деловых игр конструирования по заранее известному плану неких форм взаимодействия специалистов разного уровня для достижения максимального эффекта управления социальными системами. Считается, что СМД-методология является развитием философии марксизма с учетом положений западной философии и футурологии (Видеркер, 2014; Попов, 2017; Устинов, 2017).

В многочисленных публикациях и на публичных лекциях Г. П. Щедровицкий развивал основные 16 принципов СМД-методологии. Сам автор утверждал, что данные принципы не поддаются систематизации, поскольку являются знанием «особого типа». Основной категорией концепции является категория деятельности. Первый принцип СМД-методологии. По словам автора, мир человеческой деятельности, а не мир вещей оказывается предельным измерением мышления и предельным объяснительным основанием для выстраивания всего здания СМД-методологии.

Второй принцип – примат деятельности над знаниями. Действие всегда первично, а знание всегда вторично. Как утверждал автор, процессуально развертывающаяся деятельность человека является источником и основанием всякого знания, и именно она, а не какое-либо конечное знание может быть основанием последующего развития – в том числе развития самого знания: «Мы действуем с какими-то целями, с какими-то знаниями, но всегда создаем за счет своего действия новый мир, который неадекватен нашему знанию» (Щедровицкий, 2005).

Наиболее известной практической стороной реализации СМД-методологии являются организационно-деятельностные игры, которые разрабатывались и проводились для решения различных задач социального управления, в частности, в сфере политтехнологий.

Здесь игра определялась как «практика СМД-методологии и теории мышледеятельности как основы СМД-методологии» (Щедровицкий, 1982).

Г. П. Щедровицкого и его последователей неоднократно обвиняли в социальном конструктивизме и технологизированности процедур влияния на общество (Щедровицкий, 1995а). Как пишет И. Кукулин, основу данного подхода составляет вера в то, что с помощью правильно организованного менеджмента и применения «правильно» подобранных политических и социальных технологий можно решить абсолютнолюбые социальные задачи силами не слишком большой группы людей. Если сделать такую стратегию управления главной целью, считает автор, то государство, опираясь на такие процедуры, будет игнорировать публичные дискуссии по социальным и политическим вопросам и демократическую процедуру принятия решений – или модерировать их так, что от свободного выражения мнений мало что останется (Кукулин, Куренной, 2017).

Заключение

При проектировании социальных отношений и форм социального взаимодействия людей неизбежно возникает опасность потери свободы выбора и каких-то очень важных проявлений человеческой природы, к потере природного творческого начала. Возникает опасность манипулирования населением группой лиц, получивших неограниченную власть над основной массой людей. Проектировать и формировать жизнь людей без понимания конечной цели или с неблагоприятной целью в современном информационно и технологически перенасыщенном мире крайне опасно. Узаконенные рейтинги социальной лояльности, устраняющие возможность не только революционных, но и эволюционных преобразований, закрепляющие структуру управления обществом, создают условия для застоя и деградации.

Однако, как показывает история, рано или поздно взгляды теоретиков социальной психологии обращаются к концепциям контроля и управления, а на самом высшем технологическом этапе – к идеям проектирования межличностного и межгруппового взаимодействия. В настоящее время трудно сказать, потеряет ли в конечном итоге самостоятельность исследовательская парадигма или нет, однако вполне очевидно, что в современном обществе любые социальные исследования не являются независимыми и рано или поздно они обязательно сталкиваются с идеями управления, развития и, наконец, конструирования в рамках нового глобального мира.

Литература

- Акопов Г. В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.
- Видеркер В. В. Антропологический дискурс в СМД-методологии Г. П. Щедровицкого // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 4 (22). С. 22–27.
- Горбов Ф. Д. Я и мое второе Я. М.–Воронеж: МПСИ–НПО «Модэк», 2000.
- Донцов А. И. Психология коллектива: методологические проблемы исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Китов А. И. Экономическая психология. М.: Экономика, 1987.
- Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Кукулин И., Куренной В. Школа Щедровицкого и ее наследие. Часть 1. 31 марта 2017. URL: <https://polit.ru/article/2017/03/31/methodology> (дата обращения: 26.05.2022).
- Левин К. Теория поля в социальных науках. М.: Академический проект, 2019.
- Макаренко А. С. О воспитании молодежи. Сборник избр. пед. произведений. 2-е изд. М.: Трудрезервиздат, 1951.
- Макаренко А. С. Коллектив и воспитание личности. М.: Педагогика, 1985.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.
- Моль А. Социодинамика культуры. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2008.
- Петровский А. В., Шпалинский В. В., Оботурова И. А. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1979.
- Попов Д. Н. Концепция мышления в системомыследеятельностной методологии Г. П. Щедровицкого и феноменологии Э. Гуссерля: перспективы синтеза // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. «Философия. Социология и социальные технологии». 2017. Т. 16. № 1. С. 45–53. doi:10.15688/jvolsu7.2017.1.5
- Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». (Извлечение.) 4 июля 1936 г. // КПСС в резолюциях. Т. 6. 1933–1937 гг. М., 1985. С. 364–367.
- Уманский Л. И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив. Избранные труды. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2001.
- Устинов О. А. СМД-методология Г. П. Щедровицкого и советская философско-антропологическая мысль 60–80-х годов XX века // Вестник ТвГУ. Сер. «Философия». 2017. № 1. С. 150–162.

- Харари Ю. Н.* Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021.
- Шолохов М. А.* Речь на Втором Всесоюзном съезде советских писателей // М. А. Шолохов. Собр. соч. В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956–1960.
- Щедровицкий П. Г.* Игра как социотехническая система: организация и исследование // Программно-целевой подход и деловые игры. Новосибирск, 1982.
- Щедровицкий Г. П.* «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах // Г. П. Щедровицкий. Избранные труды. М.: Шк. культ. полит., 1995а.
- Щедровицкий Г. П.* Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание. Избранные труды. М.: Шк. культ. полит., 1995б.
- Щедровицкий Г. П.* Знак и деятельность. М.: Восточная литература, 2005.
- Bales R.* Adaptive and integrative changes as sources of strain in social systems // Small groups: studies in social interaction. N. Y., 1965.
- Cattell R. B., Slice G. B.* The dimensions of groups and their relations to the behavior of members. Champaign, IL: Institute for Personality and Ability Testing, 1960.
- Deutsch M., Gerard H. B.* A study of normative and informational social influences upon individual judgment // Abnorm. Soc. Psychol. 1955. V. 51. P. 629–636.
- Festinger L.* An analysis of compliant behavior // M. Sherif, M. Wilson (Eds). Group Behavior at the Crossroads. N. Y.: Harper, 1953.
- Hollander E., Julian J.* Studies in leader legitimacy, influence and innovation // Advances in Experimental Social Psychology. 1970. V. 5. P. 33–69.
- Homans G.* The human group. N. Y., 1950.
- Mabry E.* Exploratory analysis of a development model for task-oriented small group // Human Communication Research. 1975. V. 2. Iss. 1. P. 66–74. doi: 10.1111/j.1468-2958.1975.tb00469.x
- Mayo E.* The social problems of an industrial civilization: with an appendix on the political problem. Boston: Harvard University, 1945.
- Moscovici S.* Psychologie des minorités actives. Presses Universitaires de France, 1979.
- Singh R., Rani A.* Human Behavior: In Group, Emotional Intelligence & Organisational Culture. Notion Press, 2017.
- Trom T.* The Venus Project Magazine. 2018. Issue 1. P. 3–4.
- Tuckman B.* Developmental Sequence in Small Groups // Psychological Bulletin. 1965. V. 63. P. 384–399.
- Tuckman B., Jensen M.* Stages of Small Group Development // Group and Organizational Studies. 1977. V. 2. P. 419–427.

Повторение как стадия исследовательского процесса

А. А. Фёдоров

doi: 10.38098/

Раньше, чем ты выведешь из этого случая общий закон, произведи испытание два или три раза и посмотри, дают ли испытания одинаковые результаты.

Леонардо да Винчи

«Да» нуждается в повторении.

Жак Деррида

Повторение — мать учения.

Пословица

Библиометрическая прелюдия

Мнимый или реальный кризис психологии, споры о котором делятся уже больше полутора столетия, в последние годы часто обсуждаются в контексте проблемы воспроизводимости результатов психологических исследований. Безусловно, «кризис воспроизводимости» касается не только психологии, но именно на страницах психологических изданий, если опираться на данные базы Scopus, ведутся наиболее оживленные дискуссии. Из 707 публикаций, посвященных кризису воспроизводимости и вышедших с 2012 по 2021 г., более 37% относятся к отрасли «Психология» (≈43% с учетом мультидисциплинарных изданий)¹.

1 Данные извлекались 15 апреля 2022 г. из библиографической базы данных Scopus. Поисковый запрос был записан следующим образом: TITLE-ABS-KEY (“reproducibility crisis” OR “replication crisis” OR “replicability crisis” OR “crisis of replicability” OR “crisis of replication” OR “crisis of reproducibility”) AND PUBYEAR < 2022. Учитывались статьи, опубликованные по 2021 г. включительно, нижняя граница временного диапазона не ограничивалась; поиск производился по всем типам документов в названии статьи, аннотации и/или в ключевых словах. Основной анализ был ограничен публикациями в отраслях знания «Психология» и «Междисциплинарные исследования» (N=305).

Согласно сформулированному запросу, первая публикация, в названии которой использовалось словосочетание «кризис воспроизводимости» (в варианте «*replicability crisis*»), вышла в 2012 г. (Pashler, Harris, 2012). Безусловно, воспроизводимость исследований обсуждалась в психологии с момента ее зарождения как науки, но для целей данной прелюдии, которая не претендует на полный библиометрический анализ проблемы, вполне достаточно ограничиться публикациями, прямо отсылающими к обсуждению сложившейся ситуации как кризиса. Начиная с 2012 г., число статей стабильно растет, что отражает усиливающийся интерес исследователей к данной проблеме (рисунок 1). Этот рост находит статистическое подтверждение посредством простой линейной регрессии ($F(1,8)=86,55$, $p<0,001$, $R^2_{adj}=0,905$).

При помощи свободно распространяемой программы VOSviewer (версия 1.6.17) была построена понятийная карта. Подсчитывалась частота совместной встречаемости авторских ключевых слов с порогом вхождения, равным 5. Нормализация проводилась при помощи линейно-логарифмического метода. Понятия, прямо указывающие на кризис воспроизводимости (*replicability crisis*, *replication crisis*, *reproducibility crisis*), исключались, так как предметная область исследования была очерчена самой логикой построения базы. Термины, представляющие собой разные написания одного понятия (например, *p value* / *p-value*, *nhst* / *null hypothesis significance testing* / *null hypothesis signi-*

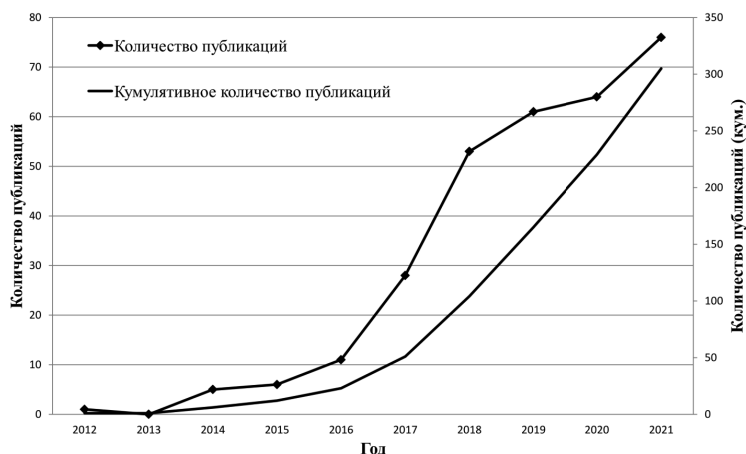
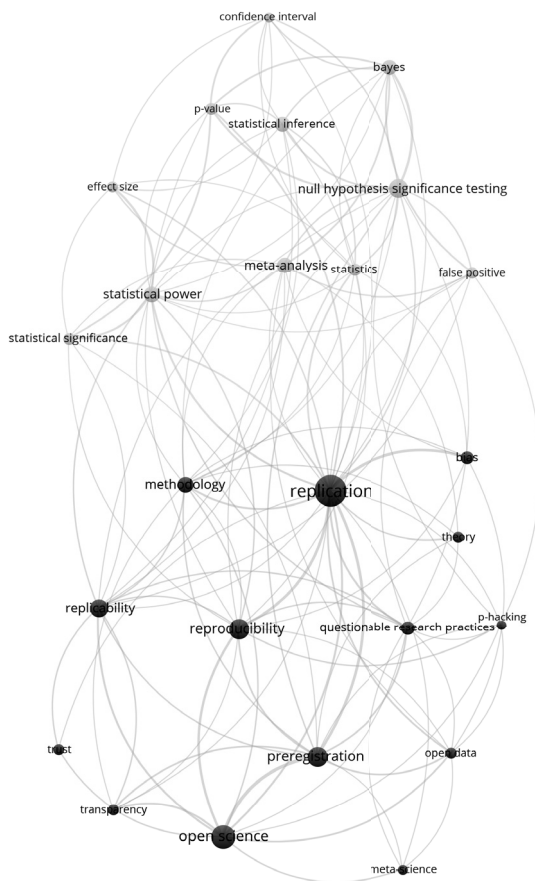

Рис. 1. Динамика количества публикаций, посвященных кризису воспроизводимости (2012–2021)

fiance test) объединялись. Также были объединены различные понятия, указывающие на байесовскую статистику (например, *bayes factor* / *Bayes' theorem* / *bayesian* / *bayesian analysis* / *bayesian methods* и т. п.), понятия, связанные с проблемой доверия в науке (например, *trust in science* / *public trust in science* / *trust in scientists* и т. п.), и некоторые другие, имеющие общий смысл. Учитывая порог вхождения, в ходе проведенного отбора из 786 понятий осталось 22.

Визуализация полученной понятийной сети приведена на рисунке 2. На этой карте площадь круга отражает частоту встречае-

Рис. 2. Понятийная карта авторских ключевых слов психологических и междисциплинарных публикаций, посвященных кризису воспроизводимости (2012–2021)

мости термина, а расстояние между кругами является мерой связи терминов: чем оно меньше, тем сильнее связь, которая понимается как частота совместной встречаемости терминов¹.

Понятийная карта показывает, что термины образуют сеть, в которой можно выделить два тематических кластера. Первый кластер (светло-серый цвет) связан с вопросами статистического вывода. Он включает такие понятия, как *тестирование значимости нулевой гипотезы*, *байесовская статистика*, *статистическая мощность*, *размер эффекта* и пр. Центральная тема второго кластера (темно-серый цвет) — *открытая наука*. В него входят такие понятия, как *прозрачность*, *сомнительные исследовательские практики*, *p-хакинг*, *пререгистрация*, *доверие* и пр.

Таким образом, предварительный библиометрический анализ позволяет сказать, что в современной психологии выделяются две основных стратегии решения кризиса воспроизводимости: реформа статистического вывода и построение открытой науки. Обе стратегии предполагают изменения в сложившейся в XX в. практике проведения психологических исследований, и обе стратегии, как я попытаюсь показать далее, недостаточны. Но прежде чем обратиться к их обсуждению, следует указать, что существуют еще как минимум два варианта реагирования на проблемы с воспроизводимостью: отказ от «нарратива кризиса» и отрицание воспроизводимости как краеугольного камня науки.

Отказ от нарратива кризиса

Д. Фанелли полагает, что «нарратив кризиса», сложившийся вокруг попыток улучшить воспроизводимость результатов психологических исследований, является ошибочным, а современную ситуацию следует характеризовать в терминах позитивного «нарратива трансформации» (Fanelli, 2018). С его точки зрения, проблема, безусловно, реальна, однако нет фактов, которые однозначно бы доказывали, что ситуация ухудшается и что существующие требования, вынуждающие ученых публиковаться как можно больше, связаны с нарушениями научной этики. Более того, результаты исследований, посвященных оценке уровня воспроизводимости в психологии как минимум неоднозначны. Оценка общего уровня воспроиз-

1 VOSviewer строит библиометрические сети, основанные на расстоянии (distance-based visualization), а не графах (graph-based). При такой визуализации связанность элементов передается через приблизительное — в силу частичной потери информации — расстояние.

водимости психологических исследований в 36%, полученная Open Science Collaboration, является, вероятно, излишне пессимистичной (Open Science Collaboration, 2015). Это обусловлено разными причинами, включая существование связи между уровнем квалификации членов репликационной группы и полученным в репликации размером эффекта (Bench et al., 2017). Репликационные группы с большим уровнем квалификации, объективной мерой которой служило число публикаций, получали большие размеры эффекта, в том числе потому, что сами выбирали для репликации исследования с большим размером эффекта, чем группы, с меньшим уровнем квалификации. Учитывая, что в Open Science Collaboration 11% репликационных групп вообще не имели изданных статей, а само распределение публикаций характеризуется выраженной левосторонней асимметрией, это может объяснять достаточно низкий итоговый уровень воспроизводимости. Кроме того, уровень воспроизводимости достаточно сильно варьировал для разных областей психологии: от 23% (Journal of Personality and Social Psychology) или 29% (Psychological Science) для социальной психологии до 48% (Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition) или 53% (Psychological Science) для когнитивной психологии.

В целом можно сказать, что процент успешных репликаций действительно обычно выше 37% (таблица 1).

Значительное влияние на итоговый результат оказывает отбор исследований, которые планируется воспроизвести. Так, уже было сказано, что выбирая исследования с большим размером эффекта, можно увеличить число успешных репликаций. Если при этом ограничиться небольшим числом исследований, то, как видно из приведенных данных, процент успеха может достигнуть 100%.

Безусловно, наука не требует того, чтобы все исследования были полностью воспроизводимы. Ошибки неизбежны, и достичь стопроцентной воспроизводимости можно только ценой практически полного отказа от научного прогресса (Nosek et al., 2022). Тем не менее, открытым остается вопрос, какой процент воспроизводимости мы вправе ожидать от научных исследований. Вероятно, 36%, если исходить из данных Open Science Collaboration, мало, но достаточно ли, скажем, 65 или 75%? Каковы критерии воспроизводимости? И как добиться объективной оценки воспроизводимости, если на нее влияет множество факторов? Как бы то ни было, сторонники отказа от нарратива кризиса утверждают, что воспроизводимость в психологической науке выше пессимистичных оценок и предлагают описывать ситуацию в терминах новых возможностей и даже «революции».

Таблица 1

Процент успешных репликаций в психологии и смежных науках

Авторы, год	Научная область	Процент успешных репликаций на основе p-values (n из N)
Klein et al., 2014	Социальная психология и психология принятия решений	77% (10 из 13)
Open Science Collaboration, 2015	Различные области психологии, с выделением социальной и когнитивной психологии	36% (35 из 97)
Camerer et al., 2016	Экспериментальная экономика	61% (11 из 18)
Ebersole et al., 2016	Социальная психология и психология личности	30% (3 из 10)
Camerer et al., 2018	Экспериментальная социальная психология	62% (13 из 21)
Klein et al., 2018	Социальная и когнитивная психология	50% (14 из 28)
Zwaan et al., 2018b	Известные и устойчивые эффекты из области когнитивной психологии	100% (9 из 9)
Soto, 2019	Связь черт Большой пятерки с жизненными результатами (life outcome)	87% (66 связей из 76)
Cova et al., 2021 (online – в 2018)	Экспериментальная философия, включая психологию морали	78% (29 из 37)

Отказ от воспроизводимости

Другая стратегия представлена в работах сторонников постнеклассической психологии и связана с субъектом познания, задающим критерии научности. В соответствии с ней разрешение кризиса заключается в реинтерпретации, предполагающей выведение воспроизводимости из списка важнейших критериев научного знания. Как пишут сторонники этой стратегии, «проблема воспроизводимости психологических экспериментов в контексте постнеклассической методологии может быть рассмотрена с опорой на новые критерии научности в психологии... Воспроизводимость экспериментов если и войдет в перечень этих критериев, то не станет, вопреки мнению Носека, важнейшим признаком достоверности научных результатов» (Вачков, Вачкова, 2016, с. 100). В. Ф. Петренко говорит о необходимости разработки постнеклассической методологии анализа единичных случаев (часто нетривиальных, к чему мы еще вернем-

ся), которые ученые предпочитают не замечать, «боясь потерять научное реноме» (Петренко, 2018, с. 90). В качестве новых норм научности предлагается использовать диалогичность, плюралистичность, множественность истин и т. п. В рамках этой стратегии не только признается, что психологические исследования плохо воспроизводимы, но утверждается, что это не лишает их научной ценности. Так, например, Д. А. Стебаков в качестве «постнеклассического образца познания» приводит так называемые партисипаторные исследования (PAR), о которых он сам пишет, что «знания, получаемые в таких исследованиях, еще более уникальны, результаты еще менее воспроизводимы, что, кажется, ставит под сомнение их научность» (Стебаков, 2017, с. 56). При этом еще в 1992 г. Дж. Фрайдерс указывал, что в случае PAR речь идет не о научных исследованиях, а скорее о развитии сообщества (Frideres, 1992). Термин «исследование» в данном случае используется некорректно, а сам подход смешивает идеологию и политику с научным исследованием.

Проблема «постнеклассической стратегии» разрешения кризиса связана с тем, что воспроизводимость является одной из ядерных характеристик научного знания. Если мы исключим воспроизводимость из перечня критериев научности, оставшееся *нечто* перестанет быть наукой. Это не означает, что возникшее *нечто* будет хуже науки, но оно не будет наукой и не может претендовать на право использовать авторитет, который наука заработала за прошедшие столетия. Таким образом, в случае постнеклассической стратегии разрешения кризиса воспроизводимости речь идет об интеллектуальной уловке: постнеклассическая психология не желает соответствовать критериям науки и утверждает, что они к ней не применимы, но при этом и не желает отказываться от того, чтобы именоваться наукой и использовать ее авторитет. Безусловно, наука — эволюционирующий организм, но это не означает, что вопреки всем изменениям она остается наукой. Продолжая аналогию с эволюцией, вполне можно ожидать, что наука как вид после ряда изменений станет *другим* видом, при этом важно понимать, что возникший вид далеко не обязательно будет «лучше» и «прогрессивней». Можно предложить и иную аналогию, которая также исходит из того, что воспроизводимость является существенной характеристикой научного знания. Представим науки разного типа в качестве параллелограммов (прямоугольник, квадрат, ромб) — для них верно то, что их противоположные стороны попарно параллельны. Исключим этот критерий, и *нечто* возникшее останется геометрической фигурой, но перестанет быть параллелограммом. Равно и с наукой: исключим из науч-

ного знания критерий воспроизводимости, и нечто возникшее останется формой знания, но перестанет быть наукой. Как указывал К. Поппер, «невоспроизводимые отдельные события не имеют значения для науки» (Поппер, 2005, с. 78–79).

Важно отметить при этом, что сама по себе уникальность объекта не является особым препятствием для научного исследования, опирающегося на критерий воспроизводимости (Фёдоров, 2020). Если существует уникальный субъект, обладающий даром телепатии, ничто не мешает тому, чтобы эта экстрасенсорная способность была продемонстрирована множество раз в разных условиях в экспериментах, проводимыми разными людьми. Что является проблемой для научного исследования, так это уникальные невоспроизводимые события, не представляющие собой манифестации более общих случаев и закономерностей и не имеющие воспроизводимых эмпирических следствий. Ссылка на уникальность объекта изучения несостоятельна и для гуманитарных дисциплин, в которых репликационные исследования не только возможны, но и желательны (Peels, Bouter, 2018).

Кроме того, критерий воспроизводимости выполняет важную функцию защиты науки от мошенничества и ошибок. Если мы его исключим, то каким образом будем отличать уникальное «научное исследование» (которое больше *никто* и *никогда* не может повторить) от разных форм мошенничества, которое, по некоторым оценкам, носит в науке, включая психологию, массовый характер (Kohn, 1986; Martin, 1992)?

Возможно ли воспроизведение?

Одно из направлений критики репликационных исследований, не обязательно связанное с призывами к отказу от принципа воспроизводимости, заключается в указании на невозможность точного воспроизведения психологических исследований. Так, в своей критике проекта Open Science Collaboration Д. Т. Гилберт с соавт. в качестве одного из главных аргументов приводят тот факт, что многие репликационные исследования отличались от оригинальных по ряду параметров: выборке, используемым методикам и пр. (Gilbert et al., 2016). Сторонники постнеклассической стратегии также это отмечают, и тут уместно привести довольно объемную цитату, раскрывающую логику такой аргументации: «Воссоздать идентичные условия психологического эксперимента, видимо, просто невозможно: слишком большое число факторов оказывает влияние на его про-

ведение. Даже в физических экспериментах это достаточно трудно. А на подвижную, особенно детскую, психику оказывают влияние погода, настроение, успех (или провал) на вчерашнем уроке, утреннее опоздание в школу, цвет стен в комнате, где проводится исследование, внешний вид, пол, возраст экспериментатора, воспоминание об уехавшем в командировку отце... Все этого учесть и воспроизвести не представляется возможным» (Вачков, Вачкова, 2016, с. 100). Итак, полное воспроизведение всех условий невозможно (что верно для любого исследования), следовательно, нужно либо исключать воспроизводимость из списка критериев научного знания (постнеклассическая стратегия отказа от воспроизводимости), либо на основании этого говорить, что никакого кризиса воспроизводимости нет (стратегия отказа от нарратива кризиса). В действительности же эта аргументация совершенно неубедительна, поскольку вряд ли можно оправдать принципиально *невоспроизводимый* физический, химический или биологический эксперимент на том основании, что попытки его репликации проведены в другом городе, в другое время суток, учеными другого пола и с другим цветом кожи и пр. Собственно, на это указывают и авторы OSC, отвечая своим критикам: «Нет такой вещи, как точная репликация. Все репликационные исследования во многих отношениях отличаются от оригинальных. Они проводятся на другом оборудовании, в других погодных условиях, другими экспериментаторами, с помощью других компьютеров и мониторов, на других языках, в другие моменты времени и т. д.» (Anderson et al., 2016, p. 1037c).

Аргументация, согласно которой низкий процент воспроизводимости связан с отхождением от абсолютно точной репликации оригинальных работ, возлагает вину за сложившуюся ситуацию на сами репликационные исследования. Так, Д. Канеман видит причину в том, что авторы репликаций не консультируются с авторами оригинальных работ, и прямо пишет, что «такое поведение следует запретить, и не только потому, что это не по-товарищески, но потому, что это плохая наука» (Kahneman, 2014, p. 310). С его точки зрения, убеждение, что методическая секция статьи включает в себя все необходимое для точной репликации, — это миф, особенно в психологии. Как он отмечает, «экспериментальные инструкции в методической секции обычно просто пересказываются, хотя известно, что имеет значение не только точный порядок слов, но даже шрифт, которым они напечатаны» (ibid., p. 310). Предлагаемое им решение, так называемый «новый этикет репликаций», заключается в том, чтобы *обязать* автора репликации связаться с автором оригиналь-

ного исследования до сбора данных и предоставить ему детальное описание планируемой процедуры. Затем автор оригинальной работы в течение ограниченного времени отвечает, предлагая свои комментарии и возможные изменения. Далее, хотя автор репликации и не обязан принимать эти предложения, он обязан предоставить полное описание окончательного плана с подробным объяснением, почему он отказался от тех или иных предложений автора исходной работы. Наконец вся переписка предоставляется рецензентам (это, по задумке Канемана, обеспечит конструктивное и благоразумное общение, даже если авторы оригинального и репликационного исследований раздражают друг друга).

Вероятно, нет ничего плохого в том, чтобы связаться с автором оригинального исследования (хотя в случае изучения психологических феноменов это потенциально может угрожать конструктивной валидности), но предложение *обязать* автора репликации сделать это представляется мне радикальным, если не странным. Безусловно, существует проблема того, что методический раздел секции не всегда позволяет провести точную репликацию. Но почему тогда не обязать автора оригинальной работы указывать всю необходимую для потенциальной репликации информацию? Для этого уместно использовать не только методическую секцию, но и дополнительные к статье материалы, в которых можно разъяснить тонкости процедуры, если по каким-то причинам это нельзя сделать в самой статье. В конечном итоге, если шрифт инструкции и цвет бумаги, на которой она напечатана, оказывают значимое влияние на поведение испытуемого и об этом не сообщено, то это проблема автора, а не того, кто будет пытаться повторить его исследование (оставим в стороне вопрос о том, насколько интересны поведенческие эффекты, возникающие только при прочтении инструкции, напечатанной на белой бумаге формата А5 синим шрифтом Open Sans, 12 кеглем).

Такое предложение может не устроить критиков репликационных исследований. Как отмечает Р. Зваан, в то время как авторы репликаций рассматривают опубликованные исследования как общественную собственность, авторы оригинальных работ часто видят в них «произведения искусства», свою интеллектуальную собственность, в которой скрыто то, что сложно облечь в слова (Zwaan, 2014). Иначе говоря, репликация изначально дефектна, поскольку всегда упускает нечто невыразимое. Трудно, однако, не согласиться с Р. Звааном, которые пишет, что «метафора „эксперимент – это произведение искусства“ несостоятельна и противоречит самой сути научного знания» (ibid.).

Вообще, далеко не очевидно, что репликация обязана *предельно точно* воспроизводить оригинальное исследование. Напротив, очевидно, что повторение исследования невозможно без изменений. Так, и набор новой выборки, и повторное использование тех же испытуемых является существенным изменением исследования. И даже если воспроизведение осуществляет сам ученый, нельзя говорить о полной тождественности последнего самому себе в разные моменты времени. В целях дальнейшего анализа необходимо уточнить терминологию, что позволит разграничить разные варианты воспроизведения.

Нередко в дискуссии термины «воспроизводимость» и «реплицируемость» используются в качестве взаимозаменяемых. Так, представители Open Science Collaboration пишут: «Некоторые проводят различие между „воспроизводимостью“ и „реплицируемостью“, рассматривая первую как частный случай второй (например, в вычислительных науках) или наоборот (например, в биологических науках). Мы игнорируем это различие» (Open Science Collaboration, 2012, p. 659). Эти же авторы позднее предложили рассматривать воспроизводимость трояко. В самом узком смысле воспроизводимость — это повторение анализа существующих данных. В более широком смысле это прямая репликация, предусматривающая сбор новых данных при помощи методов оригинального исследования. Наконец, в самом широком смысле воспроизводимость — это концептуальная репликация, которая представляет собой «попытку валидизировать *интерпретацию* оригинального наблюдения путем манипуляции или измерения тех же концептуальных переменных, используя другие методы» (Open Science Collaboration, 2014, p. 300).

Исследователи, которые видят необходимость в разграничении воспроизводимости и реплицируемости, могут использовать эти понятия в противоположных смыслах, что отмечено в цитате, приведенной выше. Показателен случай с Ассоциацией вычислительной техники (АСМ), крупнейшей и старейшей организацией в области компьютерных технологий. В 2016 г. она предприняла попытку унификации терминологии, опираясь на Международный словарь по метрологии (Association for Computing Machinery, 2016). С ее точки зрения, о *повторяемости* следовало говорить, когда исследование проводит одна и та же команда, используя одни и те же экспериментальные условия; о *реплицируемости* — когда исследование проводит другая команда, используя одинаковые с оригинальным исследованием экспериментальные условия; о *воспроизводимости* — когда исследование проводит другая команда, используя другие экспериментальные условия. Но в 2020 г. в ходе дискуссии с Национальной

организацией по стандартизации информации (NISO) ACM поменяло местами *воспроизводимость* и *реплицируемость* (Association for Computing Machinery, 2020). Более того, сейчас в области компьютерных технологий воспроизводимость предполагает не просто использование исходной процедуры и методов, но и использование исходных данных (National Academies of Sciences, Engineering and Medicine, 2019).

Еще одна попытка разграничения предпринята К. Драммондом (Drummond, 2018). Он предлагает различать воспроизводимость (*reproducibility*), реплицируемость (*replicability*) и перепроверяемость (*retestability*). *Воспроизводимость* требует того, чтобы оригинальное исследование было воспроизведено настолько точно, насколько это представляется уместным и разумным. По сути дела, целью воспроизведения исследования является независимая верификация результата. *Реплицируемость*, по мнению К. Драммонда, является статистическим понятием и связана с проверкой первичных результатов на независимой выборке. *Перепроверяемость* относится к устойчивости и генерализуемости полученных в исследовании результатов. В данном случае, как указывает К. Драммонд, реплицируется не столько исследование, сколько его результат: «Цель заключается в том, чтобы преднамеренно увеличивать различия между двумя экспериментами, чтобы определить, повлияют ли изменения на результат» (Drummond, 2018, р. 4). К. Драммонд утверждает, что именно перепроверяемость представляет собой золотой стандарт научного исследования, поскольку и воспроизводимость, и реплицируемость являются слишком слабыми критериями.

В психологии популярно уже упоминавшееся разделение репликаций на *прямые* и *концептуальные* (Nosek, Errington, 2017; Schmidt, 2009; Zwaan et al., 2018a). Об их определениях идут дискуссии (в частности, обсуждается вопрос о том, можно ли *прямую* репликацию считать *точной*), но обычно о прямой репликации говорят, когда предпринимается попытка воспроизвести ключевые элементы (не обязательно все!) оригинального исследования с намерением повторить его результат. Концептуальная репликация представляет собой попытку проверить теоретическую гипотезу оригинального исследования, целенаправленно используя другие методы.

Иногда отмечается важность учета того, кто проводит воспроизводящее исследование: сам автор (авторы) или другие ученые. Так, Ф. Штейнле *повторением* называет случай, когда воспроизведение осуществляет автор оригинального исследования, а *репликацией* — когда его осуществляют другие; термин «*воспроизведение*» используется

при этом как обобщающее понятие (Steinle, 2016, p. 41). Схожего разделения придерживается Ю. Шикоре (Schickore, 2011). Учитывается авторство и в типологии, которую предложили Й. Хёфмайер с соавт. (Hüffmeier et al., 2016). Они выделяют пять типов репликаций: *точная репликация* проводится самим автором (авторами), *близкая репликация* – другими исследователями, а оставшиеся три могут быть проведены и теми, и другими (*конструктивная репликация*, *концептуальная репликация в лаборатории* и *концептуальная репликация в поле*).

Некоторые авторы строят сложные классификационные схемы, учитывая, что репликационное и оригинальное исследование могут отличаться друг от друга аспектами. Так, Г. Бар с коллегами выделяют 16 типов репликаций, опираясь на 4 характеристики: время, место, испытуемые и методы (Bahr et al., 1983). Каждая характеристика рассматривается дихотомически (похожа репликация на оригинальное исследование или нет), а типы репликаций кодируются буквами (от *a* до *p*). Тип *p* представляет собой крайний вариант триангуляции, который позволяет ответить на вопрос, выдерживает ли гипотеза проверку, когда используются другие методы на другой выборке в другом месте и в другое время. Авторы отмечают, что нужно также учитывать и пятую характеристику – цели исследователя, что увеличивает число типов репликаций до 32.

Существуют и другие подходы к пониманию и классификации воспроизводящих исследований. Для целей настоящей статьи, однако, достаточно будет классификации, которая, по сути, представляет собой комбинацию подхода Ф. Штейнле с идеей, что воспроизведение может копировать оригинал с разной степенью точности. В качестве обобщающего понятия используется термин «воспроизводимость», а типы воспроизводящих исследований выделяются по двум основаниям: авторство и наличие вариаций (таблица 2).

Таблица 2

Классификация типов воспроизведений (reproduction)

Кто воспроизводит	Существенные вариации в исследовании	
	Нет	Есть
Повторение (сам исследователь/команда)	Конвергентное повторение (convergent repetition)	Дивергентное повторение (divergent repetition)
Репликация (другой исследователь/другая команда)	Конвергентная репликация (convergent replication)	Дивергентная репликация (divergent replication)

Важно отметить следующее. Во-первых, вместо широко представленной в литературе дихотомии «прямая/концептуальная репликация» используется разделение воспроизводящих исследований на *конвергентные* и *дивергентные*. Идея концептуальной репликации, с моей точки зрения, весьма противоречива. Невозможно воспроизвести теорию. Использование других методов для проверки теоретической гипотезы оригинального исследования направлено не на воспроизведение, а на получение новых данных, позволяющих верифицировать (или фальсифицировать в зависимости от философских предпочтений ученого) исходную *теорию*. Это, безусловно, важный тип исследований, но по своим целям и результатам он существенно расходится с целями воспроизводящих исследований. Так, Р. Зваан с соавт. рассматривают «концептуальную репликацию» как ошибку именованая, считая, что в этом случае корректнее говорить о проверке расширения теории на новый контекст (Zwaan et al., 2018). Они, однако, не отказываются от термина, чтобы сохранить связь с предшествующей литературой. М. Дерксен и Дж. Моравски рассматривают разделение между прямыми и концептуальными репликациями как бесполезное, а Носек и Эррингтон – как потенциально контрпродуктивное (Derksen, Morawski, 2022; Nosek, Errington, 2020). С точки зрения последних, «чтобы была репликация, две вещи должны быть истинными: результаты, совпадающие с предшествующим утверждением, увеличивают уверенность в этом утверждении, а несовпадающие результаты – снижают уверенность в утверждении. Многие „концептуальные репликации“ соответствуют первому критерию, но не второму» (Nosek, Errington, 2020, p. 7). Для концептуальной репликации, результаты которой не совпадают с оригинальной работой, могут быть и будут найдены многочисленные причины, объясняющие возникшее расхождение различиями методологии (вероятно, особо усердно такие причины будет искать автор исходного исследования). С другой стороны, если результаты будут совпадать, это с готовностью интерпретируют как поддержку результатов оригинального исследования. Такая «эпистемологическая асимметрия» не позволяет рассматривать концептуальные репликации как форму воспроизводящих исследований.

Вообще точка зрения, согласно которой воспроизведение должно стремиться как можно точнее повторить оригинальное исследование, не так уж наивна. Особенно это верно для репликаций, непосредственно следующих за исходным экспериментом во времени. С другой стороны, как уже указывалось, абсолютно точное воспроизведение невозможно, поэтому степень совпадения оригинально-

го и воспроизводящего исследований может быть различной. Кроме того, на каком-то этапе в воспроизводящее исследование могут преднамеренно вводиться различия с оригинальной работой, чтобы узнать, насколько стабилен результат, или чтобы сделать измерения более точными. Такие исследования я и называю *дивергентными*. Их ключевое отличие от концептуальных репликаций заключается в том, что они направлены именно на воспроизведение исходного исследования, а не на проверку теоретической гипотезы, лежащей в его основе. Степень дивергенции не должна превращать исследование, целями которого является вынесение суждения о результатах предшествующей работы, в исследование, верифицирующее или фальсифицирующее теорию. В *конвергентных* воспроизведениях целенаправленно минимизируются различия с исходным исследованием, таким образом, их недостижимым идеалом является *точное* повторение (на практике же они остаются воспроизведениями, которые называют *прямыми*).

Во-вторых, границы между повторением и репликацией также являются нечеткими. Так, если воспроизводящее исследование проводит другая команда с участием автора (или авторов) оригинального исследования, то оно не будет ни чистым повторением, ни чистой репликацией. Будет ли прямым повторением исследование, которое проводится частью первоначальной команды, но не включает других людей? Прямое повторение исследования самим автором спустя год или годы будет отличаться от прямого повторения, которое проводится сразу после окончания оригинального исследования.

Предложенную схему можно усложнить, если учесть, что возможно «воспроизведение» исследования на тех же самых эмпирических данных. В сфере вычислительных наук точное повторение оригинального исследования на том же программном обеспечении с использованием исходных данных называется «вычислительной воспроизводимостью» (Stodden, 2015), при этом иногда термины «вычислительная воспроизводимость» и «воспроизводимость» употребляются как взаимозаменяемые (National Academies of Sciences, Engineering and Medicine, 2019, p. 46). В области эмпирического знания такое отождествление не кажется оправданным. Таким образом, далее воспроизведение с получением новых данных будем называть *воспроизведением* (более точно — *эмпирическим воспроизведением*), а воспроизведение, осуществляющееся на ранее полученных данных, — *вычислительным воспроизведением*. Последнее, по сути, представляет собой повторный анализ. Это вовсе не означает, что такие исследования лишены смысла. Напротив, по мере увеличения объ-

ема собираемых данных усложнения процедур их кодирования и методов математической обработки *вычислительное воспроизведение* будет востребоваться все больше. При этом сохраняется смысл в учете конвергенции/дивергенции воспроизведения, поскольку для старых «сырых» данных можно применить иные методы кодирования и математической обработки с тем, чтобы оценить устойчивость полученного ранее результата. Допустим, исследователь проводит изучение юмористического поведения у детей, используя в качестве «сырых» данных видеозаписи. Для проверки своих гипотез он использует ту или иную систему кодирования поведения, самостоятельно просматривая материал, а затем обрабатывает полученные данные, используя определенные методы статистической обработки и математического моделирования. Чтобы снизить риск ошибки, он может повторить все шаги (и тогда речь будет идти о конвергентном повторении) или, например, использовать при воспроизведении продвинутое программное обеспечение (если оно существует), позволяющее определять на видеозаписи разные типы юмористического поведения, и иные методы математической обработки (дивергентное повторение). Этим могут заняться другие исследователи, тогда воспроизведение примет форму репликации. Показательный пример серии параллельных вычислительных исследований представляет собой работа, в которой 29 групп ученых анализировали *один и тот же* набор данных, отвечая на *один и тот же вопрос*: дают ли футбольные арбитры красные карточки темнокожим игрокам с большей вероятностью, чем светлокожим (Silberzahn et al., 2018). Команды использовали разные аналитические подходы, при этом 20 команд (69%) обнаружили статистически значимый положительный эффект, а 9 команд (31%) — не обнаружили. Размер найденного эффекта при этом варьировался в достаточно широких пределах. Таким образом, результаты анализа сложных данных могут существенно зависеть от выбранных методов, что делает важным проведением вычислительных воспроизводящих исследований разного рода.

Учитывая вышесказанное и отказываясь от жесткой дихотомии между конвергентными и дивергентными воспроизводящими исследованиями, таблицу 1 можно преобразовать следующим образом (см. таблицу 3).

Подобно границам между конвергентным и дивергентным воспроизведением или между повторением и репликацией, границы между эмпирическим и вычислительным воспроизведением также размыты. В конечном итоге «сырых данных» не существует, все они в том или ином смысле приготовлены, отличается только степень

удовлетворительны. Если на результат исследования влияет пол экспериментатора, национальность испытуемых или их культурный бэкграунд, время проведения исследования, цвет стен в комнате и пр., то все это необходимо эксплицировать и обозначить как переменные. Вариация условий исследования, по сути дела, выступает в качестве двигателя науки, но только в том случае, если эта вариация фиксируется и включается в корпус научных теорий. Вода закипает при достижении температуры 100 °С; однако это верно лишь при определенном атмосферном давлении, что должно быть эксплицировано. Таким образом, результаты психологического исследования должны быть воспроизводимы не только конвергентно, но и дивергентно, т. е. при целенаправленном изменении условий в некотором диапазоне.

Открытая наука

Как уже указывалось выше, одной из стратегий повышения воспроизводимости научного знания является построение открытой науки. Это связанный комплекс мероприятий, направленный на повышение прозрачности и открытости научной деятельности. Как сказано в «Манифесте открытой науки», «прозрачность превыше доверия» (Munafò et al., 2017, p. 5). Б. Носек с соавт. разработали правила по продвижению прозрачности и открытости (ТОР), которые на разных уровнях приняты многими научными издательствами, включая Springer Nature и Американскую ассоциацию содействия развитию науки (Nosek et al., 2015). Среди психологических журналов, использующих ТОР, можно назвать European Journal of Personality (Wiley), Experimental Psychology (Hogrefe), Journal of Personality Assessment (Taylor & Francis), Journal of Personality and Social Psychology (APA), Psychological Science (Sage) и др.

Принципы открытой науки предполагают публикацию данных, аналитических методов, кода, исследовательского дизайна и т. д., что обеспечивает доступность результатов для независимой проверки. Самый высший уровень ТОР-правил требует, чтобы все это размещалось в доверенных репозиториях, а до публикации осуществлялось независимое воспроизведение проведенного анализа. Также в арсенал открытой науки входит пререгистрация исследований, обеспечивающая разработку теоретических оснований и выбор методов анализа до начала сбора данных. Как отмечают Носек с соавт., «пререгистрация планов анализа гарантирует различение конфирматорных и поисковых исследований или, как они еще на-

зываются, исследований, которые проверяют и которые генерируют гипотезы» (Nosek et al., 2015, p. 1423). Еще одной мерой является повышение прозрачности процедуры рецензирования статей. Ряд журналов уже внедрили практику публикации вместе со статьей полного протокола коммуникации между авторами, рецензентами и редакцией (Wolfram et al., 2020). Реализация стандартов открытой науки направлена на повышение доверия к научным результатам, развитие статистической грамотности и борьбу с сомнительными исследовательскими практиками, включая р-хакинг, харкинг (HARKing – выдвижение гипотез после того, как результаты станут известны) и пр.

Безусловно, открытая наука не является панацеей от мошенничества. Так, можно осуществлять пререгистрацию исследований *после* сбора данных, делать открытой только часть данных или размещать в репозиториях данные, которые частично или полностью придуманы. Еще в 1830 г. Ч. Бэббидж выделил четыре варианта мошенничества: мистификацию (*hoaxing*), подлог (*forging*), приукрашивание (*trimming*) и стряпню (*cooking*) (Babbage, 1830, p. 175). Политика открытых данных позволяет обнаружить приукрашивание или стряпню, только если автор открыл полные исходные данные. Обнаружить же *грамотную* мистификацию или подлог без проведения новых эмпирических исследований практически невозможно.

Открытая наука – критически важный элемент в повышении вычислительной реплицируемости научного знания. Публикация в открытых репозиториях данных, программного кода, аналитических процедур и пр. позволяет другим исследователям воспроизводить полученные результаты, используя те же или другие методы. Более того, как уже указывалось, репликация до публикации явным образом указана в третьем, наиболее строгом уровне TOP-правил. Очевидно, что речь здесь идет о вычислительном воспроизведении. Но если говорить об эмпирической воспроизводимости, то открытая наука влияет на нее только косвенно, делая прозрачнее нюансы процедуры исследования.

Статистическая реформа

Вторая стратегия повышения воспроизводимости, обозначенная в библиометрическом анализе, связана с призывами к реформам статистического вывода и статистической практики. Предлагается меньше внимания обращать на *p*-level, а больше на размер эффекта (Cohen, 1994; Flora, 2020); прекратить бездумно следовать ритуалам

«противоречивого гибрида» фишеровской проверки нулевой гипотезы и теории Неймана – Пирсона (Gigerenzer, 2004, 2018); больше внимания уделять байесовской статистике (Gelman, 2015) и пр. Некоторые исследователи полагают, что статистическая реформа сама по себе не является решением кризиса воспроизводимости, скорее требуется, чтобы ученые научились лучше делать выводы, опираясь и на частотную, и на байесовскую статистику (Colling, Szűcs, 2021, p. 143). Соглашаясь с тем, что повышение статистической грамотности, бесспорно, полезно, я все же полагаю, что ни оно, ни предлагаемые статистические реформы не решают проблемы, которые выявил кризис воспроизводимости. Более того, смещение дискуссии, связанной с кризисом воспроизводимости, в статистическую плоскость пагубно, поскольку статистический анализ, сколь бы сложным он ни был, не способен заменить правильное измерение переменных, эксперимент и его непосредственное повторение. Усложнение статистического анализа в психологической науке, как правило, связано с отказом от экспериментального дизайна и увеличением списка переменных (корректность измерения которых в психологии всегда под вопросом), и нельзя допускать, чтобы чары статистики мешали видеть нам действительный источник проблемы. Как пишет Э. Дерман, «давайте не будем слишком сильно очаровываться наукой о данных, главные победы которой пока что заключаются в громкой рекламе и попытках убедить мир в собственной значимости» (Дерман, 2017, с. 673).

Безусловно, ужесточение требований к используемым статистическим методам и обоснованию их использования может улучшить ситуацию, но вряд ли существенно. За прошедшие десятилетия в психологии глубоко укоренилась идея, что статистический анализ является неотъемлемой характеристикой психологического исследования (стал он неотъемлемой частью и репликационных исследований). Но это не так. Наука – это поиск количественных *законов*, и никакой статистический анализ не спасет исследование, проваленное на этапе измерения переменных или планирования дизайна. Как сказал Э. Дерман, статистика похожа на «неприкаянного дикаря, обитающего в области где-то посреди между математикой и естественными науками» (Дерман, 2017, с. 673). Следует сосредоточиться не столько на улучшении статистических практик, сколько на решении проблемы психологического измерения, ужесточении требований к экспериментальному дизайну, математизации языка психологии и, что самое, на мой взгляд, очевидное, повторении проведенных исследований.

«Заткнись и повторяй!»

Когда заходит речь о том, кто должен воспроизводить исследования, ответ обычно такой: другие ученые. Иными словами, воспроизведение должно проходить в форме репликаций. В недавней статье С. Левандовски и К. Оберауэр провели симуляцию эффективности двух «репликационных режимов»: *режима частных репликаций* и *режима публичных репликаций* (Lewandowsky, Oberauer, 2020). Режим частных репликаций предполагает, что исследователи повторяют любые полученные ими значимые результаты, и если повторение успешно, то публикуются *оба* исследования. Далее научное сообщество решает, какие результаты представляют интерес. Режим публичных репликаций предполагает, что исследователи публикуют любые значимые результаты без их повторения. Далее научное сообщество, не зная степени воспроизводимости этих результатов, определяет, какие из них интересны и реплицирует их. В качестве меры «интересности» использовался уровень цитирования. Итоговой мерой эффективности режима является соотношение цены («общее количество проведенных экспериментов») к произведенному знанию («открытые истинные эффекты»). По результатам симуляций с учетом предположений, которые сделали авторы, публичный режим продемонстрировал большую эффективность независимо от того, использовалась ли для анализа частотная или байесовская статистика. Для исследований, ориентированных на открытие, режим частных репликаций требует проведения примерно на 10% больше исследований, чем режим публичных публикаций. Если говорить об исследованиях, направленных на проверку теории, то эффективность второго режима выше на 40–50%. Полученные результаты устойчивы при введении в симуляцию различных отклонений от идеализированного научного поведения, таких как *p*-хакинг или мошенничество.

Таким образом, проведенная в рамках парадигмы эффективности затрат симуляция демонстрирует нецелесообразность частных репликаций или, если следовать предложенной выше терминологии, повторений. Однако, на мой взгляд, она обладает рядом ограничений, которые ставят под сомнение применимость полученных результатов к реальному исследовательскому процессу. Во-первых, в данной симуляции мерой произведенного знания являются не просто открытые истинные эффекты (для которых $p < 0,05$), а реплицированные истинные эффекты, признанные интересными (т. е. часто цитируемые). Это видно, например, на графиках «произведенного знания», где по оси ординат отложено число открытых интересных эффектов,

а не число открытых истинных эффектов (Lewandowsky, Oberauer, 2020). «Открытый» здесь следует понимать как «реплицированный». Таким образом, для режима частных репликаций применялась вероятностная модель оценки того, что реплицированный результат будет признан научным сообществом интересным, а для режима публичных репликаций сначала применялось вероятностное решение, воспроизводить исследование или нет, а затем считалось количество успешных репликаций. При этом число открытых интересных истинных эффектов может не совпадать с числом открытых интересных значимых эффектов (так как реплицированный значимый эффект может быть ложным). Смещение по основанию «интересности» искажает симуляцию в пользу режима публичных репликаций, поскольку любой реплицированный в публичном режиме эффект является интересным, но не любой эффект, реплицированный в частном режиме, будет позднее признан интересным. При этом общее число реплицированных эффектов безотносительно к их «интересности» будет выше для режима частных репликаций, так как в рамках данной модели режим публичных репликаций не предусматривает «неинтересных» реплицированных результатов. Как отмечают сами авторы симуляции, есть некая ирония в том, что «эффективность» режима частных публикаций особо сильно страдает в исследованиях, направленных на проверку хороших теорий: большое число значимых эффектов, многие из которых истинные, автоматически приводит к росту количества дополнительных экспериментов (Lewandowsky, Oberauer, 2020, р. 4). Увы, далеко не все эти реплицированные эффекты потом вызовут интерес у других ученых.

Во-вторых, симуляция предполагает, что в случае успеха частной репликации публикуются оба исследования, но не эксплицировано, как осуществляется публикация: в рамках одной или в рамках двух статей. Вообще режим частных репликаций, хотя он и сопряжен с увеличением числа исследований до публикации, должен приводить к публикации меньшего количества статей (особенно, если и оригинальное исследование, и его повторение публикуются в одной работе). Таким образом, модель распределения цитирований, полученная на массиве текущих публикаций, может быть неприемима к режиму частных репликаций.

В-третьих, режим публичных репликаций оставляет открытыми вопросы, связанные с тем, кто и как именно будет заниматься воспроизведением чужих работ. Как писал А. Элтер, «в сложившейся научной практике слава приходит к тем, кто создает что-то новое, а не перепроверяет старое» (Элтер, 2017, с. 503). Авторы симуляции

осознают проблему и указывают, что режим публичных репликаций может выполнить свои обещания, если будут соблюдены 5 условий. «1. Нереплицированные результаты будут публиковаться предварительно и с эмбарго (например, в 1 год) на освещение в СМИ или цитирование. 2. Предварительным публикациям сопутствует приглашение к репликации другими исследователями. 3. Если репликация успешна, проводившие ее ученые становятся соавторами, а архивная публикация заменяет предварительную версию. 4. Провал репликации ведет к публичному отзыву предварительной публикации, чему сопутствует публичное подтверждение репликации, на которое можно сослаться. Это гарантирует, что провалы репликаций будут известны и, следовательно, устранил публикационную предвзятость. 5. Если никто не пытается воспроизвести предварительные результаты, первоначальная публикация становится архивной после истечения срока действия эмбарго с примечанием, что она не вызвала интереса к репликации. Этот статус может измениться на 3) или 4), если репликация будет осуществлена позднее» (Lewandowsky, Oberauer, 2020, p. 10).

Эти условия, на мой взгляд, противоречат самой идее режима публичных репликаций. В предложенной симуляции в рамках этого режима реплицируются только исследования, достигшие определенного порога цитирования. Если имплементировать первое условие, запрещающее цитировать исследования, то как будут отбираться исследования для репликации? Далее, эти условия не отвечают на вопрос, кто будет проводить репликацию. Очевидно, те, кого заинтересует нецитируемое исследование или возможность стать автором публикации без особых творческих усилий. Поскольку условия не ограничивают, кто имеет право реплицировать чужие работы, что мешает малоизвестному ученому выбрать для репликации исследование, которое предварительно принято в высокорейтинговый журнал, и стать его соавтором (не очень понятно, конечно, на каких основаниях)? Более того, эти условия создают несправедливую ценностную асимметрию между оригинальным исследованием и его репликацией. Если репликация неуспешна, то на этом основании осуществляется отзыв исходной публикации. Но почему именно первоначальные результаты в этом случае рассматриваются как ошибочные? Неужели ошибочной не может быть репликация, в рамках которой могут быть критические ошибки или расхождения с оригинальной процедурой? В симуляции проверена устойчивость модели относительно случаев мошенничества, когда все первоначальные результаты признаются значимыми вне зависимости от ре-

ального исхода, а последующие репликации – честные. Но что мешает фальсифицировать исход самой репликации, при этом выгоду несет любая фальсификация: если незначимые результаты объявить значимыми, то станешь соавтором публикации, а если значимые – незначимыми, то получишь цитируемое признание, а статью авторов оригинального исследования отзовут (открывается невероятный простор для нечестной конкуренции и даже «мести»).

Таким образом, хотя проведенная симуляция представляет собой интересный подход к анализу кризиса воспроизводимости, она малоприменима к реальной научной деятельности. Безусловно, публичные репликации как независимая проверка научных результатов необходимы. Но обязанность воспроизведения должна быть возложена на самих ученых, публикующих отчет об исследовании. Сами ученые должны непосредственно повторить свое исследование (а, возможно, и повторить, внося определенные преднамеренные изменения в оригинальный дизайн) и только потом предлагать его к публикации.

Важно отметить следующее. Во-первых, повторение исследования не ведет к появлению второй публикации: отчет о нем включается в одну статью. Безусловно, это может показаться неприятным для ученых, которые оценивают свою продуктивность количеством публикаций. Но публикация – это не просто отчет об исследовании, публикация – это отчет об исследовании, которое удовлетворяет определенным критериям. Почему нам кажется разумным требовать от психологов использования валидных методик и не публиковать статьи, в которых психологические конструкты оцениваются при помощи опросников из журнала *Cosmopolitan*? Потому что валидность – важный критерий оценки исследований. Почему мы требуем определенного числа испытуемых от исследований, в которых делается статистический вывод о популяции на основе выборки? Потому что это повышает надежность результатов. Почему не публикуются исследования, в которых данные собраны, но не обработаны? Потому что один из необходимых шагов исследования – обработка данных и их интерпретация. Почему же тогда мы не рассматриваем воспроизводимость как характеристику результатов, которая должна быть получена прямым образом? Безусловно, воспроизводимость можно пытаться оценивать по косвенным параметрам. Есть интересные данные, свидетельствующие о том, что люди без психологического образования успешно предсказывают результаты репликаций социально-психологических исследований в 59% случаев по их простому описанию, а если в описание включена информация о силе ис-

ходного результата, то успешность предсказаний возрастает до 67% (Hoogeveen et al., 2020). Также изучается возможность использования для прогноза успешности репликаций так называемых рынков предсказаний, в которых процент успеха достигает 70–75% (Dreber et al., 2015; Forsell et al., 2019). Очевидная проблема подобных исследований заключается в том, что для оценки точности прогноза необходима информация о том, успешна репликация или нет, т. е. они не могут заменить прямую оценку воспроизводимости, что отмечают и сами авторы. Вероятно, прогнозы простых людей или участников рынка предсказаний могут использоваться для отбора исследований, которые следует реплицировать. Это, однако, не отменяет необходимости обеспечить воспроизводимость результатов на уровне повторяемости до их публикации.

Приведу слова К. Поппера, который утверждает, что ученые не только должны сами воспроизводить свои эксперименты, но и давать подробные инструкции, следуя которым это может сделать любой исследователь: «Каждый физик-экспериментатор знает те поразительные и необъяснимые мнимые „эффекты“, которые могут даже в течение некоторого времени воспроизводиться в его лаборатории, но которые затем исчезают бесследно. Конечно, ни один физик в таком случае не скажет, что он совершил научное открытие (хотя он и может попытаться так перестроить свой эксперимент, чтобы сделать этот результат воспроизводимым). В действительности имеющий научную значимость физический эффект следует определить как такой, который может быть неоднократно воспроизведен любым человеком, выполняющим соответствующий эксперимент предписанным образом. Ни один серьезный физик не предложил бы для публикации в качестве научного открытия сообщение о любом таком „окультурном эффекте“ (как я предлагаю называть явления такого рода), для воспроизведения которого он не мог бы дать никаких инструкций. Такого рода „открытие“ было бы немедленно отвергнуто как химерическое просто потому, что попытки проверить его привели бы к отрицательным результатам. (Отсюда следует, что любые споры по вопросу о том, действительно ли встречаются события, которые в принципе неповторимы и уникальны, не могут быть разрешены наукой, это споры в области метафизики)» (Поппер, 2005, с. 43). Это справедливо не только в отношении физиков, но и других ученых, включая психологов. О том же говорит Р. Фейнман в своей знаменитой речи о науке-самолетопоклонников (наука карго-культ) (Feynman, 1974). Научная честность требует, чтобы сам ученый повторял собственные эксперименты, выискивая в своих исследовани-

ях любые нюансы, которые могут подорвать доверие к полученным результатам, и сообщая о них. На практике это означает, что нельзя будет принимать к публикации исследования, которые проведены единожды, пусть и на достаточно большой выборке. Очевидно, что такое требование входит в противоречие с доминирующим принципом «публикуйся или умри». Также это требование отлично от идеи так называемых пререгистрационных прямых репликационных исследований (Lindsay, 2017).

Таким образом, идея заключается в том, чтобы рассматривать повторение как стадию научного исследования, а не отдельное исследование. Если на этапе проектирования дизайна исследования мы создаем процедуру и отбираем методы, минимизируя угрозы конструктивной и внутренней валидности исследования, а на этапе обработки результатов пытаемся обеспечить валидность статистических выводов, то на этапе повторения мы убеждаемся в воспроизводимости полученных результатов. Более того, нет особого смысла интерпретировать результаты до того, как мы убедимся в их воспроизводимости. Иными словами, в идеализированной модели научного исследования между этапами сбора и анализа данных и этапом интерпретации результатов следует поставить этап повторения.

Принятие подобной практики, на мой взгляд, может принести немало положительных результатов. Во-первых, снизится общее количество публикаций, что уменьшит информационную нагрузку на исследователей. Возможно, это и не приведет к утопии «одна статья – в год» (Nelson et al., 2012), но заставит ученого больше исследовать и меньше писать. Кроме того, уменьшение числа публикаций способно изменить существующий паттерн цитирования, когда значительная часть публикаций не цитируется или цитируется очень мало (хотя, безусловно, цитируемость не является самоцелью научной работы). Так, в области медицинских наук в рамках 27-летнего «окна» (с 1990 по 2017 г.) ни разу не цитировались около 12% публикаций, в области социальных наук – около 30%, а в области искусства и гуманитарных наук – порядка 70% (Sugimoto, Larivière, 2018).

Во-вторых, императив повторений заставит ученого подходить более ответственно к выбору темы. Никто не хочет повторять «пустые» исследования, и сам их автор в первую очередь. Если исследователь верит, что он действительно открыл истину, не он ли должен быть первым человеком, который захочет увидеть ее повторно? Прекрасно об этом сказал И. П. Павлов: «Мало того, чтобы истину захватить и этим удовлетвориться. Истиной надо любоваться, ее надо любить. Когда я был в молодые годы за границей и слушал великих профес-

соров-стариков, я был изумлен, каким образом они, читавшие по десяткам лет лекции, тем не менее читают их с таким подъемом, с такой тщательностью ставят опыты. Тогда я это плохо понимал. А затем, когда мне самому пришлось сделаться стариком, — это для меня стало понятно. Это совершенно естественная привычка человека, который открывает истины. У такого человека есть потребность постоянно на эту истину смотреть. Он знает, чего это стоило, каких напряжений ума, и он пользуется каждым случаем, чтобы еще раз убедиться, что это действительно твердая истина, несокрушимая, что она всегда такая же, как и в то время, когда была открыта. И вот теперь, когда я ставлю опыты, я думаю, едва ли есть хоть один слушатель, который бы с таким интересом, с такой страстью смотрел на них, как я, видящий это уже в сотый раз» (Павлов, 2001б, с. 105–106). И добавляет: «Люди часто проводят всю жизнь в кабинете, отыскивая истину. Но это стремление распадается на два акта. Во-первых, стремление к приобретению новых истин, любопытство, любознательность. А другое — это стремление постоянно возвращаться к добытой истине, постоянно убеждаться и наслаждаться тем, что то, что ты приобрел, есть действительно истина, а не мираж. Одно без другого теряет смысл. Если вы обратитесь к молодому ученому, научному эмбриону, то вы отчетливо видите, что стремление к истине в нем есть, но у него нет стремления к абсолютной гарантии, что это — истина. Он с удовольствием набирает результаты и не задает вопроса, а не есть ли это ошибка? В то время как ученого пленяет не столько то, что это новизна, а что это действительно прочная истина. А что же у нас? А у нас прежде всего первое — это стремление к новизне, любопытство. Достаточно нам что-либо узнать, и интерес наш этим кончается. („А, это все уже известно“.)» (Павлов, 2001а, с. 122).

В-третьих, императив повторений будет способствовать уходу от ориентации на ритуалы статистических практик и большие выборки. Часто именно необходимость повторно собирать данные на многих людях повышает «стоимость» исследования и отвращает ученых от повторения собственных работ. Вообще широкое распространение статистики в психологии — это некий субститут количественных законов, который позволяет сделать вид, что идет прирост научного знания. Переориентация на дизайны с малым N упростит проведение повторений и репликаций, и, можно надеяться, сместит акцент с использования статистики на установление количественных законов, связывающих измеренные переменные. Как еще в 1960-х годы отмечал Р. Бауэрфайнд, призывая к проведению воспроизводящих исследований, «несколько репликаций обеспечат гораздо более су-

шественные результаты, чем статистика стандартных ошибок, примененная к одному набору данных. Более того, множественные репликации устранят необходимость применения индуктивной статистики» (Bauernfeind, 1968, p. 126). Возможно, итоговая «стоимость» исследований в рамках режима повторений окажется ниже, чем в рамках режима, ориентированного на изучение больших выборок.

В-четвертых, возникнет богатое многообразие форм воспроизводящих исследований. Успешное повторение или репликация — это не обязательно исследование, снова получившее результат на уровне $p < 0,05$. Как остроумно замечает автор статьи, описывающей летучих мышей, поедающих лягушек: «Ели ли летучие мыши лягушек? Да, мы это видели. Повторили ли мы наблюдение? Да, мы поймали несколько летучих мышей, лакомящихся этими лягушками» (Ryan, 2011, p. 1229).

Вместо того чтобы искать причины не повторять свои исследования, следует закатать рукава и взяться за работу. Можно перефразировать знаменитый, пусть и несколько грубоватый, принцип квантовой механики: «Заткнись и вычисли!» Любость к истине вместе с научной честностью, налагающей на ученого обязанность повторить собственное исследование до публикации его результатов, и есть путь выхода из кризиса воспроизводимости, который является лишь одним из проявлений общего кризиса психологической науки.

Технологическая кода

В заключение следует отметить, что в статье намеренно исключен из рассмотрения вопрос, какую сущность имеет научное знание, продуцируемое психологией. В действительности, это не влияет на то, важна ли для психологии воспроизводимость результатов. Если производится научное знание, то оно должно быть в той или иной форме воспроизводимо; если знание невоспроизводимо, то оно не имеет отношения к науке. Мой краткий ответ заключается в том, что психология должна осознать себя как технологическую область знания, в рамках которой изучаются естественные и конструируются искусственные психологические системы. Законы, определяющие функционирование таких систем, имеют биологическую (шире — физическую) природу и *per se* выходят за пределы психологии. Воспроизводимость психологического знания заключается, прежде всего, в том, чтобы продемонстрировать стабильность результата технологической реализации этих законов в рамках психологических систем. Иными словами, воспроизводить не наблюдение, но изменение.

Литература

- Вачков И. В., Вачкова С. Н.* Воспроизводимость психологических экспериментов как проблема постнеклассической науки // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 97–101.
- Дерман Э.* Сила статистики // Эта идея должна умереть. Научные теории, которые блокируют прогресс. М.: АСТ, 2017. С. 671–673.
- Павлов И. П.* Об уме вообще // Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001а. С. 96–106.
- Павлов И. П.* О русском уме // Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001б. С. 107–125.
- Петренко В. Ф.* К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 89–101.
- Попнер К.* Логика научного исследования. М.: Республика, 2005.
- Стебаков Д. А.* Психологический эксперимент в контексте проблемы сложности // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 1. С. 46–60.
- Фёдоров А. А.* Постнеклассическая психология и псевдонаука: реалистическая перспектива // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 93–103.
- Элтер А.* Повторяемость – это гарантия // Эта идея должна умереть. Научные теории, которые блокируют прогресс. М.: АСТ, 2017. С. 502–504.
- Anderson C. J., Bahnik Š., Barnett-Cowan M., Bosco F. A., Chandler J., Chartier C. R., Cheung F.* et al. Response to Comment on “Estimating the reproducibility of psychological science” // Science. 2016. V. 351. № 6277. P. 1037–1037.
- Association for Computing Machinery.* Artifact Review and Badging – Version 1.0. 2016. URL: <https://www.acm.org/publications/policies/artifact-review-badging> (дата обращения: 08.05.2022).
- Association for Computing Machinery.* Artifact Review and Badging – Current. 2020. URL: <https://www.acm.org/publications/policies/artifact-review-and-badging-current> (дата обращения: 08.05.2022).
- Babbage C.* Reflections on the Decline of Science in England: And on Some of Its Causes. L.: B. Fellowes, 1830.
- Bahr H. M., Caplow T., Chadwick B. A.* Middletown III: Problems of Replication, Longitudinal Measurement and Triangulation // Annual Review of Sociology. 1983. V. 9. № 1. P. 243–264.
- Bauernfeind R. H.* The Need for Replication in Educational Research // The Phi Delta Kappan. 1968. V. 50. № 2. P. 126–128.

- Bench S. W., Rivera G. N., Schlegel R. J., Hicks J. A., Lench H. C.* Does expertise matter in replication? An examination of the reproducibility project: Psychology // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2017. V. 68. P. 181–184.
- Bowker G. C.* *Memory Practices in the Sciences*. Cambridge, MA, USA: MIT Press, 2006.
- Camerer C. F., Dreber A., Forsell E., Ho T.-H., Huber J., Johannesson M., Kirchler M.* et al. Evaluating replicability of laboratory experiments in economics // *Science*. 2016. V. 351. № 6280. P. 1433–1436.
- Camerer C. F., Dreber A., Holzmeister F., Ho T.-H., Huber J., Johannesson M., Kirchler M.* et al. Evaluating the replicability of social science experiments in Nature and Science between 2010 and 2015 // *Nature Human Behaviour*. 2018. V. 2. № 9. P. 637–644.
- Cohen J.* The earth is round ($p < .05$) // *American Psychologist*. 1994. V. 49. № 12. P. 997–1003.
- Colling L. J., Szűcs D.* Statistical Inference and the Replication Crisis // *Review of Philosophy and Psychology*. 2021. V. 12. № 1. P. 121–147.
- Cova F., Strickland B., Abatista A., Allard A., Andow J., Attie M., Beebe J.* et al. Estimating the Reproducibility of Experimental Philosophy // *Review of Philosophy and Psychology*. 2021. V. 12. № 1. P. 9–44.
- Derksen M., Morawski J.* Kinds of Replication: Examining the Meanings of “Conceptual Replication” and “Direct Replication” // *Perspectives on Psychological Science*. 2022. doi: 1177/17456916211041116
- Dreber A., Pfeiffer T., Almenberg J., Isaksson S., Wilson B., Chen Y., Nosenek B. A.* et al. Using prediction markets to estimate the reproducibility of scientific research // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. V. 112. № 50. P. 15343–15347.
- Drummond C.* Reproducible research: a minority opinion // *Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence*. 2018. V. 30. № 1. P. 1–11.
- Ebersole C. R., Atherton O. E., Belanger A. L., Skulborstad H. M., Allen J. M., Banks J. B., Baranski E.* et al. Many Labs 3: Evaluating participant pool quality across the academic semester via replication // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2016. V. 67. P. 68–82.
- Fanelli D.* Is science really facing a reproducibility crisis, and do we need it to? // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. V. 115. № 11. P. 2628–2631.
- Feynman R. P.* Cargo Cult Science // *Engineering and Science*. 1974. V. 37. № 7. P. 10–13.
- Flora D. B.* Thinking about effect sizes: From the replication crisis to a cumulative psychological science // *Canadian Psychology/Psychologie canadienne*. 2020. V. 61. № 4. P. 318–330.

- Forsell E., Viganola D., Pfeiffer T., Almenberg J., Wilson B., Chen Y., Nosek B. A.* et al. Predicting replication outcomes in the Many Labs 2 study // *Journal of Economic Psychology*. 2019. V. 75. P. 102–117.
- Frideres J.* Participatory research: An illusionary perspective // *A World of Communities: Participatory Research Perspectives*. North York: Cap-tus University Publications, 1992.
- Gelman A.* The Connection Between Varying Treatment Effects and the Crisis of Unreplicable Research: A Bayesian Perspective // *Journal of Management*. 2015. V. 41. № 2. P. 632–643.
- Gigerenzer G.* Mindless statistics // *The Journal of Socio-Economics*. 2004. V. 33. № 5. P. 587–606.
- Gigerenzer G.* Statistical rituals: the replication delusion and how we got there // *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. 2018. V. 1. № 2. P. 198–218.
- Gilbert D. T., King G., Pettigrew S., Wilson T. D.* Comment on „Estimating the reproducibility of psychological science“ // *Science*. 2016. V. 351. № 6277. P. 1037–1037.
- Hoogeveen S., Sarafoglou A., Wagenmakers E.-J.* Laypeople can predict which social-science studies will be replicated successfully // *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. 2020. V. 3. № 3. P. 267–285.
- Hüffmeier J., Mazeri J., Schultze T.* Reconceptualizing replication as a sequence of different studies: A replication typology // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2016. V. 66. P. 81–92.
- Kahneman D.* A New Etiquette for Replication // *Social Psychology*. 2014. V. 45. № 4. P. 310–311.
- Klein R. A., Ratliff K. A., Vianello M., Adams R. B. Jr, Bahník Š., Bernstein M. J., Bocian K.* et al. Investigating variation in replicability: A “many labs” replication project // *Social Psychology*. 2014. V. 45. № 3. P. 142–152.
- Klein R. A., Vianello M., Hasselman F., Adams B. G., Adams R. B., Alper S., Aveyard M.* et al. Many Labs 2: Investigating Variation in Replicability Across Samples and Settings // *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. 2018. V. 1. № 4. P. 443–490.
- Kohn A.* False prophets. Fraud and error in science and medicine. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- Lewandowsky S., Oberauer K.* Low replicability can support robust and efficient science // *Nature Communications*. 2020. V. 11. № 1. P. 358.
- Lindsay D. S.* Preregistered Direct Replications in Psychological Science // *Psychological Science*. 2017. V. 28. № 9. P. 1191–1192.
- Martin B.* Scientific fraud and the power structure of science // *Prometheus*. 1992. V. 10. № 1. P. 83–98.

- Munafò M. R., Nosek B. A., Bishop D. V. M., Button K. S., Chambers C. D., Percie du Sert N., Simonsohn U.* et al. A manifesto for reproducible science // *Nature Human Behaviour*. 2017. V. 1. № 1. P. 1–9.
- National Academies of Sciences, Engineering and Medicine. *Reproducibility and Replicability in Science*. Washington, DC: The National Academies Press, 2019.
- Nelson L. D., Simmons J. P., Simonsohn U.* Let's publish "fewer" papers // *Psychological Inquiry*. 2012. V. 23. № 3. P. 291–293.
- Nosek B. A., Alter G., Banks G. C., Borsboom D., Bowman S. D., Breckler S. J., Buck S.* et al. Promoting an open research culture // *Science*. 2015. V. 348. № 6242. P. 1422–1425.
- Nosek B. A., Hardwicke T. E., Moshontz H., Allard A., Corker K. S., Dreber A., Fidler F.* et al. Replicability, Robustness and Reproducibility in Psychological Science // *Annual Review of Psychology*. 2022. V. 73. № 1. P. 719–748.
- Nosek B. A., Errington T. M.* Making sense of replications // *eLife*. 2017. V. 6. P. e23383.
- Nosek B. A., Errington T. M.* What is replication? // *PLOS Biology*. 2020. V. 18. № 3. e3000691.
- Open Science Collaboration. An open, large-scale, collaborative effort to estimate the reproducibility of psychological science // *Perspectives on Psychological Science*. 2012. V. 7. № 6. P. 657–660.
- Open Science Collaboration. *The Reproducibility Project: A Model of Large-Scale Collaboration for Empirical Research on Reproducibility // Implementing Reproducible Research* / V. Stodden, F. Leisch, R. D. Peng (Eds). Boca Raton: Chapman and Hall/CRC, 2014. P. 299–323.
- Open Science Collaboration. Estimating the reproducibility of psychological science // *Science*. 2015. V. 349. № 6251. P. aac4716.
- Pashler H., Harris C. R.* Is the replicability crisis overblown? Three arguments examined // *Perspectives on Psychological Science*. 2012. V. 7. № 6. P. 531–536.
- Peels R., Bouter L.* The possibility and desirability of replication in the humanities // *Palgrave Communications*. 2018. V. 4. № 1. P. 95.
- Ryan M. J.* Replication in Field Biology: The Case of the Frog-Eating Bat // *Science*. 2011. V. 334. № 6060. P. 1229–1230.
- Schickore J.* The Significance of Re-Doing Experiments: A Contribution to Historically Informed Methodology // *Erkenntnis*. 2011. V. 75. № 3. P. 325–347.
- Schmidt S.* Shall we really do it again? The powerful concept of replication is neglected in the social sciences // *Review of General Psychology*. 2009. V. 13. № 2. P. 90–100.

- Silberzahn R., Uhlmann E. L., Martin D. P., Anselmi P., Aust F., Awtrey E., Bahník Š.* et al. Many analysts, one data set: Making transparent how variations in analytic choices affect results // *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. 2018. V. 1. № 3. P. 337–356.
- Soto C. J.* How Replicable Are Links Between Personality Traits and Consequential Life Outcomes? The Life Outcomes of Personality Replication Project // *Psychological Science*. 2019. V. 30. № 5. P. 711–727.
- Steinle F.* Stability and Replication of Experimental Results: A Historical Perspective // *Reproducibility: Principles, Problems, Practices and Prospects* / H. Atmanspacher, S. Maasen (Eds). Hoboken: John Wiley & Sons Ltd, 2016. P. 39–63.
- Stodden V.* Reproducing statistical results // *Annual Review of Statistics and Its Application*. 2015. V. 2. № 1. P. 1–19.
- Sugimoto C. R., Larivière V.* *Measuring Research: What Everyone Needs to Know®*. Oxford–N. Y.: Oxford University Press, 2018.
- Wolfram D., Wang P., Hembree A., Park H.* Open peer review: promoting transparency in open science // *Scientometrics*. 2020. V. 125. № 2. P. 1033–1051.
- Zwaan R.* Trying to Understand both Sides of the Replication Discussion. 2014. URL: <https://rolfzwaan.blogspot.com/2014/05/trying-to-understand-both-sides-of.html> (дата обращения: 19.04.2022).
- Zwaan R. A., Etz A., Lucas R. E., Donnellan M. B.* Making replication mainstream // *Behavioral and Brain Sciences*. 2018a. V. 41. e120.
- Zwaan R. A., Pecher D., Paolacci G., Bouwmeester S., Verkoeijen P., Dijkstra K., Zeelenberg R.* Participant Nonnaiveté and the reproducibility of cognitive psychology // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2018b. V. 25. № 5. P. 1968–1972.

Структура и стадии исследовательского процесса в социальной психологии¹

В. А. Чикер, Л. Г. Почебут

doi: 10.38098/

Содержательные характеристики *структуры и стадий научного исследования* в области социальной психологии, как и во всех других областях психологии, опираются на традиционные классические для отечественной науки *методологические основы научного исследования* (Ананьев, 1977; Андреева, 2006; Василюк, 2003; Ганзен, 1984; Кузьмин, 2021; Ломов, 1984; Шорохова, 1975; Ядов, 2003; и др.), сформировавшиеся в годы возрождения социальной психологии в СССР и России. Современное видение трудностей и многоаспектности психологических работ теоретического и прикладного направления отразилось и на характеристиках структуры и стадий научного исследования (Белл, Браймен, 2012; Иванов, Штроо, 2018; Корнилова, Смирнов, 2016; Клочко, 2012; Парадигмы в психологии..., 2012; Чикер, 2010, 2020; Юревич, 2019; и др.). По нашему мнению, именно пристальное внимание к методологии исследования, не ослабевавшее в годы экспансии западной социальной психологии и возрастающей эклектичности психологических знаний, позволило быстро возродиться отечественной социальной психологии и объективно осознать возможности и ограничения, заложенные в естественнонаучных и гуманитарных исследованиях, а также в реализации вопросов прикладной и практической психологии (Парадигмы в психологии..., 2012; Психологическое знание..., 2018, 2021).

Понимание структуры и стадий научного исследования любого уровня основано на *общей методологии исследования*, которую можно определить как учение о способе познания, образе действия, пути исследования, получения обоснованных и доказанных практикой научных знаний. Методология основана на системе принципов, разносторонних подходов к изучаемому объекту, построении логичной теории, поэтапной организации исследования. Если дать более широкое определение понятию, то, методологию *можно рассматри-*

1 Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 23-28-00107.

вать как систему построения основополагающей теории, принципов, подходов к изучаемому объекту, интерпретации фактов, пошаговой организации исследования, выбору адекватных методов и методик исследования. Методология в любой области науки определяет способы достижения и построения научного знания и его практического применения (Почебут и др., 2020, 2021; Чикер, 2010, 2020). Согласно общей методологии исследования в социальных науках, могут быть обозначены различные пути доказательства концептуальных моделей (Ядов, 2003). Первый путь — «сверху» — от теории к частному знанию — означает поиск эмпирических индикаторов изучаемого явления исходя из концепции, парадигмы или главенствующей теории. Второй путь — «снизу» — от эмпирического знания к теоретическому обобщению, формулирует концептуальные принципы понимания явления, исходя из обобщения большого массива набранных первичных эмпирических данных.

Первый путь в полной мере представлен в классической отечественной психологии. В результате были сформулированы главенствующие многие годы базовые теории, парадигмы и концепции (например, культурно-историческая, теория деятельности, теория поэтапного формирования умственных действий, системная модель человекознания и мн. др.). Согласно «хорошей теории», формируются и основные этапы исследования, как правило, сочетающие в себе проверку как теоретических, так и практических гипотез исследования разного уровня обобщения. Такой путь исследования осуществляется, как правило, целыми научными школами во главе с их лидерами, создающими основные парадигмы науки, а знание формируется применения теоретических методов исследования. Понятие «парадигма» представляет собой наиболее глубокий и обобщающий феномен методологии. На основе парадигмы разрабатываются конкретные теории и концепции, на базе которых создаются модели, образцы исследований, формулируются основополагающие понятия. Наше недавнее теоретическое исследование и создание методики исследования социального капитала организации основано, прежде всего, на концептуальной модели этого социального феномена, а уже потом — его эмпирической проверке и разработке методического инструментария (Почебут и др., 2021). При такой постановке проблемы теоретическое обоснование и гипотезы первичны, а выбор или создание исследовательского метода или конкретной методики — вторичны.

Второй путь — путь эмпирического обобщения, путь «снизу» — за последнее время стал преобладающим в практической психологии и исследованиях частных фактов, что, к сожалению, приводит

зачастую к неструктурированному потоку множества разрозненных эмпирических данных, трудно поддающихся концептуальному обобщению. Базовые идеи английского философского эмпиризма (Т. Гоббс, Ф. Бэкон, Дж. Локк) лежат в основе большинства исследований новой американской школы социальной психологии XX в., для которой центром научного анализа стал зафиксированный эмпирический факт. Развитие этого подхода привело к тому, что не возбраняется и даже приветствуется давать объяснения изучаемым явлениям «задним числом», основываясь на больших массивах полученных эмпирических данных. Причем репрезентативность выборки и математическая обработка данных возводятся в абсолют и становятся центральной частью исследовательской работы. «Современные нормы требуют количественного представления результатов, статистических методов обработки, которые становятся *как бы* (курсив наш. — В. Ч., Л. П.) признаками научности психологической работы» (Айламазян, Розин, 2010, с. 54). При этом требования по части математической обработки постоянно возрастают. Теперь, как правило, исследователи не удовлетворяются различными видами дисперсионного, регрессионного и корреляционного анализа; а последний уже давно стал в исследованиях практически обязательным и тривиальным (Юревич, 2019). В большой моде, например, метод структурных уравнений, без которого научные результаты рассматриваются как неполноценные. С такой ситуацией систематически сталкиваются отечественные исследователи, публикующиеся в высокорейтинговых зарубежных журналах. Четкости постановки проблемы, выражающейся, как правило, в формулировании исследовательских гипотез разного уровня, дабы не подвергнуть анализ преднамеренной ошибке интерпретации, предпочитают исследовательские вопросы, лежащие в поле бытовых рассуждений и предположений, объяснения частных и локальных явлений. Предполагается, что, придерживаясь такой научной логики, исследователь в значительно меньшей степени влияет на результаты исследования. Да, действительно, существует «ошибка Розенталя» (самопрогнозирующееся пророчество, эффект Пигмалиона) — субъективное искажение восприятия действительности и социальной ситуации на основе сделанных предположений, однако она может быть преодолена самыми различными путями, в том числе «слепым» методом проведения исследования, когда гипотезы неизвестны непосредственным исполнителям работы. Эмпирические исследования преобладают не только в области социальной психологии XX–XXI вв. — путь «эмпиризма» становится магистральным для всей психологии. Тогда ме-

год и сбор эмпирических данных становится первичным, а гипотеза вторичной или же вообще отвергается. Издержки такого направления в развитии современной психологии анализируются (Айламазян, Розин, 2010; Кричевец, 2018; Теория и методология..., 2007; Толочек, 2017, Юревич, 2019; и др.), а этот путь критикуется за потерю способности к обобщению полученных данных, мозаичности научных фактов, отсутствие комплексности, системности и целостности в рассмотрении изучаемого явления. В конце концов приходит критическое понимание сугубо вероятностной природы статистических результатов, и оно должно стать обязательным для квалифицированной части сообщества в понимании психологических явлений (Кричевец, 2018, с. 211). Кроме этого, если мы имеем дело с социально-психологическим исследованием, то, в отличие от распространенных в современной психологии когнитивных исследований, они имеют сложную специфику и многоуровневую структуру, подчас повергая исследователя в состояние «исследовательского ступора» от многозначности сопрягаемых с любым, даже самым простым социально-психологическим явлением. Об этом пишет А. В. Юревич (Юревич, 2019). По его словам, вектор методологического анализа оказался сильно «усеченным», искусственно ограниченным от анализа *социальных* детерминант развития психологического знания, социального контекста (см. также: Журавлев, 2011).

Именно второй путь исследования, основанный преимущественно на анализе эмпирических фактов, привел к терминологической замене и усечению понятия «методология исследования», что, на наш взгляд, существенно сужает горизонты любой планируемой работы в области психологии. Вместо понятия «*методологические основы исследования*» часто стали использовать термин «*дизайн исследования*», сущность которого, на наш взгляд, заключается в «техническом» сопровождении исследования: точном выборе технологий, составлении плана, схемы или структуры исследования, его стадий и методического обеспечения, что в большей степени соответствует реализации научной работы на уровне не общей, а специальной и частной методологии, уровне частных методических приемов (Ядов, 2003). Это, если выражаться кратко, условный проект исследования. Методология — более широкий термин, обязательно включающий в себя теоретические основы исследования, его концептуальное обоснование, систему принципов и подходов в подборе методов и интерпретации результатов исследования. В таком понимании построения исследования обязательно обращение к теоретическим основам исследования, главенствующим способам познания.

По мнению Т. В. Корниловой и С. Д. Смирнова, «в методологии психологии должно присутствовать как общефилософское представление о методе и связи его с принципами познания, так и более детально разрабатываемое в методологии науки (или в науковедении) понимание методов как системы исследовательских способов отношения к познаваемой действительности» (Корнилова, Смирнов, 2016, с. 14). Таким образом, принципы научного познания лежат в основе создания, выбора и правил применения основных методов и методик психологии. Методы ни в коей мере не являются центральным понятием методологии (Методы практической социальной..., 2004; Пэнто, Гравитц, 1972).

Нам представляется весьма продуктивным в плане структурной реализации научной работы выделение В. А. Ядовым *трех уровней методологии*, которые определяют уровни и стадии научных исследований (Ядовым, 2003).

1. *Общая методология* – некий общий философский подход, принцип, способ познания. Этому уровню методологии соответствуют понятия «теоретические основы исследования», «концепция», «парадигма». Исследование такой направленности носит *философско-методологический* характер. Оно затрагивает всю систему психологических знаний, вырабатывает категории социальной психологии – это мировоззренческое обобщение, изучение соотношения принципов и категорий, определение исходных подходов изучения социально-психологических явлений. Этому теоретическому уровню исследования соответствует уровень докторской диссертации, научной монографии, теоретического исследования, теоретической статьи.
2. *Специальная или частная методология* – реализация общефилософских принципов при исследовании специфического предмета. Этому уровню методологии соответствует понятие «метод», например, эксперимент, наблюдение и др. Такой уровень методологии обеспечивает *теоретические исследования* (объясняет данные экспериментально-эмпирического уровня, предлагает подтвержденные концептуальные модели, соотносит эмпирические данные с результатами работ других ученых). Уровень исследования соответствует кандидатской, магистерской, дипломной, квалификационной работе, эмпирической статье.
3. Уровень совокупности *конкретных методик* исследования, технических приемов и процедур. Этому уровню методологии соответствует понятие «методика», например опросник Айзенка,

эксперимент на гомеостате, определенная схема наблюдения в ассесмент-центре и др. Это *экспериментально-эмпирический* уровень конкретного исследования, который обеспечивает сбор первичной информации и описание полученных данных обычно в рамках определенных методик и лежащих в их основе разработки теоретических концепций и даже парадигм. На наш взгляд, последние два уровня исследования хорошо дифференцируются между собой путем определения различий между понятиями «метод» и «методика». К слову сказать, в зарубежной психологической литературе не проводится четких различий в употреблении этих понятий. Согласимся с А. В. Юревичем в том, что любой метод всегда «теоретически нагружен», построен в некоторой смысловой системе, выражающей базовые смыслы соответствующей теории и научной «идеологии», и, как хорошо известно из истории науки, даже результаты простого наблюдения описываются и интерпретируются в системе определенных смыслов, заданных общей теорией (Юревич, 2019). Соответственно, психологические методики представляют собой конкретизацию и операционализацию того знания, которое содержится на уровнях психологических теорий и «идеологий». С технической точки зрения на первый взгляд этот уровень исследования кажется самым простым, но точность и четкость применения любой методики (требования к инструкции, построению самой методики, проверке ее на валидность и надежность, согласованность шкал, сбалансированность выборки и мн. др.) в зарубежных исследованиях считаются безусловными, что отражается на комплексе ее психометрических показателей, часто недостижимых в отечественных исследованиях. Эта сторона исследовательской практики, к сожалению, до сих пор не является в наших научных работах, в отличие от зарубежных, приоритетной, и возникает много вопросов по стандартизации психологических методик и их корректному применению.

Таким образом, *в соответствии с пониманием уровня и требований к его реализации и содержанию проводимого исследования, организуется его структура и определяются стадии исследовательского процесса. Это первый шаг* в его проведении. На этом этапе проясняются представления о балансе теоретических и эмпирических составляющих исследования, определяется его основная направленность. Если понимания исследовательской логики не сформировано, вид и направление исследования не определены, то вряд ли можно ждать существенных и четких результатов в его реализации.

Второй шаг, который необходимо сделать до начала проведения исследовательского процесса, – это понимание содержания и сути, а также возможности реализации основных современных тенденций (принципов) в применении методов психологического исследования. Останемся на основных, особо важных для социально-психологического исследования и уже безусловно принятых научным сообществом.

1. *Системность* – рассмотрение объекта исследования (внешнее и внутреннее) как некоторой целостности, как элемента более широкой структуры и выявление места объекта и его взаимосвязей в рамках этой структуры. Множество психических процессов, состояний, свойств, актов жизнедеятельности необходимо систематизировать, создать классификации, выделить их типы и виды. Принцип системного подхода понимается В. А. Барабанщиковым как «методологическое направление, разрабатывающее средства познания и конструирования сложноорганизованных объектов» (Барабанщиков, 2004, с. 5). Основы системного подхода, сформулированные В. Н. Ганзеном и развитые его последователями, относятся и к социально-психологическому исследованию, поскольку в социальных явлениях объект исследования многомерен, обусловлен включенностью в разнообразные социальные общности, обладающие психологической спецификой (Ганзен, 1984). Результаты влияния социально-психологического явления на развитие личности, малой или большой группы, а также любой другой общности людей могут быть рассмотрены только системно, в первую очередь, исходя из их социально-демографических показателей, показателей социальной, организационной, идеологической и других структур. Реализация принципа системности в исследовании ведет к большим и трудоемким научным процедурам: повышенному вниманию к описанию факторов взаимосвязей с объектом исследования, рассмотрению его в широком социальном и идеологическом контексте, существенному расширению исследования, сопряжению полученных данных и других серьезных исследовательских проблем. Принцип системности предполагает также синтез понятий, что относится к разряду сложнейших теоретических проблем психологии. В силу этих причин, к сожалению, принцип системности в социально-психологических исследованиях в большей степени остается заявленным, чем реализованным.
2. *Комплексность* – всестороннее качественно-количественное изучение объекта исследования. Этот принцип включает сочетание разнообразных приемов измерений, а также способов по-

лучения информации (тесты, опросники, проективные методы, экспертные оценки и т. д.). Кроме этого, принцип комплексности означает изучение интересующих нас социальных феноменов в совместном анализе данных социальной, экономической, организационной психологии, социологии и других смежных наук. В этом смысле для социальной психологии характерны исследования, выполненные на стыке самых разных направлений, позволяющие раскрыть многие содержательные характеристики изучаемого феномена. Большое внимание, согласно традициям, заложенным Б. Г. Ананьевым, уделяется принципу комплексности в исследованиях ленинградской/санкт-петербургской психологической школы, когда человек рассматривался всесторонне с помощью множества диагностических процедур по оценке его личности и индивидуальности (Ананьев, 1977; подробнее см., например: Головей и др., 2017; и др.). Следование этому принципу напрямую привязано к методическому обеспечению исследования – методам и методикам, которые выбираются для изучения объекта и предмета. К сожалению, неэффективным результатом некоторых «комплексных» исследований можно считать методическую перегруженность, подбор методик по принципу числа, а не содержательности и качества, что отражается на «нестыковке» полученных данных, трудностях их интерпретации, избыточности полученных материалов, трудно поддающихся систематизации и др. При этом важно понимать, что продуманная реализация принципа комплексности неразрывно связана с принципом системности и ведет к *целостному* рассмотрению человека.

3. *Включенность в процесс деятельности и общения.* Е. С. Кузьмин (подробнее о нем см.: Почебут, Журавлев, 2017; и др.) говорил о том, что сознание человека формируется только в процессе совместной деятельности и общения людей друг с другом, а предметом социальной психологии является общение в его разнообразной сути (межличностное, социальное, деловое, семейное...). Потребность в общении – сущностная и витальная. Общение – центральное понятие теоретической и прикладной социальной психологии, охватывающее все стороны деятельности человека. Е. С. Кузьмин подчеркивал социальную обусловленность психики и сознания человека, единство макро- и микроусловий формирования сущности человека, формирование сознания не только в процессе деятельности, но и в общении, изменение протекающих психических явлений и процессов в ходе общения с окружающими людьми (Кузьмин, 2021).

Существует распространенная точка зрения, согласно которой общение само по себе является одним из видов деятельности. В современном мире включенность людей в процесс общения существенно расширяется при помощи различных технических средств. Онлайн-коммуникации становятся обыденностью, расширяется круг контактов, изменяется как их количество, так и качество. Однако не следует забывать, что содержанием общения является «согласование взаимодействия, обмен представлениями, чувствами, мыслями, намерениями, интересами, самопрезентации, взаимовлияние, взаимоотношения, а не свойства психической организации человека в присутствии других людей» (Панферов, 2017, с. 5–6). Т. е., согласно традиционной точке зрения, сложившейся в социальной психологии, понятие «общение» шире понятия «коммуникация». Одна из задач для теории современной социальной психологии – проведение четкой границы между общением и коммуникацией, а также рассмотрение коммуникации как особого социально-психологического явления, наделенного новыми свойствами и характеристиками.

4. *Формализация и стандартизация* процесса исследования – это введение единых задаваемых правил сбора, анализа и обработки эмпирических и экспериментальных данных, что позволяет провести сравнение результатов, полученных различными исследователями, в различных условиях, культурно-исторических контекстах и т. д. Это уточнение базовых характеристик изучаемого объекта и предмета, исходя из строгости реализации принципа системности и целостности. Формализация предполагает строгость предъявления стимульного материала и инструкций, процесса проведения исследования, а также определенные требования к стандартизации методик (обязательная проверка на валидность и надежность, а также описание всех их психометрических характеристик). На этот принцип, очень важный для классической западной психологии, к сожалению, долгое время не обращали пристального внимания в отечественной психологии. В последние годы ситуация существенно меняется, и любая новая методика, опубликованная в отечественных публикациях, должна сопровождаться формализованным и стандартизированным описанием.
5. *Математизация и компьютеризация* обеспечивает точность обработки полученных данных и способов их интерпретации, высокую надежность и валидность исследования, контроль за обеспечением достоверности собираемой информации. Решаются

многие неосуществимые ранее задачи, например, работа с большими массивами данных, которые характерны для социально-психологических исследований (например, исследования в области кросс-культурной, политической психологии, организационной социальной психологии и др.). Другое направление – создание компьютерных вариантов (аналогов) существующих методик исследования, компьютерные технологии сбора эмпирической информации и ее обработки, составление «банка» эмпирических и экспериментальных данных. Изменения в плане «добывания» научных фактов идут семимильными шагами, но пока еще слабо описаны различия в получении данных бланковым и электронным путем, ограничения результатов онлайн-опросов и тестирования, сравнительная надежность и валидность бланковых и онлайн-вариантов методик.

5. *Применение новой группы методов – ситуационно-поведенческих и управленческих*, ориентированных на обучение и решение практических и прикладных задач. Это, прежде всего, получившие широкое распространение тренинги, деловые игры, дискуссии, фокус-группы, проводимые в различных сферах деятельности с точки зрения различных концептуальных схем и в различных форматах. Такой вид работы обуславливает дополнительное применение технических средств – кино-, фото- и аудиозаписи процедуры исследования, хода наблюдения, тренинговых занятий, деятельности фокус-групп. Таким способом осуществляется контроль и получение максимально объективной и быстрой обратной связи. Эта группа методов оказалась очень востребованной и эмоционально привлекательной. Однако опыт нескольких десятков лет их применения поставил перед исследователями много вопросов, в том числе этических, связанных с управлением групповой динамикой, влиянием группы на поведение ее участников, мерой и границами возможного воздействия, методической подготовленностью ведущих групп, устойчивостью получаемых навыков и мн. др.

Теоретическая основа исследования, его принципы, направленность и современные научные тенденции позволяют сделать третий шаг в планировании исследования – это *создание рабочего плана*, который описывает его основные *стадии*. Рабочий план структурирован следующим образом:

1. *Первая стадия – разработка программы исследования* – является важнейшим и основополагающим этапом любого исследо-

вания. С нее начинается реализация самого исследования. Это один из сложнейших этапов научной работы, основанный на теоретическом анализе проблемы, анализе современного уровня знаний в центральной и смежных областях знаний и фиксации понимания путей ее практической реализации. Эта стадия обязательно курируется научным руководителем проекта и является самым главным и основным шагом, с которым сталкивается ученый. На основании программы выстраивается вся логика исследования: планируется его уровень (философско-методологический, теоретический, практический), возможности применения перечисленных выше современных принципов построения исследования, методов и методик, а также обсуждаются многие другие технические возможности, специфические особенности и естественные ограничения, связанные с объектом и предметом исследования. Подробная структура Программы научного исследования будет представлена и описана нами ниже.

2. *Вторая стадия – пилотное исследование* – направлена на апробирование схемы основного исследования и выявление его изначально незаметных и непредполагаемых ограничений. Это, например, трудности рекрутирования в естественных условиях участников сбалансированной выборки по разным показателям – полу, возрасту, образованию, принадлежности определенному региону и т. д., т. е. достижение показателей ее репрезентативности, отражающей генеральную совокупность. Это также трудности, возникающие при выборе методического обеспечения (надежность и валидность применяемых методов и методик, их психометрические показатели, доступность, долговременность и устойчивость полученных результатов и др.). На этой стадии необходимо оценить влияние личности исследователя на получаемые результаты, особенности ситуации сбора данных и другие факторы, не учтенные до этой стадии планирования исследования. В случае, если в рамках пилотажного исследования не обнаруживаются существенных искажений, его результаты могут быть внесены в общую матрицу данных исследования. Результаты пилотажного исследования описываются, как правило, во второй – методической главе исследования.
3. Третья стадия включает *выбор основных методов и конкретных методик исследования*, их проверку на выбранных типовых объектах, а также набросок программы обработки данных. Во многом эта стадия может проходить одновременно с предыдущей и подчас включается в нее. Основная проблема современных

социально-психологических исследований — примат опросных методов, к которым предъявляется много содержательных претензий, важнейшая из них — это эффект социальной желательности, который демонстрируют опрашиваемые, несмотря на множество процедур, предпринимаемых при конструировании методики (введение шкал «лжи», особая композиция опроса и т. д.). Комплексный подход, описанный нами выше, предполагает применение совокупности методов, включая проективные, экспертные, деятельностные и др., что позволяет всесторонне рассмотреть объект исследования и преодолеть описанное ограничение опросных методов. В качестве примера решения такой задачи можно привести процедуру оценки персонала в ассесмент-центре, максимально включающую разнообразные методические приемы оценки претендентов на определенную должностную и профессиональную позицию. Причем при каждой индивидуальной задаче подбор методов может меняться с ориентировкой на конкретно поставленную цель и объект оценки. Вопрос, который должен быть решен на этой стадии исследования, — предварительный взгляд на возможности математической обработки полученных данных. Это касается, к примеру, выбора шкал опросников, кодирования показателей анкет и контент-анализа, необходимых социально-демографических показателей, данных проективных методик и др. Обдумывается возможность и необходимость применения различных математических процедур обработки данных, сопряженных прежде всего с целью исследования и особенностями выборки.

Задача этой стадии — нахождение «узких» методических мест и возможное их устранение в процессе организации исследования.

4. *Четвертая стадия — нахождение и формирование основной выборки.* Выборка — это сегмент популяции, который выбран для исследования. По мнению Э. Белл и А. Браймена, «в социальном исследовании построение выборки является ключевым этапом в исследовательском процессе» (Белл, Браймен, 2012, с. 157). Это технически сложная стадия проведения исследования, однако, принципы формирования выборки более или менее идентичны для большинства методов социальной психологии. Безусловно, лучший вариант — предварительно спланированная выборка, сбалансированная по необходимым параметрам (общий объем, разделение по полу, возрасту, профессиональной принадлежности, региону и т. д. в зависимости от цели работы). Такой расклад идеален, но вряд ли возможен. Поэтому, чаще все-

го в современных *количественных* исследованиях выборка формируется, во-первых, случайным образом (вероятностная выборка) и, во-вторых (особенно часто в онлайн-исследованиях) при сборе материалов методом «снежного кома». В маркетинговых исследованиях и опросах общественного мнения часто используют так называемую «квотированную выборку». Основная задача этого этапа – сформировать по возможности статистически репрезентативные и сравнимые выборки по основным наиболее значимым параметрам исследования. «Репрезентативная выборка» дает возможность распространить результаты, полученные на изучаемой выборке, на всю популяцию. Другой подход к формированию выборки связан с *качественными* исследованиями (особенно это касается биографических исследований, нарративного анализа, анализа отдельных случаев и др.), которые при малой выборке требуют иных, непараметрических, методов количественного анализа. Акцент в таких исследованиях смещается от числовых параметров к словесным описаниям и их анализу, предпочтение отдается методам, в которых люди описывают и интерпретируют свой социальный мир, при том, что социальная реальность постоянно меняется (см., например: Журавлев, 2011; и др.).

Таким образом, эту стадию можно считать стадией отбора объектов исследования и прояснения математических процедур анализа полученного материала. Именно на этой стадии научной работы становится очевидным необходимость и значение математических методов для психологических исследований.

5. *Пятая – «полевая» стадия исследования* – массовый сбор информации на планируемых объектах исследования. Это исследование, проводимое в естественных условиях, продуманное и всесторонне проработанное на более ранних стадиях исследования. Выход исследователя «в поле» социальной психологии предполагает минимальное вмешательство в естественную ситуацию. При этом обязательно принимаются во внимание все «возмущающие» средовые и личностные факторы (ограничения конкретного исследования). Например, это может быть дефицит времени на проведение опроса, слабая техника интервьюирования, отсутствие специальных помещений и оборудования для опроса, специфическая организационная ситуация и др. При онлайн-опросах ограничения связаны со спецификой этой техники опросов. Это может быть большое количество «неоткликов», отсутствие контроля за заполнением опросников, боязнь респондентов

в раскрытии анонимности по IP-адресу (особенно при экспертной оценке), технические сбои, недоступность части выборки в силу отсутствия компьютерной грамотности (например, представителей старшего поколения, жителей отдаленных местностей) и др. Особую сложность для исследователя представляет «растягивание» во времени сбора эмпирического и особенно экспериментального материала, преодоление «неожиданно» возникших ошибок предварительного планирования и проведения.

Реализация полевой стадии существенно связана с характеристиками выборки исследования — ее величиной, квотированностью, случайностью и др.

6. *Шестая стадия* — составление конечного варианта программы обработки материалов исследования и подготовка данных для компьютерной обработки. До начала окончательной обработки материалов включается дополнительный фильтр для отбраковки не соответствующих требованиям ответов и методик: ответов на вопросы анкеты, имеющих существенный сдвиг в нормальности распределения (например, все респонденты отвечают на все вопросы только «Да» или каким-то другим однотипным образом); ответов, носящих явно случайный характер; методик с существенными пропусками ответов и всех других сомнительных материалов (например, с шутками и различными замечками и комментариями на полях вопросников). На этом этапе также уточняются параметры реальной выборки, полученной на полевой стадии исследования, соответствие ее запланированной ранее и подтверждение или корректировка запланированных процедур обработки данных. По вопросам обработки желательны консультации с высококвалифицированным специалистом, имеющим опыт в области математической обработки психологических данных.
7. *Седьмая стадия* — обработка данных (ручная или компьютерная). Это быстро реализуемый, не требующий много времени чисто технический этап научной работы при условии применения современных компьютерных программ и достаточной квалификации исследователей в этой области. Правильно составленная и выверенная матрица, учет особенностей выборки и возможностей математических методов — залог успешной обработки данных в количественном исследовании. Если же мы имеем дело с качественными исследованиями, то роль исследователя здесь максимальна на первичном этапе обработки данных (например, проективных методик), акцент смещается в сторону их содер-

жательной интерпретации, а временные затраты на обработку существенно возрастают. На этапе обработки данных компьютерные программы позволяют представить графики, диаграммы и таблицы в наглядном виде, которые соответственно логике анализа результатов исследования помещаются в третью главу.

8. *Восьмая стадия – анализ обработанного материала* и составление итогового отчета (публикации, выпускной квалификационной работы, диссертации). Все эти виды отчетов по научным исследованиям строятся по одному плану, но отличаются между собой объемом и некоторыми содержательными характеристиками. Их краткое описание выглядит следующим образом:
- Введение. Включает в себя описание и обоснование *проблемы и актуальности исследования*, степени разработанности вопроса, научной и практической значимости, ведущие к формулировке *цели исследования* и возникших в связи с этим *исследовательских вопросов*. Исследовательские вопросы трансформируются затем в научные гипотезы.
  - Первая – теоретическая глава исследования является изложением обобщенного и структурированного знания по научной проблеме с целью определения *основных теоретических понятий (операционализация понятий)*, в дальнейшем применяемых в работе и изначально присутствующих в ее названии. Активно используется точное цитирование, рассматриваются и сопоставляются различные точки зрения на поставленные вопросы, анализируется отечественная и зарубежная литература, делаются промежуточные и окончательные теоретические выводы. Структура главы (параграфы) зависит от выбранного уровня методологии, а детализация связана с проработанностью избранной темы.
  - Вторая – методическая глава исследования включает *программу исследования* с описанием объекта, предмета, гипотез исследования и вытекающих из них задач. Отдельный параграф посвящен описанию *выборки* и ее всестороннему анализу; особое внимание уделяется описанию ее естественных ограничений. Далее представляются все *методы и методики* исследования с обоснованием выбора и точными ссылками на источники их публикации, эмпирическими индикаторами, условными обозначениями и содержанием отдельных шкал. Кратко, но по существу описываются все применяемые *математические методы обработки данных*. Дается подробное описание *процедуры и условий проведения исследования*, характеристики социально-психоло-

гического контекста исследования, социальные детерминанты явления, непредвиденные особенности его проведения, а также реализация системности и комплексности в изучении объекта. Возможно описание пилотажного исследования и процедуры корректировки на его основании направлений основной работы.

- Третья глава – *представление результатов исследования*. Это основная часть работы автора, где содержательная рубрикация производится, согласно поставленным задачам, независимо от того, качественное это исследование или количественное. Изложение материала всегда происходит от частного к более общему, рассматриваются как уровневые (анализ средних величин), так и структурные характеристики объекта исследования (результаты корреляционного, факторного, регрессионного анализа, метода структурных уравнений и др.). Каждый параграф главы завершается содержательными выводами и возможным объяснением полученных результатов в рамках основной парадигмы исследования и подтверждения или опровержения выдвинутых гипотез. Текст главы сопровождается иллюстрациями – таблицами, графиками, рисунками, оформленными согласно принятым стандартам.
- *Выводы*. Общие выводы исследования должны быть приведены в соответствие с выдвинутыми гипотезами и поставленными задачами и подтверждать достижение цели исследования. Выводы – это утверждения, выражающие в краткой форме научные содержательные итоги исследования и, главное, то новое, что открыто автором. Основное требование к ним – это краткость, конкретность и соотнесение с объектом исследования.
- *Заключение*. Заключение представляет собой краткое обобщение всего сделанного в работе, определение научных перспектив, неизученных актуальных аспектов социально-психологических явлений, естественных ограничений в работе. Это формулирование исследовательских планов на будущее, общая оценка эффективности проделанной работы, вклада в прикладные и практические области, ее практическая, научная и социальная ценность, связанная с актуальностью и обозначенной проблемой. Это планирование будущих исследований, направлений их расширения и углубления.
- *Список литературы* включает всю использованную для обсуждения в теоретической и эмпирической части исследования научную литературу, на которую есть хотя бы одна ссылка в тексте.

те (упоминание, цитирование). Список литературы составляется строго по алфавиту, начиная с русскоязычных авторов и заканчивается иностранной литературой. Электронные источники представляются в конце общего списка с указанием даты обращения к ним.

- *Приложения.* Включают в себя весь используемый методический инструментарий: анкеты, схемы наблюдения, кодировочные матрицы, инструкции, таблицы, статистические выкладки и т. д., т. е. вспомогательный материал исследования, необходимый для понимания хода исследования. Приложения следует нумеровать и располагать в порядке появления ссылок на них в основном тексте работы. Методики (если они малоизвестны) необходимо полностью привести в приложении. Методики, созданные автором самостоятельно, нуждаются в исчерпывающем описании и проверке на надежность и валидность.

Программа социально-психологического исследования

Возвращаясь к рабочему плану исследования, еще раз обратим внимание на первое и основополагающее действие в направлении его осуществления – написание *программы исследования*. Не будет преувеличением сказать, что от точности понимания логики ее содержания и этапов реализации зависит конечный итог исследования. Программа социально-психологического исследования – теоретико-методологическая основа получения надежных научных результатов в области социальных исследований. Она формирует логику (алгоритм) исследования и в конечном итоге предопределяет его результаты. В психологической практике существуют различные точки зрения на последовательность этапов в ее построении, а программная часть исследования до сих пор сохраняет дискуссионную составляющую для обсуждения методологических проблем в рамках различных психологических направлений. Скорее всего, это связано с исторической преемственностью получения знаний в определенных областях психологии, недостаточной определенностью обозначения объектно-предметных областей искомого знания, но подчас и просто отсутствием логики в методическом мышлении. В области социальных и социально-психологических исследований имеется устойчивая позиция на логику научного исследования, в которой отражены взгляды классиков общей и социальной психологии (Андреева, 2006; Кузьмин, 2021; Леонтьев, 2007; Ломов, 1984; Шорохова, 1975; Ядов, 2003; и др.).

Методологический раздел программы

Этот раздел программы начинается с определения *проблемы* исследования и, как следствие, описания его *актуальности*. Проблема исследования — это та социально-психологическая ситуация, которая требует решения или как минимум достаточно подробного описания. Она определяется не только личным интересом исследователя, но, в первую очередь, актуальным социальным запросом. В проблеме отражаются социальные и личностные психологические противоречия, требующие разрешения, а также возможные пути их устранения. Все это определяет наше состояние «знания о незнании». Существование проблемы (проблемной ситуации) является исходным моментом любого научного исследования. Постановка научной проблемы предполагает: 1) обнаружение недостаточности знаний в определенной области; 2) осознание потребности в ее устранении; 3) описание проблемной ситуации на естественном языке; 4) формулирование проблемы в научных терминах (Ганзен, 1984; Ядов, 2003). Следующий логический шаг — это формулирование *исследовательских вопросов*, возникших в ходе постановки проблемы и определения ее актуальности. На начальном этапе работы количество исследовательских вопросов может быть избыточным, но по ходу проработки проблемы их количество может уменьшаться, исходя из логики и естественных ограничений исследования, а также личного предпочтения в направлении исследования. Из всех исследовательских вопросов, которые были нами сформулированы, мы должны выбрать несколько основных. Исследовательские вопросы — это целенаправленная и озвученная проблематизация ситуации. Отсутствие исследовательских вопросов резко снижает качество исследования, а их наличие улучшает его фокусировку. Они направляют дальнейший поиск теоретических источников, формируют решения о дизайне исследования, определяют выборку и содержание исследования, направляют анализ и обобщение данных (Белл, Браймен, 2012, с. 78). Желательно, чтобы исследовательские вопросы были четкими и ясными, понятными другим людям, пригодными для исследования, связанными друг с другом, не были слишком широкими или слишком узкими. Источниками формулирования исследовательских вопросов могут быть: личный интерес, различия в объяснительных теориях феномена, литературные источники, вопросы, ставящие в тупик, новые технологические и социальные достижения, социальные проблемы и др. Результатом предварительного анализа проблемы и формулирования исследовательских вопросов является постановка *цели* ис-

следования, достижение которой является конечной точкой любого исследования — это желаемый конечный результат. Цель исследования может быть как теоретической, так и практической и прикладной. *Цель должна соответствовать названию работы.* В этом плане более продуктивно сформулировать единую цель, в которой отражены и предмет, и объект исследования вне зависимости от направленности этого исследования.

Формулировка проблемы ведет к описанию *объекта* исследования — носителя психической реальности, который фокусирует в себе противоречие и порождает проблемную ситуацию. Это то, на что направлен научный процесс познания. Как правило, в социально-психологических исследованиях объектом изучения являются индивид, группы людей, представители различных социальных групп, различные общности — все то, что имеет психику. В отдельных случаях это могут быть продукты деятельности человека или группы (биографический метод, нарративный подход). Важно обратить внимание на описание всех значимых характеристик объекта. В социально-психологическом исследовании это, прежде всего, социально-демографические характеристики: пол, возраст, семейное положение, уровень образования и дохода, социальное происхождение, принадлежность к определенным социальным категориям и когортам, профессия, род занятий, национальность, отношение к религии и т. д. От того, каким образом будет описан объект исследования, зависит выдвижение гипотез исследования и особенно их детализация (частные гипотезы), поскольку только тогда проясняется контекст социально-психологического исследования.

Предмет исследования — это те наиболее значимые с теоретической и практической точек зрения свойства объекта, которые наиболее выпукло отражают выявляемые и изучаемые нами противоречия. Это составная часть объекта, то, что мы исследуем, на что оказываем воздействие, что измеряем и чем манипулируем (Дерманова, Манукян, 2018). В качестве предмета социально-психологического исследования могут быть представлены, например, психологические характеристики личности, состояния и процессы деятельности и общения в различных социальных общностях, их уровневые характеристики и взаимосвязи и т. д.

Мы разделяем мнение В. Н. Панферова и С. А. Безгодовой о том, что «*предмет*» и «*объект*» — синонимы в обыденном языке, в научной методологии обретают особый смысл научных понятий. Этот смысл превращает их в *базовые научные категории*, выполняющие функцию инструмента логического анализа познаваемого явления.

Их можно отнести к основным категориям методологического назначения. <...> *Предмет всегда в объекте*, хотя исследователи в научном познании абстрагируются от объектной оболочки существования своего предмета, и это превращается в проблему объективации изучаемых свойств в конкретных исследованиях, то есть в проблеме существования сущности. В этом контексте „предмет“ начинает рассматриваться в качестве механизма, определяющего закономерные взаимосвязи свойств как внутри объекта, так и с его внешними условиями существования. В то же время рассматривается проблема детерминации (внешней и внутренней обусловленности) этих взаимосвязей. <...> *Объект, синтезирующий все свойства природы, в котором содержатся предметные свойства всех наук, — это человек*» (Панферов, Безгодова, 2017, с. 10–18). Таким образом, консолидирующей социальной силой социально-психологических явлений становится человек, являющийся участником различных общностей — малых и больших групп, организаций, социальных, политических объединений и др. Это и есть объект исследования в изучении социальных явлений. Он вписан в контекст внешней и внутренней обусловленности его существования и, следовательно, проявления его свойств (предмета исследования), что отражает обобщающий принцип системности, предполагающий также целостность и комплексность процедур его изучения.

Выдвижение рабочих гипотез — центральный и наиболее творческий этап исследования, он связан с креативностью исследователя. Гипотеза представляет собой обоснованное вероятностное предположение о причинах изучаемых противоречий, которое предлагается проверить эмпирически или экспериментально. Она формулируется в виде утвердительного предположения. Процесс формулирования гипотез будет более успешным и плодотворным, если предварительно будут описаны основные характеристики объекта и предмета исследования. Гипотезы (предположения) нельзя путать с исследовательскими вопросами ни по содержательной сути, ни по формулировке. Если исследовательские вопросы сформулированы корректно, то выдвижение гипотез не будет вызывать трудностей.

Гипотезы могут быть описательные (дескриптивные) (предположение о существующих свойствах объекта), которые, в свою очередь, подразделяются на структурные — объект рассматривается как набор фактов и функциональные, предполагающие тесноту связи между признаками, характеризующими объект. Такого рода гипотезы формулируются, как правило, в количественных, эмпирических, корреляционных исследованиях и, по большому счету, не фиксируют

причинно-следственные связи, а описывают объект исследования, исходя из его уровневых и структурных характеристик. Изучение «влияния» одного признака на другой в такого рода исследованиях вряд ли возможно, а корреляции и факторный анализ фиксируют лишь взаимосвязь признаков с определенной вероятностью. Второй вид — *объяснительные* гипотезы, в которых априори присутствует предположение о причинно-следственных связях между различными характеристиками объекта. Такой тип гипотез — «гипотез влияния» — можно проверить только при реализации различных вариантов экспериментального плана исследования и применения специальных математических аналитических процедур (регрессионный анализ, методы многомерного анализа). В экспериментальную гипотезу включаются независимая, зависимая переменная, отношения между ними и дополнительные факторы влияния.

Гипотезы могут быть рабочими, основными и частными, теоретическими и эмпирическими, гипотезами-следствиями, первичными и вторичными. Основная гипотеза определяется целью всего исследования и носит общий характер. Не следует путать научные и статистические гипотезы. Статистические гипотезы (различие/сходство событий) не описывают психологической сути изучаемого явления и мало помогают в содержательной психологической интерпретации полученных данных, они лишь констатируют факт вероятности подтверждения статистического предположения (H_1 — гипотеза о различии, H_0 — гипотеза о сходстве).

Перечислим некоторые *требования к формулированию гипотез*:

1. Гипотеза не должна содержать понятий, которые не получили эмпирической интерпретации, иначе она не проверяема.
2. Гипотеза должна быть проста.
3. Гипотеза не должна противоречить ранее установленным эмпирическим фактам.
4. Хорошая гипотеза приложима к более широкому кругу явлений, нежели та область, которая непосредственно наблюдается в исследовании.
5. Гипотеза должна быть приложима ко всему кругу явлений, которые она непосредственно объясняет, не допуская исключений.
6. Гипотеза должна быть принципиально проверяема при данном уровне теоретических знаний, методической оснащенности и практических возможностей исследования.
7. Гипотеза должна в своей формулировке содержать ясное указание на способ ее проверки. В формулировании проблемы не должно быть неясных терминов (Чикер, 2010).

Определение цели, объекта и формулирование гипотез предопределяет постановку *задач* исследования — шагов по их реализации. Это выбор путей и средств по достижению цели исследования. Задачи определяют логику исследования, структуру работы и название глав и параграфов текста работы, обсуждающей полученные результаты. Они подразделяются на основные и дополнительные, теоретические и практические. Конкретизируются задачи, исходя из гипотез и характеристик объекта исследования. Главное требование к задачам — их содержательный характер, отражающий психологическое, а не процедурное построение работы. Основная ошибка в их формулировании заключается в подмене исследовательских задач описанием технического плана предстоящей работы, отраженного в процедурном разделе программы исследования.

Процедурный (стратегический) раздел программы

Этот раздел программы включает, прежде всего, определение принципиального (стратегического) плана исследования (Ядов, 2003). Стратегический план может быть:

- *формулятивным (разведывательным)* в случае, если об объекте имеются смутные и неточные представления; цель такого плана исследования — уточнение проблемы и, если это возможно, формулирование гипотез; такое уточнение позволяет сделать тщательное изучение имеющейся научной литературы по интересующей нас проблеме, беседы с компетентными лицами и экспертами, а также стадию полевого наблюдения; этот план исследования может осуществляться без предварительного формулирования гипотез, а исследовательские вопросы в ней играют важнейшую роль;
- *описательным (дескриптивным)*, когда знание объекта достаточно для выдвижения гипотез; цель такого плана исследования — систематическое качественно-количественное описание объекта исследования, его особенностей и сути; в данном случае выдвигаются описательные гипотезы, предполагающие, как правило, корреляционное исследование; такой план исследования наиболее часто применяется в монографическом и выборочном обследовании, ограничения которых должны быть обязательно указаны;
- *экспериментальным*, когда в качестве основной цели выступает изучение причинно-следственных связей психологических

явлений; условием осуществления такого плана исследования можно считать достаточные знания в изучаемой области, которые предполагают возможности реального экспериментирования и, что важно, моделирования явлений с выделением зависимых и независимых переменных, выдвижением объяснительных гипотез и соответствующих математических способов обработки данных.

Завершает процедурный раздел программы *набросок основных процедур сбора и анализа первичных данных*. Как правило, выделяется подготовительный, основной и заключительный этап исследования. Именно к этому плану исследования относятся следующие процедурные задачи, которые зачастую путают с методическими: изучить литературу по проблеме исследования, подобрать методический инструмент для проведения исследования, спланировать проведение опроса или другой методической процедуры, проанализировать полученные данные, написать отчет, сформулировать выводы и т. д.

Понимание рассмотренных выше в широком контексте общей методологии психологического исследования структуры и стадий исследовательского процесса в социальной психологии с теоретической точки зрения проясняет исследовательскую парадигму социальной психологии, в практическом плане — намечает пути реализации конкретных социально-психологических исследований. Логика и структурирование процесса — основа качественного исследования. Понятия «структура и стадии» исследовательского процесса в большей степени относятся к дизайну исследования, но его реализация невозможна без анализа методологических основ, на которые нами было обращено существенное внимание. Выбор и использование определенных методов является следствием глубокой методической и концептуальной подготовки исследования, а его реализация становится проще с точки зрения планирования, технологии проведения и анализа полученных данных.

Литература

- Айламазян А. М., Розин В. М.* Смысл кризиса в российской психологии на рубеже XXI века (размышления по поводу книги Т. В. Корниловой и С. Д. Смирнова «Методологические основы психологии») // Идеи и идеалы. 2010. № 2 (1). С. 43–60.
- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.

- Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2006.
- Барabanщиков В. А.* Принцип системности в современной психологии // Психология. Журнал ВШЭ. 2004. Т. 1. № 3. С. 3–17.
- Белл Э., Браймен А.* Методы социальных исследований. Харьков: Гуманитарный центр, 2012.
- Василюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Ганзен В. А.* Системные описания в психологии. Изд-во ЛГУ, 1984.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2700–2707.
- Дерманова И. В., Манукян В. Р.* Дизайн психологического исследования: планирование и организация. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018.
- Журавлев А. Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Теория и методология психологии. Постклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Иванов М. А., Штроо В. А.* Академическая и практическая психология // Организационная психология. 2018. № 4. С. 137–155.
- Клочко В. Е.* Многомерное психологическое мышление: антропологические проекции // Психология обучения. 2012. № 10. С. 4–23.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2016.
- Кричевец А. Н.* Проще простого. Как не надо относиться к статистике // Социальная психология и общество. 2018. № 9 (3). С. 208–212.
- Кузьмин Е. С.* Основы социальной психологии. Избранные труды / Сост. А. Л. Журавлев, Л. Г. Почебут. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Леонтьев А. А.* Психология общения. М.: Смысл, 2008.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Методы практической социальной психологии. Диагностика. Консультирование. Тренинг / Под ред. Ю. М. Жукова. М.: Аспект-Пресс, 2004.
- Парадигмы в психологии // Научоведческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич, Т. В. Корнилова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Структура исследовательского процесса в социальной психологии

- Панферов В. Н.* Методологический конструкт общения // Социальная психология общения. М.: Инфра-М, 2017. С. 5–40.
- Панферов В. Н., Безгодова С. А.* Методологические основы и проблемы психологии. М.: Юрайт, 2019.
- Почебут Л. Г., Журавлев А. Л.* Развитие социальной психологии в трудах Е. С. Кузьмина (к 95-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 81–91.
- Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В.* Методологические основы изучения социального капитала организации: парадигмы и обоснование понятия // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 1. С. 14–28.
- Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В., Гуриева С. Д.* Методологическое обоснование изучения социального капитала организации // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 1. С. 8–24.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М.: Наука, 1972.
- Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Толочек В. А.* Парадигмы развития отечественной индустриальной организационной психологии // Организационная психология. 2017. № 7 (4). С. 129–144.
- Чикер В. А.* Методология и методы социально-психологических исследований. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
- Чикер В. А.* Дизайн исследования и методы социальной психологии // Социальная психология. Традиции и современность. СПб.: Скифия-Принт, 2020. С. 21–32.
- Шорохова Е. В.* Социальная психология (проблемы и задачи) // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975.
- Юревич А. В.* Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Ядов В. А.* Социологическое исследование. Программа. Методология. Методы. М.: Наука, 2003.

Раздел II
СТАДИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ПРОЦЕССА

Психология как социальное знание: этапы исследовательского процесса

М. С. Гусельцева

doi: 10.38098/

К концу XX в. саморефлексия науки была сосредоточена на проблемах смены парадигм, исторической эволюции, структуры и динамики научного знания (Стёпин, 2000). В начале XXI в. на переднем плане оказались вопросы организации науки в связи с глобальными изменениями мира, диалектика сложности и простоты, интеграция и спецификация исследований, открывающиеся возможности для трансдисциплинарных и полипарадигмальных подходов, смешанные методы и методологии (Новые тенденции и перспективы..., 2019; Парадигмы в психологии..., 2012; Психологическое знание..., 2018; Разработка и реализация принципа развития..., 2016; Трансдисциплинарность в философии и науке..., 2015; Harwell, 2011; Terrell, 2012; Van Lange, 2006). Сегодня исследователи обсуждают изменения в производстве научного знания, особенности познавательных практик; последние нередко оказываются избыточно специализированными и сложными, технологически изошренными и фрагментированными (Dotlich et al., 2009; Rabinow et al., 2008). Однако едва ли не на каждом витке эволюции науки заново происходит возвращение к проблемам объективности и достоверности научного знания, критической рефлексии и управления исследовательским процессом.

Так, для получения качественного научного продукта в социальных науках (к которым отнесем и психологию) необходимо учитывать множество перспектив и точек зрения; релевантная картина реальности складывается из разных подходов; зачастую требуется подтверждение полученных результатов данными смежных наук (Хорошилов, 2022). В связи с этим в методологических дискуссиях сегодня обсуждаются особенности меж-, мульти- и трансдисциплинарного познания, разрешающие возможности полипарадигмальности, эффективность проблемно-ориентированных исследований, гибкие, сетевые модели межкафедральных взаимодействий, организация мобильных, транснациональных научных коллективов и т. п. Теорети-

ческие прогнозы, некогда обращавшиеся к идеалам развития постнеклассической науки (Клочко, 2007; Теория и методология..., 2007), сделались реальностью повседневных практик научной жизни. В целом увеличились саморефлексия и аксиологические составляющие исследовательского процесса, появились направления этнографии и антропологии науки, делающие фокусом внимания производство научного знания как такового, влияние социокультурного контекста, трансмиссию идей в общенаучном пространстве (Панченко, 2012; Marks, 2009; Rabinow et al., 2008; Segal, 2001).

Одной из особенностей развития современной науки стал поиск баланса между количественными и качественными исследованиями, макро- и микроаналитическими стратегиями, глобальными и локальными перспективами. Так, например, наряду с универсальными представлениями о производстве научного знания, предполагающими определенную последовательность стадий, развитие исследовательского процесса обусловлено ситуативными факторами, влиянием социокультурной среды, конкретными познавательными задачами, а теоретические и прикладные психологические исследования, разновидности эмпирических, описательных, корреляционных, экспериментальных практик могут ориентироваться на разные идеалы рациональности (Любякин, 2014). В рамках же данной статьи обратимся к разновидности психологического знания, которая наиболее близка к сфере социальных наук.

Изучение исследовательского процесса в психологии и за ее пределами

Экспериментальные исследования, как правило, отличаются более строгой процедурой, нежели теоретические поиски, особенно в социальных науках. Стандартизированные этапы экспериментального исследования включают: 1) формулирование гипотезы; 2) планирование конкретной исследовательской деятельности; 3) разработку и проведение эксперимента; 4) обсуждение полученных результатов; 5) формулировку выводов и заключения (Солсо и др., 2002). Однако уже на этапе планирования вполне может возникнуть парадокс, зафиксированный американским антропологом П. Рабиноу (1944–2021). Так, переосмысливая работу Дж. Дьюи «Логика: теория исследования» (Dewey, 1938), П. Рабиноу обнаружил, что реальная исследовательская деятельность складывается из множества неоднозначных познавательных ситуаций. Одни ситуации позволяют довольно быстро достичь заранее запланированного результата, тогда как в других,

прежде чем исследование начнется и будет успешно завершено, ученому невозможно определить, чего он сможет достичь, каким образом исследование станет развиваться и сколько времени потребуются, чтобы перейти от исходного неопределенного состояния к иному, в котором и познавательная ситуация и ее детерминанты сделаются более ясными и отчетливыми (Rabinow, 2008). Таким образом, добросовестный исследователь не станет утверждать, как того требуют заявки на гранты, что он заранее точно знает, что собирается делать или что обнаружит. Подобного рода планирование, полагает П. Рабиноу, было бы «дурным методом, скудной логикой и ложно дисциплинированным исследованием», а, строго говоря, «даже и не исследованием вовсе» (ibid., p. 8). Ведь решение конкретной научной проблемы «состоит из серии шагов, особенности которых не известны до того, пока эти шаги будут предприняты» (ibid., p. 10). Иными словами, *чем больше новизны, оригинальности и вклада творчества обещает исследование, тем более возрастают в исследовательском процессе факторы случайности, неопределенности, неожиданности и непредсказуемости.*

Между тем типичное (идеальное) психологическое исследование, описываемое в учебниках и методических рекомендациях, предполагает последовательность действий. Оно подспудно опирается на мотивации и интуиции ученого, включая как его осознанные интересы, так и неочевидные предубеждения. Оно начинается с подбора необходимых научных источников, анализа состояния проблемного поля, постановки исследовательских вопросов, выделения объекта и предмета исследования. На этом этапе ученый погружается в обзоры имеющихся публикаций, занимается разработкой первоначальной концепции, пилотного исследования или построением модели изучаемого феномена. Далее происходит выдвижение научных гипотез, составление планов исследования, определение его основных целей и задач, подбор релевантных методик и методов. После этого наступает время для сбора недостающих данных, обнаружение и анализ фактов, их систематизация и предварительное описание. Отметим, что на этом этапе продуктивности исследования весьма способствует практика критического мышления — возможность *посмотреть на известные факты под новым углом зрения.*

На следующем этапе исследовательского процесса происходит обработка полученных данных, проведение количественного и/или качественного анализа, интерпретация полученных результатов, их соотнесение с первоначальными гипотезами и исследовательской концепцией, а также возможное сравнение с иными концепци-

ями и теориями. Заключительный этап исследования предполагает формулирование общих выводов и обсуждение перспектив дальнейшей разработки проблемы.

Таким образом, типичные стадии психологического исследования простираются в диапазоне от интуиции до верификации (фальсификации) — от намерений, обнаружения лакуны познания, постановки научной проблемы до производства научного продукта, его ревизии и критики. Однако и выбор темы исследования, и анализ научной литературы, и зарождение в ходе изучения источников исследовательских гипотез и новых идей несет на себе печать непреднамеренности, случайности. Процесс психологического исследования можно представить как движение от хаоса к порядку, где упорядочение начинается с оформления смутных интуиций в гипотезу, осознанного выбора релевантных методов исследования, планирования и отбора необходимых для изучения материалов.

Французский математик и естествоиспытатель А. Пуанкаре (1854—1912) еще до разработки концепции личностного знания М. Полани подчеркивал значение в исследовательском процессе субъективных факторов, отмечал личностную окрашенность всякого знания (Polanyi, 1958). А. Пуанкаре подметил в научном сообществе полярные стратегии мышления ученых, подразделив их на типы «логиков» и «интуитивистов». Последние стремились рассматривать научную проблему в целом, а также отличались большей чувствительностью к инновациям¹. Сам механизм работы интуиции А. Пуанкаре исследовал на материале научных открытий, используя и ресурсы самонаблюдения, и изучение творческих биографий. Этот анализ позволил ему описать *этапы научного открытия*. Согласно А. Пуанкаре, исследовательская деятельность начинается с лобовой постановки проблемы — *рационального штурма и натиска*; однако первые попытки решения обычно не венчаются успехом; после чего наступает *стадия инкубации* — подсознательного, неосознаваемого поиска решения проблемы; следующий этап связан с *внезапным озарением* — спонтанным нахождением этого решения; завершающий этап исследовательской деятельности есть *доказательство и обоснование* полученных результатов (Пуанкаре, 1990).

1 Напомним, что в знаменитом эссе И. Берлина «Ёж и лисица (Об исторических взглядах Л. Н. Толстого)» упоминается древнегреческий поэт Архилох, подразделивший мыслителей на тех, кто опирается на широкий спектр опыта, и тех, кто воспринимает мир посредством обобщающей идеи. *Лисе известно много маленьких секретов, а еж знает один, но самый главный* (Берлин, 2002, с. 513–595).

Российский физиолог Н. Я. Пэрна (1878–1923) занимался исследованиями ритмов душевной жизни, творческой деятельности, исторического процесса. В посмертно опубликованной работе «Ритм, жизнь и творчество» он доказывал, что «в основе всякого ритма лежит всегда какой-нибудь *периодический*, или *волнообразный*, или *циклический* процесс» (Пэрна, 1925, с. 16). Таким образом, исследовательский процесс – с учетом факторов биосферы и антропологии – протекает волнообразно. Это значит, что он всегда является «результатом совокупного действия нескольких моментов»; представляет собой «смену фаз»; «волновой процесс есть процесс прогрессирующий (необратимый, поступательный)» (там же).

На основе ежедневных, ведущихся на протяжении восемнадцати лет дневниковых записей и скрупулезного самонаблюдения Н. Я. Пэрна обнаружил в творческом процессе интеллектуальные ритмы с колебаниями в 7, 13–14 и 27–28 дней. Им было установлено, что научная «мысль созревает толчками, имеет период выхода в область сознания и ухода в область бессознательного, где она и находится, в основном претерпевая доработку и оформление» (там же, с. 48). Помимо этого, Н. Я. Пэрна заметил, что «одновременно могут протекать несколько таких волнообразных процессов мысли» (там же). Применяв свой авторский метод к изучению биографий творческих личностей, он пришел к выводу, что *волнообразность интеллектуальной деятельности в большей степени выражена у субъектов, сосредоточенных на внутренней жизни*, черпающих из нее импульсы для творческой деятельности. Этих личностей (писателей, поэтов, художников, философов) Н. Я. Пэрна охарактеризовал как «мечтателей», отличив их от «деятелей» (администраторов, полководцев, изобретателей), ориентированных на практические действия. В душевной жизни последних феномен волнообразности выявить не удалось, ибо их деятельность определялась не столько внутренними ритмами, сколько внешними обстоятельствами. В свою очередь, «люди науки» занимали промежуточное положение между «мечтателями» и «деятелями», ориентируясь в исследовательской деятельности, как на внешние условия, так и на внутренний смысл (Пэрна, 1925).

В 1970-е годы, рассматривая исследовательский процесс как творческую деятельность, включавшую сознательные и бессознательные компоненты, специалист в области психологии творчества и интуиции А. Я. Пономарев (1920–1997) выделил в нем четыре фазы, начинающие отсчет с того момента, когда исследовательская проблема ученым уже поставлена: 1) *логический анализ* – основное содержание первой фазы, включающей использование для решения исследова-

тельской задачи имеющихся сподручных средств, предложение и отклонение гипотез, сознательные и целенаправленные познавательные действия; 2) *интуитивное решение* – содержание второй фазы, которое возникает в результате неосознаваемого поиска и подсознательной подготовки решения, представ неожиданно в форме озарения, или инсайта; 3) *вербализация интуитивного решения* – содержание третьей фазы, на которой происходит оформление достигнутого исследовательского результата при помощи понятий и концепций; 4) *формализация вербализованного решения* – содержание четвертой фазы, которое заключается в проверке и окончательном оформлении научного продукта (Пономарев, 1982, 1983).

Помимо этого, А. Я. Пономарев отмечал, что такие исследователи творческого процесса, как М. А. Блох (1882–1941), Б. А. Лезин (1880–1942), Д. Н. Овсяннико-Куликовский (1853–1920), Ф. Ю. Левинсон-Лесинг (1861–1939), П. К. Энгельмейер (1855–1942), Т. Рибо (1839–1916), Г. Уоллес (1858–1932) выделяли в нем *три основные стадии*, связанные с (1) постановкой и формулированием исследовательской проблемы; (2) поисками ее решения; (3) проверкой-верификацией и подтверждением полученных результатов (Пономарев, 1982). Таким образом, на первой – *подсознательной* – стадии задействованы интуиция ученого, особенности его психологического состояния, предубеждения, интересы и мотивации. На второй – *сознательной* – стадии приоритетом становятся формулировка проблемы, определение познавательной цели, выдвижение гипотез, выбор методологии, подходящих методик и методов для решения исследовательских задач. Третья – *саморефлективная и интерсубъективная* – стадия требует концентрации критического мышления, верификации и фальсификации полученных результатов, в идеале их соотнесения с другими подходами и данными смежных наук.

Так, химик и историк науки А. М. Блох выделял в исследовательской (изобретательской) деятельности три этапа: 1) возникновение замысла, гипотезы, идеи; 2) представление и развитие этой идеи посредством воображения; 3) воплощение идеи в реальности, проверка ее жизнеспособности (Блох, 2020).

Согласно А. Я. Пономареву, исследовательская деятельность начинается с *подготовительной стадии* (1), являющей состояние деятельного поиска, который приводит к появлению или осознанию исследовательской проблемы; затем наступает *стадия работы подсознания* (2), на которой совершается созревание или инкубация идеи; на следующей за ней *стадией вдохновения* (3) возникшая идея получает формулировку в виде замысла, проблемы или гипотезы; на за-

ключительной стадии (4) происходит развитие и оформление идеи в научный продукт, ее *проверка и ревизия* (Пономарев, 1982).

Одной из экспериментально-теоретических находок А. Я. Пономарева стало установление неоднородности творческого процесса, не только выделение в нем чередования подсознательных, сознательных и бессознательных фаз, но и наличие в продуктах творческой деятельности смешения сознательного (предполагаемого) и побочного (неожиданного, непредвиденного) результата (там же). Следует отметить, что в социальных науках подобный феномен также описан в понятиях «непреднамеренных последствий целенаправленного социального действия» (Р. Мертон), *диалектики преднамеренного и непреднамеренного поведения* (Э. Гидденс). «В ходе действия постоянно проявляются последствия, не желаемые актерами, и, наоборот, эти непреднамеренные последствия могут стать неосознанными условиями последующих действий» (Гидденс, цит. по: Коркюф, 2002, с. 73).

Педагог и психолог П. М. Якобсон (1902–1979) в небольшой брошюре «Процесс творческой работы изобретателя» описал *семь стадий исследовательской деятельности*: интеллектуальная подготовка (1); обнаружение проблемы (2); появление новых идей и формулировка исследовательских задач (3); поиск и нахождение решений (4); создание модели или принципа изобретения (5); воплощение принципа изобретения в чертеж или схему (6); техническое оформление и реализация изобретения (7) (Якобсон, 1934).

Английский социальный психолог Г. Уоллес (1858–1932) в знаменитом труде «Искусство мышления» на основе наблюдений и изучения научных биографий выделил *четыре стадии творческого процесса* (Wallas, 1926). Первая стадия – произвольная и сознательная – получила название «*подготовка*». На этом этапе исследовательского процесса образуется общее мыслительное поле, происходит обнаружение проблемы и первые наброски попыток ее решения. Вторая стадия бессознательной проработки проблемы обозначалась Г. Уоллесом как «*период воздержания*» и «*инкубация*». На этом этапе ученому следовало отвлечься от напряженной мыслительной деятельности и заняться иными делами, в то время как на бессознательном уровне совершалась переработка имеющейся информации. Третья стадия – «*озарение*» – представляла собой спонтанное и внезапное решение проблемы. Четвертая стадия – «*проверка*» – требовала «дисциплины ума», критической оценки достоверности и пригодности полученного результата (Wallas, 1926). Наряду с этим Г. Уоллес отмечал, что в повседневности все четыре стадии исследовательского процесса обычно смешиваются и перекрывают друг друга, а разно-

образе целей и задач может создать специфику протекания каждого из этапов (ibid.).

В ходе дальнейшего развития интереса ученых к производству научного знания, канадский врач Г. Селье (1907–1982), известный как первопроходец изучения стресса, в книге «От мечты к открытию» выделил *семь этапов научного творчества*, сравнил творческий процесс с порождением потомства и придав его этапам соответствующие метафорические названия (Селье, 1987).

Согласно Г. Селье, первый этап – «*любовь*» – подразумевает жажду познания, желание и энтузиазм, «интерес, рвение, пыл, страсть», которые формируют исследовательскую мотивацию ученого (Селье, 1987, с. 75). На втором этапе – «*оплодотворение*» – происходит насыщение сознания необходимыми сведениями и фактами, добытыми в порядке изучения источников, наблюдений и размышлений.

«Объем эрудиции, наиболее приемлемый для интуитивного ума, варьирует от индивида к индивиду. Для создания широких, обобщающих концепций некоторые ученые, особенно „великие сопоставители“, нуждаются в энциклопедических познаниях. Другие, занимающиеся более глубокими исследованиями, но в сравнительно узкой области, нуждаются в меньшем количестве информации. Излишек знаний, не относящихся непосредственно к решаемой задаче, может стать даже помехой. Но как бы там ни было, в истории каждого научного открытия имеется неотъемлемый подготовительный период сбора и сознательного исследования фактов и идей, которые могут положить начало существенно новому вкладу в науку» (Селье, 1987, с. 76).

Третий этап – «*созревание*» – это сознательная и бессознательная обработка информации, постепенное вынашивание и оформление идеи. Четвертый этап – «*родовые схватки*» – содержит переживание близости решения, а также зарождение идеи в форме ее осознания, первоначальной формулировки и дальнейшего уточнения проблемы. Пятый этап – «*рождение*» – нередко настает спонтанно, перед засыпанием или пробуждением; с этого этапа начинается собственно процесс создания произведения. «После того как потребность поделиться нашим вновь обретенным сокровищем исчерпает себя, настроение может измениться коренным образом. Первоначальное радостное чувство постепенно убывает, незаметно переходит в привычную повседневность, и наступает ощущение разочарования» (там же, с. 79). На шестом этапе – «*обследование*» – совершается проверка идеи посредством логических рассуждений и экспериментов. Седьмой этап – «*жизнь*» – состоит в практическом использова-

нии идеи. Согласно Г. Селье, «все открытия, заслуживающие этого названия, имеют теоретическое приложение в том смысле, что способствуют познанию, но определенное внимание всегда должно уделяться и возможным практическим приложениям» (там же, с. 81).

Опираясь на предложенную Г. Селье модель, психолог и исследователь особенностей творческого поведения А. Л. Галин выделил десять трехчастных, динамических, перетекающих друг в друга стадий исследовательского процесса: 1) *интерес*, наблюдение, осмысление, где доминирует интерес; 2) *интерес, наблюдение*, осмысление, где доминирует наблюдение; 3) *интерес, наблюдение, осмысление*, где на первый план выходит осмысление; так, на данном этапе начинается «кристаллизация» идеи; ученый стремится упорядочить собранные материалы, установить связи и выявить общие закономерности; 4) *осмысление, кристаллизация, свобода*, где кристаллизация связана с работой подсознания и соответствует вышеназванной фазе спонтанного вынашивания идеи; 5) *кристаллизация, свобода, грезы*, где свобода описывается как освобождение от лишних контактов и повседневных забот, сосредоточение на внутреннем мире, погружение в область фантазии; это «свобода от прежних знаний (чтобы прорваться к новым), свобода от влияния авторитетов и даже свобода... от логических рассуждений» (Галин, 2001, с. 14); 6) *свобода, грезы, постижение*, где подсознательное содержание благодаря работе воображения проникает в сознание; 7) *грезы, постижение, радость*, где радость служит знаком рождения новизны, понимания, найденного решения; 8) *постигание, радость¹*, проверка; 9) *радость, проверка*, внедрение, где проверка «ведет к полному сознательному

---

1 А. Л. Галин приводит здесь описание из работы Г. Селье: «После интуитивного озарения обычно наступает ощущение полного счастья, радости и облегчения. Вся накопившаяся усталость и фрустрация предыдущего периода – периода собирания фактов и их вынашивания – сразу исчезает. На смену приходит чувство совершенного благополучия и наполненности энергией, которое создает у нас – по крайней мере, на время – впечатление, что нам и в будущем любая задача по плечу» (Селье, 1987, с. 80). «Состояние радости в творчестве превосходит чувство радости в его обычном понимании. Это не просто получение нового результата, более-менее частного или более-менее значительного, но момент (или иногда даже период) согласия, согласования подсознания и сознания, нового представления и его всестороннего понимания, момент согласованной работы правого и левого полушарий мозга, то, что переживается как момент внутренней целостности, согласия с самим собой, иногда – высшего счастья» (Галин, 2001, с. 16).

принятию нового результата», а также «осуществляется не только с позиций логики или оценки соответствия созданного реальности, но и с позиций интуитивной оценки целого» (там же, с. 17); 10) проверка, *внедрение*, интерес к новому явлению. «Если в изложение нового представления внесены необходимые поправки или все оказалось правильным, появляется желание рассказать другим о том, что получилось, внедрить новое в жизнь» (там же). Наряду с этим А. Г. Галин подчеркивает, что «внедрение нового в жизнь обычно связано с преодолением инерции среды, тех или иных трудностей, препятствий, недопонимания» (там же).

Итак, из приведенного краткого обзора можно увидеть, что научное творчество неоднократно выступало предметом науковедческого анализа, а стадии исследовательского процесса как таковые на сегодняшний день неплохо изучены. Однако гораздо меньше внимания уделено препятствиям и ограничениям, возникающим на разных этапах исследований. Эти вопросы выступили фокусом анализа скорее психологии и антропологии, нежели истории и социологии науки. В следующем ниже разделе обратимся к опыту, полученному в рамках этнографии/антропологии науки и касающемуся тех рисков, которые могут возникнуть на разных этапах научной деятельности.

Затруднения исследовательского процесса: антропологический подход

На каждой стадии исследовательского процесса появляются свои собственные затруднения. Помимо того, что всякое исследование обусловлено спецификой познавательных задач, влияние на исследовательский процесс оказывают и субъективные факторы, связанные с особенностями личности ученого, стилем его научных коммуникаций, и социокультурные факторы, создающие диапазоны возможностей исследовательской деятельности в целом – от общей атмосферы свободомыслия до обеспеченности научных коллективов необходимым технологическим оборудованием.

В этом плане наибольший интерес для анализа представляют предварительные и завершающие стадии исследовательского процесса. Если первые обусловлены интуицией, воображением, степенями свободы научного поиска и возможностью самоопределения, то на заключительных этапах качество научного продукта напрямую зависит от процедур верификации и фальсифицируемости результатов, широты обсуждений, культуры дискуссий и компетенций критического мышления. При этом диапазон затруднений исследова-

тельского процесса довольно широк – от охватившей современный мир неолиберальной идеологии, препятствующей свободному духу научного поиска на его начальных этапах, создающей давление стандартизации и быстроты получения результата, до проблем продуктивности, объективности и достоверности полученных данных, особенно актуальных в сфере социальных наук.

Важно подчеркнуть, что негативное влияние идеологии неолиберализма прежде всего на развитие социальных наук есть не только российская, но и общемировая проблема. Так, шведский антрополог У. Ханнерц (р. 1942), осмысливая свою научную биографию, писал:

«В последние десятилетия... мы стали свидетелями появления большого, более или менее всемирного набора идей и практик, которые я бы назвал комплексом неолиберальной культуры и которые – особенно с начала нового тысячелетия – имеют тенденцию влиять на академическую жизнь и институции» (Hannerz, 2010, р. 7). «Ряд воспроизводящихся ключевых слов – подотчетность, прозрачность, приватизация, контроль качества, брендинг, аудит, совершенство, ранжирование – сигнализируют о наличии комплекса неолиберальной культуры. Когда он пересекает континенты, как и другие подобные комплексы в нашей истории, он принимает разные формы в различных условиях, поскольку взаимодействует с местными традициями. Этот комплекс может приобретать национальные особенности, и в академических кругах его взаимодействие с различными дисциплинами проявляется по-разному. Представляется, что он наиболее эффективно соединился с естественными науками, медициной и технологиями, отчасти потому, что их продукты, как правило, вызывают больший интерес на рынке, но, возможно, также и потому, что здесь существуют другие интеллектуальные, организационные и процедурные сходства. Напротив, когда неолиберальный комплекс встречается с гуманитарными науками и, по крайней мере, некоторыми социальными науками, то трения, как правило, усиливаются. Зачастую кажется, что при принятии политических решений на более высоком уровне есть мало понимания различных способов производства знаний в разных областях науки и есть мало любопытства по поводу непредвиденных последствий принятых решений. Популярная в последнее время практика концентрации финансирования исследований в виде крупных и единовременных выплат в надежде на мгновенное создание что-то вроде „центров передового опыта“... соответствует исследовательской практике одних дисциплин лучше, чем других. Представляется, что решениям по таким вопросам не всегда предшествует тщательный анализ. <...> Неолибераль-

ная политика в отношении академического сообщества не придает значения воспроизводству дисциплин или выживанию факультетов. <...> В конце концов – и я надеюсь, что скорее раньше, чем позже, – придет понимание, что университеты не могут работать так, как бизнес, что их многогранная культурная роль требует особого внимания и что разные дисциплины могут работать в соответствии с разной логикой» (ibid., p. 8).

Помимо этого, как предварительные, так и завершающие стадии исследовательского процесса являются наиболее зависимыми от социокультурных, антропологических, психологических факторов. Интуиция, субъективный выбор предмета исследований, сочетание особенностей личности ученого и решаемой им научной задачи, самоощущение энергии, прилива душевных сил, вдохновения, мотивации, интереса, переживания призвания и предназначение – психологические состояния, которые с трудом поддаются объективному изучению. В свою очередь обоснование и подтверждение результатов, дискуссии и критика, экспансия научного продукта в сферы практической или общественной деятельности во многом обусловлены сложившимися интеллектуальными традициями, культурой мышления, общей социокультурной ситуацией развития науки.

Американский психолог Дэвид Мартин (р. 1943) обратил внимание на фобии – иррациональные страхи, препятствующие творческой деятельности (Мартин, 2002). Такие фобии становятся препятствиями в самом начале исследовательского процесса. *Гениефобия (страх перед гениями)* – переживание скромности своего творческого потенциала в сравнении с маститыми учеными, сделавшими историю науки. *Имитациофобия (боязнь имитации)* – опасение предложить недостаточно оригинальную идею; демотивирующее представление, будто бы все значимые научные открытия уже совершены. *Параферналиофобия (боязнь аппаратуры)* и *мануалофобия (боязнь ручной работы)* – предубеждение о зависимости успеха исследования от сложности аппаратуры. *Экономофобия (боязнь простоты)* – представление, что лишь сложные вопросы заслуживают изучения. *Калькулятофобия (боязнь статистики)* – препятствие в виде отсутствия компетенций обработки статистической информации. *Имперфектофобия (боязнь несовершенства)* – отказ от деятельности из-за опасений неудачи или избыточная фиксация на проработке деталей. *Эргофобия (боязнь работы)* – иными словами, прокрастинация, склонность откладывать совершение необходимых действий (Мартин, 2002, с. 83–85).

Между тем научные достижения человечества скорее осуществлялись учеными с внутренними локусом контроля и самоподдерживающейся мотивацией – потребностью решить поставленную перед собой задачу, разгадать головоломку, изобрести, воплотить в жизнь модель, уже построенную в воображении и т. п. «Меня последовательно принимали в учреждения, где можно было заниматься личными исследованиями. <...>...Тогда как теперь, согласно методу, перенятому по стандарту в точных науках, исследователей заставляют сотрудничать в группе, над работой, зачастую отвлекающей их от своих собственных забот и, может быть, также от сферы их компетенции. Таким образом, приходится иногда собирать вместе значительные штаты, чтобы выполнить работу, которую один исследователь или небольшая группа исследователей могла бы выполнить гораздо быстрее», – отмечал французский филолог и философ П. Адо (Адо, 2010, с. 75).

Изучение социально-психологической стороны научного творчества и профессиональной деятельности ученых сфокусировано сегодня в специальных направлениях этнографии и антропология науки. Однако важно заметить, что в контексте психологии эти проблемы ставились и были осмыслены в отнюдь не утратившей актуальности книге М. Г. Ярошевского «Историческая психология науки» (Ярошевский, 1995) и множестве других работ (Аллахвердян и др., 1998; Идеалы и нормы, 1981; Лук, 1976; Юдин, 1981; Юревич, Цапенко, 2010; Feist, 2006; Feist, Gorman, 2012).

Как правило, выделение универсальных или типичных стадий исследовательского процесса опирается на позитивистские представления о научной деятельности, тогда как с позиций антропологии науки в большей степени раскрываются социокультурные контексты исследовательского процесса и субъективные факторы, подчеркивающие значимость в научной работе пристрастности, иррациональности, интуиции, расхождение поставленных целей и результатов.

Антропология и этнография науки – области современных исследований, направленных как на понимание учеными самих себя, так и на выявление факторов, способствующих или препятствующих научной продуктивности. В наши дни это исследовательское направление служит пространством трансдисциплинарных практик (Гусельцева, 2021). Так, этнографический подход к сфере производства знания применял философ и социолог Б. Латур (р. 1947), исследуя «незримые принципы» организации повседневности в научной лаборатории (Латур, 2002, 2013, 2017; Latour, Woolgar, 1979). Университетскому миру Франции посвящена книга социолога и антрополога

П. Бурдые «Homo academicus» (Бурдые, 2018). Полевыми (этнографическими) исследованиями в области производства научного знания много занимался антрополог П. Рабиноу, приглашенный в ведущую генетическую лабораторию Франции – Центр по изучению полиморфизма человека – ее директором Д. Коэном (Rabinow, 1999; Sharin, 2000). Согласно П. Рабиноу, антрополог, наблюдающий за повседневной жизнью подобного рода учреждений, помогает научным работникам отрефлексировать те неявные формы и нормы, которые они используют и создают в процессе ежедневного труда (Rabinow, 1999). П. Рабиноу осмысливал широкий круг проблем, касающихся как способов рождения нового знания, так и посреднической роли антропологии в сфере современных научных и общественных дискуссий (ibid.).

Заметим, что эмпирические материалы этнографии и антропологии науки собираются в наши дни по-разному: с помощью классических полевых исследований, требующих не менее года провести в научной лаборатории, наблюдая за учеными (*антропологический подход*); посредством проведения полуструктурированных интервью (*социологический подход*); собирая устные и/или мемориальные истории (*этнографический и историографический подходы*); в кабинетном анализе публикаций, блогов, дневников и т. п. (*аналитический подход*). При этом субъективные факторы, такие как психологическая атмосфера лаборатории (учреждения), конкурентная или поддерживающая среда, «незримые колледжи» (М. Полани), мотивация и настрой ученого представлены не столько в систематических наблюдениях, сколько в устных рассказах, блогах или интервью исследователей о том, как делается наука.

На каждой из стадий исследовательского процесса немаловажную роль играет *саморефлексивность*, обусловленная тем, насколько у ученого развиты компетенции работы над собой, умение превращать недостатки в достоинства, опираться на сильные стороны своей личности. Для исследователя в области социальных наук собственная личность нередко выступает в качестве инструмента или творческого орудия. Так, П. Рабиноу начинает книгу «Очерки антропологии разума» с осмысления опыта присутствия на одной из научных конференций, где его ключевыми переживаниями оказались раздражение и скука (Rabinow, 1996a). Эти настроения он проанализировал с позиции антрополога, т. е. не как нечто маргинальное, а как типичные и необходимые составляющие академической жизни. В этой связи П. Рабиноу призывает «быть внимательным к существующим „второстепенным“ практикам» (ibid., p. 7), используя

для их выявления этнографический и антропологический инструментарий. В дальнейшем важность «второстепенных практик» была продемонстрирована П. Рабиноу на примере открытия полимеразной цепной реакции (Rabinow, 1999).

Особый интерес представляют его размышления о транснациональной организации науки, которую П. Рабиноу осмысливал, будучи включенным наблюдателем процессов глобализации научного мира. «Что это за научная жизнь, которая постоянно путешествует, постоянно ведет переговоры о ресурсах, постоянно участвует в конкурентных претензиях на приоритет, конкурирует на нескольких аренах?» (Rabinow, 1996а, р. 24). «Космополитический этос» формирует «взгляд на знания, этику и политику, являющийся одновременно локальным и глобальным, местным и зарубежным» (ibid.). Так, П. Рабиноу оказался причастен к созданию сетевых, транснациональных и трансдисциплинарных организаций – Антропологии современного научного сотрудничества (ARC) и Центра инженерных исследований синтетической биологии (SynBERC). Тесно общаясь с молекулярными биологами, он наблюдал их повседневную деятельность в лаборатории и побуждал к саморефлексии посредством бесед и интервью.

«Саморефлексии ученых относительно того, как формировать свою научную практику, о пределах возможностей, частично совпадали с моей научной практикой. Я попытался отметить как совпадения, так и различия, превращая возникшую ситуацию одновременно и в повод для любопытства, и в способ исследования» (ibid., р. 19).

Антропологический проект включенного наблюдения разворачивался в Cetus Corporation – биотехнологической компании, расположенной неподалеку от Беркли (Калифорния), а затем в компании Roche Molecular Systems, находящейся в округе Аламида (Калифорния). Cetus стала местом изобретения полимеразной цепной реакции (ПЦР), «экстравагантно гибкой технологии для релевантной и быстрой экспоненциальной амплификации точных последовательностей ДНК» (ibid., р. XI). Если в наши дни ПЦР является едва ли не самой важной произведенной в Cetus находкой, то в 1980-е годы она находилась в тени других проектов, которые, с позиции «реалистов-менеджеров и их спонсоров венчурного капитала», считались более значимыми и с научной, и с коммерческой точки зрения (ibid., р. XI). Иными словами, *ПЦР оказалась побочным продуктом иного изобретения*, более того, этот тест придумал человек, у которого, согласно П. Рабиноу, практически не было шансов выжить ни в университе-

те, ни в фармакологической компании из-за особенностей его характера (Rabinow, 1996b).

Непосредственно в ходе исследовательского процесса феномены случайных и непреднамеренных действий редко становятся предметом саморефлексии ученого, но могут попасть в поле зрения наблюдателей со стороны. Антропологические наблюдения показывают, что развертывание научного исследования, как правило, содержит ответвления от заранее запланированной деятельности, неожиданные боковые побег, побуждающие к ревизии, казалось бы, уже хорошо изученного, обнаружение в нем лакун, щелей и зазоров, способствующих постановке новых проблем. Иллюстративным примером такого рода служит «открытие» заново социологом В. Г. Николаевым творческого наследия Ч. Х. Кули (1864–1929).

В одном из интервью В. Г. Николаев вспоминает, что был знаком с отдельными работами Ч. Кули еще в студенческие годы, рассматривая его труды в контексте символического интеракционизма. Однако, имея привычку делать попавших в поле его интереса авторов «предметом более пристального рассмотрения», в конце 1990-х годов он вновь вернулся к Ч. Кули для основательного изучения. Обратившись к первой большой работе «Теория транспорта», В. Г. Николаев обнаружил, что канонический образ Ч. Кули в качестве социального психолога, создателя теории зеркального Я и предшественника Дж. Мида нуждается в серьезной ревизии. Оказалось, что Ч. Кули начинал как экономист, а интерпретация его научного творчества, заданная Дж. Мидом, была пересмотрена в исследованиях Г. Джекобса, показавшего, что Ч. Кули предложил принципиально иное направление социальных исследований и скорее опередил Дж. Мида, чем являлся его предшественником (Jacobs, 2006).

«Исследуя жизненный и социальный процесс во всей его целостности, Кули обращается не только к „микро“, но и к „макро“, не только к личности (Я) и микрокоммуникациям, но и к институтам, транспортным инфраструктурам, массовому поведению, медиа, общественному мнению, социальным классам, проблемам бедности, демократии, конфликтам, международным отношениям и т. п. Этот спектр тем определенно невозможно подвести под социальную психологию» (Николаев, 2019, с. 18).

Готовя к публикации сборник новых переводов Ч. Кули на русском языке, В. Г. Николаев осознал, насколько тот был многоплановым и опередившим свое время ученым. Ч. Кули излагал свои мысли «языком, которым в социологии научились говорить только в конце

XX века» (Николаев, цит. по: Картавцев, 2021). Он предлагал «описание общества в терминах волн» и широко трактовал понятие коммуникации. «В литературе, которую я достаточно хорошо знал и которая казалась мне в полной мере оригинальной, я стал все больше находить влияние Кули. В частности, в социологии Чикагской школы» (там же).

Между тем сам Ч. Кули не был плодовитым автором. В историю науки он вошел как автор пяти книг и десятка статей.

«Книги Кули писал медленно. Он месяцами делал записи на отдельных листах, накапливал их, время от времени перебирал и сортировал, что-то выбрасывал, что-то переписывал, пока постепенно не складывалась книга. Постепенность была чрезвычайно важна в свете основополагающей для его мировоззрения идеи органического роста: книга, как и все в жизни, должна была естественным образом вырасти. Только так, по Кули, можно достичь целостного схватывания жизни. В мысли о жизни должна отразиться сама жизнь во всей ее многогранности, прерывности и непрерывности, тождестве и эмерджентности. „Чтобы мыслить хорошо, нужно знать, как примирить систему со спонтанностью“, — писал Кули в своем дневнике» (Николаев, 2019, с. 10). «Такую же постепенность Кули практиковал в чтении, по многу раз возвращаясь к ранее прочитанному для углубления понимания и переосмысления. Такой же постепенности он ждал от студентов, поощряя самостоятельный выбор темы и длительное погружение в нее до появления „инсайта“ и почти не вмешиваясь в подготовку диссертаций, кроме как на финальной стадии...» (там же).

В предыдущем разделе уже отмечалось, что если теоретические модели располагали этапы исследовательского процесса в линейной перспективе, то реальные практики протекают скорее нелинейно, а попытки подчинить исследование заранее прописанному плану, уложить его в схемы и задать сроки — способны выступить препятствиями продуктивности научного творчества.

Фундаментальные исследования не только не поддаются предварительному планированию и четкому графику, но и требуют социально-психологических ресурсов, таких как время и досуг ученого, независимость и свободный полет фантазии, самоотдача и самодисциплина, интеллектуальная дерзость и вольнодумство, настойчивость в достижении цели и способность оказывать обстоятельствам сопротивление и т. п. В связи с социальным давлением неолиберальной идеологии специалист по антропологии религии Ж. Кормина сокрушается: «Антропология — это медленное знание, а нынешний заказ-

чик требует ответов быстрых и четких. И лучше всего – чтобы было анкетирование, массовые опросы, таблицы и графики, которые выглядели бы научно презентабельно» (Кормина, 2014, с. 43). В свою очередь, П. Рабиноу, отмечал, что производители знаний сталкиваются сегодня с двумя типами безжалостных, всеядных и ненасытных требований. Первое требование – это быть «эффективным», что в гуманитарных науках обычно означает «операционализацию», пригодность полученного знания для чего-либо еще. Другое требование – спрос на «значимость». Однако подобные требования порождают и два типа ответов – принять правила игры либо противостоять им (Rabinow, 1996a, p. XIV).

Американский социальный психолог Э. Бершайд (р. 1936) обратила внимание на то, что направленные на интеграцию знаний и столь востребованные в наши дни меж-, мульти- и трансдисциплинарные исследования зависят не столько от коммуникации ученых из разных дисциплин, сколько от того, чтобы эти разные дисциплины могли быть связаны «в одной голове». Однако современная академическая жизнь скорее препятствует, чем способствует развитию трансдисциплинарности.

«Условия современной академической жизни таковы, что большинству молодых ученых трудно грести достаточно быстро, чтобы держать нос над водой; серфинг наук, кроме их собственных специализаций, невозможен. Выживание молодых ученых зависит от того, будут ли они публиковаться немедленно и часто, а нередко и избыточно (ибо бюрократы умеют считать, но не читать). Выживание также зависит от получения грантовых денег для поддержки себя, своих студентов и своего учебного заведения, что требует много времени, которое слишком часто оказывается безуспешным, а если даже нет, то приводит к сокрушительному давлению на немедленные эмпирические результаты для публикации в 6-месячных отчетах о проделанной работе... Выживание также зависит... и от выполнения многочисленных служебных и канцелярских обязанностей... Таким образом, желательность междисциплинарного взаимодействия и интеграции не вызывает сомнений. Загадка заключается в том, как этого можно достичь в условиях, в которых обучается и работает большинство современных ученых. Решение неясно, не в последнюю очередь потому, что самой загадке уделялось мало внимания со стороны общества и даже самих ученых» (Berscheid, 2006, p. 38).

Норвежский антрополог Т. Х. Эриксен (р. 1962) также предостерегает от желания достигать в исследовательском процессе быстрого ре-

зультата. «Скорость приводит к упрощению» (Эриксен, 2003, с. 79). «Скорость ведет к потере точности» (там же, с. 83). Используя термин П. Бурдые — *быстромыслящие* (fast-thinkers), Т. Х. Эриксен рассуждает о рисках обесценивания в современности осмысленных суждений и экспертизы.

Быстромыслящие «могут за пару минут в прямом эфире объяснить, в чем проблема экономической политики Европейского союза и почему нужно посвятить все лето чтению „Критики чистого разума“ Канта... Некоторым же наиболее глубоким мыслителям нужно время, чтобы взвесить все за и против, и место, чтобы точно сформулировать свою мысль. Они становятся незаметными и теряют влияние в этом поспешном, полном суеты времени. <...> Определенные мысли можно обдумать только медленно, а некоторые рассуждения обязательно должны быть логически выстроенными, и не в присутствии нетерпеливого журналиста...» (там же, с. 138).

Не без участия антропологов в 1990-е годы в Норвегии появилось движение за возрождение неспешности. С этой целью представителями социальных наук была создана образовательная программа «Академия P2», доказавшая на практике, что аргументированные и логически выстроенные рассуждения могут быть востребованы слушателями (там же). Антропологическое сопровождение исследовательского процесса позволяет сделать научную деятельность не только более осмысленной и более эффективной, но и наладить диалог ученых с обществом, показывая необходимость не ориентированных на мгновенную отдачу фундаментальных исследований.

Иной проблемой для профессиональной деятельности ученого в современном мире является переизбыток информации. Так, историк С. В. Соколовский фиксирует «лавинообразный рост информационных потоков, когда при жизни одного человека даже в рамках отдельных дисциплин публикуется столько книг, сколько не под силу освоить десятку поколений его потомков» (Форум: Современные тенденции..., 2004, с. 84). «Один экземпляр воскресного номера „Нью-Йорк Таймс“ содержит больше информации, чем мог получить за всю свою жизнь образованный человек в XVIII веке», — замечает Т. Х. Эриксен (2003, с. 89). Ученый «не в состоянии прочесть всё, что написано» по его проблеме, «даже если... ограничится литературой на английском языке» (там же, с. 32). В этой связи Т. Х. Эриксен указывает на *важность в исследовательском процессе не только способности к саморефлексии, но и к сознательному самоограничению*. «Цель образованного человека в экономически развитой стране

должна заключаться в том, чтобы послушать как можно меньше докладов, посмотреть как можно меньше фильмов и быть обладателем минимального количества книг, т. е. привыкнуть контролировать поток информации» (там же, с. 31). Таким образом, перед современным исследователем уже на начальных этапах исследовательского процесса встают проблемы сознательного (требующего самодисциплины) и релевантного (требующего определенного кругозора) выбора источников. «Как я могу быть уверен в том, что отобранная одна сотая процента наиболее важна для меня, если нет времени даже мельком взглянуть на остальное?» (там же, с. 32). Если прежде отбор информации контролировался собственным вкусом, уровнем образования и личными интересами ученого, то сегодня необходимыми компетенциями для продуктивной научной деятельности становятся самодисциплина (осознанность и самоорганизация профессиональной деятельности) и трансдисциплинарность (ориентировка, каким образом сходные проблемы рассматриваются в смежных науках). Одной из практик самоорганизации исследовательского процесса является сознательное замедление.

Медленное знание в эпоху повышенных скоростей

Сегодня, когда современность ассоциируется с ускорением и стремительностью перемен, особенно важно вспомнить, что *социальные науки (психология, социология, антропология, политология) – это медленное знание* (Гирц, 2020; Эриксен, 2003; Eriksen, 2006); а *фундаментальные исследования – это медленная наука* (Абрамов и др., 2016; Искусство медленного чтения, 2020; Опыты медленного чтения, 2021). Профессионалам в сфере социального знания приходится сопротивляться требованиям реактивных вызовов и «социальных заказов», ускорению ритмов жизни, смешиванию виртуальных и реальных, публичных и частных пластов повседневности. Довольно трудно противостоять и давлению академической бюрократии, ориентирующейся не на качество проведенного исследования, а на быстрый и эффектный, но и столь же стремительно устаревающий результат (так называемый журнализм в науке).

Историк и социальный антрополог Н. В. Ссорин-Чайков, характеризуя ситуацию современности, обратил внимание на кризис, с одной стороны, неolibеральной экономической мысли, а с другой – номотетической методологии: «Весь XX век прошел под знаком доминирования количественной модели знания: кто быстрее сможет освоить математический язык, им и карты в руки. Сейчас это

поставлено под сомнение. Ведь такие модели объясняют прошлое, а не настоящее...» (Космарский, Ссорин-Чайков, 2017).

Здесь полезно напомнить, что в социогуманитарных науках объективность и достоверность не определяются математической точностью. Такой парадокс сформулирован математиком Л. А. Заде как *принцип несовместимости сложности и точности анализа*. Ученый доказывал, что так называемые объективные, количественные методы мало пригодны для изучения достаточно сложных реальностей: «Для систем, сложность которых превосходит некоторый пороговый уровень, точность и практический смысл становятся почти исключаящими друг друга характеристиками» (Заде, 1974, с. 7). Сходным образом можно сформулировать *принцип несовместимости фундаментальности и быстроты получения результата* в производстве научного знания. Ведь значимость результатов исследований в социальных и гуманитарных науках во многом обусловлена вдумчивым анализом, длительными наблюдениями и неторопливыми размышлениями ученого. Так, У. Ханнерц вспоминал «идеальный» академический год, который провел в середине 1980-х в калифорнийском Центре перспективных исследований в области поведенческих наук: «Это был очень хороший год – свободное от преподавания и администрирования время, чтобы читать, думать и писать» (Hannerz, 2010, p. 27). *Читать, думать и писать – основные составляющие исследовательского процесса в области социогуманитарных наук.*

На примере технологических успехов Израиля ректор «Сколтеха» А. П. Кулешов, специалист в области информационных технологий и математического моделирования, подчеркивал важность минимизации бюрократии в системе академического образования, необходимость степеней свободы, здравомыслия и гибкости в научном руководстве исследовательскими проектами. Все это вместе, по его мнению, позволяет поддерживать личные новаторские инициативы ученых. Так, А. П. Кулешов поделился опытом, полученным в коммуникации с президентом естественно-научного института Вейцмана в Израиле, в свою очередь, убежденного в том, что *лучшей стратегией для стимулирования научных и технологических прорывов является отсутствие стратегии*. «Мы просто берем очень умных людей и позволяем им делать то, что они хотят». В этом контексте А. П. Кулешов интерпретирует кейс Рут Арнон (р. 1933), разработавшей уникальное лекарство от рассеянного склероза – копаксон: «В институте Вейцмана ее 20 лет не трогали, в результате она создала лекарство, с патента на которое они ежегодно имеют 800 млн долларов» (Кулешов,

цит. по: Соколенко, 2021). Это и есть результат «отсутствия стратегии» — снижение контроля и бюрократического давления на ученых, предоставление людям, мотивированным к занятиям наукой, возможности получать радость созидательного творчества от познавательной деятельности и изобретений.

О том, насколько наукометрические показатели и бюрократические отчеты не соответствуют подлинно исследовательской деятельности, свидетельствует исторический апокриф, согласно которому в мае 1824 г. А. С. Пушкин был командирован графом М. С. Воронцовым в Херсонскую губернию наблюдать за размножением саранчи, однако вместо официального рапорта о своей командировке сдал в канцелярию лаконичный (и показавшийся начальству издевательским) отчет в стихах.

Саранча

23 мая — Летела, летела,

24 мая — И села;

25 мая — Сидела, сидела,

26 мая — Все съела,

27 мая — И вновь улетела.

Коллежский секретарь Александр Пушкин.

Итак, 28 мая 1824 г. вернувшийся из командировки А. С. Пушкин сдал в канцелярию краткий отчет «Саранча». Прочитанный начальником канцелярии графа М. С. Воронцова полковником А. И. Казначеевым отчет вызвал в руководстве недоумение и негодование. По поводу инцидента не замедлило последовать служебное разбирательство. А. С. Пушкин покинул службу, будучи выслан из Одессы в село Михайловское. Между тем А. И. Казначеев продолжал изучать отчеты других участников экспедиции, сопоставлять таблицы, планы, расчеты. С трудом осилив десяток страниц одного из таких рапортов, он попытался сделать вывод и пришел к тому же, что написал А. С. Пушкин: саранча сидела, сидела, все съела и вновь улетела... (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1999).

Таким образом, самоценный научный поиск (знание ради познания) способен породить едва ли не более весомые прикладные плоды, нежели сознательное планирование или поставленные перед наукой извне административные задачи приносить практическую пользу. На эту сторону исследований в сфере социальных наук, которую можно было бы охарактеризовать как *антипрагматизм* — сопротив-

ление целенаправленности и свободное течение мысли с негарантированным результатом, — обратил внимание уже упоминавшийся выше Т. Х. Эриксен:

«Нередко ценность сделанных наблюдений становится очевидной антропологу, только когда он сидит с толстыми тетрадами своих записей, пытаясь выявить или проверить модели, соответствия и взаимосвязи в своем, часто расплывающемся, материале. У меня были студенты, которые вернулись из поля с внушительными материалами, основанными на структурированных интервью с более чем 100 информантами, а по возвращении вдруг поняли, что действительно важные догадки и ценные наблюдения были сделаны ими во время неформальных встреч или в незапланированных ситуациях. Поскольку антропологи не проводят эксперименты и не пытаются верифицировать свое исследование другими способами, можно сказать, что успех их работы зависит от счастливого случая. Но так как их метод требует необычайно много времени, удачные совпадения в большинстве случаев рано или поздно происходят. Часто все встает на свои места, когда антрополог меньше всего ожидает этого» (Эриксен, 2014, с. 70).

Этапы исследовательского процесса и в психологических, и в антропологических исследованиях довольно схожи: 1) изучение источников или включенное наблюдение, 2) осмысление и обсуждение полученных данных, 3) написание статьи или монографии. Так, в сборнике «Трещина в зеркале: рефлексивные перспективы в антропологии» предметом обсуждения выступили стадии исследовательского процесса в антропологии, согласно которым ученые переходят от полевых (этнографических) исследований (1) к их осмыслению и интерпретации (2), в свою очередь, завершающимися написанием монографий (3), где особенно значимыми становятся пресловутые проблемы достоверности и объективности знания — в данном случае: *культура письма и критическая саморефлексия* пишущего (Ruby, 1982). Кроме того, в социогуманитарных науках нарративы и дискурсы (истории) могут выстраиваться по-разному в зависимости от меняющихся контекстов, в логике решаемых задач, в силу пристрастий или убеждений ученого, а потому каждый раз их сборка (ассамбляж) способна превратить эмпирические реальности в новые теоретические объекты (Rabinow, 1996a, 2011). Все это в целом на завершающих стадиях исследовательского процесса выводит на передний план проблему верификации результатов, особенно актуальную в сфере социальных наук.

Проблемы достоверности и объективности данных на завершающем этапе исследовательского процесса

Классическая модель науки строилась на предпосылках принципиальной познаваемости мира, универсализма, эволюционизма, объективизма, позитивизма. Постпозитивистская критика, ассоциированная с именами Т. Куна, И. Лакатоса, М. Полани, К. Поппера, С. Тулмина, П. Фейерабенда и др., привела к пониманию социальной, аксиологической и контекстуальной обусловленности познания. Однако проблемы объективности, достоверности, верификации и фальсифицируемости научных исследований по сей день продолжают оставаться в фокусе методологических рефлексий.

Во второй половине XX в. К. Поппер доказывал, что ценность научного знания определяется его способностью стать предметом критики и опровержения. К. Поппер критиковал логический позитивизм, в контексте которого возник *принцип верификации – проверки знания опытным путем*. Однако, отсекая то, что заведомо не являлось наукой, принцип верификации не пропускал теории высокого уровня абстрагирования, не годился и для ревизии социального знания. Разработав концепцию критического рационализма, К. Поппер предложил другой критерий демаркации науки и ненауки: *принцип фальсификации как принципиальной возможности подтвердить и опровергать научные теории*. Согласно К. Попперу, всякое научное знание имеет гипотетический характер, оно несовершенно и исторически относительно, подвержено ошибкам (принцип фаллибизма). Прогресс науки зиждется на том, что одни ученые выдвигают дерзкие гипотезы, тогда как другие ученые их опровергают. Таким образом, *научная критика и дискуссии являются важной частью развития науки* (Лебедев, 2021; Поппер, 1983).

Среди имеющихся на сегодняшний день способов достижения объективности и достоверности научного знания в рамках данной статьи остановимся на *триангуляции – практике сочетания разных форм исследований ради получения более валидных результатов*. Триангуляцию также можно охарактеризовать как эвристику, способствующую достижению полноты знания посредством использования смешанных методов методологий, комбинации методик и процедур, количественных и качественных стратегий. Методологический смысл триангуляции заключается в преодолении односторонности и фрагментарности теорий, расширении практик познания, побуждении ученых к совершенствованию профессионального мастерства, освоению новых подходов, как в психологии, так и за ее пределами (Гусельцева, 2014).

И сам термин, и идеи триангуляции проникли в пространство социального знания из тригонометрии и геодезии (An Introduction to Triangulation, 2010). Сегодня эти идеи востребованы в медицине и образовании (Altrichter et al., 1993; Cohen et al., 2000; Harwell, 2011; Kupferberg et al., 2013; Morse, 1991; Thurmond, 2001), в социологии и политологии (Асангулова, 2011; Олейник, 2008, 2009; Oleinik, 2011). Этимологически понятие «триангуляция» (triangulation) образовано от латинского слова *triangulum*, означавшего *треугольник*. В психологии и других социальных науках триангуляция выступает скорее как метафорический конструкт, несущий идею постижения неизвестного (искомой третьей точки) посредством использования известного (двух уже имеющихся точек). Помимо этого, триангуляция в качестве методологической стратегии опирается на общенаучное представление о том, что *разнообразие применяемых подходов способно укрепить несущую конструкцию проведенного исследования* (Гусельцева, 2014).

Зарубежные исследования триангуляции довольно разнообразны. Их краткий обзор содержится в работе В. Термонд, изучавшей представления о триангуляции с 1960 по 2000 г. на основе доступных сетевых ресурсов (Thurmond, 2001). В APA Dictionary of Psychology триангуляция определяется как процесс подтверждения гипотезы посредством сбора доказательств из разных источников или нескольких экспериментов, или при помощи различных процедур (APA Dictionary of Psychology, 2007). Важно отметить, что каждый новый источник, эксперимент или исследовательская стратегия не только подтверждают/опровергают гипотезу, но и открывают перспективы иного изучения проблемы.

На сегодняшний день принято выделять несколько видов триангуляции. Так, *теоретическая триангуляция* является обобщением, сделанным на основе нескольких концепций или теорий. *Методологическая триангуляция* есть сочетание различных методов, исследовательских стратегий, парадигм. Социолог Э. Гидденс отмечал: «Все исследовательские методы имеют свои преимущества и недостатки. Поэтому принято сочетать несколько методов в рамках одного исследования для того, чтобы с помощью каждого из них дополнить и проверить другие, — процесс, известный как *триангуляция*» (Гидденс, 2005, с. 482). В работах А. Браймана, В. Термонд, А. Хусейна приведены наиболее распространенные трактовки триангуляции (Bryman, 2003; Hussein, 2009; Thurmond, 2001). Триангуляция определяется как применение в изучении того или иного феномена нескольких, способных усиливать друг друга методов, например качественных и количественных стратегий, с целью увеличения общей

достоверности исследования. Наряду с этим триангуляция может включать комбинацию разных методологических подходов, теоретических перспектив, источников, исследований и методов анализа (Hussein, 2009). Согласно Л. Коэну, Л. Мэньону и К. Моррисон, триангуляция представляет «попытку наиболее полно раскрыть богатство и сложность человеческого поведения, изучая его более чем с одной точки зрения» (Cohen et al., 2000, p. 112). По мнению Л. Г. Профатиловой, триангуляция – «способ проверки и повышения надежности интерпретации в качественном исследовании», предполагающий «перекрестную интерпретацию одного и того же случая или фрагмента несколькими дополняющими друг друга источниками» (Профатилова, 2004, с. 31). «Триангуляция – это стратегия, которая дает возможность рассмотреть изучаемый предмет с нескольких точек зрения и тем самым развить более глубокое и полное его понимание, отрефлексировать значение „субъективной“ составляющей в исследовании и проверить свои умозаключения через обращение к альтернативным теориям, методам или данным» (Мельникова, Хорошилов, 2014, с. 34). Иными словами, триангуляция определяется разными авторами как процесс, способ, стратегия, прием, методология, направленные на повышение достоверности и объективности исследования.

Несмотря на то, что в современных социальных науках можно встретить разнообразие трактовок, наиболее распространенным остается понимание триангуляции как *стратегии конвергенции, направленной на комбинирование нескольких методов с целью повышения валидности исследования* (Bryman, 2011). В российской психологии эта методологическая стратегия была детально изучена и представлена в диссертационной работе Д. А. Хорошилова, достоинством которой явилось сочетание историко-методологического анализа триангуляции с демонстрацией ее возможностей в конкретной психологической практике (Хорошилов, 2012).

Как уже отмечалось, идеи триангуляции в психологии и социальных науках изначально стали востребованы в направлении социального познания. В социологии стратегию триангуляции концептуализировал Норман Дензин (р. 1941), ставший основоположником этого методологического движения (Denzin, 1970, 1978, 1979). Он описал несколько уровней триангуляции как способа повышения валидности качественных исследований: *триангуляция данных*, связанная с привлечением и сопоставлением широкого спектра эмпирических данных для характеристики исследуемого феномена; *триангуляция исследователей*, представляющая меж-, мульти- и трансдисциплинар-

ные проекты, собирающие коллективы ученых из разных научных областей; *триангуляция анализа*, подразумевающая использование разнообразных методов, исследовательских стратегий, теорий и подходов для обработки и обобщения полученных данных по принципу дополнительности, где выводы, сделанные в рамках одного подхода, уточняется с помощью другого подхода; *теоретическая триангуляция*, означающая привлечение более чем одну теорию для интерпретации имеющихся результатов; *триангуляция методологий*, где исследование опирается на различные эпистемологические предпосылки, а его итог формируется с учетом иных методологических ракурсов и перспективы, или *методологическая триангуляция*, означающая использование более чем одного метода для проведения исследования (Kimchi et al., 1991).

Работы Н. Дензина выступили своего рода легализацией идей методологического плюрализма и либерализма в социальных науках. В 1970-е годы он призывал социологов смириться с отсутствием «наилучшего», единого, универсального метода, доказывая, что *один метод, один наблюдатель и одна теория ведут к заведомо пристрастной интерпретации*. Каждый из экспертов (методов, теорий) имеет свои сильные и слабые стороны, избирательно обнаруживает те или иные аспекты реальности, в то время как стратегия триангуляции настаивает на использовании в исследовательском процессе сочетания разнообразия методов и методологий.

В свою очередь, применение в одном исследовании разных типов триангуляции получило название *множественной триангуляции* (multiple triangulation) (Denzin, 1970). По Н. Дензину, именно совокупность различных перспектив раскрывает реальность в многообразии ее аспектов. Так, в *триангуляции данных* он выделил три дополнительных, требующих рефлексии параметра, связанных с пространством, временем и субъектом. Это означает, что надежность исследования меняется в зависимости от времени сбора данных, месторасположения, индивидуально-психологических факторов. *Теоретическая триангуляция* подразумевает одновременное использование нескольких концепций с целью поддержки или опровержения выводов, поскольку теоретическое комбинирование позволяет исследователям осмыслить изучаемую проблему, меняя оптики (multiple lenses) (Thurmond, 2001). *Триангуляция исследователей* включает как привлечение нескольких интервьюеров, аналитиков или экспертов в рамках одного проекта, так и меж-, мульти-, трансдисциплинарные исследования. Однако наибольшее распространение (хотя и не без разночтений) получила *методологическая триангуляция*, основанная на сочетании

разных методов, парадигм или методологий. Так, методологическая триангуляция может быть параллельной (одновременной) и последовательной. В первом случае при изучении того или иного феномена совместно используются количественные и качественные стратегии, во втором – первое проведенное исследование в дальнейшем дополняется другим, альтернативным. При параллельной триангуляции количественный и качественный анализ происходят независимо друг от друга (его могут проводить даже разные исследователи), а обобщение совершается на завершающей стадии исследовательского процесса. Н. Дензин проводил также различие между внутренней и внешней формами триангуляции: «внутри метода» и «между методами» («within-method and between-method triangulation») (Bryman, 2011, p. 1142). Это подразумевало вариацию нескольких методов в рамках решения одной исследовательской проблемы, где несколько качественных или количественных методов дополняли друг друга либо использовалось привлечение контрастных исследовательских методов, например сочетание количественного и качественного анализов.

Среди основоположников методологической триангуляции следует упомянуть австрийского социолога и экономиста, математика и психолога П. Лазарсфельда (1901–1976). В области социального познания он разрабатывал вопросы количественного (Лазарсфельд, 1965, 1972) и качественного анализа (Lazarsfeld, 1968, 1972). Триангуляция выступала в его трактовке как исследовательская «стратегия совмещаемых методов» (цит. по: Култыгин, 2004, с. 11), позволяющая учитывать разные взгляды, рассмотреть исследуемый феномен всесторонне. Согласно представлениям П. Лазарсфельда, качественная методология расширяет научные горизонты, стимулирует исследовательскую фантазию, тогда как количественные методы прежде всего служат проверке гипотез. При этом сочетание разнообразных исследовательских стратегий, с одной стороны, подчеркивает достоинства и сильные позиции соответствующих методов, а с другой – компенсирует их недостатки и слабые стороны. Эти идеи были изложены П. Лазарсфельдом в «Принципах социографии», впервые опубликованных в 1934 г. на немецком языке (Батыгин, 1990). Помимо этого, П. Лазарсфельд внес вклад в разработку плюралистической методологии, предложив идею *эвристических осей*, сопоставимую с кантовским достижения полноты анализа посредством оперирования антиномиями: «Социограф „должен держать в голове все эти эвристические оси на протяжении всего исследования, чтобы быть уверенным в том, что он рассматривает субъекта разносторонне“» (цит. по: Култыгин, 2004, с. 11).

Представления о методологической триангуляции рассматриваются наряду с идеями методологического плюрализма, смешанных методов и методологий (Approaches and Methodologies in the Social Sciences, 2008; Arcidiacono, de Gregorio, 2008; Creswell, 2003, 2008; Denzin, Sridhar, 2010; Lisle, 2011; Goodbody, Burns, 2011; della Porta, Keating, 2009; Terrell, 2012). Начиная с 2007 г. «солидное американское издательство „Sage Publications“» ежеквартально публикует международный научный журнал «Mixed Methods Research» (Ваганова, 2009, с. 4). Широкое распространение получил «смешанный методологический подход», именуемый также качественно-количественным, гибридным, полисемантическим (там же, с. 3). Отметим, что при переходе к постнеклассическому идеалу рациональности в социальных науках установился своего рода консенсус относительно продуктивности взаимодействия количественных и качественных подходов, а идеи триангуляции сделали повседневностью исследовательских практик (Гусельцева, 2014).

Представления о методологической триангуляции широко распространены в современной социальной психологии, исторически связанной с развитием социологии и социальных наук. В психологию данное понятие привнес американский психолог и философ Дональд Т. Кэмпбелл (1916–1996), рассматривающий триангуляцию в качестве средства «преодоления приверженности наблюдателя своей собственной культуре» (Кэмпбелл, 1996, с. 293). Методологический смысл триангуляции он связывал с возможностью обрести более полное и точное описание реальности.

«В науке создание полезных „реалистических“ конструкторов требует множества методов, сконцентрированных на диагностировании одного и того же конструкта с ряда независимых позиций наблюдения с помощью своего рода триангуляции. <...> Располагая единичным наблюдением, невозможно отделить субъективный компонент от объективного. Когда же наблюдения, полученные с помощью различных инструментов и с разных наблюдательных пунктов, могут быть сопоставлены как отражающие „одни и те же“ объекты, появляется возможность выделить в наших данных компоненты, обязанные своим происхождением наблюдателю (инструменту) и наблюдаемому» (там же).

Поставив перед собой цель — увеличить надежность психологического тестирования, Д. Кэмпбелл и его коллега Д. Фиске развивали идеи о дополнительности исследовательских стратегий, достижении точности измерения при помощи комбинирования инструментов (Campbell, Fiske, 1959).

Совсем в ином контексте термин «триангуляция» применил швейцарский психиатр и психоаналитик Эрнст Абелин (р. 1933), характеризуя особенности детского развития (Abelin, 1971, 1980). Конструкт использовался в психоаналитических направлениях, семейной психотерапии, клинической психологии (см., например: Kupferberg et al., 2013; Mahler, 1963; Murray, 1994). В свете концепции триангуляции в психоанализе рассматривались взаимоотношения трех личностей, где фигуре отца отводилась роль «третьего объекта» в становлении идентичности ребенка (Фридрих, 1998). «Ранняя триангуляция означает способность ребенка к одновременным отношениям с двумя людьми», она же «создает предпосылки для внутреннего освобождения» и готовности к другим последующим триангуляциям (там же). В семейной психологии триангуляция определялась как вовлечение третьего лица в разрешение конфликта «между участниками основной диады». Отношения триангуляции представляют здесь так называемый *треугольник* – «любые взаимоотношения с тремя каналами связи» (Олифинович и др., 2006, с. 14). В APA Dictionary of Psychology как пример триангуляции упоминается оказавшийся в ситуации несогласных родителей ребенок. Триангуляция здесь есть «вовлечение в отношения двух конфликтующих между собой людей третьего лица или группы лиц с целью уменьшения напряженности в диаде, создание „треугольников отношений“» (Браун, Кристенсен, 2007, с. 351).

Таким образом, в психологии триангуляция представлена на разных уровнях методологии науки – от теоретического обоснования методологического разнообразия (Д. Кэмпбелл) до вполне конкретного механизма психического развития (Э. Абелин). На разных стадиях исследовательского процесса триангуляция может выступать как в роли эпистемологической метафоры, так и локального инструмента. И в теориях, и на практике встречаются разные трактовки целей и смысла триангуляции. Одни исследователи полагают, что триангуляция увеличивает широту и глубину понимания изучаемого феномена (Olsen, 2004), тогда как другие подчеркивают ее роль в повышении точности и достоверности исследования (Campbell, 1961; Campbell, Fiske, 1959; Denzin, 1978). Согласно Э. Уэббу и Д. Кэмпбеллу, подтверждение гипотезы двумя или более независимыми измерениями преодолевает неопределенность интерпретации. Триангуляция процессов измерения усиливает их доказательность, тем самым повышая надежность исследования (Webb et al., 1966). Г. Олтригер, П. Пош, Б. Самх полагают, что триангуляция создает «более детализированную и сбалансированную картину ситуации» (Altrichter et al., 1993, р. 117). Т. О’Донохью и К. Панч определяют триангуляцию

как метод перекрестной проверки результатов на основании нескольких источников с целью выявления закономерностей в полученных данных (O'Donoghue, Punch, 2003). В свою очередь, Дж. Кресвелл рассматривает триангуляцию в качестве стратегии согласования разных теоретических положений или данных источников для формирования общей темы/категории (Creswell, 2003).

Тем не менее в большинстве работ триангуляция понимается как способ комбинирования количественных и качественных стратегий, что служит не только дополнительной (точности и полноте картины реальности), но и взаимной проверке (объективности и достоверности полученных результатов) (Thurmond, 2001). Каждая из стратегий раскрывает собственные аспекты реальности, обнаруживает и силу, и слабость. Комбинирование парадигм увеличивает возможности и нейтрализует недостатки соответствующих методов. А. Хусейн продемонстрировал это на примере социальных исследований в Танзании (Hussein, 2009). Триангуляция также позволяет выявлять возможности для конвергенции подходов и находить противоречия в выводах.

В современной эпистемологии сложился консенсус относительно того, что использование одного метода, подхода, теории содержит риски одностороннего искажению данных. При этом сами исследовательские практики могут иметь разные названия: «третий путь» (third research method), мультистратегия (Bryman, 2003), смешанная методология, смешанные методы (multimethods, mixed methods) (Creswell, 2003), полипарадигмальный подход (Варганова, 2009; Лихачева, 2001). Подобного рода эпистемологическая оптика создает многомерную перспективу (multidimensional perspective) изучения феномена (Foster, 1997). Насыщенное и адекватное (т. е. более достоверное) представление о реальности складывается на основе разных интерпретаций познаваемого феномена; сравнительного анализа интерпретаций, полученных с позиции разных методов; сравнения с данными иных исследований; сопоставления лонгитюдов, т. е. систематических изучений того или иного феномена, где на протяжении времени варьируются параметры возрастной и индивидуальной изменчивости.

Однако совмещение количественной и качественной методологии в рамках одного исследования может приводить и к тому, что проблема дифференциации эпистемологических и онтологических предпосылок лишь переносится на стадию интерпретации результатов (Blaikie, 1991; Foster, 1997). Так, в своей критической статье Н. Блейк обращает внимание на разные трактовки триангуляции в социальных исследованиях и сложности интерпретации, связанные с ис-

пользованием смешанных методов, базирующихся на различных эпистемологических предпосылках. В таких случаях *необходимо обобщающее концептуальное поле для согласования имеющихся онтологий и методологических перспектив, в рамках которых были получены анализируемые данные*. Но взаимную дополнительность и важность согласования эпистемологических парадигм гораздо легче провозгласить, нежели осуществить в исследовательском процессе, где сами по себе новые методологические стратегии носят эвристичный и ситуативный характер.

Проблему согласования разных эпистемологических и онтологических предпосылок также осмысливал Ж. Морс, предложив как минимум два пути сочетания количественных и качественных исследований. В первом случае качественные методы выступают в роли предварительно разведывательных или дополнительных стратегий при ведущей роли количественной методологии. Во втором случае, напротив, ведущей является качественная методология, а количественные методы играют вспомогательную роль. Таким образом, исследователь, так или иначе вынужден определиться с базовой позицией (Morse, 1991). В свою очередь, В. Термонд подчеркивает, что триангуляция – не панацея, и сама по себе не способна усилить изначально слабое исследование: обращаясь к триангуляции, исследователь должен четко понимать, какие именно задачи он решает (Thurmond, 2001). Основные цели триангуляции – подтверждение фактов и достижение полноты картины исследуемой реальности – уже различаются позитивистскими и герменевтическими предпосылками, где в первом случае происходит подтверждение качественных исследований количественными процедурами, а во втором – придание количественному результату более глубокой интерпретации.

Триангуляция являлась одним из эпистемологических трендов, пик волны ее зарубежных исследований пришелся на 1990–2000 гг., тогда как в русскоязычном секторе были представлены отдельные работы¹. Белорусский психолог В. А. Янчук рассматривал триангуляцию в контексте развития диалогических методологий, определяя ее как «путь интеграции потенциала количественных и качественных методов» (Янчук, 2007, с. 207). Методологическая триангуля-

1 В российской исследовательской практике зачастую случается, что новые методологии охотно заимствуются из-за рубежа, при том что имеются и собственные традиции обоснования конвергенции методов, связанные, например, с философско-методологическими идеями М. К. Мармрадашвили, В. С. Стёпина, В. С. Швырева и др. (Рациональность..., 1995).

ция выступает здесь в качестве средства примирения полярных позиций: *объективизма*, согласно которому подлинная достоверность обеспечивается лишь количественными методами, и *субъективизма*, настаивающего на принципиальной непостижимости психологической феноменологии вне качественного анализа. В. А. Янчук отмечал, что сочетание количественных и качественных стратегий в рамках этого подхода получило название «третьего пути» (там же).

Важную роль в использовании триангуляции как эвристического приема играют общенаучные установки методологического плюрализма и либерализма, внимание к эпистемологическим поворотам смежных наук. «Триангуляция — это особый вид сверхнормативной деятельности исследователя, который предполагает обращение к дополнительным данным, методам, теориям и экспертам, за счет чего достигается более полное и комплексное рассмотрение изучаемого предмета» (Хорошилов, 2012, с. 11). Хотя наиболее часто триангуляция понимается сегодня как дополнительность качественных и количественных методов исследования, эта трактовка не исчерпывает всех ее возможностей. *Методология триангуляции формирует нормы критического мышления: недостаточность интерпретации феномена (реальности) в рамках одной теории; способность менять оптики, позиции, взгляды на мир; склонность к полипаралигмальному и трансдисциплинарному анализу.* «Валидирующая функция методологической триангуляции заключается в реализации принципа методологического плюрализма в плоскости исследовательской практики, т. е. в аналитическом рассмотрении изучаемого предмета с нескольких концептуальных позиций» (там же, с. 29).

Итак, на завершающих этапах исследовательского процесса при решении задач достоверности и объективности полученного знания важную роль в социальных науках играют идеи трансдисциплинарности и парадигмальности, смешанные методы и методологии. В общенаучном пространстве социогуманитарных наук представлен сегодня широкий выбор методологического инструментария, позволяющего создавать конфигурации под конкретные исследовательские цели. На этапе ревизии полученных результатов свою роль также играют коммуникативные практики, открытость обмена данными, эпистемологические дискуссии, критическое мышление и привычка ученых к саморефлексии. «Критерий научности, согласуемый с логикой качественных исследований, — это *рефлексивность* как инструмент экспликации негласно разделяемых систем правил и значений, придаваемых коммуникациям и взаимодействиям друг с другом» (Мельникова, Хорошилов, 2014, с. 31).

Тем не менее, справедливости ради следует признать, что практики трансдисциплинарности, смешанные методы и методологии преодолевают проблемы достоверности и объективности знания в социальных науках лишь отчасти. Довольно трудно превратить эти принципы в повседневные мыслительные привычки — учитывать разнонаправленные тенденции, сопоставлять противоречивые концепции, соотносить психологический ракурс анализа с перспективами других наук.

Заключение

Психологическое знание отличается разнообразием направлений и форм, занятия нейропсихологов могут быть не похожи на повседневные практики специалистов психологии переговоров. Тем не менее всякое исследование начинается с предпосылок, интуиции, формирования проблемного поля и заканчивается верификацией — проверкой полученных данных. Иногда на последнем этапе исследование может трансформироваться в новый исследовательский процесс или же реализоваться в прикладном/практическом применении результатов. Что касается специфики психологических исследований как таковых, то их разброс и разнообразие — от психофизических до этнографических — определяет и конкретные стадии исследовательского процесса. В одних случаях психологические исследования весьма схожи с организацией научного творчества в сфере естественных наук: проблема → решение → верификация → применение. В других случаях, особенно там, где психология видит себя частью социогуманитарного знания, исследовательский процесс может быть неровным и нелинейным, отличаясь большей подвижностью и ситуативной чувствительностью.

К тому же исследовательский процесс не ограничивается рамками научной лаборатории, продуктивность работы ученого во многом определяется социокультурными и субъективными факторами. Последние являются предметом анализа не только истории, социологии и психологии, но и этнографии/антропологии. Хотя научное творчество неоднократно выступало фокусом науковедческой рефлексии, все еще недостаточно внимания уделяется препятствиям и ограничениям, возникающим на разных стадиях исследовательского процесса. С одной стороны, исследовательский процесс разворачивается в определенной социокультурном пространстве, способном как поддерживать, так и подавлять интеллектуальную активность, с другой — обусловлен индивидуально-психологическими особен-

ностями ученого, его активностью и жизненной позицией, участием в сети интеллектуальных транснациональных коммуникаций. На сегодняшний день наиболее продуктивным в изучении затруднений исследовательского процесса представляется трансдисциплинарный подход, выступающий обобщающим концептуальным полем для данных психологии, социологии, антропологии и иных социальных наук.

Литература

- Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А.* Академическая профессия и идеология «медленной науки» // *Высшее образование в России*. 2016. № 10. С. 62–70.
- Адо П.* Философия как способ жить. Челябинск: Социум, 2010.
- Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г.* Психология науки. Учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт–Флинта, 1998.
- Асангулова Ж. Э.* Применение методов триангуляции в изучении социальных процессов // *Вестники вузов и ГПТБ: открытые архивы*. 2011. № 2. С. 60–64.
- Батыгин Г. С.* Ремесло Пауля Лазарсфельда (введение в его научную биографию) // *Вестник АН СССР*. 1990. № 8. С. 94–108.
- Берлин И.* Ёж и лисица (Об исторических взглядах Л. Н. Толстого) // Берлин М. Подлинная цель познания. Избранные эссе. М.: Канон+, 2002. С. 513–595.
- Блох М. А.* Творчество в науке и технике. Пг.: Научное химико-техническое изд-во, 1920. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008839465 (дата обращения: 03.04.2022).
- Браун Дж., Кристенсен Д.* Теория и практика семейной психотерапии. М.: Когито-Центр, 2007.
- Бурдые П.* Homo academicus. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
- Варганова Г. В.* Полипарадигмальность методологических подходов в научных исследованиях // *Библиосфера*. 2009. № 4. С. 3–7.
- Галин А. Л.* Психологические особенности творческого поведения. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2001.
- Гидденс Э.* Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Гириц К.* Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Гусельцева М. С.* Триангуляция как метафорический конструкт: история и методологические перспективы // *Вопросы психологии*. 2014. № 5. С. 3–14.

- Гусельцева М. С.* Антропология современности: человек и мир в потоке трансформаций. Монография в 3 ч. Ч. 1. М.: Акрополь, 2021.
- Заде Л. А.* Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решения // Математика сегодня / Сост. А. В. Шилейко. М.: Знание, 1974. С. 5–48.
- Идеалы и нормы научного исследования / Под ред. В. С. Стёпина. Минск: Изд-во БГУ, 1981.
- Искусство медленного чтения: История, традиции, современность: коллективная монография / Отв. ред. Н. Н. Смирнова. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2020.
- Картавцев В. В.* Интервью с социологом и переводчиком Владимиром Николаевым // Горький Медиа. 29 декабря 2021. URL: <https://gorky.media/intervyu/horoshij-sotsiolog-znaet-kak-razrushit-lyuboe-obshhestvo-za-nedelyu> (дата обращения: 08.02.2022).
- Клочко В. Е.* Постнеклассическая транспектива психологической науки // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 305. С. 157–164.
- Коркюф Ф.* Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.
- Космарский А., Ссорин-Чайков Н. В.* Indicator. Ru побеседовал об этом с антропологом Николаем Ссориним-Чайковым (НИУ ВШЭ) // Indicator.Ru. 10 января 2017. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/intervyu-s-ssorinum-chajkovym.htm> (дата обращения: 21.10.2021).
- Култыгин В. П.* Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 10–12.
- Кэмбелл Д.* Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
- Лазарфельд П.* Методологические проблемы социологии // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М.: Прогресс, 1965.
- Лазарфельд П.* Измерение в социологии // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы / Под ред. Г. В. Осипова. М.: Прогресс, 1972.
- Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–32.
- Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013.
- Латур Б.* Биография одного исследования: к работе о модусах существования // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 217–244.

- Лебедев А. Н.* Роль дискуссии в развитии научного знания // Психологическое знание: виды, источники, пути распространения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 199–220.
- Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский. Т. 1. 1799–1824. М.: Слово/Slovo, 1999.
- Лихачева Л. С.* Проблема полипарадигмальности в методологии социального познания // Толерантность в контексте многоукладности российской культуры: тезисы международной научной конференции, Екатеринбург, 29–30 мая 2001 г. С. 27–29.
- Лук А. Н.* Психология творчества. М.: Политиздат, 1976.
- Любякин АА.* Планирование психологического исследования. Учебно-метод. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014.
- Мартин Д.* Психологические эксперименты: Секреты механизмов психики. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А.* Валидность качественных исследований в ракурсе полипарадигмальности современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 28–37.
- Николаев В. Г.* Социология Чарльза Хортон Кули: сад расходящихся троп // Ч. Х. Кули. Избранное. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 5–24.
- Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Олейник А. Н.* Триангуляция в контент-анализе: вопросы методологии и эмпиричная проверка // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 65–79.
- Олейник А. Н.* Триангуляция в контент-анализе: пример углубленных интервью с представителями российской элиты // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2008. № 3 (95). С. 62–75.
- Олифинович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф.* Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2006.
- Опыты медленного чтения: коллективная монография / Отв. ред. Н. Н. Смирнова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021.
- Панченко А.* «Антропологический поворот» и «этнография науки» // Новое литературное обозрение. 2012. № 1 (113). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18498 (дата обращения: 20.11.2020).
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

- Пономарев А. Я.* Фазы творческого процесса // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 5–14.
- Пономарев Я. А.* Фазы творческого процесса (вместо введения) // Исследование проблем психологии творчества / Под ред. Я. А. Пономарева. М.: Наука, 1983. С. 3–26.
- Поппер К. Р.* Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983.
- Профатилова Л. Г.* Методическое пособие по курсу «Качественные методы в социологических исследованиях». Харьков: Харьковский национальный ун-т, 2004.
- Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Пуанкаре А.* О науке. М.: Наука, 1990.
- Пэрна Н. Я.* Жизнь человека (Из дневниковых записей) / Ред. и сост. В. С. Соболев. СПб., 1993.
- Пэрна Н. Я.* Ритм, жизнь и творчество / Под ред. П. Ю. Шмидта. Л.–М.: Петроград, 1925.
- Разработка и реализация принципа развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Рациональность как предмет философского исследования: сб. ст. / Под ред. Б. И. Пружинина, В. С. Швырева. М.: ИФ РАН, 1995.
- Селье Г.* От мечты к открытию: как стать ученым. М.: Прогресс, 1987.
- Солсо Р. Л., Джонсон Х. Х., Бил Н. К.* Экспериментальная психология: практический курс. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Нева, 2001.
- Стёпин В. С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В. Бажанова, Р. Шольца. М.: ИД «Навигатор», 2015.
- Форум: Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 6–101.
- Фридрих Е.* Триангуляция // Психоаналитический вестник. 1998. № 6. С. 14–19.

- Хорошилов Д. А.* Критерии валидности качественного исследования в социальной психологии. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Хорошилов Д. А.* Психология социального познания в изменяющемся обществе. М.: Акрополь, 2022.
- Эриксен Т.* Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь мир, 2003.
- Эриксен Т. Х.* Что такое антропология? Учебное пособие. М.: ИД ВШЭ, 2014.
- Юдин Б. Г.* Методологическая и социокультурная определенность научного знания // Идеалы и нормы научного исследования / Под ред. В. С. Стёпина. Минск: Изд-во БГУ, 1981. С. 120–158.
- Юревич А. В., Цапенко И. П.* Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Якобсон П. М.* Процесс творческой работы изобретателя. М.–Л.: Изд-во Науч.-иссл. отд. Центр. совета Всес. общества изобретателей, 1934.
- Янчук В. А.* Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 207–227.
- Ярошевский М. Г.* Историческая психология науки. СПб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1995.
- Abelin E. L.* The role of the father in the separation–individuation process // Separation–individuation: Essays in honor of Margaret S. Mahler / J. McDevitt, C. Settlege (Eds). N. Y.: Univ. Press, 1971. P. 229–252.
- Abelin E. L.* Triangulation, the Role of the Father and the Origins of Core Gender Identity during the Rapprochement Subphase / R. Lax, S. Bach, J. Burland (Eds). N. Y.: Jason Aronson, 1980. P. 151–169.
- Altrichter H., Posch P., Somekh B.* Teachers investigate their work: an introduction to the methods of action research. London: Routledge, 1993.
- An Introduction to Triangulation // UNAIDS Monitoring and Evaluation Fundamentals. 2010. V. 10. URL: http://www.unaids.org/en/media/unaids/contentassets/documents/document/2010/10_4-Intro-to-triangulation-MEF.pdf (дата обращения: 25.04.2019).
- APA Dictionary of Psychology / G. R. Vandenbos (Ed.). Washington: American Psychological Association, 2007.
- Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective / D. Della Porta, M. Keating (Eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

- Arcidiacono F., De Gregorio E.* Methodological thinking in psychology: Starting from mixed methods // International Journal of Multiple Research Approaches. 2008. V. 2 (1). P. 118–126.
- Berscheid E.* The Difficulty of Getting from Here to There and Back // P. A. M. Van Lange (Ed.). Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches. Mahwah: Erlbaum, 2006. P. 35–39.
- Blaikie N.* A critique of the use of triangulation in social research // Quality and Quantity. 1991. V. 25 (2). P. 115–136.
- Bryman A.* Triangulation // Encyclopedia of Social Science Research Methods. Sage Publications, 2003. URL: http://www.sagepub.com/chambliss4e/study/chapter/енсус_pdfs/4.2_Triangulation.pdf (дата обращения: 11.03.2019).
- Bryman A.* Social Research Methods. N. Y.: Oxford University Press, 2012.
- Campbell D. T.* The mutual methodological relevance of anthropology and psychology // Psychological Anthropology: Approaches to Culture and Personality / F. L. K. Hsu (Ed.). Homewood, IL: Dorsey Press, 1961. P. 333–352.
- Campbell D. T., Fiske D. W.* Convergent and discriminant validation by the multitrait-multimethod matrix // Psychological Bulletin. 1959. V. 56 (2). P. 81–105.
- Cohen L., Manion L., Morrison K.* Research methods in education. L.: Routledge Falmer, 2000.
- Creswell J. W.* A Framework for design // J. W. Creswell. Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Methods Approaches. Thousand Oaks: Sage Publications, 2003. URL: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic1334586.files/2003_Creswell_A%20Framework%20for%20Design.pdf (дата обращения: 26.04.2021).
- Creswell J. W.* The Selection of a research design // J. W. Creswell. Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Methods Approaches. 2008. URL: <http://de.slideshare.net/narf2916/research-design-qualitative-quantitative-and-mixed-methods-approaches-by-jo> (дата обращения: 27.04.2021).
- della Porta D., Keating M.* In Defence of Pluralism. Combining approaches in the social sciences // International Congress of Political Science. Santiago de Chile. 2009. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_1051.pdf (дата обращения: 19.04.2021).
- Denzin N. K.* The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. N. Y.: McGraw-Hill, 1978.
- Denzin N.* The research act in sociology. L.: Butterfield, 1979.
- Denzin N.* Sociological methods: A sourcebook. New Brunswick: Transaction publishers, 1970.

- Denzin N. K., Sridhar M. S.* Moments, mixed methods, and paradigm dialogues // *Qualitative Inquiry*. 2010. V. 16 (6). P. 419–427.
- Dewey J.* *Logic: The Theory of Inquiry*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1938. URL: <https://www.unitus.org/FULL/DewLog38.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).
- Dotlich D. L., Cairo P. C., Rhinesmith St. H.* *Leading in times of crisis: navigating through complexity, diversity and uncertainty to save your business*. San Francisco, CA: Wiley, 2009.
- Eriksen T. H.* *Engaging Anthropology: The Case for a Public Presence*. Oxford: Berg Publishers, 2006.
- Feist G. J.* *The Psychology of Science and the Origins of the Scientific Mind*. New Haven, CT: Yale University Press, 2006.
- Feist G. J., Gorman M. E.* (Eds). *Handbook of the Psychology of Science*. N. Y.: Springer, 2012.
- Hannerz U.* *Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline*. L.: Pluto Press, 2010.
- Harwell M. R.* Research design in qualitative, quantitative, mixed methods // *The Sage handbook for research in education: Pursuing ideas as the keystone of exemplary inquiry* / C. Conrad, R. C. Serlin (Eds). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2011. URL: http://www.sagepub.com/upm-data/41165_10.pdf (дата обращения: 21.02.2022).
- Hussein A.* The use of Triangulation in Social Sciences Research: Can qualitative and quantitative methods be combined? // *Journal of Comparative Social Work*. 2009. V. 1. URL: http://www.jcsw.no/local/media/jcsw/docs/jcsw_issue_2009_1_8_article.pdf (дата обращения: 21.02.2022).
- Goodbody L., Burns J.* A Disquisition on Pluralism in Qualitative Methods: The Troublesome Case of a Critical Narrative Analysis // *Qualitative Research in Psychology*. 2011. V. 8 (2). P. 170–196
- Jacobs G.* *Charles Horton Cooley: Imagining Social Reality*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2006.
- Kimchi J., Polivka B., Stevenson J. S.* Triangulation: Operational definitions // *Nursing Research*. 1991. V. 40 (6). P. 364–366.
- Kupferberg I., Gilat I., Dahan E., Doron A.* Exploring the discursive positioning of a schizophrenic inpatient via method triangulation // *International Journal of Qualitative Methods*. 2013. V. 12. P. 20–38.
- Latour B., Woolgar S.* *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. L.: Sage, 1979.
- Lazarsfeld P.* An episode in the history of social research: A Memoir, Respective in American History // *Perspectives in American History*. 1968. V. II. P. 270–337

- Lazarsfeld P.* Qualitative analysis: historical and critical essays. Boston: Allyn and Bacon, 1972.
- Lisle J. de.* The benefits and challenges of mixing methods and methodologies // *Caribbean Curriculum*. 2011. V. 18. P. 87–120.
- Mahler M.* Thoughts about development and individuation // *Psychoanalytic Study of the Child*. 1963. V. 18. P. 307–324.
- Marks J.* Why I am not a scientist: anthropology and modern knowledge. Berkeley: University of California Press, 2009.
- Morse J.* Approaches to qualitative–quantitative methodological triangulation // *Nursing Research*. 1991. V. 40 (2). P. 120–123.
- Murray B.* Family Therapy in Clinical Practice. Northvale, N.J.: Jason Aronson, 1994.
- O'Donoghue T., Punch K.* Qualitative Educational Research in Action: Doing and Reflecting. L.: Routledge, 2003.
- Oleinik A.* Mixing quantitative and qualitative content analysis: triangulation at work // *Quality and Quantity*. 2011. V. 45 (4). P. 859–873.
- Olsen W. K.* Triangulation in social research: qualitative and quantitative methods can really be mixed // *Developments in Sociology* / М. Holborn (Ed.). Haralambos: Causeway Press, 2004. URL: <http://research.apc.org/images/5/54/Triangulation.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).
- Polanyi M.* Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy. L.: University of Chicago Press, 1958. URL: <https://bibliodiarq.files.wordpress.com/2015/09/polanyi-m-personal-knowledge-towards-a-post-critical-philosophy.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).
- Rabinow P.* Essays in the Anthropology of Reason. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996a.
- Rabinow P.* Making PCR: A Story of Biotechnology. Chicago: University of Chicago Press, 1996b.
- Rabinow P.* French DNA: Trouble in Purgatory. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999.
- Rabinow P.* Marking Time: On the Anthropology of the Contemporary. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008.
- Rabinow P.* The Accompaniment: Assembling the Contemporary. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
- Rabinow P., Marcus G. E., Faubion J. D., Rees T.* Designs for an Anthropology of the Contemporary. Durham, NC: Duke University Press, 2008.
- Ruby J.* (Ed.). A Crack in the Mirror: Reflexive Perspectives in Anthropology. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1982.
- Segal D.* Anthropology and/in/of science // *Cultural Anthropology*. 2001. V. 16. P. 451–452.

- Shapin S.* Trust Me // London Review of Book. 2000. V. 22 (9). P. 1–7. URL: https://scholar.harvard.edu/files/shapin/files/shapin_lrbfrenchdna.pdf (дата обращения: 25.09.2021).
- Thurmond V.A.* The Point of Triangulation // Journal of Nursing Scholarship. 2001. V. 33 (3). P. 253–258.
- Terrell S. R.* Mixed-methods research methodologies // The Qualitative Report. 2012. V. 17 (1). P. 254–280.
- Van Lange P. A. M.* (Ed.). Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches. Mahwah: Erlbaum, 2006.
- Wallas G.* The Art of Thoughts. L.: Solis press, 1926. URL: <https://archive.org/details/theartofthought/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 05.04.2022).
- Webb E. J., Campbell D. T., Schwartz R. D., Sechrest L.* Unobtrusive measures: Non-reactive research in the social sciences. Chicago: Rand McNally, 1966.

О соотношении креативности и творчества на разных стадиях исследовательского процесса

Т. В. Зеленкова

doi: 10.38098/

Креативность — это просто создание связей между вещами. Они [творческие люди] смогли связать разные кусочки своего опыта и синтезировать что-то новое... потому, что они пережили и увидели больше, чем другие, или потому, что они больше об этом размышляют.

Стив Джобс

Введение

Научное исследование всегда связано с открытием нового, с поиском, фиксацией и получением ранее отсутствующего знания, будь то эмпирические данные, результаты экспериментов, гипотезы, закономерности или законы, концепции или теории. И если это удастся сделать, то творческий потенциал ученого в той или иной форме и/или степени должен как-то проявить себя на определенных стадиях исследовательского процесса. По своей природе любое научное исследование уже как минимум креативно (включает новизну), однако степень выраженности новизны результатов, полученных на каких-либо стадиях, может варьировать от проявления простых трансляционных изменений форм до сложных трансформационных преобразований содержания. Если же исследование не содержит элементов креативности или творчества, то оно должно быть отнесено, скорее, к репродуктивному виду, например, представлять собой результаты решения учебной или тренировочной задачи.

В процессе научного исследования на разных его этапах, как правило, должны раскрываться креативные или творческие возможности ученого, и чем сложнее поставленная проблема, тем больше она требует творческого потенциала и усилий исследователя. Однако не все стадии исследовательского процесса непременно должны обязательно задействовать творческие способности: одни стадии могут быть преимущественно репродуктивными, другие — требовать креатив-

ного подхода, третьи – включать разное соотношение репродуктивных, креативных и творческих процессов, что определяется уровнем сложности изучаемой психической реальности. В связи с этим в настоящей работе мы попытаемся проанализировать проблему соотношения креативности и творчества на разных этапах исследовательского процесса как внутри отдельных стадий, так и проследить «вертикальные», межстадийные маркеры таких соотношений. Это позволит создать механизм ориентировочной качественной оценки всего исследовательского процесса по степени его творческой. Для этих целей нам необходимо, в первую очередь, прояснить содержание понятий креативности и творчества.

О дифференциации понятий «креативность» и «творчество»

С тех пор как в понятийном аппарате современной российской науки появился термин «креативность», постепенно вытесняющий привычное «творчество», начался процесс неотрефлексированного оперирования этими понятиями, зачастую приводящий к методологическим трудностям в исследованиях. Кроме того, возникло некое «облако слов», характеризующих всевозможные творческие процессы и вносящее еще большую вариативность контекстов в словоупотребление и интерпретации.

Необходимо отметить, что вплоть до настоящего времени в решении проблемы четкой дифференциации понятий «креативность» и «творчество» нет согласованной позиции. Варианты мнений варьируются в диапазоне от полной смысловой идентичности до оппозиции, совершенно исключающей какие-либо возможные пути их сближения. Еще более сложная и противоречивая картина предстает при рассмотрении вопроса о содержательном взаимоотношении этих понятий.

Для воссоздания общей картины по вышеуказанной проблеме дифференциации понятий креативности и творчества в современных исследованиях нами были проанализированы научные работы, индексированные в РИНЦ за период с 2000 по 2022 г. и имеющие открытый доступ. Рассматривались работы, в названии и ключевых словах которых одновременно присутствовали понятия «креативность» и «творчество». Сравнение числа исследований, опубликованных в первой и во второй половине этого периода, показало значительно возросший интерес авторов к подобной тематике: число работ, зарегистрированных за последнее десятилетие, возросло в общей сложности в 8 раз по сравнению с предыдущим.

Анализ этих работ показал, что исследователи часто используют понятия креативности и творчества либо как синонимы, либо отождествляя их, либо заменяя близкими (творческие способности, творческий потенциал, творческая активность, творческая деятельность, творческость, дивергентные способности, творческое воображение, творческое мышление и др.). При этом смысловая близость исходных понятий обосновывается сходством их переводов с английского языка на русский.

Некоторые авторы, анализируя работы по креативности, вообще не дают никакого определения этому понятию, что порождает сомнение, действительно ли в анализируемых работах говорится именно о креативности, а не о творчестве или творческом мышлении и является ли такое исследование достаточно валидным относительно рассматриваемого понятия (Мирошник, 2020).

Попытки различить понятия «креативность» и «творчество» в основном сводятся к трем позициям: с первой точки зрения, одно из этих понятий (креативность) относится к уровню индивидуальности, а другое (творчество) как включающее социальный аспект к уровню личности, причем авторы далеко не единогласны по данному вопросу, и часто занимают прямо противоположные позиции. Вторая группа авторов относит креативность к способности, а творчество – к деятельности. Третья позиция рассматривает креативность как способность, а творчество – как особый психический процесс либо как процесс, ориентированный на деятельность. Есть и отдельные точки зрения, не вписывающиеся в эту классификацию, например, попытки считать креативность псевдотворчеством и в силу этого поставить вопрос об исключении этого понятия из научных исследований (И. Качай) или то и другое рассматривать как процесс, один из которых (креативность) более легкий и технологичный.

Анализ представленных в публикациях обсуждений проблемы взаимодействия или соотношения этих понятий также показывает неоднозначность ее решений. Выделим три группы мнений: пересечение содержания понятий, находящихся на одном уровне; введение иерархии и взаимодействия уровней (первичность—вторичность процессов); установление родо-видовых отношений между указанными понятиями. Согласно первой точке зрения, креативность и творчество – одноуровневые понятия, содержание которых имеет непустое пересечение, в результате чего между ними обнаруживается нечто общее (создание нового, оригинальность, уникальность результата и др.), но у каждого есть специфика. Критериями разделения являются: длительность создания продукта, ориента-

ция/не ориентация на успех, прагматическая заинтересованность/незаинтересованность, направленность на настоящее или будущее.

Согласно второй группе мнений, креативность и творчество следует рассматривать как процессы первичного и вторичного уровней, однако в вопросе о том, какой из них считать первичным (базовым), а какой вторичным, авторы расходятся. Одни считают креативность детерминантой, а творчество — высшей формой творчества. Другие, наоборот, склоняются к первичности творчества и относят креативность к вторичному, зависимому от творчества процессу (Гендина, 2008), а некоторые относят креативность к наивысшей, индивидуализированной ступени развития творчества.

Третий взгляд на соотношение креативности и творчества отражает родо-видовые отношения между ними с прямо противоположными формами подчинения: утверждается, что либо творчество включает креативность, либо, наоборот, что без творческого процесса не может быть креативности. К примеру, рассматривая креативность как системное (многоуровневое, многофакторное) психическое образование, автор включает опыт творчества и творческий потенциал в качестве одного из ее параметров (Барышева, 2012, с. 55).

Особого упоминания заслуживает оригинальный метаязыковой подход Н. И. Азаровой, показавшей, что оппозиция «креативность—творчество» четко проявляется в современном языковом сознании на фоне контекстов их употребления в русскоязычных текстах, в сочетаемости и функционировании слов в разных дискурсах, несмотря на то что семантические поля этих понятий в целом совпадают (Азарова, 2014). По результатам психолингвистического и семантического анализа понятий «креативность» и «творчество» ею были выделены критерии их различий.

Прежде всего, по словосочетаниям выделяется параметр «горизонтальность—вертикальность»: креативность используется для установления так называемых «горизонтальных» отношений, связанных с текущей деятельностью человека, а творчество — «вертикальных», характеризующих высшие ступени самореализации и личностный рост. Креативность относят к социально-психологической категории, она технологична, воспитывается в школе вместе с идеей потребления, творчество же понимается онтологически как бытийная категория, целиком определяющая жизнь человека. По эмоциональному критерию креативность и творчество противопоставляются как удовольствие, наслаждение (гедонистическая компонента креативности) и полярность сильных эмоциональных проявлений в творческом процессе: муки и радость творчества.

Даже понятие новизны в этих концептах имеет разный смысл: в связи с креативностью новизна означает любое отклонение от нормы на основе комбинаторики и имеет относительный характер, а новизна в творчестве связана с утверждением ее положительной ценности и имеет абсолютный характер.

Темпоральная структура понятий «креативность» и «творчество» также различается: если креативность направлена на настоящее, на быстрое или даже моментальное решение проблемы, то творчество имеет направленность либо в прошлое, либо в будущее и не связано с ограничением времени, подразумевает наличие замысла, вызревающего в течение длительного времени. Если в языковом сознании креативность больше ассоциируется с отдыхом, досугом, то творчество – с работой.

В педагогически ориентированной литературе попытки разграничить данные понятия часто сводятся к указанию авторов на субъективно-обуславливающую характеристику (для обозначения креативности) и процессуально-результативную (для обозначения творчества) (Сластенин, 1997) или не совсем корректно определяются одно через другое: креативность рассматривается как детерминанта творчества, а творческая личность – как личность, реализующая свою креативность (Т. А. Барышева).

Проблема дифференциации креативности и творчества так или иначе затрагивается в работах ведущих российских ученых в области когнитивной психологии, психологии способностей и одаренности (В. Н. Дружинина, Я. А. Пономарева, В. А. Петровского, Д. Б. Богоявленской, О. К. Тихомирова, А. В. Брушлинского, В. В. Петухова, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной, В. Д. Шадрикова и др.), которые показывают, что в силу сложности и многоаспектности этих понятий существуют определенные методологические трудности в определении четких критериев их различия. Тем не менее основная тенденция в данном направлении выстраивается в направлении уровневого подхода. Так, Д. Б. Богоявленская экспериментально выявила и описала три уровня продуктивной деятельности, различающиеся по степени возрастания интеллектуальной активности и творческой выполняемых заданий (Богоявленская, 2002). В соответствии с описанием представленных уровней их можно рассматривать как выражение креативности или творчества в зависимости от интенсивности проявления характеристик этих уровней. Начальный, «стимульно-продуктивный», или алгоритмический, уровень не требует участия креативности в процессе решения. Второй уровень, «эвристический», предполагает проявление не стимули-

рованной внешними или внутренними факторами интеллектуальной активности, которая приводит к созданию новых форм и способов решений. Именно этот уровень и характеризует в целом понятие креативности. Третий, «креативный», уровень, на котором минимизируется практическая полезность, а глубина анализа объекта позволяет создавать объяснительную теорию, вполне можно отнести к творческому.

В исследованиях, проведенных под руководством В. Н. Дружинина, был выявлен восходящий по степени проявления креативности ряд уровней: потенциальный (додеятельностный), на котором выражается только готовность к проявлению творческой активности и три уровня актуальной креативности, творческая активность на которых проявлялась соответственно на низком, среднем и высоком уровнях, причем последний из них отвечает, по нашему мнению, характеристикам творчества (Дружинин, 2005, 2007).

Два фактора, выделенные М. А. Холодной в исследовании дивергентного мышления и проинтерпретированные как «продуктивная креативность» и «парадоксальная креативность», также можно рассматривать как различные уровни, характеризуя первый из них как проявление творчества, а второй – как собственно креативности (Холодная, 2002). Хотя отметим, что, на наш взгляд, использование термина «парадоксальная креативность» является здесь не совсем удачным, поскольку в представленном исследовании мы имеем дело не с классическим парадоксом, главным отличительным признаком которого является истинность содержания, а с обычным противоречием, где богатство внешней формы (чрезмерная оригинальность) не соответствует бедному содержанию законченных изображений по тесту Торренса. Креативность рассматривается автором в широком смысле как творческие интеллектуальные способности, и в узком смысле – как дивергентное мышление, «отличительной особенностью которого является готовность выдвигать множество в равной мере правильных идей относительно одного и того же объекта» (там же, с. 141). При этом из текста не совсем ясно, каковы критерии правильности идей, и каким образом вводится мера и отношение равенства на множестве самих идей.

Структурно-уровневая модель организации творческого акта Я. А. Пономарева построена по принципу трансформации этапов развития творчества в структурные уровни и функциональные ступени решения творческой задачи (Пономарев, 1976). возникнове-

ние нового продукта происходит в результате перехода на более высокий уровень организации творческой деятельности, а поскольку уровни образуются в процессе развития, то более высокий уровень как более поздний включает в себя низшие, обеспечивая целостность творческого процесса.

Уровни взаимодействия, пишет Я. А. Пономарев, «представляют собой неразрывную цепь, в которой высшая часть нижеследующего звена обязательно является низшей частью вышеследующего звена», причем «высшее звено после своего возникновения постепенно занимает доминирующее место во всей цепи, подчиняет себе работу всех нижележащих звеньев, как бы организует, направляет ее» (там же, с. 130). Однако описание механизма решения творческой задачи противоречит указанному автором интеграционному потенциалу «высшего» уровня, поскольку при возникновении препятствия или затруднения в процессе решения задачи предлагается для нахождения решения задействовать низшие уровни.

Принцип включения предыдущих уровней, на наш взгляд, уже предполагает наличие освоенных в результате прошлого опыта средств, за которыми не нужно обращаться «вниз». Если решения пока нет, то его, согласно теореме Гёделя, следует продолжать искать на еще более высоком уровне. И интуиция как инструмент решения проявляется здесь скорее как надсознательный процесс, но никак не подсознательный.

Остановимся также на понятиях «адаптивная» и «неадаптивная» активность, используемых В. А. Петровским для характеристики творческих процессов (Петровский, 2002). Рассматривая эти понятия с точки зрения уровневого подхода, можно отнести адаптивную активность к репродуктивным и креативным актам и далее через цепочку сочетаний адаптивной и неадаптивной активности в направлении все большего увеличения доли позитивной неадаптивности рассматривать творческие акты как высшие ступени этой цепочки, проявляющиеся в надситуативной активности.

Недоопределенность и отсутствие единой позиции исследователей относительно разграничения понятий креативности и творчества, их соотношения, функций, которые они выполняют в творческом процессе, создают существенные методологические трудности в анализе стадий научного исследования. А поскольку цель нашей работы непосредственно связана с данными понятиями, представляется необходимым по возможности дифференцировать и уточнить то содержание понятий креативности и творчества, на которые мы будем опираться в дальнейших рассуждениях.

Креативность и творчество с позиций интегративного подхода

Поскольку мы имеем дело с личностью исследователя, который в своей научной деятельности руководствуется определенной системой собственных взглядов, убеждений, концептов, общенаучной картиной мира, принадлежностью к определенной научной школе, то для дифференциации и разграничения содержаний понятий креативности и творчества в исследовательском процессе мы будем использовать интегративную модель образа мира человека, имеющую рекурсивный характер, и которую мы описывали в ряде предыдущих публикаций (Зеленкова, 2019, 2020). Не останавливаясь на подробной характеристике этой модели, отметим только те ее компоненты, которые необходимы для прояснения содержания понятий креативности и творчества.

Прежде всего одним из основных атрибутов образа мира как открытой динамической неравновесной системы является его уровневая структура, формирующаяся в процессе филогенеза и онтогенеза. Это предполагает наличие как непрерывных функциональных изменений (динамики) внутри уровня, так и межуровневых трансформационных процессов, которые приводят к эволюционному скачку на более высокий (или, в случае инволюции – на более низкий) уровень развития.

Формирование целостного образа мира происходит путем освоения (расширения) первичного уровня и перехода на все более и более высокие ступени сознания. Механизм этого процесса проясняют понятия ядерных и периферийных (поверхностных) структур образа мира, которые претерпевают качественные трансформации при переходе на более высокий уровень (Артемьева, 1999; Леонтьев, 1983; Петухов, 1984; Смирнов, 1981). Ядерные структуры содержат системы наиндивидуальных значений, содержательное наполнение которых обеспечивается периферией (поверхностными структурами) образа мира, которые формируются в опыте и содержат системы индивидуальных смыслов, создающих уникальность и неповторимость образа мира. Периферические структуры обеспечивают многообразие и вариативность человеческого опыта, создают условия для постоянного развития и саморазвития. И если по отношению к ядерным структурам уместна парадигма отражения (системы значений обеспечивают устойчивость), то к периферическим структурам – парадигма конструктивизма (периферия непрерывно изменяется, конструируется самим человеком).

Эволюция образа мира обеспечивается, в первую очередь, межуровневыми (вертикальными) трансформационными процессами,

которые подготавливаются непрерывной внутриуровневой динамикой периферических структур. Переход на новый уровень (эволюционный скачок) приводит к возникновению новых ядерных структур, включающих ядерные структуры предыдущего уровня, которые теперь становятся периферией, доступной осознанию. Далее эти процессы повторяются, образуя трансформационную рекурсию, в результате которой ядерные структуры каждого следующего уровня включают все предыдущие.

Итак, в обсуждении содержания понятий креативности и творчества мы будем использовать введенные представления о ядерных и периферических структурах, уровневой (горизонтальной) и межуровневой (вертикальной) динамики, рассматривая процесс творческого развития как интегративный.

Прежде всего отметим уровни творческого развития и функциональные различия креативности и творчества с точки зрения их направленности на преобразование содержания/формы объекта и отнесения к вертикальным/горизонтальным процессам (таблица 1).

Любые преобразования предмета творческой деятельности и предполагающие создание нового продукта всегда касаются его формы и содержания. На первичном уровне, репродуктивном, не предполагается создания нового ни в содержании, ни в форме предмета деятельности. Это уровень репрезентативный, отражательный, рефлексивный, предполагающий совершенствование технического мастерства, как правило, в пределах существующих форм и содер-

Таблица 1

Соотношение уровней развития творческого процесса и основных характеристик психических процессов в актах креативности и творчества

Уровни	Творчество		Креативность	
	Содержание		Форма	
	Психический процесс	Направленность процесса	Психический процесс	Направленность процесса
Творческий (продуктивный)	конструктивный	↑	конструктивный	↑
Креативный (продуктивный)	отражательный	→	конструктивный	↑
Репродуктивный	отражательный	→	отражательный	→

жания. Деятельность осуществляется в границах текущего уровня (горизонтальные процессы).

Более высокий – уровень креативный. На этом уровне содержание не изменяется, и по отношению к нему процесс продолжает оставаться внутриуровневым. Основное внимание сосредоточено на поиске и создании новых форм. Пытаясь быть максимально оригинальными, «креативщики» в основном изобретают всевозможные формы, не ставя задачи изменения содержания. По отношению к форме здесь возможны трансформационные, вертикальные процессы, обеспечивающие развитие периферических структур образа мира на основе достигнутого уровня технического (инструментального) совершенства.

Творческий уровень предполагает открытие нового и в области содержания, и в области форм. Этот уровень связан с появлением новых ядерных структур образа мира – процессы преобразования содержания и формы объекта направлены вертикально, создавая условия для эволюционного перехода на более высокий уровень, новое понимание ситуации и, как результат, качественно новый продукт. При этом то, что было творчеством на предыдущем уровне, становится креативностью на более высоком уровне (ядерные структуры нижележащего уровня становятся на этом уровне периферическими). Если творческое развитие продолжается, этот процесс повторяется, становится рекурсивным: каждый новый уровень творческого развития включает в итоге все предыдущие.

Сходные идеи о процессах, происходящих при переходе от креативного уровня к творческому, высказывались, в частности, Л. Брабандером и М. А. Холодной (Брабандер, 2006; Холодная, 2020). В их исследованиях отмечалась двойная природа креативности, требующая «не только порождения идей, но и их селекции» (Холодная, 2020, с. 25). Л. Брабандер отмечает также бесконечную повторяемость чередования этих процессов. Добавим, что для скачка на интуитивный уровень дополнительно необходим этап творческого синтеза.

Как отмечают многие исследователи, подобный трансформационный сдвиг на творческий уровень сопровождается особым переживанием, во время которого человек находится в состоянии высокой концентрации и которое М. Чиксентмихайи назвал потоком. Это переживание утраты чувства времени, полной захваченности, включенности в работу, которая сама по себе доставляет радость и удовлетворение. При этом человек ощущает, что он находится на каком-то более высоком уровне (Чиксентмихайи, 2013). Функция потока состоит в реализации человеком своих возможностей:

«...поточковые переживания заставляют нас идти дальше, достигать новых уровней сложности, искать новые знания, совершенствовать свои умения» (Чиксентмихайи, 2015, с. 16). Возникновение особого состояния, отмечает Р. Мэй, сопровождается, с одной стороны, явными психофизическими изменениями в организме (в частности, активизацией симпатической нервной системы и торможением парасимпатической системы), с другой – переживанием в процессе творчества эмоции радости: «Истинное творчество характеризуется интенсивностью переживания, сознанием высшего уровня» (Мэй, 2001, с. 37).

С нашей точки зрения, поток, как он описывается у М. Чиксентмихайи, – это особое состояние переживания предчувствия творческого акта, и его функции состоят в организации, упорядочивании и отборе постформальных образов-символов с последующей их фильтрацией по эстетической привлекательности (красоте) в соответствии с чувством гармонии. В отличие от мышления, которое оперирует дискретными образами-знаками, поток осуществляет преобразования непрерывных образов-символов.

При помощи потока человек способен удерживать творческую энергию, благодаря которой наиболее значимые идеи поддерживаются в состоянии готовности к внезапному возникновению в мышлении. Поэтому человек может отвлекаться, выходить из потока, повторно в него входить, сохраняя возможность полноценного доступа к этим идеям, которые после оставления потока продолжают сохраняться в свернутом виде. Можно сказать, что поток – это инструмент для накопления, сохранения и использования банка творческих идей.

Если в формально-логическом мышлении процессы идут главным образом последовательно, линейно, то в потоке идеи (символы), как правило, идут параллельно, нелинейно, и за счет этого появляется возможность рассмотреть объект с разных сторон, что и приводит к творческому решению.

Таким образом, творчество развивается на основе креативности, которая составляет необходимое условие появления самого творческого акта. Иначе говоря, творчество не может состояться без креативности, а креативность способна проявляться самостоятельно как отдельный вид целенаправленной деятельности. Задействуя креативность, человек пытается создавать нечто новое, используя, как правило, уже существующие методы, демонстрирует свою оригинальность, открывает новые возможности на основе технического совершенствования имеющихся навыков. Тем самым он нашу-

пывает границы своих возможностей. И если все наличные ресурсы исчерпаны, а решение проблемы не найдено, изобретает качественно иной подход, проявляя творчество. Ярким примером такого процесса является описание уровневого развития творчества в новелле Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», где герой открывает принципиально новый способ перемещения в пространстве, исчерпав технические возможности и креативный потенциал всех существующих на тот момент способов.

Креативность как самостоятельный процесс и как необходимый компонент целостного творческого акта

Как отмечалось выше, креативность может проявляться как отдельный самостоятельный процесс в общей иерархии творческих процессов. Именно поэтому представляется необходимым рассмотреть отдельные характеристики креативности и творчества, которые в наиболее явной форме позволяют различать эти понятия. Прежде всего отметим, что креативность всегда имеет цель (мотив создания оригинального продукта переходит в цель деятельности). При творческом же процессе вопрос о наличии цели усложняется и не может быть решен однозначно.

Если речь идет об искусстве, то творчество обычно не имеет цели, поскольку направлено по преимуществу на создание уникального и неповторимого продукта, выбор которого в качестве цели из-за этого невозможен в принципе. Творчество может направляться целью, но не для ее достижения, а для первоначального толчка (сам продукт может пройти мимо этой цели), т. е. здесь цель становится мотивом. Но в науке ситуация совершенно другая: здесь цель с самых первых этапов должна быть встроена в сам процесс научного исследования, которое, во-первых, всегда ориентировано на решение какой-либо проблемы, а во-вторых, основано на обработке больших объемов данных. А такого рода деятельность не может осуществляться без изначального целеполагания.

Креативность решает преимущественно тактические задачи, обычно она направлена на практику, выполнение социального заказа, на те сферы деятельности, где существуют востребованность оригинальных идей, четкие цели, инициативность, ориентация на полную охвата проблемы. Творчество же, как правило, связано с концептуальными, стратегическими задачами, и больше востребовано там, где необходим принципиально новый качественный скачок, меняющий взгляд на предметную область.

В процессе креативности обычно из одной идеи порождается множество инновационных идей (из одного — многое). А в творческом процессе — из разнообразия идей возникает одна, но более высокого уровня и качества (из многого — одно).

Креативный процесс может быть коллективным, например, коллективное сочинение сказки по методу Дж. Родари или создание информационных технологий, больших социальных проектов в науке, педагогике, медицине и т. д., нацеленных на конкретные задачи. В то время как творчество может быть исключительно только как индивидуальное или совместное (Ильф и Петров, братья Стругацкие, группа французских математиков Бурбаки, художники Кукрыниксы), когда каждый творит отдельно, не вмешиваясь в процесс творчества другого, но действуя согласованно. Коллективное творчество — это нонсенс, оно невозможно в силу его внутренней природы. Обычно в творческом коллективе каждый участник творит отдельно, а на этапе объединения результатов выполняется совместная креативная деятельность, направленная на поиск приемлемых взаимосвязей между продуктами творчества отдельных участников.

Творчество, в отличие от креативности, не может оставаться только на уровне идей — все замыслы должны быть обязательно воплощены в какой-либо продукт, внешний результат.

Креативный продукт обычно богаче или равен замыслу, он может быть настолько удачным, что превзойдет замысел. Креативщик, как правило, доволен своим результатом (испытывает удовольствие). В свою очередь, продукт творчества чаще всего беднее замысла, что порождает у творца чувство неудовлетворения, желание постоянно переделывать созданное (муки творчества), и даже может вызвать полное отвержение или даже уничтожение сделанного.

Продукты креативности в основном технологичны, инструментальны. Они приходят и уходят, морально устаревают. А произведения творчества нередко становятся образцами для последующего подражания и в силу этого гораздо дольше сохраняются в истории.

Результаты креативности не обязательно должны выноситься на суд окружающих, они могут проявляться в виде так называемой личной или индивидуальной креативности.

Горизонтальное творчество (см. ниже), как правило, признается современниками — специалистами в данной области. В свою очередь, творчество *вертикальное* чаще признается гораздо позже, поскольку современников, способных оценить революционный сдвиг, еще слишком мало. Иногда эти открытия забываются и переоткрываются потомками заново. М. Чиксентмихайи, например, в связи

с этим упоминает английского поэта XVII в. Джона Донна, который не был в должной мере оценен современниками, а сейчас, после возрождения интереса к его поэзии, признается одним из величайших поэтов того времени. Нечто подобное было с музыкой Баха, которого заново открыл Мендельсон (Чиксентмихайи, 2013).

Выраженность степени креативности или творческой продуктивности зависит от профессионального сообщества, которое может оценить новизну и другие качества этого продукта.

Креативность можно изучать массово, через тесты, которые определяют в основном способность в одном видеть многое. Творчество же должно исследоваться только индивидуально, через диалог, описание феноменов сознания, рефлексии творческого процесса и исследование фактов творческого озарения, описанных в биографиях выдающихся личностей. Главный вывод из результатов изучения творческой способности — это определение умения человека во многом видеть одно.

Представленный выше анализ акцентирует внимание на наиболее характерных внешних отличиях понятий креативности и творчества. Однако между ними существует и более глубокая внутренняя связь, к рассмотрению которой мы сейчас и переходим.

Творчество, по нашему мнению, — это способность человека к выполнению творческих актов, количество которых в среднем свидетельствует о творческом потенциале человека. Творческий акт имеет четырехкомпонентную структуру:

- 1) техническое совершенство, мастерство — то, насколько человек может следовать традиции;
- 2) креативность — создание новых форм — то, насколько человек может отклоняться от традиции;
- 3) творческое воображение — синтезирующий фактор по отношению к предыдущим компонентам и катализирующий творческий процесс;
- 4) собственно творческий акт как результат взаимодействия первых трех факторов, предполагающий создание нового качественного продукта, обладающего значимостью для самого человека и общества.

Результат творчества может быть личным, еще не прошедшим оценивания со стороны профессионального сообщества (имеющим ценность для самого автора или его ближайшего окружения) или социализированным (признанным специалистами и имеющим определенную культурно-историческую значимость).

Таким образом, в целостном творческом процессе креативность проявляется как важный необходимый компонент творческого акта, определяющий наиболее адекватную форму творческого продукта для выражения его содержания.

Рассматривая творческий процесс с позиций интегративного подхода, мы можем выделить несколько видов проявления креативности и творчества в зависимости от их функций в развитии периферических и ядерных структур образа мира. Во-первых, мы различаем творчество «горизонтальное» и «вертикальное», креативность неспецифическую, контекстную и целенаправленную.

Творчество горизонтальное направлено на поиск и открытие новых потенциалов текущего уровня, сосредоточено на углублении понимания предметной области. Его функция проявляется в усилении плотности связей семантической сети, что позволяет проложить новые пути, открыть новые потенциалы (новое измерение, содержание) текущего уровня, повышает глубинное понимание предметной области.

Творчество вертикальное переводит предметную область на более высокий уровень понимания, формирует качественно новый взгляд на исследуемую предметную область: «Обретенный в процессе творчества новый уровень сознания является не внешним уровнем объективного восприятия, а встречей с таким уровнем понимания, при котором разделение на субъект и объект не имеет большого значения» (Мэй, 2001, с. 47).

Неспецифическая (ситуативная) креативность — креативность, спонтанно проявляющаяся в разных областях повседневной жизни.

Контекстная (горизонтальная) креативность направлена на модификацию существующих форм, определяется конкретными обстоятельствами деятельности и имеет локальный (промежуточный, вспомогательный) характер.

Внеконтекстная (вертикальная, подлинная) креативность раскрывает существующие потенциалы текущего уровня через поиск и создание принципиально новых форм без существенного изменения содержания самой предметной области.

Представляется интересным провести некоторые параллели между предложенным нами соотношением креативности и творчества и видами креативности, описанными М. Чиксентмихайи, который выделяет «креативность с маленькой буквы» и «креативность с большой буквы» (таблица 2). Под первой он подразумевает творческое начало, которое свойственно каждому человеку и проявляется в повседневной жизни, главным образом в нестандартном мышлении.

Таблица 2

Параллели между соотношением понятий креативности и творчества и видами креативности по М. Чиксентмихайи

Уровни	М. Чиксентмихайи	Уровневая классификация
Творчество	Креативность «с большой буквы»	Творчество вертикальное
	Личная креативность	Творчество горизонтальное
Креативность		—
	Креативность «с маленькой буквы»	Контекстная креативность
		Неспецифическая креативность

Креативность «с большой буквы» – та, что «позволяет изменить какой-либо аспект культуры» (Чиксентмихайи, 2013, с. 34). Еще один вид креативности, обозначенный автором как «личная» или индивидуальная креативность, отличающаяся субъективным характером: человек оригинальным образом воспринимает мир и может совершать важные открытия, о которых знает только он один (для себя).

Таким образом, мы видим, что и креативность, и творчество можно рассматривать с разных позиций. С одной стороны, как способности к порождению творческих актов. С другой стороны, их можно рассматривать и как творческие процессы, направленные на разные стороны преобразования объекта и проявляющиеся на разных уровнях. И наконец, как особые виды деятельности. Это свидетельствует о том, что описание творческих процессов требует гибкого и разно-стороннего подхода к определению понятий креативности и творчества. Сам факт наличия, с одной стороны, большого количества разнообразных точек зрения, не только не совпадающих, но и зачастую противоречащих друг другу, а с другой – предоставления достаточного количества убедительных аргументов, обосновывающих эти взгляды и опирающихся на большое количество экспериментальных данных, заставляет сделать предположение, что было бы ошибкой считать истинной только какую-либо одну точку зрения. Во всех представленных позициях присутствует частичная истина, и все они в той или иной степени должны быть учтены при форми-

ровании системного, интегрального взгляда на эту сложную проблему, из чего мы и будем исходить в наших дальнейших рассуждениях.

Типы психологического исследования

Прежде чем анализировать стадии психологического исследования, необходимо остановиться на типологии самих исследований, поскольку мы считаем, что от этого существенно зависит их структура, содержание основных стадий, методы и способы представления и объективации результатов.

В обобщенном виде мы выделяем три типа исследований в зависимости от классов психических явлений, рассматриваемых с точки зрения объекта изучения. Первый тип можно условно назвать интра- и интеробъективным, поскольку психические явления, которые здесь рассматриваются, доступны для внешнего наблюдения или регистрации. Второй тип – интра- и интерсубъективный, исследующий класс психических явлений, принадлежащих к внутреннему субъективному миру – ментальному, эмоциональному, чувственному и т. д. Третий тип можно назвать трансцендентным, поскольку он связан с изучением надсознательных, надрациональных, постформальных, интуитивных процессов.

Поскольку любое психологическое исследование представляет собой развернутый во времени процесс, то оно должно иметь стадиальную структуру. Принимая во внимание достаточно большое количество работ, рассматривающих стадии и этапы исследовательского процесса, мы остановимся только на тех из них, в которых, во-первых, соотношение креативности и творчества проявляется в наиболее выпуклой форме, а во-вторых, содержание этих стадий в максимальной степени зависит от выбора способа получения данных.

Прежде всего, необходимо отметить, что психологическое исследование не может быть полностью объективным и абсолютно беспристрастным, поскольку всегда изучает картину психической реальности, которая сформировалась в рамках той или иной научной школы или направления. Каждая научная школа по-разному картирует психическую реальность, и, решая какую-либо конкретную проблему, исследователь действует, исходя из всей совокупности принципов, теорий, парадигм и научных результатов, существующих в рамках этой школы. По словам В. В. Налимова, «догадка... может возникнуть только на основе той системы взглядов, которая задается теорией» (Налимов, 1971, с. 193). Об этом, в частности,

упоминается в работе В. Н. Дружинина, где показывается зависимость подхода к исследованиям от позиции авторов по отношению к проблеме регуляции поведения (Дружинин, 2000). Так, например, представители традиционного подхода, характерного для всей экспериментальной психологии и рассматривающего психику как новообразование, возникшее в ходе эволюции живых организмов, будут исходить из принципа неотделимости психики от регуляции индивидуального поведения. А в русле глубинной психологии в качестве основного фактора, детерминирующего поведение, исследователи будут рассматривать неосознаваемые и бессознательные процессы. Изучение же творчества предполагает, что исследователи допускают существование особых форм проявления психики, которые не направлены на регуляцию человеческого поведения.

Особую роль в формировании картины психической реальности исследователя играет неявное знание (Полани, 1985), которое отражается в виде ценностных установок и образцов решений конкретных задач и проблем, в виде потенциалов, перспектив, междисциплинарных влияний и новых идей, которые еще не полностью осознаются, но уже используются как парадигмальные основания для исследования.

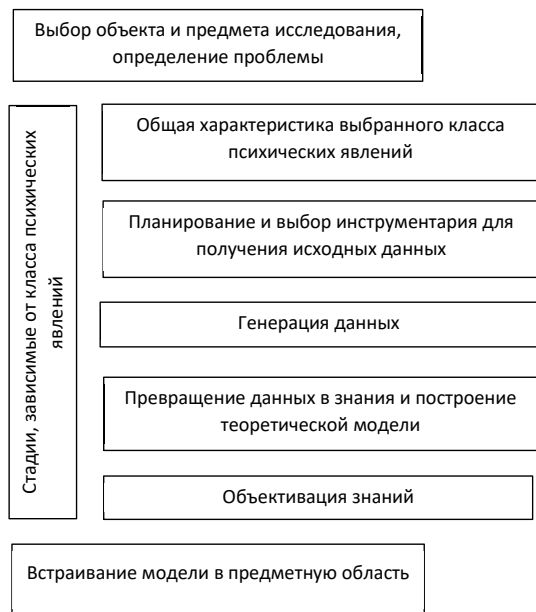
Картина психической реальности, проявляющаяся в позиции исследователя, в значительной степени определяет последовательность и содержание всех стадий исследования, начиная с выбора объекта и предмета и заканчивая итоговым включением полученных результатов в общую систему психологических знаний (рисунок 1).

Количество стадий складывается в соответствии с характером и типом исследования (например, оно может быть разным в теоретическом и в практико-ориентированном подходе). С другой стороны, даже внутри одного типа исследования число стадий часто варьирует в зависимости от научной школы, личности исследователя, цели и т. д. Однако в большинстве исследований, как правило, присутствует стадийный инвариант, который обеспечивает методологическую согласованность всех проводимых исследований.

На рисунке 1 представлены стадии, являющиеся общими для любого типа исследования, и стадии, содержание которых зависит от класса рассматриваемых психологических явлений.

Выбор объекта и предмета исследования

Остановимся в первую очередь на стадии выбора объекта и предмета исследования, которая должна присутствовать во всех исследовани-

Рис. 1. Обобщенные стадии психологического исследования

ях, при этом необходимо отметить, что их соотношение не является абсолютным. Оно может пересматриваться в процессе самого исследования в зависимости от получаемых промежуточных результатов, когда возникает необходимость рассматривать объект как предмет (при укрупнении масштаба исследования) или, наоборот, предмет выделять в качестве объекта (если возникла необходимость более детального изучения проблемы). Приведенные утверждения тем более справедливы для различных научных школ, где дополнительно к указанным выше взаимоотношениям объекта и предмета следует отметить также возможность их пересечения в самых различных комбинациях.

Процедура выбора объекта и предмета исследования, как показывает Ф. Е. Василюк, требует особой тщательности и методологической точности и сама по себе может состоять из нескольких подстадий, содержание которых связано с процедурой «систематической методологической „огранки“ объекта исследования» для прояснения и уточнения предмета исследования, что осуществляется с помощью погружения объекта в разные контексты (Василюк, 2012, с. 244). По отношению к изучению практики индивидуального психологи-

ческого консультирования автором показаны примеры использования трех разных контекстов, необходимых для определения предмета исследования.

Первая «огранка» происходит в результате погружения объекта в социокультурный контекст. В результате предмет исследования «предстает перед нами как специфическая социокультурная практика психологической помощи в критических жизненных ситуациях» (там же, с. 244).

Вторая — после выбора теоретико-методологического контекста, где ставятся основные вопросы о типе научной теории, которая определяется как «психотехническая теория переживания», и центральной научной категории, которая описывает предмет. В качестве таковой принимается «категория переживания, понимаемая как внутренняя деятельность, направленная на преодоление критических жизненных ситуаций» (там же, с. 245).

Наконец, в качестве заключительного выступает методический контекст, определяющий наименование предмета исследования как «понимающая психотерапия» (там же, с. 246).

Данный пример ярко иллюстрирует использование творческого подхода к такой, казалось бы, стандартной и привычной процедуре, как выбор предмета исследования. Здесь мы видим использование оригинального аперспективного взгляда на очень сложную проблему выбора адекватных контекстов и их системного применения для уточнения предмета исследования, что, несомненно, свидетельствует о творческой личности автора. Главная особенность этого подхода состоит в том, что он может служить образцом для дальнейших исследований и применяться на любой стадии.

Определение предмета исследования раскрывает перед специалистом картину уже существующего знания, которую можно условно изобразить в виде сети взаимосвязанных и уже решенных к настоящему моменту основных задач. Такая сеть может в явном или неявном виде содержать лакуны знаний, области, включающие еще не решенные проблемы, являющиеся потенциалами для будущих исследований. Поиск таких лакун (особенно неявных) считается весьма сложной задачей и требует от исследователя задействования полного арсенала его креативных и творческих возможностей.

Таким образом, процедура определения предмета исследования имеет принципиальное значение для успешной реализации всех последующих этапов, и, поскольку она связана с постановкой проблемы, даже незначительный риск совершения ошибок на этой стадии может иметь негативные последствия для всего исследования в це-

лом. В связи с этим для данной стадии особое значение приобретает критический, креативный или даже творческий подход, поскольку качество выбора и глубина проработки данной стадии в значительной мере определяет успешность всего исследования в целом.

Стадии психологического исследования, зависящие от класса психических явлений

В соответствии с представленной выше схемой рассмотрим в общем виде структуру и функциональное назначение стадий, следующих после выбора объекта и предмета исследования и определяемых классом психических явлений. В первую очередь, остановимся на характеристиках, присущих всем трем типам психологических исследований, перечисленных выше.

1-я стадия. Общая характеристика выбранного класса психических явлений. На этой стадии уточняется предмет исследования, устанавливается природа самих психических явлений (объективные, субъективные и т. д.) и выбирается общая форма представления результатов будущих измерений (числовая, качественная и т. д.).

2-я стадия. Планирование и выбор инструментария для получения исходных данных. В содержание этой стадии входят формулировка гипотезы, планирование, обоснование средств и инструментов получения данных, которые будут определяться тем классом психических явлений, который предполагается изучать.

Эта стадия, с одной стороны, определяется содержанием предыдущей, а с другой, в значительной степени зависит от специфической для той или иной научной школы картины психологической реальности, поскольку и сами данные, и даже способы их получения всегда связаны с определенной теорией: «Факты не являются совершенно независимыми от теории. Они всегда теоретически нагружены, наблюдаемое явление становится фактом только в рамках определенной теории» (Ивин, 1986, с. 126). Это было подмечено гораздо раньше А. Эйнштейном еще в 1920-е годы, который в беседе с В. Гейзенбергом сказал: «Сможете ли вы наблюдать данное явление, зависит от того, какой теорией вы пользуетесь. Теория определяет, что именно можно наблюдать» (цит. по: Лук, 1977, с. 140).

3-я стадия. Генерация данных. Не будет преувеличением сказать, что эта стадия имеет первостепенную важность для исследования в плане получения качественных, достоверных и согласованных знаний. Здесь уместно сослаться на популярное в самых различных областях современной науки выражение GIGO («Garbage In, Garbage

Out»), т. е. «мусор на входе – мусор и на выходе». Даже самое простое исследование, использующее данные, не содержащие ошибок, будет давать более качественные знания, чем очень сложное и изощренное на основе зашумленных данных. Зависимость качества исследования от степени зашумленности данных показана на рисунке 2.

Данные \ Модель	Простая	Сложная
Зашумленные	4	3
Очищенные	2	1

Рис. 2. Ранжирование качества исследования по сочетанию данных и сложности теоретической модели

В связи с этим, главной задачей настоящей стадии должна быть процедура очистки данных, требующая не только критического мышления, но и в большей мере креативного и даже творческого подходов, которые связаны с поиском и открытием принципиально новых способов решения этой задачи. Чем более сложным становится сам процесс очистки, тем более востребованными становятся проявления креативности и творчества в создании эффективных методов работы с данными.

Для обеспечения высокого качества разрабатываемой теоретической модели психологические данные должны удовлетворять ряду обязательных требований: быть очищенными, достоверными, полными, точными, хорошо структурированными и согласованными. Остановимся в общих чертах на критерии достоверности как самой существенной характеристике, которая в наибольшей степени влияет на качество результатов дальнейших стадий. Необходимыми условиями достоверности являются точность и полнота, которая, в свою очередь, определяется методом получения данных.

В обобщенном виде можно выделить два основных подхода к сбору данных: объективный (монологический) и субъективный (диалогический). Как известно, при первом подходе фиксация данных производится с помощью приборов, регистрации наблюдений, экспериментов без вмешательства экспериментатора как субъекта. Второй подход предполагает в разной степени выраженное межсубъектное взаимодействие испытуемого и исследователя.

При монологическом подходе точность обеспечивается, прежде всего, адекватностью выбора инструментов и корректностью измерения, полнота — охватом наиболее значимых характеристик изучаемого явления. Необходимое условие достижения точности в диалогическом подходе связано главным образом со степенью искренности ответов испытуемого, их валидностью, а полноты — с установлением взаимопонимания между участниками диалога (рисунок 3).

Критерии Подходы	Точность	Полнота
Объективный, монологический	Корректность измерения	Охват наиболее значимых характеристик
Субъективный, диалогический	Искренность ответов	Взаимопонимание между испытуемым и исследователем

Рис. 3. Необходимые условия достоверности данных

В качестве исторического примера того, как не вполне достоверные данные привели к некорректным выводам научного исследования, можно привести итоги известной поездки А. Р. Лурии в Узбекистан. Причиной появления недостоверных данных с высокой вероятностью послужило отсутствие взаимопонимания между исследователем и испытуемыми, которые не могли установить между собой коммуникативный контакт, в частности, из-за слишком большого различия их образов мира, и, как следствие, несовпадения форм мышления.

Отметим также еще некоторые причины, часто приводящие к недостоверности данных и связанные с самим исследователем. Первая относится к тенденции фильтровать данные в соответствии с заранее сформулированной концепцией. Вторая — к желанию «улучшить» ответы испытуемых, придать им литературную форму и пр.

Получение высококачественных психологических данных требуется не только для их применения в конкретном исследовании — они сами по себе могут иметь большую ценность и использоваться другими исследователями как в их первоначальном виде, так и в составе полученных на их основе знаний, о чем мы уже писали (Зеленкова, 2021).

Отметим, какое большое значение придавал этому вопросу З. Фрейд. Его данные были настолько достоверными, что их мог проверить и воспроизвести, согласно предписаниям, любой исследова-

тель. Даже К. Юнг, хотя и не был согласен с общей теорией Фрейда, в целом признавал его данные (Уилбер, 2016). Известное выражение И. М. Гельфанда «Теории приходят и уходят, а примеры остаются» отражает непреходящую историческую ценность данных, обладающих высоким качеством, которые по мере развития науки могут быть востребованы в будущих исследованиях, способствуя решению новых проблем, для которых эти данные первоначально и не предназначались. Это отражено в многочисленных примерах в истории науки, среди которых наиболее ярким является открытие Ньютоном закона всемирного тяготения, истоки которого восходят к астрономическим данным, полученным Тихо Браге еще в XVI в. Они были настолько тщательно выверены, что на их основе И. Кеплер смог вывести точнейшие характеристики движения планет, открыв три фундаментальных закона. И уже в XVII в. И. Ньютон, опираясь на открытия Кеплера и Галилея, вывел закон всемирного тяготения. Важно отметить, что для Ньютона знания, добытые Кеплером и Галилеем, фактически являлись исходными данными, высокое качество которых он отметил: «Если я видел дальше других, то только потому, что стоял на плечах гигантов».

4-я стадия. Превращение данных в знания и построение теоретической модели исследованных явлений. Как показано в одной из наших предыдущих работ, в психологические данные всегда заложен метод, с помощью которого они добываются, поэтому вид данных в значительной мере определяется способом их получения (Зеленкова, 2021). К примеру, данные могут быть: количественными (измеряемыми, объективными) или качественными (субъективными, требующими интерпретации); полученными монологическим или диалогическим способом. В свою очередь, вид психологических знаний будет определяться как видом данных, так и способом преобразования данных в знания (рисунок 4).

Однако между видами данных и видами знания связь неоднозначна: она в общем случае имеет сетевую структуру взаимодействий (рисунок 5). Один и тот же вид данных в зависимости от способа его интерпретации может включаться в различные виды знаний,

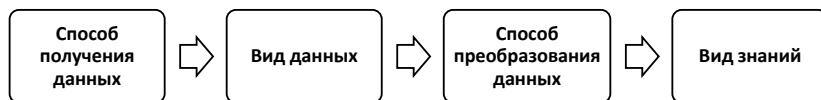
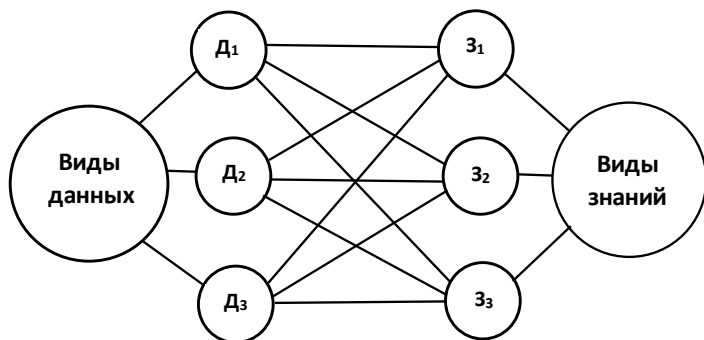

Рис. 4. Общая схема превращения данных в знания

Рис. 5. Сетевая структура взаимодействий между данными и знаниями

и наоборот, один вид знания может основываться на нескольких видах данных.

Так, например, объективные данные могут стать основой как репрезентирующих (количественных), так и интерпретационных (качественных) знаний (в современной квантовой механике существует до 20 различных интерпретаций объективных экспериментальных данных). Субъективные данные могут также порождать репрезентирующие знания, если способ преобразования данных основан на применении точных методов обработки, или интерпретационные знания, если они опираются на герменевтические подходы. Но в любом случае конечной целью должно быть построение объяснительной модели для данных.

В завершение этой стадии должна быть выполнена обязательная проверка непротиворечивости модели (теории) и ее соответствия исходным данным, полученным на предыдущем этапе. Если модель не объясняет все полученные данные, то это может свидетельствовать либо о недостатках самой модели, либо об ошибках, допущенных на предыдущих этапах, либо о существовании каких-то более глубоких связей внутри данных, которые требуют перестройки модели с позиции более высокого уровня. Поэтому на данной стадии необходимо, в первую очередь, попытаться устранить все перечисленные недостатки. Можно оспорить точку зрения П. Л. Капицы, который фактически считал любые противоречия между теорией и опытом нормальным явлением и источником ее развития: «Движение вперед нашего познания природы происходит тогда, когда между теорией и опытом возникают противоречия. Эти противоречия дают ключ к более широкому пониманию природы, они за-

ставляют нас развивать нашу теорию. Чем крупнее эти противоречия, тем фундаментальнее перестройка тех законов, которыми мы объясняем процессы, происходящие в природе и на основании которых мы используем природу для нашего культурного развития» (цит. по: Ивин, 1986).

В данном случае мы должны исходить из так называемой «презумпции ошибочности теории», согласно которой невозможность объяснить на данном этапе все полученные результаты – скорее недостаток самой теории, который нужно попытаться устранить. А для этого, на наш взгляд, есть два пути: первый – найти новые, более адекватные способы интерпретации данных, т. е. другие возможные способы представления результатов исследования. Этот процесс, по-видимому, связан с проявлением креативного мышления.

Однако если все попытки исчерпаны, а результаты так и остались полностью не объясненными, то требуется второй путь, основанный на творческом подходе. Этот путь, как уже указывалось выше, связан с необходимостью перейти на более высокий уровень интерпретации полученных данных. И только после этого этапа можно рассматривать противоречие между теорией и практикой не как источник ошибки или слабости теории, а как источник ее дальнейшего развития. В. В. Налимов пишет об этом: «Взаимоотношение между теорией и экспериментом оказывается крайне сложным. Их связывает догадка – интуиция исследователя. Она заставляет экспериментатора получать новые данные, не укладывающиеся в прежние теоретические построения. Так преодолевается гёделевская трудность в развитии физики» (Налимов, 1971, с. 192).

Отметим еще одну проблему, которая может привести к негативным последствиям на данной стадии исследования. Она связана с неспособностью исследователя преодолевать предвзятость, его зависимость от предшествующего опыта и тенденцию видеть то, что хотелось бы увидеть. Последнее Г. Селье называл «одним из худших «заболеваний» научного мышления» (Селье, 1987, с. 111). Он описывает случай проявления «креативности» молодого исследователя, который в поисках доказательства правоты своего предположения, противоречащего полученным результатам, фактически насильно помещает исходные данные в прокрустово ложе своей теории.

Таким образом, эта стадия исследования может сочетать в себе и репродуктивность, и креативность, и творчество в зависимости от степени трудностей, которые возникают при построении и проверке непротиворечивости полученной модели.

К аналогичным выводам приходят и другие исследователи: так, например, В. В. Никандров отмечает: «За количественной и качественной обработкой данных следует решающая фаза научного исследования – интерпретация результатов. Часто эту фазу называют теоретической обработкой, подчеркивая ее отличие от эмпирической статистической обработки. Эта фаза – наиболее захватывающий этап исследования, на котором особенно ярко проявляется творческий характер научного процесса» (Никандров, 2003, с. 38).

5-я стадия. Объективация знаний: проверка со стороны научного сообщества, попытка опровержения. Лучше всего эту стадию, на наш взгляд, охарактеризовал К. Уилбер в афористичной форме: «Чтобы обрести признание в качестве чего-то солидного и убедительного, должно не только объяснять данные, но еще и делать это так, чтобы суметь устоять и выжить на линии огня неограниченной коммуникации и межсубъективного дискурса» (Уилбер, 2016, с. 113).

Для того чтобы признать исследование научным, К. Поппер в качестве критерия научности ввел принцип фальсифицируемости, согласно которому подлинное знание должно быть открытым для опровержения. Другими словами, если мы не можем опровергнуть выдвинутую гипотезу, тогда мы никогда не сможем ее и доказать. Проявлением этого тезиса является обязательное наличие альтернативной гипотезы в экспериментальных исследованиях. Если все попытки опровергнуть гипотезу в течение длительного времени безуспешны, то такая гипотеза становится закономерностью.

Основным способом объективации полученных знаний является проверка со стороны научного сообщества, которая может иметь различные формы: публикации, доклады, дискуссии, личные беседы и т. д.

В качестве одного из подходов, объясняющих психологический механизм подобной объективации, можно привести интересную гипотезу М. А. Холодной, связанную с особой ролью интеллекта в этом процессе. Эта роль состоит в том, что «интеллект „производит“ такие субъективные состояния, которые не зависят от характеристик познающего субъекта и являются условием объективизации всех аспектов его познавательной активности» (Холодная, 2002, с. 55). Однако эта гипотеза, по нашему мнению, требует существенного дополнения в той части, которая раскрывает сам механизм преобразования субъективных состояний в объективные формы. Роль интеллекта, по-видимому, заключается в том, что периферийные (субъективные, символные) структуры образа мира переходят в ядерные (объективные, знаковые) только посредством диалогового взаимодействия, включая и коллективные формы коммуникации (полилог) (Зеленкова, 2019).

Включение результатов исследования в существующую предметную область

Завершающим этапом любого законченного исследования должна быть попытка оценить его вклад в развитие самой предметной области. Такая попытка обычно осуществляется на уровне методологического анализа, в результате которого, во-первых, устанавливаются границы круга явлений, охваченных данным исследованием, а во-вторых, производится интеграция результатов этого исследования в контекст уже существующего знания.

При этом необходимо заметить, что научное сообщество не всегда готово сразу оценить и принять полученные результаты. Возможно, для этого потребуется какой-либо период. В качестве примера можно упомянуть революционные открытия Коперника и Лобачевского, которые целые столетия ждали своего признания со стороны коллег. Поэтому отсутствие в течение длительного времени такого встраивания вовсе не означает низкого качества исследования, а может иногда свидетельствовать о том, что исследователь опередил свое время.

Можно предположить, что исследования креативного уровня быстрее признаются профессиональным сообществом, а творческим прорывным открытиям часто приходится ждать наступления своего времени.

Характеристики стадий, определяемые типом психологического исследования

Мы рассмотрели представленный в обобщенном виде некий стадийный инвариант любого психологического исследования, в котором постарались сделать акцент на таких особенностях стадий, в которых в наибольшей степени, на наш взгляд, требуется использование креативного или творческого подхода. Далее мы остановимся более конкретно на характеристиках отдельных стадий применительно к каждому классу психических явлений и соответствующему ему типу исследования, которые были рассмотрены выше.

1-й тип исследования: интра- и интеробъективный

1-я стадия. Общая характеристика выбранного класса психических явлений. Этот тип исследования охватывает психические явления, которые доступны для внешнего объективного наблюдения или регистрации. Они являются основными источниками данных.

2-я стадия. Планирование и выбор инструментария для получения исходных данных. Изучение этого класса психических явлений требует сбора данных, получаемых объективным, монологическим методом без вмешательства экспериментатора как субъекта путем регистрации наблюдений или результатов измерений с помощью приборов, представленных в числовой или визуальной форме.

3-я стадия. Генерация данных. Здесь ключевой задачей является очистка полученных данных, достоверность которых устанавливается путем проверки корректности измерений и охвата наиболее значимых характеристик исследуемых явлений.

4-я стадия. Превращение данных в знания и построение теоретической модели исследованных явлений. Знания формируются с помощью математико-статистической обработки данных и представляются в знаковой (например, словесной, графической и т. д.) форме в виде логически непротиворечивой модели с последующей интерпретацией, объясняющей полученные результаты.

5-я стадия. Объективизация знаний: проверка со стороны научного сообщества, попытка опровержения. Проверка и опровержение полученных результатов связаны с поиском ошибок в измерениях, выборе инструментов, методе сбора или обработки данных или в наличии логических противоречий в модели.

2-й тип исследования: интра- и интерсубъективный

Он включает два подхода к исследованию, отличающиеся методами получения данных.

Статистико-интерпретативный подход

1-я стадия. Общая характеристика выбранного класса психических явлений. Этот тип исследования охватывает психические явления, которые принадлежат внутреннему субъективному или межсубъективному миру — ментальному, эмоциональному, чувственному и т. д. Поэтому источниками данных являются результаты тестирования, самоотчеты и диалог между экспериментатором и испытуемым.

2-я стадия. Планирование и выбор инструментария для получения исходных данных. Для исследования используются в основном методы психодиагностики и диалоговое взаимодействие.

3-я стадия. Генерация данных. Достоверность полученных данных устанавливается, с одной стороны, путем проверки корректнос-

ти измерений и охвата наиболее значимых характеристик (объективный компонент), а с другой, путем проверки искренности ответов и контроля степени взаимопонимания между испытуемым и исследователем (субъективный компонент).

4-я стадия. Превращение данных в знания и построение теоретической модели исследованных явлений. Знания формируются на основе статистической обработки и интерпретации полученных результатов, и представляются в виде комбинированной статистико-герменевтической модели.

5-я стадия. Объективация знаний: проверка со стороны научного сообщества, попытка опровержения. Критическая проверка должна показать логическую непротиворечивость модели и отсутствие ошибок на уровне методов диагностики и статистической обработки.

Герменевтический подход

1-я стадия. Общая характеристика выбранного класса психических явлений. Этот тип исследования охватывает психические явления, которые принадлежат внутреннему субъективному миру – ментальному, эмоциональному, чувственному и т. д. Источниками данных являются диалог или нарратив. Данные имеют исключительно субъективную природу, т. е. являются качественными.

2-я стадия. Планирование и выбор инструментария для получения исходных данных. Для исследования качественных данных, представленных в виде семантического поля ответов испытуемого, используются, в основном, диалоговые, герменевтические подходы.

3-я стадия. Генерация данных. Достоверность полученных данных устанавливается путем проверки искренности ответов и контроля степени взаимопонимания между испытуемым и исследователем.

4-я стадия. Превращение данных в знания и построение теоретической модели исследованных явлений. Здесь используется только герменевтический подход, который, в первую очередь, предполагает умение исследователя встать на точку зрения испытуемого. Знания формируются в результате понимания и интерпретации данных с последующим построением герменевтической модели знания, изложенной в логически непротиворечивой форме.

5-я стадия. Объективация знаний: проверка со стороны научного сообщества, попытка опровержения. Критическая проверка модели должна показать ее логическую непротиворечивость и обоснованность выбранного метода интерпретации данных.

3-й тип исследования: трансцендентный

Содержание стадий такого исследования связано с особым типом психического опыта, имеющего надрациональный, надсознательный характер, проявляющегося в виде творческих открытий, интуитивных озарений, состояний медитации, парадоксального мышления и т. п., изучать его невозможно с помощью только рациональных методов.

1-я стадия. Общая характеристика выбранного класса психических явлений. Этот тип исследования охватывает психические явления, которые принадлежат внутреннему субъективному миру надсознательного, надментального, надрационального уровня.

2-я стадия. Планирование и выбор инструментария для получения исходных данных.

Здесь мы имеем дело с субъективными данными, собранными по разным источникам и имеющими преимущественно историко-феноменологический характер.

Источниками и инструментами для получения таких данных являются феноменологические самоотчеты творческих личностей (Ж. Адамар, А. Пуанкаре и др.), диалоги и беседы с ними, анализ творческих биографий и автобиографий людей, имеющих трансцендентный опыт и т. д.

3-я стадия. Генерация данных. Особенность данных этого типа состоит в том, что они часто по форме являются парадоксальными и необъяснимыми с позиций чисто формальной логики. Достоверность полученных данных устанавливается путем проверки искренности ответов, степени взаимопонимания между испытуемым и экспериментатором и в наиболее трудных случаях наличия у исследователя опыта переживания надсознательных состояний.

4-я стадия. Превращение данных в знания и построение теоретической модели исследованных явлений. Знания, как и исходные данные, часто представляются в парадоксальной форме, и поэтому основным средством их получения должна быть диалектическая, постформальная или «панорамная» логика, которая наилучшим образом, по нашему мнению, способна описывать творческие процессы и строить их адекватные модели.

По данным современной когнитивной психологии, экспериментально установлено существование когнитивных структур, превосходящих стадию формального мышления (Sinnot, 1998). Основной характеристикой таких структур, которые получили название постформальных (диалектических), является их способность функционировать на базе формальных структур, оперировать одновременно

множеством идей и устанавливать сетевые взаимосвязи между ними. Это позволяет осуществлять творческий синтез более высокого порядка и максимально приблизиться к переходу на надсознательный, интуитивный уровень.

В связи с этим вызывает сомнение гипотеза Н. Е. Вераксы о наличии диалектического мышления у дошкольников (Веракса, 1987). Их действительное мышление является синкретическим, основная особенность которого состоит в объединении разнородных явлений без достаточного на то основания, т. е. без какой-либо опоры на логику. В то время как постформальное мышление, являясь наивысшей стадией развития логического мышления, интегрирует все предыдущие стадии, включая формально-логическую. И тем более выглядит странным сравнение автором возможностей мышления дошкольников с образцами диалектического мышления величайших представителей мировой мудрости Зенона Элейского, Секста Эмпирика и Гегеля.

Поскольку в рассматриваемом типе исследования предполагается, что исходные данные могут иметь парадоксальную природу, рассмотрим в качестве примера попытки построения объяснительной модели на основе таких данных одну из наиболее трудных в истории психологии проблем, до сих пор не получившую никакого удовлетворительного решения – психофизиологическую проблему, связанную с поиском соотношения между мозгом и психикой.

Прежде всего необходимо отметить, что все предлагаемые на сегодняшний день решения содержат, по нашему мнению, определенные логические противоречия, связанные с изначальным несколько упрощенным представлением этого соотношения. Они предполагают либо линейный детерминизм, отказывающий психике в самостоятельном существовании, либо психофизиологический параллелизм, который постулирует изначальное отсутствие всякого взаимодействия, либо психофизиологическое взаимодействие, которое на самом деле сводится к взаимодействию материального с материальным (Гиппенрейтер, 2002), либо информационную концепцию психического, которая фактически является редукционистской, поскольку сводит исходную проблему к исследованию нейронных сетей в структуре мозга (Дубровский, 1976).

При этом остается за скобками, на наш взгляд, наиболее пригодный для научного изучения вариант, признающий психическую реальность как внутреннюю (по отношению к мозгу) идеальную сущность, непрерывно влияющую на внешний (по отношению к ней) мозг и непрерывно испытывающую влияние с его стороны. Други-

ми словами, мозг и психика «нераздельны и неслиянны», т. е. их соотношение имеет изначально парадоксальную природу.

В силу этого попытки решить психофизиологическую проблему на рациональном уровне всегда будут приводить к логическим противоречиям, что подтверждается всей длительной историей существования этой проблемы и неудачами попыток ее решения. Некоторую надежду на продвижение в направлении дальнейшего поиска решений может предоставить диалектический (панорамный) подход. Но даже при его использовании решение в лучшем случае может быть представлено в парадоксальной форме, поскольку на данном, хотя и наивысшем, но все же рациональном уровне, невозможно устранить основную трудность — двойственность восприятия мозга и психики. Истинное же и полное решение проблемы возможно только на более высоком, трансцендентном уровне, на котором появляется возможность интегрировать мозг и психику в единое целое и тем самым снять проблему.

5-я стадия. Объективация знаний: проверка со стороны научного сообщества, попытка опровержения. Основное требование этого этапа — обязательное наличие трансцендентного опыта у самих критиков, поскольку все попытки понимания и объяснения любой теории этого уровня с помощью формальной логики неизбежно будут приводить к противоречиям, а в лучшем случае, если критик использует панорамную логику — к парадоксам. Встраивание объяснительной интерпретационной модели в систему имеющихся знаний затруднено ввиду чрезвычайно большой сложности данного класса психических явлений, недостаточной проработанности самой проблемы, сравнительно небольшого числа публикаций и специалистов в данной области, т. е. малым размером «домена» по Чиксентмихайи (Чиксентмихайи, 2015).

«Маркеры творческой» психологического исследования

Итак, каждый тип исследования может содержать как общие стадии, характерные для любого исследования, так и стадии, специфичные для конкретного типа, что определяется выбором объекта и предмета исследования. Поскольку исследовательский процесс всегда должен быть нацелен на получение каких-либо новых результатов, то как минимум хотя бы на одной стадии должны присутствовать элементы креативности.

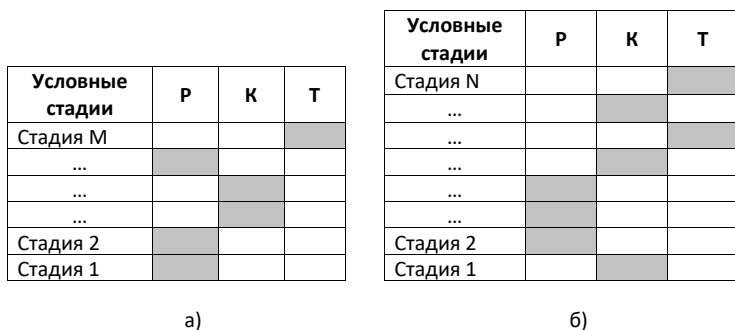
В целом на разных стадиях исследования мы будем иметь дело с комбинацией элементов репродуктивности, креативности и, воз-

можно, творчества, однако их относительный «вес», как правило, будет смещен в сторону какого-либо из этих процессов. Поэтому, называя этап репродуктивным, креативным или творческим, т. е. вводя соответствующие характеристические маркеры Р, К или Т, мы будем предполагать условное преобладание одной из этих характеристик на каждом из этапов. Таким образом, два разных исследования могут иметь различные сочетания комбинаций таких маркеров как по горизонтали – внутри каждой стадии, так и по вертикали – между отдельными стадиями целостного исследовательского процесса (рисунок б).

Примерная экспертная оценка внутри- и межстадийного соотношения «маркеров творческой» может дать общую качественную характеристику исследований и возможность их сравнения в том или ином аспекте.

Новые реалии современного научного мира, методологическая рефлексия и понимание сложности и взаимосвязанности разных сфер психической реальности приводят исследователей, даже в рамках традиционных подходов, к необходимости изначального панорамного взгляда на психику. Новизна (креативность) этого взгляда состоит в том, что для решения какой-либо одной проблемы привлекаются гетерогенные психологические данные, полученные на основе исследования разных классов психических явлений.

При таком подходе основное значение придается не отдельным массивам данных, а их совместному взаимодействию, что позволяет обнаруживать более глубокие закономерности и находить более продуктивные (творческие) методы решения исходной проблемы.

Рис. 6. Схематическое изображение соотношения «маркеров творческой» в двух разных исследованиях

В качестве иллюстрации сказанного приведем пример психологического исследования, выполненного Б. М. Величковским с соавт. на стыке нейрофизиологии и когнитивной психологии, в котором для получения согласованных результатов сочетались интраобъективный и интра- и интерсубъективный типы исследования, где для получения данных использовались монологические и диалогические методы (Величковский, 2019). В качестве новых инструментов обработки данных использовались операции с семантическими векторами и нейрофизиологическими данными. Применение технологии word2vec позволило объединить субъективную и объективную психосемантику и обозначить новое научное направление — нейросемантику. Это дало возможность получить качественно новые знания о взаимодействии мозга и психики. Следует особо подчеркнуть, что планирование и проведение подобных исследований требует как креативного, так и творческого подходов на всех стадиях исследовательского процесса.

Еще более глубокий подход к получению нового знания и выявлению новых проблем основан на использовании потенциала разных психологических школ и интеграции их результатов. В настоящее время уже получены и накоплены гигантские массивы данных, созданы условия для построения сетей психологических знаний, которые не только помогут выявить в них лакуны, но и обнаружить в объединенных, интегрированных исследованиях новые проблемы, новые закономерности. Такие исследования требуют панорамной, диалектической логики.

Так, например, на стадии постановки проблемы это поможет увидеть целостную картину всей предметной области, обнаружить неохваченную важную проблематику или, наоборот, чрезмерную концентрацию на уже хорошо изученных вопросах, или выявить периферийные проблемы, ценность которых в обозримом будущем выглядит весьма сомнительной.

В процессе генерации данных, благодаря одновременному доступу к большому количеству гетерогенных источников (Big Data), мы получаем возможность, с одной стороны, за счет перекрестной проверки существенно повысить качество и надежность этих данных, а с другой — добиться резкого повышения их полноты до уровня, принципиально недостижимого в любом отдельном исследовании.

На стадии получения результатов исследователь работает в непрерывно обновляющемся поле идей, созданном совместно с другими участниками. Здесь не создается специальный коллектив для решения той или иной проблемы, а образуется проблемное поле близких

задач и различных подходов к их решению, т. е. формируется своеобразный «сетевой разум». Это создает благоприятные условия для проявления интуиции и творческих озарений.

В данном случае мы имеем дело уже с качественно новым типом исследования, большинство стадий которого должно рассматриваться с позиций сетевой или интегральной парадигмы, использующих преимущественно креативные или творческие подходы.

Заключение

Постоянно возрастающая сложность и разнообразие знаний об окружающем мире и психической реальности, открытие все новых и новых возможностей для ее изучения, широкое развитие междисциплинарных подходов, появление инновационных инструментов исследования предъявляют к психологам особые требования в отношении использования творческих подходов. В связи с этим в настоящей работе основное внимание было уделено характеристикам и функциям творческих процессов, их проявлениям на разных стадиях психологического исследования.

Прежде всего, мы рассмотрели ключевой вопрос о дифференциации понятий «креативность» и «творчество», поскольку в современных исследованиях отсутствует какая-либо согласованность в отношении содержания и функциональной роли этих процессов в научном исследовании. Мы проанализировали соотношения между данными понятиями с позиций интегративного подхода как наиболее перспективного для упорядочивания существующих взглядов на эту проблему, что позволило выделить уровни креативности и творчества в зависимости от их роли в развитии периферических и ядерных структур образа мира. С этой точки зрения креативность и творчество можно рассматривать с разных позиций: и как способности к порождению творческих актов, и как творческие процессы, происходящие на разных уровнях, и, наконец, как особые виды деятельности.

В зависимости от класса изучаемых психических явлений нами было выделено три типа психологических исследований, различающихся содержанием стадий и степенью проявления на каждой стадии креативных и творческих процессов. Были показаны функциональные возможности этих процессов и их соотношение в разных типах исследований, что позволило ввести внутри- и межстадийные «маркеры творческойности» для ориентировочной оценки качественно-го уровня исследовательского процесса.

Изучение креативности и творчества в психологических исследованиях привело нас к размышлениям о перспективах, которые, в первую очередь, должны быть связаны с использованием подходов, содержащих панорамный взгляд на психику и широко применяющих постформальную логику на всех стадиях исследовательского процесса. Это позволяет более глубоко объяснять сложные психические процессы и создавать многомерные модели на основе творческого синтеза существующих решений.

Обилие и разнообразие современных средств коммуникации предоставляет исследователям уникальные возможности использовать и более эффективно применять креативность и творчество в совместной деятельности по изучению и поиску решений любой проблемы с помощью исследовательских сетей, включающих базы данных и вычислительные ресурсы каждого участника. Так называемые виртуальные исследовательские лаборатории уже начинают повсеместно появляться в разных областях современной науки. «Творчество — это вопрос гармонии между талантливыми людьми, чередования областей компетентности, пути сообщения между дисциплинами. Короче говоря, это признание незаменимости вклада „Другого“» (Брабандер, 2006).

Перспективы развития психологии, по нашему мнению, требуют применения «модели распределенных психологических исследований». Эта модель предполагает на каждой стадии исследовательского процесса использования результатов, добытых с помощью «сетового разума» и тем самым существенно сокращает и облегчает работу исследователя.

Литература

- Азарова Н. М.* Креативность как слово и как концепт // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 90—95.
- Барышева Т. А.* Психологическая структура креативности (опыт эмпирического исследования) // Известия российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2012. № 145. С. 54—64.
- Богоявленская Д. Б.* Психология творческих способностей. М.: ИЦ «Академия», 2002.
- Брабандер Люк де.* Забытая сторона перемен. Как творческий подход изменяет реальность. М.: Претекст, 2006.
- Василюк Ф. Е., Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г., Петровский В. А., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.* Методология психологии: проблемы и перспективы / Под общ. ред. В. П. Зинченко. М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

- Величковский Б. М.* Нейросемантика – новое направление междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2019. № 6. С. 3–18.
- Веракса Н. Е.* Развитие предпосылок диалектического мышления в дошкольном возрасте // Вопросы психологии. 1987. № 4. С. 135–139.
- Гендина Н. И.* Информационная культура, творчество и креативность выпускника высшей школы в контексте проблем развития человеческого капитала информационного общества // Информационное общество. 2008. № 5–6. С. 78–83.
- Гиппенрейтер Ю. Б.* Введение в общую психологию. М.: Черо, 2002.
- Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000.
- Дружинин В. Н.* Творчество: природа и развитие // Психология. Журнал ВШЭ. 2005. Т. 2. № 3. С. 91–107.
- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2007.
- Дубровский Д. И.* Информационный подход к проблеме «сознание и мозг» // Вопросы философии. 1976. № 11. С. 41–54.
- Зеленкова Т. В.* Образ мира в контексте позитивного постмодернизма // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 170–195.
- Зеленкова Т. В.* К проблеме рекурсивности структуры образа мира // Наука как общественное благо: сборник научных статей / Науч. ред. и сост. И. Т. Касавин, Л. В. Шиповалова. В 7 т. Т. 2. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020. С. 103–106. URL: <http://rshps.ru/books/congress2020t2.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).
- Зеленкова Т. В.* Разнообразие психологических данных и проблема систематизации видов психологического знания // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Ивин А. А.* Искусство правильно мыслить. М.: Просвещение, 1986.
- Лук А. Н.* Юмор, остроумие, творчество. М.: Искусство, 1977.
- Мирошник К. Г., Щербакова О. В.* Психологические исследования креативности в России (2000–2017 гг.). Часть I. Анализ эмпирических работ // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 15–25.
- Мэй Р.* Мужество творить: очерк психологии творчества. Львов: Инициатива; М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2001.
- Налимов В. В.* Теория эксперимента. М.: Наука, 1971.
- Никандров В. В.* Экспериментальная психология. СПб.: Речь, 2003.
- Петровский В. А.* Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992.

- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Селье Г.* От мечты к открытию. Как стать ученым. М.: Прогресс, 1987.
- Сластенин В. А., Подымова Л. С.* Педагогика: Инновационная деятельность. М., 1997.
- Холодная М. А.* Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 18–31.
- Холодная М. А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
- Чиксентмихайи М.* Креативность. Поток и психология открытий и изобретений. М.: Карьера-Пресс, 2013.
- Чиксентмихайи М.* Поток. Психология оптимального переживания. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
- Уилбер К.* Очи познания: плоть, разум, созерцание. М.: Рипол классик, 2016.
- Sinnott J. D.* The development of logic in adulthood: postformal thought and its applications. N. Y.: Plenum Press, 1998.

Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы эмпирических исследований

Д. А. Китова, А. Л. Журавлев

doi: 10.38098/

Постановка проблемы

Развитие информационных технологий становится важным фактором преобразования современного общества, детерминирует появление новых форм и способов взаимодействия власти, социальных институтов, бизнеса и населения. С социально-психологической точки зрения такое развитие способствует трансформации групповых ценностей, норм поведения и социальных ролей. В качестве характерных особенностей данного процесса можно также указать на значительное расширение социокультурного взаимодействия, масштабную аккумуляцию интересов представителей различных культур и народов по самым разнообразным основаниям, появление нового пространства социализации молодежи. Сложившаяся системная автономность онлайн-пространства и отсутствие жесткой внешней регуляции позволяет рассматривать его как новую, формирующуюся и относительно самостоятельную подсистему культуры.

Значимость интернета определяется не только процессуальной способностью к изменениям коммуникативной среды и возникновением нового социального пространства, но и вовлеченностью в эти процессы большого количества людей. На начало 2021 г. Интернетом пользовались более 4,66 миллиарда человек в мире (Вся статистика..., 2020). В этом отношении важно и то, что интернет-аудитория непрерывно пополняется пользователями детского возраста, что оказывает прямое воздействие на особенности развития культуры в целом, «формирование его ментального типа» (Пелипенко, 2015, с. 163). К примеру, выявлено, что в среднем дошкольники (!), используя различные медиа-устройства, проводят в виртуальной среде 13,42 часа в неделю (Funk et al., 2009).

С информационной позиции интеграция средств связи с компьютерными сетями позволяет создавать мощные системы хране-

ния больших объемов данных (и их обработки), а при подключении к международной сети интернет создает дополнительную возможность вхождения в информационное пространство мирового сообщества, открывая доступ к источникам информации практически в любой части мира. Сложившаяся информационная среда предоставляет людям новые платформы для общения – сайты, форумы, блоги, онлайн-дневники, тематические сообщества и т. д. В частности, среди такого рода площадок наиболее популярными платформами становятся социальные сети: их аудитория к 2020 г. превысила отметку 4,2 миллиарда, что составляет 53,6% населения планеты (Вся статистика..., 2020). Таким образом, интернет создает новые возможности для проявления активности людей, позволяя им без какой-либо специализированной подготовки генерировать собственную информацию и транслировать свои мировоззренческие позиции.

С научной точки зрения интернет выступает отражением непрерывного процесса трансляции мнений, представлений, установок, отношений и картины мира как отдельных людей, так и их социальных групп. Сеть также позволяют получать различные данные о пользователях не только в субъективном (изложенные мнения, например), но и объективном формате (координаты вхождения, контакты, анкеты, статусы и т. д.). Полученная таким образом информация представляет серьезные возможности для изучения бесконечного множества объективных и субъективных характеристик человека и различных социальных групп, функционирующих в интернете, что делает его (в частности, изучение «цифровых» следов) крупной социогуманитарной научной площадкой. К примеру, согласно обзору Е. Р. Агадуллиной, наиболее надежные связи между психологическими характеристиками (например, факторами Большой пятерки) и «цифровыми следами» обнаруживаются, когда последние собираются напрямую из профиля, а не путем опроса респондентов (Агадуллина, 2015).

Повсеместное распространение информационных технологий вносит значительный вклад в укрепление межкультурных связей, трансформирует привычные социальные модели поведения, оказывает влияние на течение многих социальных процессов, воздействуя на их структуру, направленность и динамику. В условиях развития информационных технологий изучение важнейших психологических явлений также стало возможным благодаря автоматизированному анализу «цифровых следов» (текстов, сообщений, информационных релизов и т. д.), представленных в онлайн-пространстве (Bakshy et al., 2011; Farooqui et al., 2019; Halde et al., 2016; Krotzek, 2019; Robila,

Robila, 2019). Непрерывное увеличение текстов, обсуждаемых пользователями проблем и вычислительных мощностей делает их освоение насущной необходимостью.

В современных условиях автоматизированный анализ текстов оказался применимым для выявления разнообразных психологических свойств и состояний человека (групп, общества), таких как индивидуально-личностные различия, уровень интеллекта, характер интереса, мотивационная направленность, ложные утверждения в текстах, групповая динамика, культурные изменения, особенности разного рода отношений и др. Высокую эффективность показали и результаты исследований персонализированного воздействия, выполненные в различных прикладных областях знания (политика, экономика, здравоохранение). Так, лично-ориентированная реклама в поддержку политика позволила резко улучшить отношение избирателей к нему (Л. Кротзек). В сфере маркетинга анализ «лайков» в Фейсбуке и информации о личностных чертах пользователей позволил повысить продажу рекламируемых товаров на 50% в случае совпадения личностных особенностей и типа сообщения (С. Матз). Выявлено, что люди предпочитают просматривать сообщения, которые соответствуют их личностной позиции по поводу той или иной проблемы, такой «поддерживающий» подход привел к изменению установок пользователей относительно новых технологий (С. Кноблх-Вестервик).

Некоторой особенностью развития данного направления является то, что разработкой машинных/интеллектуальных методов анализа информации успешно занимаются в основном программисты и лингвисты. Конечно, развитие методов имеет большое значение для социогуманитарных наук в целом и в частности для психологии. Недостаточное внимание психологов к машинным технологиям исследования пока остается актуальной научно-практической проблемой, не получившей своего разрешения среди отечественных специалистов, хотя в зарубежных исследованиях данная трудность практически отчетливо не обнаруживается.

Состояние мировых исследований с использованием информационных технологий

В современном исследовательском пространстве технологии анализа «цифровых следов» в интернете характеризуются двумя основными тенденциями развития. Первая связана с фиксированием и обработкой *объективных* явлений, происходящих в виртуальном простран-

ве. В научной литературе представлена информация о количественных характеристиках пользователей социальных сетей, динамике их суточной активности, результатах анализа сетевой репутации или «лайков» в Facebook, что не несет прямой психологической информации, но позволяет соотносить индивидуальные особенности пользователей с их объективными характеристиками (пол, возраст, география проживания, частота обращения к информационным ресурсам и т. д.).

Вторая тенденция связана с поиском *субъективной* информации, которая не может быть получена непосредственным образом и требует для извлечения трудоемких компьютерных алгоритмов и обоснованных теоретических концепций для их анализа (Behr et al., 2021; Lima et al., 2016; Nelhans, Lorentzen, 2016; Rajput et al., 2020; Sun et al., 2020; Thelwall et al., 2010; Wang et al., 2016). Такие исследования позволили выявить, например, следующие факты: люди, находящиеся в депрессии, используют больше слов, связанных с негативными эмоциями; лица, пытающиеся ввести других в заблуждение, намеренно обманывающие, чаще используют слова из категории движений и реже — слова, связанные с причинно-следственными объяснениями; за последние два столетия слова, связанные с индивидуализмом и независимостью, стали употребляться чаще, а частота слов, выражающих заботу о других людях, а также оценку моральных качеств людей, снизилась и т. д.

Представленный ниже анализ современных информационно-психологических исследований, выполненных с помощью автоматизированных систем, будет полезен для развития разных отраслей отечественной психологии и освоения инновационных научных технологий.

Анализ динамики проблем в психологии

Проведено картографирование 40-летней истории основных тем, содержания и динамики научных статей в журнале «Кросс-культурная психология» (СССР). Предполагалось (с учетом популярности журнала), что динамика публикаций отражает общее состояние и тенденции мировых исследований в этой области. Авторы выявили выраженную изначальную ориентацию публикаций в журнале на изложение эмпирических результатов, включая экспериментальные исследования (с упором на развитие ребенка в раннем возрасте), а в современных условиях большое внимание уделяется особенностям культур, в частности, изучению ценностных ориен-

таций личности и групп, а также аккультурации больших социальных сообществ. Общий вывод исследования связан с утверждением, что на современном этапе развития в анализируемом издании ведущее значение приобретают работы из области социальной психологии и психологии личности (Cretchley et al., 2010). Выводы сделаны на основе изучения 1416 статей, сгруппированных по десятилетиям, исследование проведено с использованием программы Leximancer¹, которая таит в себе большие возможности соответствующего анализа научных направлений современной отечественной психологии.

Выявление психологических характеристик личности посредством анализа текстов

Авторы предположили, что сообщения в социальных сетях являются отражением поведения пользователей в различных повседневных ситуациях (Knobloch-Westerwick et al., 2015). В таком случае изучение характера поведенческих реакций, которые находят свое отражение в текстах сообщений, могут быть использованы для определения темперамента человека подобно тому, как это происходит в обширных исследованиях по анализу эмоционального фона сообщений, а также в набирающих популярность исследованиях по определению психологических характеристик личности по текстам. Анализ, проведенный в соответствии с классификацией структуры темпераментов Д. Кейрси посредством нейронных сетей, показал, что уровень точности определения темперамента по текстам сообщений пользователей достигает 70% и выше для типов Artisan и Guardian².

Анализ гендерных особенностей поведения

Появление пользовательского контента и онлайн-сообществ расширило сферу гендерных исследований (Stone, Can, 2020; Teso et al., 2018; и др.). В этом отношении целесообразно обратить внимание на анализ различий пользователей мужского и женского пола в технологических онлайн-сообществах (Smith, Humphreys, 2006). Исследование

- 1 Программа, направленная на выявление ключевых тем (key themes), концептов (concepts) в электронных документах, дополнительно позволяет выводить статистику, производить частотный анализ слов и их категоризацию.
- 2 Д. Кейрси выделил четыре типа темперамента: Guardian (сенсорно-планирующий – SJ), Artisan (сенсорно-перцептивный – SP), Idealist (интуитивно-чувствующий – NF), Rational (интуитивно-мыслящий – NT).

проведено на основе изучения сообщений в социальных сетях: в работе использованы данные сообщества Python Technology Community, а в качестве модели — модель LDA (Latent Dirichlet Allocation¹), анализ настроений и регрессионный анализ. Авторы акцентировали внимание на характере эмоциональных состояний и активности пользователей в ходе обсуждения различных тем среди представителей мужского и женского пола. Результаты позволили прийти к следующим заключениям:

- мужчины в сообществах, как правило, запрашивают и предоставляют *информационную* помощь, в то время как женщины предпочитают межличностное *общение* и поиск *единомышленников*, а также проявляют повышенный интерес к *рекламной* продукции;
- как мужчины, так и женщины при общении выражают в основном *положительные эмоции*, но женщины выражают их (положительные эмоции) *чаще*;
- эмоциональные состояния мужчин и женщин, обсуждающих различные темы, влияют на уровень их активности в сообществе, при этом *активность* пользователей женского пола *эмоционально* более выражена.

Анализ психологических трендов повседневной жизнедеятельности

Исследование, проведенное в связи с пандемией коронавирусной инфекции в социальной сети Twitter (2020), показало, что число сообщений о коронавирусе резко возросло по мере усиления пандемии, продемонстрировав беспрецедентный рост за очень короткий промежуток времени. Рассмотрение данного процесса предполагало два типа эмпирической оценки. Первый связан с анализом *частоты употребления* слов (для определения закономерностей или тенденций употребления слов, используемых в Интернете), а второй — с изучением *эмоционального фона* сообщений, что позволило фиксировать психологические состояния пользователей Твиттера в условиях пандемии и их динамику. Авторами произведен анализ сообщений рядовых пользователей социальной сети (населения) и Всемирной

---

1 Применяемая в машинном обучении порождающая модель позволяет объяснять результаты наблюдений с помощью неявных групп, благодаря чему возможно выявление причин сходства некоторых частей данных.

организации здравоохранения (ВОЗ). Основными методами выступили частотный анализ с использованием биграмм и триграмм, смоделированных степенным законом распределения, результаты выводились с использованием суммы квадратов регрессии (SSE), R^2 и среднеквадратичной ошибки (RMSE). Итоговые результаты показали, что большинство твитов (как рядовых пользователей, так и сообщений ВОЗ) имели положительную модальность и только около 15% из них были отрицательными (Meho, Yang 2007). При этом твиты ВОЗ сохраняли положительный фон в 60,27% случаев, среди населения этот показатель достигал лишь 29,33%. Твиты с нейтральным эмоциональным фоном представили 54,92% пользователей сети, среди сообщений ВОЗ этот процент составил 24,05%. *Общий вывод* связан с утверждением о том, что ВОЗ в основном поддерживала позитивный фон сообщений, а среди населения лидировали нейтральные/сдержанные оценки происходящего (см. также: Dubey, 2020). Скорее всего, это объясняется более высокой значимостью и ответственностью сообщений негативного содержания, исходящих от ВОЗ, что вызвало сдержанность в высказываниях ее представителей.

Прогнозирование поведенческих эффектов

В качестве примера можно обратить внимание на изучение влияния психологических характеристик студентов на их успеваемость. Исследование проведено с целью прогнозирования ожидаемых/предстоящих результатов академической успеваемости обучающихся по завершению шестого (заключительного) семестра. В качестве исходных данных модели авторами избраны предыдущие результаты успеваемости: итоговые баллы аттестата зрелости, вступительных экзаменов и периода обучения в вузе за пять предыдущих семестров. Для анализа использовались два алгоритма, функционирующих на основе машинного обучения: нейронная сеть для числового прогнозирования CGPA² и дерева решений³ — для прогнозирования возмож-

-
- 1 Коэффициент детерминации R^2 является статистической мерой того, насколько хорошо предсказания регрессии соответствуют реальным данным.
  - 2 Использована модель прогнозирования совокупного среднего балла (CGPA).
  - 3 Непараметрический метод обучения нейронной сети, используемый для решения задач как классификации, так и регрессии. Метод направлен на создание модели, предсказывающей значение Целевой пе-

ных неудач в шестом семестре. Эффективность моделей оценивалась с использованием коэффициента корреляции R и среднеквадратичной ошибки. В качестве фоновых психологических факторов были зафиксированы мотивационные характеристики студентов, способность к обработке информации и ряд других навыков, признанных в научном сообществе воздействующими на результаты обучения. Выявлено, что определяющее значение для прогнозирования результатов экзамена имеют уровень мотивации студентов и скорость восприятия информации при работе с учебными материалами (Guegreiro et al., 2016).

Автоматизированный анализ данных в различных областях психологии

Поиск наиболее популярных тем психологических исследований

С целью поиска маркеров наиболее популярных проблем в психологии обычно проводится анализ содержания онлайн-общения психологов в Twitter (Bittermann, 2019; Bittermann et al., 2018; Vošnjak et al., 2021; Vainio, Holmberg, 2017). В одном из исследований авторами было собрано 69963 твита, опубликованных в период с августа 2007 г. по июль 2020 г. из 139 аккаунтов профессоров психологии, а также преподавателей факультетов психологии и сотрудников исследовательских институтов из немецкоязычных стран, а также представителей Немецкого психологического общества (DGP). Намерения авторов были связаны с выделением тематических направлений и их последующей (пролонгированной) проверкой в будущем с точки зрения предстоящих тенденций в научных публикациях. В целом было собрано 346361 сообщений из базы данных PSYNDEX. Для определения эффективности данного подхода по сравнению с традиционным анализом конференций были собраны все доступные программы конференций DGP и его секций с 2010 г. Сравнительный анализ позволил выделить 21 тему, затрагивающую социальные проблемы общества (например, COVID-19), методологию проведения современных исследований (к примеру, машинное обучение), тенденции научных исследований (в частности, кризис репликации) и обсуждение различных областей психологических исследований (можно указать на рассмотрение моральных аспектов терроризма). Десять тем де-

---

ременной (target feature) посредством анализа правил принятия решений, обнаруживаемых из характеристик исходных данных.

монстрировали повышение популярности, особенно темы, связанные с методологией или научной прозрачностью (валидностью, репрезентативностью, методологической обоснованностью и т. д.). Семь Twitter-тем появились и обсуждались в Twitter раньше, чем на научных конференциях. Отмечается, что ни библиометрическое прогнозирование, ни содержание конференций не позволяют ожидать в рамках научных обсуждений следующие темы: «методологические вопросы метаанализа», «склонность к игре», «мобильная визуализация мозга/тела». В целом можно отметить, что Twitter-майнинг заслуживает исследовательского внимания с целью выявления актуальных/новых психологических проблем, особенно в области социальной психологии. Чтобы получить наиболее полную проблематику перспективных психологических исследований, авторы рекомендуют совмещать Twitter-майнинг с библиометрическим анализом публикаций и мониторингом тем научных конференций (Beinart, 2017). Такие рекомендации вполне реализуемы в отечественной психологии, в которой широко практикуется отдельно и библиометрический анализ, и мониторинг научных конференций.

Экономическая психология

В последнее время популярной стратегией увеличения стоимости бизнеса стал C-PM маркетинг, который возник из возможностей брендов (торговых марок) «узнавать клиента», сопровождать его на протяжении всей его жизни и выстраивать с ним прямую коммуникацию. Но несмотря на растущее количество статей по данной проблеме за последнее десятилетие, всесторонний анализ наиболее обсуждаемых концептов C-PM маркетинга пока еще не был реализован. С целью преодоления данного противоречия проведен комплексный анализ 246 статей, опубликованных в 40 различных журналах в период с 1988 по 2013 год по проблемам C-PM маркетинга (в работе использован байесовский алгоритм контекстного анализа, известный как Correlated Topic Model, а также СТМ, Text Mining¹). Авторами показано, что наиболее важными стратегическими направлениями, обсуждаемыми в маркетинге с 1988 г., являются такие темы, как «соответствие бренду», «закон и этика» и «корпоративная и социальная идентификация». Наиболее активно обсуждаемыми темами в настоящее время стали анализ сфер, затрагивающих проб-

---

1 Программы позволяют проводить количественный, концептуальный и прогностический виды анализа информации.

лемы «социального табу» и «моральных дебатов». Статья направлена на решение двух основных задач: во-первых, знакомит с техникой машинного анализа в области маркетинга, демонстрируя, как интеллектуальный анализ текста может направлять, упрощать и систематизировать процессы классификации, формируя объективные тематические блоки из обзорных публикаций; во-вторых, раскрывает и обобщает наиболее обсуждаемые темы в данном направлении (Funk et al., 2009). Однако авторский подход не отразил проблем анализа конкретных стратегий, представленных в анализируемых публикациях.

Исследования в юридической психологии

Значительный рост политического экстремизма в западных странах вызывает новый интерес к психологической, в частности моральной, обусловленности данного явления (Beinart, 2017). В силу специфики экстремизма как социально-политического явления эмпирические исследования феномена с использованием традиционных опросных методик крайне затруднены отсутствием доступа к субъектам террористической деятельности (как к экстремистским группировкам, так и персоналиям), а непосредственное их изучение в рамках правовой науки не до конца учитывает психологические аспекты проблемы. Авторы рассмотрели психологическую и моральную привлекательность экстремизма в условиях общественной ситуации в США. Предметом исследования стал анализ 10000 сообщений политических радикалов в Twitter. Анализу подверглись психологические особенности сообщений в текстах 5000 представителей альтернативно-правых политических движений (alt-right) и 5000 представителей радикальных левых (Antifa)¹. Результаты исследования показали, что представители экстремистски настроенных политических движений демонстрируют меньше положительных и больше отрицательных эмоций, чем консервативные пользователи, но их различия по уровню достоверности несущественны. В ходе исследования были также проверены доказательства наличия или отсутствия моральных убеждений среди представителей как левых, так и правых радикалов, которые отличаются между собой лишь по принци-

---

1 Альтернативные правые (*англ.* Alternative right), также альт-правые, альт-райт (*англ.* Alt-right) — слабо связанные между собой ультраправые, белонационалистические движения. «Антифа» — левые радикальные движения.

пу внутригрупповой лояльности. При этом доказательств наличия *высоких* моральных установок среди представителей радикально настроенных групп не обнаружено (Alizadeh et al., 2009).

Психология организации и управления

В этом направлении проведен анализ динамики стресса и характера эмоционального состояния работающих американцев в течение календарной недели. Исследование проведено с целью изучения «эффекта восстановления от работы» в выходные дни, посредством изучения текстов сообщений в Twitter. Всего за 18 месяцев проанализировано 2102176189 твитов, сбор которых производился на общенациональном уровне – на всей территории США. Такое исследование можно квалифицировать как уникальное как минимум по масштабу и характеру сбора первичных данных. Для изучения ежедневного содержания сообщений был использован лингвистический анализ, который проведен с помощью программного опросника Пеннебекера (LIWC), посредством факторного анализа при ежедневном подсчете слов. При этом авторами был использован словарь подсчета слов для оценки рабочего стресса, слова группировались по 19 заданным тематическим направлениям, представленным в словарях LIWC. Динамический двухфакторный анализ эмоционального фона сообщений учитывал отрицательные эмоции, связанные с описаниями стрессов и их психосоматическими проявлениями, и положительные эмоции, которые были связаны с такими темами как еда, друзья, дом, семья и досуг. Выявлено, что элементы, связанные с работой (деньги, достижения и здоровье¹), имеют выраженную отрицательную нагрузку. Еженедельный анализ динамики обсуждений позволил выявить явный «пятничный спад» рабочего стресса и негативных эмоций. В свою очередь, твиты с позитивными эмоциями показали «спад в середине недели» (со вторника по среду-четверг) и «пик на выходных» (с пятницы по воскресенье), тогда как твиты о работе показали «спад на выходных» (с пятницы по воскресенье). Полученные результаты частично подтверждают теорию о стрессовом воздействии работы на жителей США и указывают на «накопительное» стрессовое психофизиологическое состояние трудоспособного населения страны. *Общий вывод* связан с тем, что американцы не успевают восстанавливаться от рабочих стрессов за выходные

---

1 Точнее, связанные со здоровьем финансовые и организационные проблемы.

дни. В работе также обсуждаются ограничения метода и перспективы дальнейших исследований (Vassilakis et al., 2020). Исследования в области управления различными социальными процессами привлекают внимание и многих других исследователей (Dal Mas, 2019; de Oliveira Júnior et al., 2020; Heidbreder et al., 2021; Hu, 2019; Kim et al., 2017; Matz et al., 2017; Yan et al., 2013).

Клиническая психология и психиатрия

Технологии с использованием автоматизированного анализа/обучения в клинической психологии и психиатрии наиболее часто ориентированы на выявление статистических закономерностей на основе изучения многомерных неупорядоченных наборов данных, полученных в ходе наблюдения за различными терапевтическими и клиническими группами пациентов (Chang et al., 2019, Dwyer et al., 2018; и др.). Это позволяет выявлять скрытые закономерности и формулировать обобщенные прогнозы о предполагаемом течении болезни или изменении поведенческих характеристик пациентов. В частности, известна работа по обобщению возможностей автоматизированного анализа для повышения эффективности постановки диагноза, лечения больных и прогнозирования хода болезни для лиц, страдающих психическими расстройствами, основываясь на результатах медицинских анализов (Dwyer et al., 2018). Эти работы имеют явно выраженное *практическое значение*, и в этом заключается их сильная сторона.

Психология профессиональных сообществ и психология труда¹

Сравнительный анализ сообщений читателей психологических и политологических журналов был осуществлен на основе анализа статей из Web of Science, Altmetric.com и их обсуждений в социальной сети Twitter. Для анализа были использованы в общей сложности 91 826 твитов с 22 541 отдельным профилем пользователей «Твиттера» по психологической дисциплине и 29 958 твитов с 10 478 отдельными профилями пользователей «Твиттера» по политологии. В демографическом анализе учитывались пол, географическое положение, образование и профессиональный профиль — психология или политология. Основным методологическим подходом избран

---

1 См.: Foti et al., 2019; Marechal et al., 2019; Xu et al., 2020; Yulita et al., 2020.

метод опорных векторов (SVM). Для классификации обсуждаемых тем использовался метод моделирования тем скрытого распределения Дирихле (LDA). Выявлено, что твиты о статьях из психологических журналов вызывали большую активность пользователей, чем публикации в области политологии: значительное превосходство проявлялось как в количестве обсуждаемых статей, так и количестве пользователей, принимавших участие в обсуждении. Важно также указать на то, что выявлены значимые различия пользователей по демографическим признакам (Wu et al., 2020). И в этом направлении нередко исследования в рамках психологической науки (João et al., 2016; Matz et al., 2017; Tripathy et al., 2016; Zheng, 2020), результаты которых в основном не противоречат описанным выше работам.

Психология СМИ

Учитывая актуальность СПИДа как значимого вопроса общественного здравоохранения в Италии проведено исследование роли средств массовой информации в социальном конструировании этого явления. Исследование было направлено на решение двух задач, которые связаны с необходимостью: 1) изучить основные связанные со СПИДом темы в популярной итальянской прессе; 2) проанализировать динамику представлений о СПИДе за последние десятилетия. Для анализа были избраны газетные статьи, опубликованные в период с 1985 по 1990 г. и с 2005 по 2010 г. с использованием архивов двух основных национальных газет (La Repubblica и Corriere della Sera), общий объем газетных публикаций составил 446 работ. Автоматизированный анализ и последующее группирование полученных результатов позволили описать пять различных тематических областей (кластеров), отражающих такие вопросы, как: медицинское обслуживание (7,5%), поддержка семьи (37,0%), дискурсы о науке и религии (27,0%), социальное избегание/изоляция (17,6%) и политика в области здравоохранения (10,9%). Эти тематические области задуманы по двум основным неявным параметрам (факторам), которые объясняют 72,5% дисперсии данных и которые связаны с отношением к людям со СПИДом (забота и избегание) и социальным управлением в отношении СПИДа (бессилие и контроль). Результаты исследования также продемонстрировали потенциальную динамику представлений о людях со СПИДом, которая характеризуется более терпимым к ним отношением (Caputo et al., 2016).

Психология искусства

С позиции культурного взаимодействия важно понять воздействие литературы и искусства разных стран и народов на психологию людей, представляющих иную культурную среду, и выявить различия и универсальные особенности восприятия (Caputo et al., 2016; Zhao, Rosson, 2009). Предметом исследования стали особенности восприятия исполнительных искусств (сценических постановок) и традиционных танцев Японии, Китая и Южной Кореи. Задачей исследования выступило изучение впечатлений, вызванных этими видами искусства. Эмпирический этап исследования реализован посредством изучения ответов на открытые вопросы анкеты. Для анализа ответов были избраны такие программы автоматизированного анализа текстов, как Word Clouds и КН coder, которые использовались для анализа частоты слов и их сочетаний. Путем интерпретации визуализированных результатов и сравнения данных каждого участника (представителя одного из трех стран) были выявлены связи между характеристиками исполнительского искусства и танцев представленных стран и их психологического воздействия на зрителей. В результате можно отметить, что традиционные танцы разных стран обладают уникальными характеристиками, которые могут восприниматься по-разному в зависимости от национальности и культуры зрителей (Zhou, Na, 2019).

Эмпирическое исследование культурно-исторических особенностей отношения россиян к деньгам

Теоретико-методологические подходы и методы исследования

С теоретической точки зрения отношение человека к социальным явлениям относится к понятиям высокого уровня обобщения и отражает как *социальный* контекст проблемы (культурно-историческую обусловленность конкретной средой проживания и др.), так и *индивидуально-личностные* особенности человека, с учетом сложившихся вокруг него жизненных обстоятельств. Еще одной особенностью феномена «отношение» выступает возможность его конкретизации через выделение *структурных* и *содержательных* элементов, а также его *когнитивных*, *эмоциональных* и *мотивационно-поведенческих* компонентов.

С *практической* точки зрения, феномен отношения также имеет свои особенности и преимущества. Во-первых, отношение лежит

в основе *мировосприятия, деятельности и поведения* человека, во многом их предопределяя. Во-вторых, оно может быть легко идентифицировано при *изучении высказываний* автора по следующей схеме: содержание—структура—когниции—эмоции—мотивация. В-третьих, интерес вызывает и возможность выделения общего *эмоционального фона* отношения человека к различным явлениям внешнего мира и к самому себе через обращение к анализу психологических оценок субъекта деятельности (Журавлев, Китова, 2020а, б). Представленные позиции лежат в основе того, что феномен отношения выступает чрезвычайно *востребованным* объектом многочисленных психологических исследований (Апреликова, Китова, 2019; Китова, Журавлев, 2020).

Предмет данного исследования — «отношение к деньгам» — является частным случаем изучения как самого *феномена «отношения»*, так и отношения к *экономическим явлениям* в целом. С учетом всех вышеописанных аспектов проблемы *следует ожидать*, что при анализе массового отношения населения к деньгам возможно выявление характерных психологических особенностей, свойственных большому количеству людей, которые можно рассматривать в качестве *элементов менталитета*¹ россиян. В этом состоит первое теоретическое положение. Второе связано с тем, что под отношением к деньгам понимается «осознанное и субъективно-избирательное представление о деньгах» (Дейнека, 2000, с. 79), которое проявляется как в денежном поведении, так и в рамках представлений о них.

Таким образом, *целью* исследования выступает изучение макроэкономических (релевантных обществу в целом) особенностей отношения россиян к деньгам. *Объектом* исследования являются пользователи социальной сети Twitter, а *предметом* — содержание текстов сообщений, включающих слово «деньги», которые отражают любые жизненные ситуации, в которых оказываются пользователи без каких-либо ограничений. Сбор и обработка сообщений производились методом сплошной выборки в течение одного месяца с 11 июня по 11 июля 2021 г. Обработка сообщений включала их очистку от рекламных сообщений и повторов/ботов; далее осуществлялось автоматизированное разбиение текста на токены (выделение морфологического основания слова с помощью пользовательских словарей),

1 Менталитет рассматривается как образ мыслей, свойственный определенной этнической или другой социальной группе, он проявляется в виде эмоциональных, ценностных, интеллектуальных особенностей мировоззрения народа и характеризует его отличие от других крупных общностей (Китова, Журавлев, 2020).

после этого производилось их группирование, а затем осуществлялся смысловой, частотный и эмоциональный анализы слов и сообщений. Всего было собрано и обработано 3984 сообщения. В качестве фонового исследования предложено в рамках сопоставимых (идентичных) методов выделить психологические особенности отношения к деньгам жителей Японии, страны, которая имеет специфическую (отличную от российской) этнокультурную историю становления и развития экономики.

Автоматизированные методы исследования включали программные инструменты для *частотного анализа* слов, группирования *смысловых контентов* и анализа *эмоционального фона* неформализованных коротких сообщений: разработчик программных инструментов – М. Китов (подробнее о методах см.: Психологические исследования в интернет-пространстве..., 2020). Для *интерпретации* полученных результатов в качестве дополнительных использовались такие методы, как *экспертный анализ*, метод *теоретических обоснований* и *контент-анализ*. Все разъяснения по обращению к конкретным техникам *качественного* анализа приводятся в ходе обсуждения результатов исследования.

Анализ эмпирического исследования отношения пользователей социальной сети Twitter к деньгам

На *первом* этапе исследования смысловое сегментирование всех сообщений позволило выделить *восемь* основных подгрупп текстов, которые представлены по принципу от наиболее значимых (с наибольшим весом по частоте повторов) к менее встречающимся позициям (таблица 1). *Лидирующей* позицией, связывающей категорию «деньги» с социальным миром, выступает *жизнеобеспечение человека* – удовлетворение его потребностей и нужд. Ведущей социальной категорией, с которой наиболее часто связывают необходимость денежного содержания, оказались *дети* (на которых тратятся основные доходы семьи, для них же ожидаются серьезные преференции со стороны государства) и их родители, которым все сочувствуют в силу необходимости серьезных затрат для содержания ребенка, создания ему необходимых условий жизни.

Взаимосвязь денег и *времени* выступает второй значимой позицией, которая связана не столько с необходимостью зарабатывать (наполнять свое время активной деятельностью по повышению уровня жизни), сколько с убыванием времени и сожалениями о том, что финансовые ситуации не меняются с течением времени,

а так и остаются неразрешенными на желаемом пользователями уровне.

От *государства* (третья позиция) все еще ожидается, что именно оно (а не сами люди) должно обеспечить высокий уровень доходов населения и использовать все имеющиеся у него) ресурсы для обеспечения всестороннего благополучия населения, в том числе и финансового.

Расходы (четвертая по значимости позиция) обсуждаются пользователями на уровне индивидуально-личностных проблем повседневной жизни. Данная позиция пересекается с первой (люди—дети—родители), так как все основные расходы, о которых говорят пользователи, связаны с расходами на содержание семьи, детей и дома. Отдельно выделяется необходимость оплаты жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ), которые представляются пользователям достаточно обременительными (данная позиция усиливается в связи с оценками стоимости поставок населению газа). Приведем для примера сообщение, которое нельзя назвать типичным (характерным для многих пользователей), но оно довольно показательным в отношении трудностей оплаты коммунальных платежей: «Мне грустно из-за того, что теперь из-за плохой ситуации с недостатком в семье мне, вероятно, придется тратить все свои деньги на оплату ЖКУ: четверо из пяти человек в моей семье не зарабатывают ни рубля». Единственной не связанной с текущими *бытовыми* расходами представляется позиция «*отдых*», которая отражается в такой категории, как «билеты». Эта категория обычно связана с посещением культурно-массовых мероприятий и переездами с целью санаторного лечения или отдыха/путешествий.

Пятая позиция — *экономика* — представлена в обсуждениях финансово-кредитной и фискальной систем государства, в текстах мало говорится о производстве или частном секторе экономики.

Такая же позиция оценки экономической политики и в *философских высказываниях* пользователей, которые больше направлены на оценку внешних обстоятельств и условий жизни, нежели связаны с необходимостью что-то предпринимать самому и изменять свою жизнь. Это шестая позиция.

Внешний локус контроля в оценке финансовых проблем наиболее чувствительно звучит в высказываниях о *власти* (седьмая позиция). Данные высказывания наиболее часто представлены обвинениями в адрес чиновников, которые, по мнению пользователей, выступают реальными *виновниками* низкого уровня жизни россиян, тормозят развитие экономики (наиболее частые повторы связаны со сло-

вом «разворовывают»), не исполняют своих прямых обязанностей и недобросовестно реализуют требования высших властей (в частности, послание Президента).

Представления о *доходах* (восьмая позиция) у пользователей наиболее часто увязаны с наемной работой, практически целиком ограничиваются ожиданием зарплат, пособий, выплат и никак не ассоциируются с индивидуально-личностными стратегиями зарабатывания денег или с уровнем/характером экономической активности. В качестве такого крайнего примера можно указать на следующее высказывание, оценивая должным образом сарказм и иронию автора: «Почему я не могу сидеть дома и получать за это *деньги*, тратя их на „мерч“ „БТС“¹? Жизнь – боль...».

Описанные выше подгруппы не являются отражением всех тех категорий, которые присутствуют в высказываниях пользователей. В качестве примера иных позиций можно обратить внимание на следующие нечастые высказывания о деятельности различных категорий лиц:

- *психологов*: «Практикующий психолог – это когда каждый персонаж платит ему *деньги* за то, что он разгребает весь этот ворох домашних, карьерных и ментальных проблем»;
- *ученых*: «Российская наука – это бездонная бочка. Почти все *деньги*, которые выделяет правительство, уходят на астрономические зарплаты целой армии академиков. Ни в одной стране мира нет столько академиков, как в России... А вот ученых в России очень мало»;
- *обеспеченных людей*: «Разве могут быть сумасшедшие *деньги* у нормальных людей? А из ответа на вопрос следует вывод: количество богатых – это перепись сумасшедших».

Важно понимать, что в выделенных смысловых подгруппах речь идет не о единичных высказываниях, которых в интернете «не счесть», а о массовых представлениях, свойственных очень большому числу россиян. В качестве такого *типового* отношения можно, например, указать на высказывание, демонстрирующее недоверчивое отношение основной массы пользователей к чиновникам: «Еще бы как-то местных чиновников приучить, что если появились *деньги*, то их надо пускать на благо людей, а не повышать себе зарплаты и премии выписывать».

Второй этап исследования связан с индуктивно-дедуктивной стратегией анализа теоретической выборки (сообщений), которая

1 «БТС» – популярная музыкальная группа из Южной Кореи.

Таблица 1
Частотные характеристики слов
в обобщенных смысловых категориях

Смысловые категории	Частота слов из разных категорий
<p>ЛЮДИ <i>Пример:</i>...главное не <i>деньги</i>¹, а чтобы рядом были близкие и любимые люди, поддержка, позитивные эмоции и запоминающиеся моменты</p>	люди – 165, дети – 108, человек – 63, мамы – 46, родители – 34, школьники – 34 и т. д.
<p>ВРЕМЯ <i>Пример:</i> Мне в этом году уже в вуз, а я совсем не знаю, куда поступать. Мне очень страшно пойти не туда и просто зря потратить время и <i>деньги</i></p>	годы – 79, месяц – 67, время – 67, лет – 54, день – 45, момент – 28, неделя – 26, час – 23 и т. д.
<p>СТРАНА <i>Пример:</i> Свои <i>деньги</i> страна должна вкладывать в своих людей</p>	Россия – 83, страна – 56, бюджет (страны) – 41, народ – 93, развитие – 30, дороги – 28, проекты (национальные) – 28 и т. д.
<p>РАСХОДЫ <i>Пример:</i> ... Если захотите взять квартиру в ипотеку, то готовьте <i>деньги</i> на первоначальный взнос и еще, где-то 20–25 тысяч на прочие расходы для сделки</p>	дом – 59, семья – 51, квартира – 45, вещи – 33, ремонт – 25, долги – 30, газ – 24, магазин – 24, билет (путешествия и отдых) – 26 и т. д.
<p>ЭКОНОМИКА <i>Пример:</i> Российская экономика – это когда банкиры, берут кредиты по низким ставкам на Западе и прокручивают <i>деньги</i> в России под высокие проценты местному населению</p>	рубли – 72, карты – 65, счета – 49, налоги – 46, банки – 29, бизнес – 26 и т. д.
<p>ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ <i>Пример:</i> Ребенок должен быть гордостью. Жена – достоинством. Муж – опорой. Друзья – верными. <i>Деньги</i> – лишними. Здоровье – крепким. А жизнь – прекрасной!</p>	жизнь – 61, вопросы – 59, права – 33, слова – 27, смысл – 26, США – 29, проблемы – 26 и т. д.
<p>ВЛАСТЬ <i>Пример:</i> Ни <i>деньги</i>, ни власть, ни популярность сами по себе не портят человека</p>	чиновники – 31, послание (президента) – 31, власть – 137, выборы – 25 и т. д.
<p>ДОХОДЫ <i>Пример:</i> Считаю, что реальные доходы граждан выражаются в их возможности тратить <i>деньги</i> на отдых</p>	работа – 94, зарплаты – 30, выплаты – 24 и т. д.

1 Ключевое для анализа слово (деньги) для удобства восприятия выделено в предложениях курсивом.

опирается на использование конкретно теоретических (известных из других источников) подходов (grounded theory)¹. На данном этапе анализу подверглись сообщения, отражающие проблемы пользователей, связанные с *доходами* и *расходами*: доходы учтены, с акцентуацией на выявление их *источников*, а расходы – с группированием их на связанные с *потреблением* и *накоплением* (сбережения и инвестиции). Выделенные по приведенному принципу позиции кодировались в сообщениях соответствующим образом (доходы/расходы), после чего производился их последующий подсчет.

Как показано на рисунке 1а, сообщения о расходах превосходят позиции, связанные с обсуждением доходов, а сбережения и инвестиции редко становятся предметом обсуждений или размышлений пользователей. Следующим этапом посредством описанной выше технологии кодирования сообщений из текстов пользователей выделены источники доходов (рисунок 1б). Как оказалось, *структура доходов* пользователей наиболее часто отражает государственную сферу их получения (работа, зарплата, выплаты) или возможности криминального пути обогащения как одного из способов получать крупные доходы. Последняя позиция требует дополнительного изучения с целью выявления оснований для такого толкования этой ситуации.

Если говорить о психологических характеристиках денег, представленных в сообщениях пользователей, то наиболее часто они отмечают функцию *социального обмена* (общения, взаимопомощи и поддержки), осознают, что получение денег требует наличия определенного *интеллектуального запаса* знаний и компетенций, а также конкретных навыков и способности к определенной (трудовой, профессиональной или иной) деятельности (рисунок 1в). В своих сообщениях пользователи указывают и на *эмоциональные* состояния, вызванные наличием/отсутствием денег.

Если опираться на выявленную позицию о том, что пользователи рассматривают взаимодействие по поводу денежного обращения через призму взаимовыручки и социального обмена, то в качестве примера обратим внимание на намерение некоторых пользователей отказаться от такой необходимости (видимо, в силу «материальной непродуктивности» заявленной позиции). Вот одно из таких высказываний: «Не тратить свою жизнь на других и не расшвыривать

---

1 Основные особенности grounded theory в том, что теории разрабатываются, исходя из качественных данных, а не выбираются заранее и уточняются на эмпирическом материале.

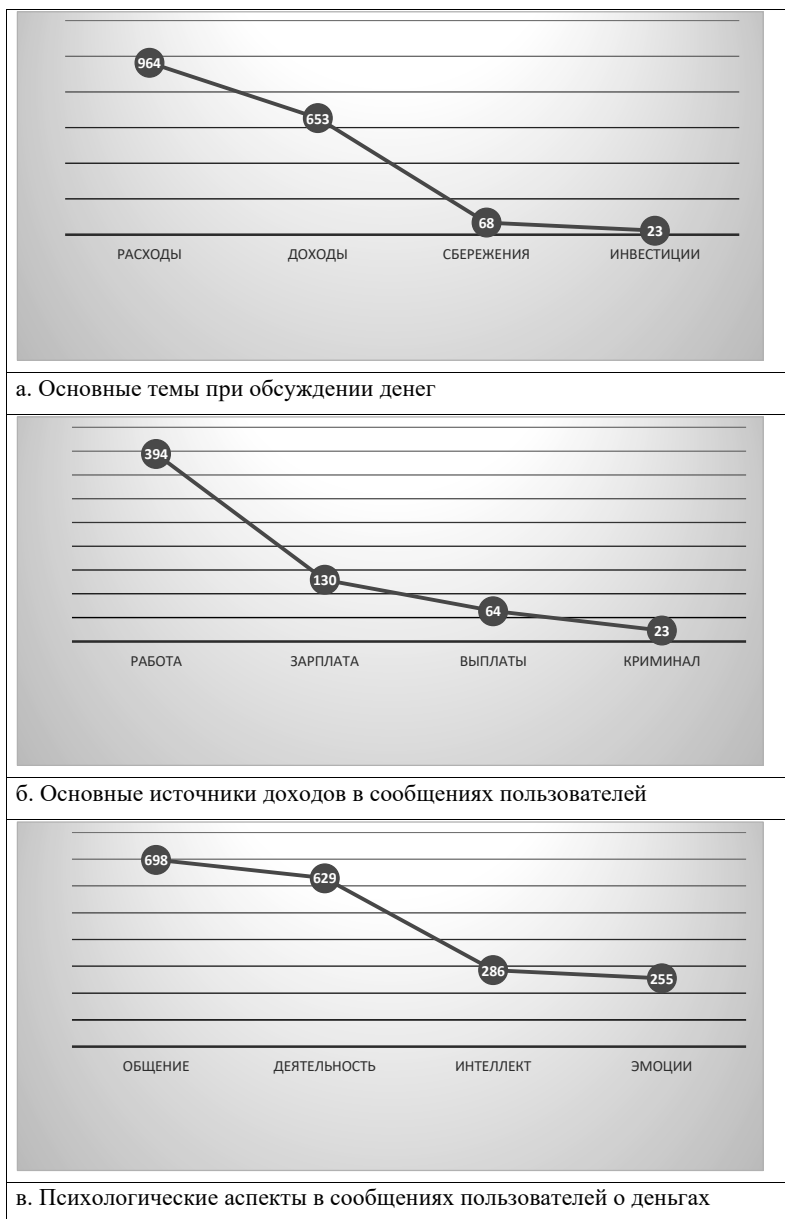

Рис. 1. Особенности отношения к деньгам пользователей социальной сети Twitter (количество сообщений)

деньги и ресурсы. Надо стать *эгоистом!*». Эта позиция, хотя и звучит как призыв к эгоистическому образу жизни, на самом деле больше указывает на присутствие у автора противоположных ценностей, отказ от которых требует *специальных усилий*. Таким образом, ориентацию на социальное взаимодействие можно рассматривать как *ведущий психологический фактор* отношения пользователей к деньгам.

Третий этап исследования связан с оценкой *эмоционального фона* сообщений. Как оказалось, такой фон отношения россиян к деньгам является однополярным и исключительно негативным: позитивных или даже нейтральных эмоциональных оценок в отношении денег в высказываниях пользователей не обнаружено. Ниже представлены сообщения – примеры отрицательного негативного фона, выраженность которого от предложения к предложению усиливается (таблица 2).

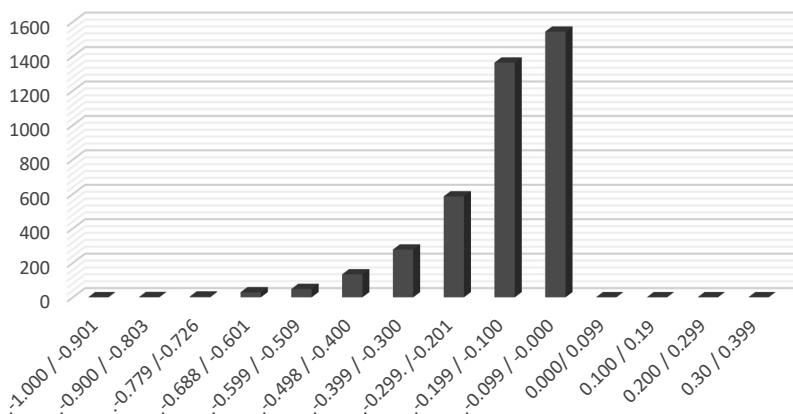
Для удобства восприятия характерные особенности выявленных диапазонов эмоционального фона сообщений поделены на 20 равномерных частей (рисунок 2). На рисунке показано, что наиболее выражены следующие модальности: негативная незначительная (1543 чел), негативная умеренная (1363), негативная выраженная (586), негативная резко выраженная (277), негативная сверхвыраженная (133), экспрессивная лексика (48), ненормативная лексика (29).

Если взять за основу позицию, представленную во многих исследованиях, посвященных отношению к деньгам, о том, что отношение к ним как экономико-психологический феномен «сопровождает

Таблица 2

Примеры сообщений со словом «деньги»
и негативным эмоциональным фоном

№ п/п	Эмоциональная тональность	Примеры сообщений (твитов)
1	Примеры сообщений с <i>отрицательным</i> эмоциональным фоном	<p>Это вполне обычная работа, за которую платят весьма обычные <i>деньги</i>.</p> <p>Боже, как же нужны <i>деньги</i> и какое же нулевое представление о том, как их заработать.</p> <p>Торги – это очень большие <i>деньги</i> и очень темная отрасль бизнеса.</p> <p>Сделать детские кружки и секции бесплатными, чтобы могли развиваться дети не только тех, у кого есть <i>деньги</i>.</p> <p>Почему у ребенка прочерк в графе «отец»? Да, чтобы пособия получать!... Не работают, налоги не платят, только используют детские <i>деньги</i></p>

Рис. 2. Распределение эмоционального фона сообщений пользователей, май–июнь 2021 г. (тысячи)

социальный обмен и способно выполнять компенсаторно-терапевтическую функцию» (Дейнека, 2000, с. 79), то общее психологическое состояние россиян в отношении денег можно определить как *неудовлетворительное*, характеризующее напряженное состояние общества в целом.

Четвертый этап исследования связан с частотным анализом слов в общем объеме выборки с его последующим соотнесением с результатами аналогичных данных среди японских пользователей. Для целостного восприятия был выделен список из 50 наиболее популярных слов, который представлен в качестве взвешенного списка (рисунок 3). Слова представлены единичными категориями (без связок), частота употребления каждого слова соотносится с размером шрифта: чем он больше, тем популярнее слово.

Как видно из рисунка 3а, в твитах российской выборки выступают три ведущих слова: «*люди–чиновники–дети*»; второй частотный уровень представлен такими словами, как «*работа–Россия–страна*»; на третьем – это «*годы–рубли–месяц*». Важно отметить, что в этом списке слов дублируются выявленные выше позиции: *деньги* наиболее чаще связывают с людьми, чиновниками и расходами на детей, получение *доходов* – с работой и общей ситуацией в стране, также проявляет себя взаимосвязь денег с *временем*, которая уже обсуждалась выше.

В японской выборке 50 ведущих слов распределяются несколько иначе (рисунок 3в). Ведущую позицию занимает такая тройка слов,

Рис. 3. Психологические особенности отношения к деньгам в России и Японии.

- а. Имена существительные (Россия)
- б. Глаголы (Россия)
- в. Имена существительные (Япония)
- г. Глаголы (Япония)

как «*время—день—месяц*», на втором уровне по частоте представлена связка «*предмет—направление—преимущества*», на третьем уровне «*все—вопрос—год*». Таким образом, среди японцев деньги ассоциируются в первую очередь с категорией «время», далее «предметом», «направлением» деятельности и их «преимуществами», третья позиция представлена связями с социальной детерминацией проблемы (все), с вопросами их функционирования, а также с такой категорией времени как «год». Здесь важно обратить внимание на частотность распределения календарных сроков: от меньшего промежутка времени

к большему — время как общая ценность и далее: день, месяц, год. Такое распределение объясняется оперативной ориентацией японцев по отношению к деньгам: от наиболее срочных дел к более отдаленным или же как минимум предполагает, что они больше предпочитают обсуждение текущих дел, нежели ожидаемых в перспективе.

Если говорить о глаголах, рассматривая их как конструктор активности по отношению к деньгам, то становится очевидным, что наиболее популярные слова в отношении к деньгам среди россиян — это «платить», «тратить» и «купить» (таблица 3б), в то время как у японцев акцентуация несколько иная: «быть», «делать», «закончить» (рисунки 3г). Российские пользователи употребляют слова, наличия которых в японской выборке не наблюдается (собирать, раздавать, украсть, доставать, занять, хватать и др.). А японцы используют слова, не присущие российской выборке (отвечать, взвешивать, надеяться, увеличивать, преумножать, снизить, следить, зависеть и т. д.). Встречаются в общем массиве слов и те, которые не вошли в первую полсотни наиболее часто употребляемых: скидываться, отмывать, пить, отобрать, проиграть, выпрашивать и т. д. Заметно присутствие одних и тех же слов в обеих выборках — зарабатывать, работать, вернуть и т. д. Еще одна категория слов — это те, которые употребляются пользователями обеих стран, но имеют разницу в частоте употребления. Так, слова, означающие разные виды активности в отношении денег, находятся в первой десятке слов в японской выборке (увеличить, снизить, преумножать, распространять, взвешивать и т. д.), у россиян они тоже присутствуют (придумывать, создавать, увеличивать, управлять и т. д.), но не входят даже в первую сотню слов.

Специфические различия обнаруживаются также в сообщениях японских пользователей, чьи интересы и мировоззрение не соответствуют реалиям российского менталитета. Приведем три высказывания японцев о разных проблемах, которые мало свойственны российским пользователям:

- «будет ли *окупаться* икра трески?» — россияне не обсуждают в своих сообщениях себестоимость продукции;
- «из-за пандемии многие люди *теряют* деньги!» — связь пандемии со снижением уровня жизни также не находит своего массового отражения в сообщениях россиян;
- «если он обманул другого ради своей выгоды, это не потому, что *человек* плохой, а потому, что *страна*, создавшая систему, в которой можно легко обмануть, плохая» — размышления о такой системе управления государством в сообщениях россиян не обнаруживаются.

Результаты эмпирического исследования позволили сформулировать следующие выводы.

1. Информационно-аналитический анализ психологического содержания текстов в Интернете, не поддающихся ручной обработке в силу их чрезмерного объема, все *активнее* привлекает внимание исследователей, ориентированных на использование программных продуктов для автоматизированного анализа и психологической интерпретации такой информации.
2. Характерные высказывания об отношении россиян к деньгам можно объединить в *восемь* основных категорий (люди, время, страна, расходы, экономика, философские рассуждения, власть и доходы). Данные суждения включают как индивидуально ориентированные (купить, заработать, тратить и т. д.), так и социально-ориентированные позиции (помочь, занять, скинуться и т. д.).
3. Основные экономические операции с деньгами в представлениях пользователей социальной сети Twitter сосредоточены на расходах и доходах, получаемых в рамках *наемной работы*, а предпринимательская активность практически не становится объектом их внимания. Накопительные или пролонгированные во времени экономические операции (сбережения и инвестиции) не являются значимой темой и не привлекают внимания пользователей в сколько-нибудь значительном объеме.
4. Структура доходов россиян в общем объеме текстов представлена такими позициями, как «работа», «зарплата» и «выплаты», что позволяет заключить, что наемная работа и социальные выплаты со стороны государства являются у россиян *ведущими* (наиболее распространенными) способами получения доходов. Данная позиция проявляет себя и при планировании будущих доходов. Так среди 50 наиболее популярных глаголов, обозначающих текущую и будущую активность россиян, мало оговариваются технологии и способы обогащения за пределами наемной работы (например: бизнес, домохозяйство, свободное творчество и т. д.). Эти результаты указывают на предпринимательскую инертность пользователей и распространенность *массовых* иждивенческих ожиданий со стороны государства.
5. Частотный анализ слов показал, что основные *расходы* россиян сосредоточены в рамках *жизнеобеспечения* семьи и решения текущих финансовых проблем, практически единственной свободной от бытовых расходов позицией выступает выделение из семейного бюджета некоторых сумм на *отдых*.

6. Сравнительный частотный анализ слов в российской и японской выборках пользователей сети Twitter подтвердил наличие ярко выраженных особенностей в отношении к деньгам прежде всего по структуре доходов, расходов и их планированию. Различия обнаруживаются и при обсуждении экономических процессов, связанных с деньгами. Эти результаты явно указывают на наличие *важных типологических* особенностей, которые могут быть обусловлены ментальными характеристиками народов, сложившимися в ходе длительного историко-культурного развития этих стран.
7. Массовые отличительные характеристики, выявленные при сравнении сообщений российских и японских пользователей, свидетельствуют о необходимости детального анализа экономико-психологической специфики отношения к деньгам представителей этих культур и выделения психологических факторов, обуславливающих такого рода различия, что можно рассматривать как *перспективную* задачу дальнейших исследований.

Заключение

Важно обратить внимание на наиболее популярные методы психологического анализа больших объемов текстов. В первой группе представлены «пользовательские словари», что позволяет исследователям самостоятельно задавать психологические характеристики искомым значениям (слов, словосочетаний или конкретных выражений). Во второй группе, сконцентрированы методы, которые можно условно определить как «извлечение признаков», при этом исследователи используют компьютерные алгоритмы, чтобы выявить психологические закономерности, которые имеются в анализируемых текстах. В третьей группе, определяемой как «сочетание слов», акцент делается на характерных особенностях одновременного употребления различных слов или словосочетаний. Анализ и систематизация информационно-психологических разработок и исследований, выполненных с их помощью, будут полезны для развития отечественной психологии и освоения инновационных научных технологий.

Исследования «цифровых следов» в психологии можно частично квалифицировать как «смену парадигм» эмпирического изучения социальных явлений. В этом отношении можно выделить ряд их преимуществ: удешевление условной единицы научной продукции; создание потенциала для повышения эффективности использования уже существующих информационно-цифровых активов;

создание условий для оперативного реагирования на вызовы глобализации и анализа рисков общественного развития через отслеживание массовых «критических точек» и «точек роста»; возможность создания междисциплинарных групп для комплексного анализа, моделирования и прогнозирования социально-психологических явлений; создания систем мониторинга социально-психологического климата в обществе/на производствах; дополнительно можно отметить возможность усиления конкурентоспособности российских психологов на международном уровне.

К преимуществам данного рода исследований также можно отнести возможность изучения массовых явлений, релевантных обществу в целом, таких как: жизнеспособность общества, особенности национальных менталитетов, массовые представления больших социальных групп, которые (исследования) теряют значимость при изучении единичных социальных явлений на уровне человека или группы, а также межличностного или межгруппового взаимодействия.

Вместе с преимуществами «цифровых» технологий исследования в психологии важно отметить и проблемы, связанные с ними. Так, увеличение объема информации и скорости ее нарастания требуют разработки инновационных систем анализа большого массива информации. Трудности заложены не столько в самом их объеме, сколько в несовершенстве соответствующего научно-аналитического инструментария. Ситуация усугубляется и тем, что усложняется сама структура данных и технологии их демонстрации, что еще более усиливает потребность в разработке и выборе эффективных программных систем и программного обеспечения. Проблему представляет и междисциплинарный характер исследований, что связано не только с усиливающейся потребностью в специалистах с междисциплинарной подготовкой, но и различием в понятийно-терминологическом аппарате, межкультурным разнообразием в их трактовке.

Возникают проблемные ситуации и частного характера. Так, автоматизированный анализ, произведенный на основе конкретных слов («деньги», «счастье», «дети», «власть» и т. д.), может усложняться наличием неучтенного множества синонимов. К примеру, смысл слова «деньги» может выражаться в рамках таких терминов, как «финансы», «сбережения», «капитал», или же в экспрессивном сленговом формате: «капуста», «косарь», «штука» и т. д. Они же могут транслироваться в рамках комплексных тем, например: экономика, уровень жизни, оплата труда, налоговые выплаты/вычеты и т. д.

Такого рода ограничения могут быть связаны и с работой в конкретных электронных базах данных (к примеру, с библиотекой

или конкретным архивом), которые не могут отражать всего массива наличной информации; с ограниченностью исследований на конкретном языке (к примеру, русском английском или китайском), что обедняет первичную информацию и т. д. Представленные ограничения сужают информационное поле анализа и, как следствие, его научный потенциал.

В будущем описанные теоретические позиции, методологические подходы и методы будут непрерывно совершенствоваться, что определяется способностью нейронных сетей адаптироваться и переобучаться. В этом направлении наиболее *перспективной* задачей представляется обнаружение закономерных связей между массовыми психологическими характеристиками населения и сложившимися особенностями социально-экономического состояния конкретного общества.

Литература

- Агадуллина Е. Р.* Пользователи социальных сетей: современные исследования // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 36–46. doi: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2015040305>
- Апреликова Н. Р., Китова Д. А.* Потребности пользователей Яндекс в знаниях по психологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 4. С. 618–633.
- Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy> (дата обращения: 11.04.20).
- Дейнека О. С.* Экономическая психология: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Социально-психологический анализ образа Петра I (По материалам научной электронной библиотеки) // Психологический журнал. 2020а. Т. 41. № 6. С. 57–68. doi: 10.31857/S020595920012589-3
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Социально-психологические ресурсы развития общества в условиях цифровых технологий // Социологическая наука и социальная практика. 2020б. Т. 8. № 2. С. 24–40.
- Китова Д. А., Журавлев А. Л.* Основные технологии социально-психологических исследований в интернете // Социальная психология: вопросы теории и практики. М.: ФГБОУ ВО «МГППУ», 2020. С. 224–226.
- Китова Д. А., Китов А. А.* Экономический менталитет как проблема психологического анализа: от теоретических положений к эм-

- пирическим исследованиям // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 4 (20). С. 67–95.
- Пелипенко А. А.* Интернет как феномен эволюции культуры // Власть. 2015. № 1. С. 163–169.
- Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Bakshy E., Hofman J., Mason W. A., Watts D.* Everyone’s an influencer: quantifying influence on Twitter // WSDM ’11: Proceedings of the fourth ACM international conference on Web search and data mining. 2011. P. 65–74. doi: 10.1145/1935826.1935845
- Behr H., Ho A. S., Mitchell E. S., Yang Q., DeLuca L., Michealides A.* How do emotions during goal pursuit in weight change over time? Retrospective computational text analysis of goal setting and striving conversations with a coach during a mobile weight loss program // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. V. 18. № 12. 6600. doi: 10.3390/ijerph18126600
- Beinart P.* The rise of the violent left: Antifa’s activists say they’re battling burgeoning authoritarianism on the American right. Are they fueling it instead? // The Atlantic’s Politics and Policy. 2017. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2017/09/the-rise-of-the-violent-left/534192> (дата обращения: 24.07.2021).
- Bittermann A.* Development of a user-friendly P for exploring and analyzing research topics in psychology // Proceedings of the 17th Conference of the International Society for Scientometrics and Informetrics / G. Catalano, C. Daraio, M. Gregori, H. F. Moed, G. Ruocco (Eds). Rome: Edizioni Efesto. 2019. P. 2634–2635. doi: 10.23668/psycharchives.2521
- Bittermann A., Fischer A.* How to identify hot topics in psychology using topic modeling // Journ. Zeitschrift für Psychologie. 2018. № 226. P. 3–13. doi: 10.1027/2151-2604/a000318
- Bittermann A., Batzdorfer V., Müller S., Steinmetz H.* Mining Twitter to Detect Hotspots in Psychology // Journ. Zeitschrift für Psychologie. 2021. № 229. P. 3–14. doi: 10.1027/2151-2604/a000437
- Bošnjak M., Wedderhoff N., Steinmetz H.* Hotspots in Psychology – 2021 edition // Journ. Zeitschrift für Psychologie. 2021. № 229. P. 1–2. doi: 10.1027/2151-2604/a000438
- Caputo A., Giacchetta A., Langher V.* AIDS as social construction: text mining of AIDS-related information in the Italian press // Journ. AIDS Care. 2016. V. 28. № 9. P. 1171–1176. doi: 10.1080/09540121.2016.1153591

- Chang H. M., Huang E. W., Hou I. C., Liu H. Y., Li F. S., Chiou S. F.* Using a text mining approach to explore the recording quality of a nursing record system // *The Journal of Nursing Research*. 2019. V. 27. № 3. P. 1–8. doi: 10.1097/jnr.0000000000000295
- Cretchley J., Rooney D., Gallois C.* Mapping a 40-Year History With Leximancer: Themes and Concepts in the Journal of Cross-Cultural Psychology // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2010. V. 41. № 3. P. 318–328. doi: 10.1177/0022022110366105
- Dal Mas F.* The Relationship between intellectual capital and sustainability // *Analysis of Practitioner’s Thought, Intellectual Capital Management as a Driver of Sustainability* / F. Matos, V. Vairinhos, P. M. Selig, L. Edvinsson (Eds). Springer, 2019. P. 11–24. doi: 10.1007/978-3-319-79051-0_2
- de Oliveira Júnior G. A., de Oliveira Albuquerque R., Borges de Andrade C. A., de Sousa R. T. Jr, Sandoval Orozco A. L., García Villalba L. J.* Anonymous Real-Time Analytics Monitoring Solution for Decision Making Supported by Sentiment Analysis // *Journ. Sensors*. 2020. V. 20. № 4557. P. 1–29. doi: 10.3390/s20164557
- Dubey A. D.* Twitter Sentiment Analysis during COVID – 19 Outbreak // *Social Science Research Network (SSRN)*. 2020. doi: 10.2139/ssrn.3572023
- Dwyer D. B., Falkai P., Koutsouleris N.* Machine Learning Approaches for Clinical Psychology and Psychiatry // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2018. V. 14. № 1. P. 91–118. doi: 10.1146/annurev-clinpsy-032816-045037
- Farooqui N., Ritika M., Saini A.* Sentiment Analysis of Twitter Accounts using Natural Language Processing // *International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT)*. 2019. V. 8. № 3. P. 473–479.
- Foti K., Xanthopoulou D., Papagiannidis S., Kafetsios K.* The Role of Tweet – Related Emotion on the Exhaustion – Recovery from Work Relationship // *Digital Transformation for a Sustainable Society in the 21st Century I3E 2019. Lecture Notes in Computer Science* / I. O. Pa Pas, P. Mikalef, Y. K. Dwivedi, L. Jaccheri, J. Krogstie, M. Mäntymäki (Eds). Springer, 2019. V. 11701. doi: 10.1007/978-3-030-29374-1_31
- Funk J., Brouwer J., Curtiss K., McBroom E.* Parents of preschoolers: Expert media recommendations and ratings knowledge, media-effects beliefs and monitoring practices // *Pediatrics*. 2009. V. 123. № 3. P. 981–988. doi: 10.1542/peds.2008-1543
- Guerreiro J., Rita P., Trigueiros D.* A text mining-based review of cause-related marketing literature // *J. Business Ethics*. 2016. № 139. P. 111–128. doi: 10.1007/s10551-015-2622-4
- Halde R. R., Deshpande A., Mahajan A.* Psychology assisted prediction of academic performance using machine learning // *IEEE International*

- Conference on Recent Trends in Electronics, Information & Communication Technology (RTEICT). 2016. P. 431–435. doi: 10.1109/RTEICT.2016.7807857
- Heidbreder L. M., Lange M., Reese G.* #PlasticFreeJuly – analyzing a worldwide campaign to reduce single-use plastic consumption with Twitter // Environmental Communication. 2021. P. 1–17. doi: 10.1080/17524032.2021.1920447
- Hu Q.* Twitter data in public administration: a review of recent scholarship // International Journal of Organization Theory & Behavior. 2019. V. 22. № 2. P. 209–222. doi: 10.1108/IJOTB-07-2018-0085
- João G., Paulo R., Duarte T.* A Text Mining-Based Review of Cause-Related Marketing Literature // Journal of Business Ethics. 2016. V. 139. P. 111–128.
- Kim K., Park O. J., Yun S., Yun H.* What makes tourists feel negatively about tourism destinations? A Plication of hybrid text mining methodology to smart destination management // Journ. Technological Forecasting and Social Change. 2017. V. 123. № C. P. 362–369. doi: 10.1016/j.techfore.2017.01.001
- Knobloch-Westerwick S., Johnson B. K., Silver N. A., Westerwick A.* Science Exemplars in the Eye of the Beholder: How Exposure to Online Science Information Affects Attitudes // Journ. Science Communication. 2015. V. 37. № 5. P. 575–601. doi:10.1177/1075547015596367
- Krotzek L. J.* Inside the Voter’s Mind: The Effect of Psychometric Microtargeting on Feelings Toward and Propensity to Vote for a Candidate // International Journal of Communication. 2019. V. 13. P. 3609–3629.
- Lima A. C. E. S., de Castro L. N.* Predicting temperament from Twitter data // 2016 5th IIAI International Congress on Advanced Applied Informatics (IIAI-AAI). 2016. P. 599–604. doi: 10.1109/IIAI-AAI.2016.239
- Marechal C., Mikołajewski D., Tyburek K., Prokopowicz P., Bougueroua L., Ancourt C., Węgrzyn-Wolska K.* Survey on AI-Based Multimodal Methods for Emotion Detection // High-Performance Modelling and Simulation for Big Data Applications. Lecture Notes in Computer Science / J. Kołodziej, H. González-Vélez (Eds). Cham: Springer, 2019. V. 11400. P. 307–324. doi: 10.1007/978-3-030-16272-6_11
- Matz S. C., Kosinski M., Nave G., Stillwell D. J.* Psychological targeting as an effective a Proach to digital mass persuasion // Proceedings of the National Academy of Sciences, U. S. A. 2017. V. 114. № 48. P. 12714–12719. doi: 10.1073/pnas.1710966114
- Meho L. I., Yang K.* Impact of data sources on citation counts and rankings of LIS faculty: Web of science vs Scopus and Google scholar // Jour-

- nal of the American Society for Information Science and Technology. 2007. V. 58. P. 2105–2125. doi: 10.1002/asi.20677
- Nelhans G., Lorentzen D. G.* Twitter conversation patterns related to research papers // Information Research. 2016. V. 21. № 2. URL: <http://informationr.net/ir/21-2/SM2.html> (дата обращения: 27.06.21).
- Rajput N. K., Grover B. A., Rathi V. K.* Word frequency and sentiment analysis of Twitter messages during coronavirus pandemic. 2020. URL: https://arxiv.org/abs/2004.03925v1?utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=Feed%253A+CoronavirusArXiv+%2528Coronavirus+Research+at+ArXiv%2529 (дата обращения: 29.06.21).
- Robila M., Robila S. A.* Applications of Artificial Intelligence Methodologies to Behavioral and Social Sciences // Journal of Child and Family Studies. 2019. № 29. P. 2954–2966. doi: 10.1007/s10826-019-01689-x
- Smith A., Humphreys M.* Evaluation of unsupervised semantic mapping of natural language with Leximancer concept mapping // Behavior Research Methods. 2006. № 38. P. 262–279. doi: 10.3758/BF03192778
- Stone J. A., Can S. H.* Linguistic analysis of municipal Twitter feeds: Factors influencing frequency and engagement // Journal of Government Information Quarterly. 2020. V. 37. № 4. P. 101468. doi: 10.1016/j.giq.2020.101468
- Sun B., Mao H., Yin C.* Male and Female Users' Differences in Online Technology Community Based on Text Mining // Frontiers in Psychology. 2020. V. 11. P. 806. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00806
- Teso E., Olmedilla M., Martínez-Torres M. R., Toral S. L.* Application of text mining techniques to the analysis of discourse in eWOM communications from a gender perspective // Technological Forecasting and Social Change. 2018. V. 129. № C. P. 131–142. doi: 10.1016/j.techfore.2017.12.018
- Thelwall M., Wilkinson D., U Pal S.* Data mining emotion in social network communication: gender differences in MySpace // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2010. № 61. P. 190–199. doi: 10.1002/asi.21180
- Tripathy A., Agrawal A., Rath S. K.* Classification of sentiment reviews using n-gram machine learning approach // Expert Systems with Applications. 2016. № 57. P. 117–126. doi: 10.1016/j.eswa.2016.03.028
- Vainio J., Holmberg K.* Highly tweeted science articles: who tweets them? An analysis of Twitter user profile descriptions // Scientometrics. 2017. V. 112. P. 345–366.
- Vassilakis C., Maniataki D., Lepouras G., Antoniou A., Spiliotopoulos D., Pouloupoulos V., Wallace M., Margaritis D.* Database Knowledge Enrichment Utilizing Trending Topics from Twitter // Proc. IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM), 2020. P. 870–876. doi: 10.1109/ASONAM49781.2020.9381421

- Wang W., Hernandez I., Newman D. A., He J. Bian J.* Twitter analysis: studying US weekly trends in work stress and emotion // *Applied Psychology*. 2016. V. 65. № 2. P. 355–378. doi: 10.1111/aPs.12065
- Wu J., Ma J., Wang Y., Wang J.* Understanding and predicting the burst of burnout via social media // *Proceedings of the ACM on Human–Computer Interaction*. 2020. V. 4. № CSCW3. Article № 265. P. 1–27. doi: 10.1145/3434174
- Xu H., Zhang N., Zhou L.* Validity Concerns in Research Using Organic Data // *Journal of Management*. 2020. V. 46. № 7. P. 1257–1274. doi: 10.1177/0149206319862027
- Yan Y., Davison R. M., Mo C.* Employee creativity formation: The roles of knowledge seeking, knowledge contributing and flow experience in Web 2.0 virtual communities // *Computers in Human Behavior*. 2013. V. 29. № 5. P. 1923–1932. doi: 10.1016/j.chb.2013.03.007
- Yulita Y., Idris M. A., Dollard M. F.* Effect of psychosocial safety climate on psychological distress via job resources, work engagement and workaholism: A multilevel longitudinal study // *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*. 2020. doi: 10.1080/10803548.2020.1822054
- Zhao D., Rosson M.* How and why people Twitter: the role that micro – blogging plays in informal communication at work // *GROUP '09: Proceedings of the ACM 2009 international conference on Supporting group work*. 2009. P. 243–252. doi: 10.1145/1531674.1531710
- Zheng H., Komatsu S., Aoki K., Kato C.* Analysis of the Impressions before and after A Preciation of Japanese, Chinese and Korean Traditional Dance Based on Text Mining // *Psychology*. 2020. V. 11. P. 845–864. doi: 10.4236/psych.2020.116055
- Zhou Y., Na J.* A comparative analysis of Twitter users who Tweeted on psychology and political science journal articles // *Online Information Review*. 2019. V. 43. № 7. P. 1188–1208. doi: 10.1108/OIR-03-2019-0097

Этапы прикладного психологического исследования¹

А. А. Грачев

doi: 10.38098/

Современная психология достигла такого уровня развития, когда механическое приложение достижений фундаментальной психологии к решению разных проблем человека с рекомендациями, адресованными руководителю, который распоряжается ими по своему усмотрению, не устраивают как руководителей, так и психологов (Взаимоотношения..., 2015; Журавлев, Ушаков, 2011; Ушаков, Журавлев, 2018; и др.). В первую очередь это проявилось в развитии прикладных направлений психологии – психологии труда, инженерной и организационной психологии, педагогической психологии, психологии семьи, общения, здоровья (Грачев, 2013; Психологические проблемы семьи..., 2012; Психология труда, организации..., 2021; и др.). Потребность в разработке научного аппарата, отличного от основ фундаментальной психологии, и недостаточность языка рекомендаций в значительной степени проявилась и в развитии двух организационных форм реализации достижений психологии: а) психологического консультирования, которое в настоящее время довольно успешно развивается как самостоятельная отрасль психологии, и б) психологической службы образовательной и производственной организации, в деятельности которой интегрированы достижения разных отраслей психологии, направленные на психологическую поддержку человека в организации (см.: Методы психологического обеспечения..., 2014; Психология, управление, бизнес..., 2016; Психология человека и общества..., 2014; Социально-психологические методы..., 1990; Субъект труда и организационная среда..., 2019; и др.).

В этой связи возникла необходимость в обосновании самостоятельной основы прикладной психологической науки, отличной от фундаментальной и сходной по своей форме с инженерией, которая сформировалась в естественно-научной области и в настоящее

---

1 Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2022-0010.

время представляет собой отрасль знаний, дифференцированную как по горизонтали, так и по вертикали. Так, инженерия, с точки зрения В. С. Степина, В. Г. Горохова и М. А. Розова, основана на некоторой технической теории, выступающей метаосновой для решения определенного класса задач (Степин, Горохов, Розов, 1999). Таковую же основу должна иметь и прикладная психология (Грачев, 2013). В этом случае прикладная психология позволит осуществить переход от фундаментальной науки к психологической практике и таким образом может выступить недостающим промежуточным звеном, опосредующим фундаментальную и практическую психологию. При этом основным методологическим подходом, определяющим построение прикладного исследования, будет *системный подход*, показавший свою эффективность в разных отраслях науки и имеющий свою специфику в прикладной психологии (см., например: Психология человека в современном..., 2009; Современное состояние и перспективы..., 2021; Фундаментальные и прикладные исследования..., 2017; и др.).

Существует общая основа для специалистов в разных прикладных социальных и гуманитарных науках — *проектирование*, направленное на преобразование действительности — *социальное* (проектирование социальных систем), *социотехническое* (проектирование систем, включающих в себя социальную и техническую подсистемы) и *гуманитарное* (проектирование систем, включающих в себя человека). Соответственно этому и психология начинает использовать понятие *психологического проектирования*, которое отличается от социального и гуманитарного проектирования тем, что в его основе лежит проектирование по критериям жизненных интересов, использующее междисциплинарное (но преимущественно психологическое) знание (Грачев, 2019). В соответствии с этим конечным результатом прикладного психологического исследования в его законченном виде будет выступать *типовой проект* преобразования человека, среды и ситуации жизнедеятельности, соответствующий жизненным интересам человека.

При этом важно заметить, что в качестве основного критерия эффективности фундаментального исследования выступает *критерий истины*, а прикладного — *критерии эффективности*, связанные с решением *практической задачи*. С учетом этого можно определить общие требования к прикладному исследованию (Грачев, 2013). Эти требования основаны на том, что прикладное исследование в конечном счете должно обеспечивать эффективное воздействие на объект, поэтому в основе этих требований лежит общая схема управления, принятая в ряде наук (оценка реального состояния объекта, опреде-

ление эталонного состояния объекта, разработка программы устранения рассогласования между реальным и идеальным, реализация программы, оценка результатов).

Перечислим требования к прикладному психологическому исследованию:

- в качестве основы прикладного психологического исследования целесообразно использовать системный подход;
- система теоретических понятий, обеспечивающих прикладное исследование, должна: а) давать представление как об эталонном, так и о реальном состоянии объекта; б) быть реализуема в совокупности эмпирических показателей и методов, лежащих в основе диагностики состояния объекта (первичной, оперативной и итоговой);
- результаты диагностики состояния объекта должны быть реализуемы в программе, направленной на преобразование объекта;
- прикладное исследование должно предусматривать специальные условия и методы, обеспечивающие реализацию программы преобразования объекта;
- конечный результат законченного прикладного исследования — *типовой проект* преобразования человека, среды и ситуации жизнедеятельности, соответствующий жизненным интересам человека.

В соответствии с этим можно выделить *три основных этапа* прикладного психологического исследования:

1. Построение модели объекта исследования, позволяющей произвести диагностику состояния объекта, в полном виде включающую три модели а) реального состояния объекта; б) идеального (эталонного) состояния; в) прогноз состояния объекта.
2. Построение программы преобразования объекта.
3. Реализация программы преобразования объекта.

Каждому из этих этапов соответствуют три группы методов — аналитических, проектировочных и обеспечивающих (Грачев, 2008, 2013).

Научную ценность результаты, полученные на каждом этапе, будут иметь в том случае, если будет обоснован их типовой характер — воспроизводимость и целесообразность применения в соответствующих областях науки и практики.

В современном прикладном психологическом исследовании обязательным и основным выступает первый этап исследования —

построение такой модели объекта, которая позволяет осуществить его преобразование. И этот этап выражен во всех современных прикладных исследованиях. Два последующих этапа, как правило, выражены в меньшей степени и чаще всего в форме рекомендаций. Это обусловлено меньшей развитостью прикладной науки, обеспечивающей проектирование и внедрение. Но есть и другая причина — *учет активности человека*, включенного в принятие решений по поводу преобразования жизни — самого человека, пришедшего с запросом по решению своих проблем, руководителя, проявляющего заботу о подчиненных, учителя, работающего с учениками, и т. д. Однако и такая активность тоже нуждается в научном обеспечении на всех трех этапах прикладного исследования. К примеру, а) на первом этапе активность человека-объекта исследования может быть связана с определением типовых проблем этого человека, с чем может сочетаться и исследование-разработка типовых процедур определения проблем; б) на втором этапе — определение типовых процедур решения этих проблем; в) на третьем — определение типовых процедур участия человека-клиента в разрешении проблем.

Построение модели объекта исследования

Как было сказано выше, основным этапом прикладного психологического исследования выступает первый этап, связанный с построением модели объекта исследования, ориентированной на его преобразование.

Имея в виду общие требования к прикладному исследованию, объект исследования должен иметь типовой характер. Наиболее общий характер имеет объект самой прикладной психологии — человек в среде и ситуациях его жизнедеятельности. В этой связи объектом конкретного исследования становится человек, классифицируемый по определенному признаку (признакам) в определенной среде (средах) и ситуациях его жизнедеятельности.

В соответствии с этим предметом исследования может быть изучение связей, зависимостей характеристик объекта (компонентов объекта) с характеристиками среды или ситуации, позволяющее осуществить психологическое проектирование. При этом определение будущего объекта исследования возможно двумя способами: а) «сверху вниз» (определение «белых пятен» в понятийном поле прикладной психологии); б) «снизу вверх» — по феномену. Этот способ часто используется в современной прикладной психологии и в значительной степени определяет ее проблемное поле. (Синтез же по-

нятийного и проблемного полей в значительной степени определяет на практике предметное поле прикладной психологии.)

Конкретизация объектов исследований связана с конкретизацией моделей человека, среды и ситуации в зависимости от цели исследования. Следует заметить, что эта модель должна иметь возможность отбирать, структурировать и обобщать информацию на некотором метаязыке. При этом принципиальное значение имеет определение модели человека, лежащей в основе исследования.

Системный подход позволяет определить совокупность требований к модели человека в прикладном психологическом исследовании. Итак, модель должна включать в себя следующие характеристики:

- 1) структура – элементы, подсистемы и их взаимосвязи;
- 2) системообразующие факторы;
- 3) среда жизнедеятельности (сфера жизненных интересов);
- 4) типичные ситуации жизнедеятельности;
- 5) культура (совокупность ценностей и норм, определяющих функционирование человека) и ее оставляющая – философия (совокупность эталонных ценностей, принципов и целей);
- 6) терминальные образы: себя, Другого, среды жизнедеятельности и типичных ситуаций жизнедеятельности;
- 7) эффективность жизнедеятельности человека по содержательным показателям.

Прикладная психологическая модель человека

Эта модель служит основанием для проектирования «прямого» воздействия на человека. Здесь существенно обратить внимание на то, что это воздействие на человека осуществляется не в манипулятивных целях, а в интересах самого человека, поэтому критерии эффективности такого воздействия формулируются как показатели этих интересов. К примеру, если взять три основных категории человека, используемые в психологии, то а) *индивид*, часто определяемый как биологическое существо, часть природы (и при этом венец ее творения), будет иметь в качестве критериев эффективности управляющего воздействия показатели здоровья и физического совершенства; б) личность, понимаемая как социальное существо, как один из многих, как тот, кто составляет сообщество, в качестве критериев может иметь социальную адаптивность (соответствие требованиям общества) и социальную активность (способность использовать общество в своих интересах, в том числе преобразовывать его); в) индивидуальность (уникальное существо, неповторимое

и не похожее ни на кого, творящее самого себя) в качестве критерия эффективности воздействия может иметь уровень самоактуализации (в широком смысле слова – уровень реализации своих актуальных и потенциальных возможностей).

К настоящему времени разработано большое количество психологических концепций человека (чаще всего их называют теориями личности), основная часть которых имеет прикладное значение. Рассмотрение этих моделей в нашем случае не выступает целью. Следует лишь обратить внимание на то, что можно определить приложения каждой концепции, как это часто и делалось. В связи с этим появлялись рекомендации по развитию мышления, памяти, внимания, воли и т. п.

Главное, что должно составлять основу использования каждой модели: в любом случае необходимо решение вопроса о системообразующих факторах, определяющих критерии эффективности управляющего воздействия. Примером варианта решения может служить модель жизненных ориентаций человека.

Прикладная модель системообразующих факторов – жизненных ориентаций человека

Из всего набора системных характеристик принципиальное значение имеют системообразующие факторы, определяющие общую направленность человеческой жизни. Проблему их определения видели ученые, разрабатывающие концепции личности. Так, З. Фрейд считал основной детерминантой человеческой жизни стремление к удовольствию, Э. Фромм – к самореализации, а В. Франкл – поиск смысла собственной жизни в системе духовных координат. Три эти детерминанты имеют общесистемный характер и основаны на стремлении сложноорганизованных систем (человек, группа, организация и др.) к а) адаптации, б) самореализации и в) развитию. Эти детерминанты у человека представлены в трех основных жизненных ориентациях (дефицитарной, ориентации на самореализацию и духовной) и в идеале находятся в гармонии (выражены и реализованы) (Грачев, 2008).

Поскольку эти детерминанты представлены в каждый момент жизнедеятельности, они и представляют основные критерии эффективности жизнедеятельности, т. е. жизнь человека сложилась, если он получает максимально возможное удовольствие, в полной мере реализован и достаточно развит.

Возможные показатели реализации жизненных ориентаций разнообразны.

Дефицитарная ориентация

(в основном используется концепция Маслоу)

1. Ориентация на удовлетворение физиологических потребностей. Для прикладного психолога может быть значима общая информация об уровне удовлетворения физиологических потребностей и психофизиологическом состоянии человека: здоровье, общее самочувствие, голод, жажда, секс, физическое совершенство. Такая информация полезна для определения фона, на котором проходит работа психолога, но основные проблемы этой области находятся в ведении других специалистов.
2. Ориентация на безопасность. В этой области имеет смысл проведение анализа уровня тревожности человека с помощью существующих методик, определение объектов, ситуаций и причин, вызывающих у человека страх (беседа, экспертная оценка).
3. Ориентация на принятие. Показателями этой ориентации могут служить показатели, представленные в коммуникативных методиках (этим показатели несложно вычленивать из общей совокупности), оценка психологом и/или экспертами частоты и содержания контактов человека.
4. Ориентация на признание. В связи с этим можно проводить анализ: а) значимых показателей, составляющих самооценку человека, уровня его самооценки; б) референтных лиц (есть ли вообще, кто, в каких ситуациях значим: референтометрия).
5. Ориентация на влияние (этой ориентации в модели Маслоу нет, но она представлена в других концепциях, к примеру, Макклелланда и Шутца). Важно заметить, что эта ориентация имеет два проявления — стремление оказывать влияние и стремление принимать влияние. Эта ориентация предполагает анализ ориентации человека на доминирование—подчинение, определение его организаторских способностей и способностей подчиняться.

Базовым переживанием для всех дефицитарных ориентаций можно считать *удовольствие*, которое лежит в основе *состояния комфорта* (З. Фрейд).

Ориентация на самореализацию

При анализе этой ориентации важно обратить внимание на такой существенный показатель, как «ощущение потока» (М. Чиксентмихайи), свидетельствующее о полной реализации потенциала человека.

1. Ориентация на реализацию *когнитивного* потенциала человека. Можно провести анализ: а) областей познавательных интересов и способностей человека; б) частоты «ощущения потока» в когнитивной сфере; в) уровня притязаний человека и внешних требований в основных когнитивных ситуациях (одно из условий появления «ощущения потока»).
2. Ориентация на реализацию *коммуникативного* потенциала человека. В этой связи важен анализ а) коммуникативных способностей; б) частоты «ощущения потока» в коммуникативной сфере; в) определение барьеров в общении.
3. Ориентация на реализацию *праксического* потенциала человека. Анализ: а) видов деятельности, значимых для человека; б) уровня притязаний человека в каждом из значимых видов деятельности; в) частоты «ощущения потока» в значимых видах деятельности.

Базовое переживание для ориентации на самореализацию — *радость* (Э. Фромм), составляющее основу «ощущения потока».

Духовная ориентация

Основными показателями этой ориентации у человека могут служить:

- выраженность и действенность духовных ценностей;
- сформированность представления о смысле жизни;
- полнота и гармоничность картины мира;
- стремление к самосовершенствованию.

В определенной степени эти показатели представлены в самоактуализационных методиках. Однако эффективным в этом случае будет и экспертный метод.

В качестве базового переживания реализации духовной ориентации логично определить *блаженство* в широком (не только религиозном) значении этого слова, лежащее в основе *высших состояний*.

Три жизненные ориентации определяют требования к среде и ситуациям жизнедеятельности: как среда, так и ситуации должны быть *комфортными, реализующими и развивающими*.

Прикладная модель ситуаций жизнедеятельности человека

Понятие ситуации жизнедеятельности актуально в связи с развитием ситуационного подхода в психологии, который в настоящее время имеет большое прикладное значение.

Прикладной смысл понятия ситуации жизнедеятельности можно установить в соотношении активности, проявляемой человеком, с его жизненными ориентациями и определяемой в этом случае как *жизнедеятельность* (Грачев, 2019). Эта жизнедеятельность не является непрерывной, а представляет собой совокупность определенных циклов, каждый из которых имеет свое *начало и конец*. Эти циклы могут накладываться друг на друга, подавлять и, наоборот, содействовать друг другу, иметь иерархическое строение (Грачев, 2008). Этот цикл можно понимать как *ситуацию жизнедеятельности* – цикл активности, соотносенный человеком с его жизненными ориентациями.

В настоящее время в разных исследованиях обоснованы общие характеристики ситуации жизнедеятельности, имеющие прикладной смысл:

- потенциал человека, характеризующий его возможности в достижении результатов, актуальных для данной ситуации;
- уровень притязаний и самооценка в соотношении с потенциалом (завышенный, заниженный и объективный уровень притязаний и самооценка);
- внешние требования к жизнедеятельности человека в данной ситуации, исходящие от некоторого активного субъекта (руководителя, учителя, родителей, референтной группы или личности).

В соответствии с моделью жизненных ориентаций можно выделить три вида ситуаций жизнедеятельности – *дефицитарные* (ситуации удовлетворения физиологических потребностей, безопасности, принятия, признания, влияния), *самореализации* и *самосовершенствования*. Каждый из этих видов имеет свою специфику, обусловленную содержанием соответствующей жизненной ориентации. (Требования к каждой из них, будучи конкретизированы, могут служить основанием для проектирования и в этой связи будут рассмотрены ниже.)

Прикладная модель среды жизнедеятельности человека

Рассматривая человека в среде его жизнедеятельности, имеет смысл использовать две модели: а) компонентов среды; б) сфер жизнедеятельности.

С учетом исследований в области социальной психологии, социологии, психологии труда, педагогической психологии (см., например: Психология совместной жизнедеятельности..., 2001; Служба социального развития..., 1989; Субъект труда..., 2019; и др.) можно выделить следующие организационно представленные *компоненты*

среды жизнедеятельности, обеспечивающие основную деятельность и имеющие жизненное значение для человека (Грачев, 2013):

- содержание основной деятельности;
- социальная значимость результатов основной деятельности;
- условия основной деятельности;
- оплата за выполнение основной деятельности;
- контроль и оценка результатов;
- статусное продвижение;
- взаимодействие в процессе деятельности.

Сферы жизнедеятельности человека были использованы в качестве оснований для выделения отраслей прикладной психологии и включили в себя: работу, семью, физкультуру, учебу и самообразование, увлечения и досуг, социальную активность, организацию материальных условий жизни, организацию здорового образа жизни, общение с товарищами и друзьями.

Наконец, на первом этапе прикладного исследования определяется *форма конечного результата* исследования — *технология* или *сценарий*. Чаще в прикладном исследовании используется технологическая форма конечного результата, но на практике (а значит, в перспективе в прикладном исследовании) все чаще можно видеть и сценарную форму (сценарий определенного тренинга, сценарий разрешения определенной конфликтной ситуации и т. д.). Общим для технологического и сценарного подходов является то, что совокупность жизненных задач представляет собой систему: эти задачи а) типизируются; б) иерархизируются. При этом очевидно то, что человек в своей жизни использует как технологии, так и сценарии; частота использования зависит от типа личности.

В связи с характеристикой этапов прикладного психологического исследования эти формы требуют отдельного рассмотрения.

Две формы описания результата прикладного психологического исследования

Технологическая форма

Технологическую форму описания можно считать традиционной для естественных (как фундаментальных, так и прикладных) наук, в первую очередь технических. Однако этот подход в наше время используется и в других сферах: в педагогике (педагогические техно-

логии), социологии (социальные технологии) и психологии (психотехнологии).

Основная особенность технологического подхода состоит в том, что он эффективен для решения задач, предполагающих большую степень формализации. Кстати, для психологии, в которой технологический подход представлен, в первую очередь, в когнитивной психологии и психологии принятия решений (психологические модели решения задач и принятия решений), в инженерной психологии и психологии труда актуальна и другая сторона: любую жизненную задачу можно представить в виде предельно формализованной. Такое упрощение задачи зависит от личностных особенностей субъекта, от особенностей ситуации и от культуры (в некоторых моделях культуры используется параметр принятия-непринятия неопределенности). А человека, преимущественно использующего для решения жизненных задач технологии, можно отнести к *рациональному типу* личности.

В общем виде технология представляет собой решение задачи на основе преобразования реального в идеальное с использованием алгоритма (предписанного порядка действий) и включает:

- характеристику эталонного и реального состояния объекта, а также методы, позволяющие получить соответствующую информацию;
- программу, направленную на преобразование реального состояния объекта, а также методы преобразования;
- методы реализации программы преобразования;
- методы оценки промежуточных и конечных результатов.

В этой связи для прикладной психологии актуальна задача разработки технологий решения основных жизненных задач, включая обоснование набора этих задач, разработку форм и методов обучения человека решению основных жизненных задач.

В качестве *примера* можно привести разработки двух связанных друг с другом технологий: а) технологии определения поля актуальных и потенциальных жизненных интересов человека как члена производственной организации; б) технологии проектирования организационных изменений по критерию жизненных интересов человека как члена производственной организации (Грачев, 2010). При этом следует обратить внимание на то, что обе технологии предполагают активность человека — члена организации, о чем говорилось выше.

Первая технология предполагает следующие этапы своей реализации:

1. Построение портретов типичного и идеального работника в применении к конкретной организации (учебной, производственной и т. д.). На этом этапе определяются наиболее значимые мотивационные характеристики типичного и идеального работников данной организации, представляющие поле их актуальных и потенциальных жизненных интересов.
2. Разработка способов реализации приоритетных жизненных интересов персонала на основе значимых мотивационных характеристик (определение правил взаимодействия руководителя с подчиненными и конкретных управленческих решений – семинар-тренинг с руководителями).

Кроме того, в качестве отдельной задачи может решаться задача определения организационных принципов, основанных на ведущих мотивационных характеристиках *идеального работника*. Решение этой задачи выступает составной частью определения философии организации.

Вторая технология – проектирование организационных изменений – направлена на изменение организационной среды по критериям жизненных интересов персонала и включает следующие этапы:

- оценка организационной среды по критериям жизненных интересов работника и определение наиболее значимых компонентов среды, требующих оптимизации;
- конкретизация проблем, требующих решения, и определение способов решения проблем;
- определение программы организационных изменений;
- определение организационного обеспечения реализации разработанной программы, включая определение личного вклада работника в реализацию программы.

3-й и 4-й этапы реализации технологии проводятся в форме корпоративного семинара-тренинга.

Драматическая форма

Драматический подход можно рассматривать как одну из форм ситуационного подхода, который используется не только в психологии, но и в экономике, менеджменте (анализ эффективности организаций, стратегическое планирование, прогнозирование). Чаще драматический подход определяется как *сценарный* и используется для моделирования слабоформализованных, открытых задач, кото-

рые составляют основную совокупность задач, решаемых человеком (и не только человеком) в процессе жизни. Преимущественное использование сценариев для решения жизненных задач характерно для *художественного* типа личности. А способность их решать лежит в основе социального и эмоционального интеллекта; в науке же такие задачи предполагают применение гуманитарного подхода. В этой связи актуальным выглядит развитие гуманитарной составляющей всех отраслей наук, особенно когнитивных.

Требования к сценарию как форме конечного результата с использованием системного подхода может характеризовать ряд положений:

1. Структура сценария характеризуется тем, что его основу составляет *сюжет*, задаваемый определенной *темой* (системообразующий фактор); сюжет разворачивается в определенных *сценах* (картинах) и заканчивается определенным *финалом*.
2. Источник сценариев — *индивидуальный опыт* и *опыт сообщества* (культура человека и культура сообщества).
3. Человек может играть несколько ролей в разработке, постановке и реализации сценария:
  - автор (проектирование содержания сценария с учетом своих жизненных интересов);
  - режиссер (проектирование реализации сценария с учетом интересов всех ролевых позиций);
  - актер (реализация сценария);
  - зритель (рефлексия по поводу реализации сценария — «посмотреть на себя со стороны»);
  - критик (анализ и оценка сценария и его реализации).

Важно заметить, что это роли, определяемые по *способу драматизации* — по способу участия человека в построении и реализации пьесы (сценария). Другой способ определения ролей — *по содержанию*: по их функциям в реализации сюжета (основание — жизненные ориентации человека): больной — здоровый, жертва — защитник, общительный — одиночка, хозяин — слуга, звезда — непризнанный, открытый — закрытый, духовный — бездуховный и т. д.

В любом случае показателем продуктивности сценария может служить *степень согласованности* ролей.

4. Человек использует в своей жизни три вида сценариев: а) сценарий, основанный на оценке реального (в искусстве — реализм); б) прогностический; в) «идеальный», эталонный. При этом че-

ловек стремится к построению сценария со «счастливым концом» – финалом, реализующим его жизненные интересы наиболее полно.

5. Человек строит и реализует жизненный сценарий в процессе социального взаимодействия, что требует согласования жизненных сценариев партнеров по взаимодействию.

В связи с этим может быть актуальной задача разработки типовых жизненных сценариев (в определенном виде реализация этой задачи представлена в психологической литературе), что может лежать в основе соответствующих программ обучения.

В качестве примера использования сценарного подхода можно привести *модель тренинга*, проводимого для руководителей в виде «производственной драмы» (Грачев, 2020).

Цели тренинга:

- формирование позитивного опыта проживания основных производственных ситуаций, характерных для деятельности руководителя производственной организации;
- выработка коммуникативных способностей, позволяющих руководителю разрешать основные жизненные проблемы;
- формирование оптимальной ролевой модели поведения руководителя в основных жизненных ситуациях;
- формирование образа организации, общего для участников тренинговой группы.

Принципы построения тренинга

Основа проектирования тренинга – ролевой подход, который реализуется в том, что участники тренинга последовательно проигрывают следующие роли (которые они в неявной форме играют в жизни, в том числе в организации). (Указываются обозначенные выше роли: см. п. 3.)

Три возможные стратегии проведения тренинга:

- функциональная – направленная на оптимальную реализацию руководителями своих производственных функций и удовлетворение дефицитарных потребностей;
- самореализационная – проявление руководителем своего истинного личностного потенциала;
- духовная – саморазвитие, самосовершенствование руководителя.

Все три стратегии реализуются на одном и том же драматическом материале. Этот материал – результат работы группы под руководством тренера.

Общая схема работы группы

- группа определяет проблемы, характерные для своей организации, включая вес каждой проблемы; наиболее значимая проблема задает *тему пьесы*;
- группа пишет пьесу (определяет сюжет и набор характерных для данной темы *сцен*);
- группа определяет режиссера, актеров, критика (критиков) и зрителей;
- режиссер в процессе обсуждения с группой определяет состав актеров, распределяет роли, проводит репетицию и представляет спектакль;
- после спектакля критик (эксперт) с помощью тренера организует групповое обсуждение спектакля, направленное на выработку рекомендаций, ориентированных на а) разрешение реальных проблем организации, б) самореализацию и самосовершенствование членов организации.

До спектакля тренер определяет амплуа каждого члена группы (психологическая диагностика). В процессе постановки спектакля тренер выполняет функцию помощника режиссера. В этой роли он может корректировать поведение членов группы.

Построение программы преобразования

Построение программы преобразования – второй этап прикладного психологического исследования, основу которого составляет проектирование управляющего воздействия. Условием такого проектирования выступают результаты первого этапа, состоящие в определении такой модели объекта, которая и позволила бы осуществить проектирование. Используя логику описания первого этапа исследования, можно рассмотреть проектирование, основанное на моделях человека, ситуации и среды.

Психологическое проектирование человека

Как уже говорилось выше, «прямое» воздействие на человека осуществляется в его интересах и зависит от психологической моде-

ли человека, используемой психологом. В качестве примера можно привести использование в процессе обучения студентов прикладной психологии модели психических образований, выступающей компонентом концепции психологии человека В. Н. Панферова, определяющего психофизиологические, психофизические, деятельностно-психологические, социально-психологические и психорефлективные образования (Панферов, 2000) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Программы формирования, развития и коррекции психических образований человека

Психические образования	Программы управляющего воздействия
Психофизические	Программы формирования, развития и коррекции ощущений, восприятия, памяти, представлений, мышления, воображения, картины мира
Психофизиологические	Программы формирования, развития и коррекции потребностей, эмоций, чувств, настроения, самочувствия, внимания, воли. Определение требований к организации жизнедеятельности человека с учетом особенностей темперамента
Деятельностно-психологические	Программы формирования, развития и коррекции интересов, способностей, опыта, стиля деятельности
Социально-психологические	Программы формирования, развития и коррекции установок, стереотипов, отношений, речи
Психорефлективные	Программы формирования, развития и коррекции сознания, самосознания, духовности

Поскольку человек в значительной степени выступает в качестве субъекта психологического проектирования своей жизни, психолог лишь оказывает ему помощь в таком проектировании.

Психологическое проектирование ситуации жизнедеятельности

Список типичных ситуаций жизнедеятельности, определенных по критерию жизненных ориентаций, обсуждался выше. Здесь следует лишь заметить, что в прикладном исследовании этот список имеет смысл конкретизировать по отношению к сферам жизнедеятельности. В этом случае психолог будет иметь дело с проектированием ситуаций семейных, учебных, рабочих и т. д. (см. таблицу 2).

Таблица 2

Требования к проектированию ситуаций жизнедеятельности

Ситуация	Конечный результат проектирования ситуации
<i>Дефицитарные ситуации</i>	
Удовлетворение физиологических потребностей	Создание «здоровой» для клиента ситуации: здоровье, оптимальное психофизиологическое состояние
Безопасность	Создание безопасной для клиента ситуации: простота, определенность, стабильность, предсказуемость, отсутствие угрозы в ситуации
Принятие	Создание благоприятных для клиента основных коммуникативных ситуаций: выраженность взаимодействия, положительное эмоциональное отношение человеку
Признание	Создание благоприятной ситуации признания: высокая оценка со стороны значимых лиц
Влияние	Создание благоприятной ситуации влияния: возможность клиента а) принимать самостоятельные решения; б) обращаться за помощью
<i>Самореализационные ситуации</i>	
Общие требования	Проявление активности на верхнем уровне возможностей, соответствие результатов внешним требованиям, соответствие результатов уровню притязаний
Реализация когнитивного потенциала человека	Выраженные познавательные интересы, объективные представления человека о предельных значениях своего когнитивного потенциала, о внешних требованиях и уровне притязаний
Реализация коммуникативного потенциала человека	Объективные представления человека о своем коммуникативном потенциале (о коммуникативных ориентациях и способности раскрываться в общении), о внешних требованиях, адекватный уровень притязаний, выраженная потребность в общении
Реализация практического потенциала человека	Наличие видов деятельности, значимых для человека, адекватного уровня притязаний человека в каждом из значимых видов деятельности, высокой частоты «ощущения потока» в значимых видах деятельности
<i>Духовные ситуации</i>	
Общие требования	Наличие личностных особенностей, которые одухотворяют любую ситуацию: выраженность и действенность духовных ценностей, сформированность представления о смысле жизни, полнота и гармоничность картины мира, стремление к самосовершенствованию

Психологическое проектирование среды жизнедеятельности

Выше («Построение модели объекта исследования») был определен набор основных компонентов среды жизнедеятельности человека, пригодный для психологического проектирования: содержание основной деятельности, условия основной деятельности, оплата за выполнение основной деятельности, контроль и оценка результатов, статусное продвижение, взаимодействие в процессе деятельности, социальная значимость результатов основной деятельности.

Требования к каждому из этих компонентов представляют собой конечные результаты проектирования. Важно то, что эти требования определяются на основе трех жизненных ориентаций человека и способствуют созданию условий для их реализации (Грачев, 2019).

Требования к содержанию основной деятельности

Эти требования обоснованы в работах по психологии обучения и психологии труда и имеют отношение ко всем трем жизненным ориентациям. Так, условиями реализации *дефицитной ориентации* человека выступают следующие требования к содержанию деятельности: четкая постановка целей, высокая уверенность человека в достижении целей; высокая определенность типичных ситуаций и достаточная простота заданий; четко определенные обязанности – семейные, учебные, должностные и др. (ориентация на безопасность).

Ориентация на самореализацию обеспечивается а) возможностью выбора задания, самостоятельностью при выполнении задания и возможностью решать организаторские задачи; б) проблемностью заданий; в) требованием выполнять сложные, но посильные задания, позволяющие наиболее полно реализовать наличный потенциал; г) законченностью, завершенностью результатов деятельности.

Основное условие реализации *духовной ориентации* – это создание развивающей среды, предполагающей существование требований, превышающих наличный потенциал человека при обязательной помощи со стороны наставника.

Наконец, существенным условием реализации жизненных ориентаций, особенно актуальным для российской культуры, выступает возможность обратиться за помощью и оказать помощь другим при выполнении заданий (преимущественно дефицитная и духовная ориентации).

Этапы прикладного психологического исследования

В соответствии с выделенными требованиями *проблемы*, требующие своего решения, – бедное содержание деятельности (нечего делать, монотонность), неопределенность и непосильность требований, нечеткая постановка целей;

Требования к условиям основной деятельности

Для определения этих требований вполне можно обобщить понимание условий, принятое в гигиене, эргономике и инженерной психологии. В этом случае под условиями основной деятельности можно понимать совокупность факторов среды, определяющих здоровье, самочувствие и работоспособность (в широком смысле – способность к деятельности) человека.

Эти работы дают основания для вычленения следующих требований: а) соответствие гигиеническим и эргономическим нормам, б) минимальная травматичность условий, в) оптимальность режимов деятельности, г) наличие условий для отдыха и наличие личного пространства.

Общая *проблема* – несоответствие требованиям.

Требования к оценке и оплате основной деятельности

Принципы оценки и оплаты за результаты деятельности непосредственно связаны как в теории, так и на практике. Прежде всего это очевидно для сферы работы, но общие для системы требования справедливы и для других сфер, поэтому основания для определения требований можно найти в педагогической психологии и в психологии труда. Это а) объективность и справедливость оценки и оплаты; б) стабильность и предсказуемость оценки и оплаты; в) регулярность оценивания и оплаты; г) приемлемый уровень оценки и оплаты; д) возможность взаимооценки; е) преобладание положительных оценок, высокая оценка со стороны значимых лиц.

Типичные *проблемы*: чрезмерный контроль, неправильная оценка – отсутствие оценки (не означающее безоценочность!), чрезмерное использование оценок, преобладание либо положительных, либо отрицательных оценок и др.

Требования к статусному продвижению

Общей особенностью включенности человека в разные сообщества является стремление к статусному продвижению. Статусное про-

движение начинается уже в семье, когда детей определяют как старших и младших, оценивают статусную динамику («повзрослел», «стал старше» и т. п.). В школе статус определяется прежде всего степенью обучения (ученик младших классов и т. п.). В организации возможности для профессионального продвижения определяются: а) системой профессионального обучения, позволяющей повышать профессиональный уровень работника; б) системой профессиональных перемещений, в основе которой лежит эффективная система аттестации. В общем же случае может идти речь о своеобразной «статусной компетентности» (учебной, возрастной, этнической и др.).

Учитывая значимость статусного продвижения для реализации жизненных ориентаций человека, можно определить совокупность требований: а) ответственность человека и субъектов власти за реализацию обязанностей, связанных со статусом; б) возможности для реализации прав, связанных со статусом; в) объективность, стабильность и предсказуемость статусного продвижения; г) отсутствие угрозы исключения человека из статусной системы или понижения статуса; д) наличие системы статусной подготовки.

Проблемы: безответственность человека и субъектов власти (включая родителей) в области реализации прав и обязанностей, отсутствие возможностей для обучения (в том числе в семье) и статусного продвижения.

Требования к условиям для взаимодействия

Обычно эти условия организационно заданы (кстати, и не только в человеческих сообществах), поэтому они как объект проектирования довольно очевидны. Соответственно и проблема социального взаимодействия хорошо проработана в социальной психологии и социологии, что дает основания для определения требований: а) выраженность взаимодействия, б) основной язык взаимодействия — язык решения проблем; в) основная форма взаимодействия — сотрудничество, однако в определенных ситуациях допустима (и даже необходима) конкуренция в форме соревнования.

Организационные требования, связанные с взаимодействием, в значительной степени сводятся к формированию соответствующих норм культуры. А общая *проблема* несоответствия среды требованиям по критериям взаимодействия может проявляться как *одиночество* (детерминанты одиночества многообразнее, но это не входит в предмет нашего анализа).

Требования к социальной значимости результатов основной деятельности

Эта значимость осознается, когда результаты основной деятельности вводятся в контекст ценностей общности – семьи, первичной группы, организации, общества. Для определения этой значимости человек должен иметь *информацию*, поэтому значимость будет определяться а) тем, какую ценность имеют результаты основной деятельности человека для общества, организации, группы; б) информацией, которую имеет человек о результатах своей деятельности. Определение такой значимости происходит с детского возраста, когда ребенок учится соотносить результаты своей деятельности, поведения с ценностями семьи, а далее – других сообществ. Отношение к этим результатам проявляется не только в оценке, о чем говорилось выше, но и в уважении к результатам основной деятельности человека (настолько, насколько в них отражается личность), в принятии этих результатов и, соответственно, в принятии личности.

Таким образом, основное направление работы по проектированию социальной значимости результатов состоит в обеспечении а) высокого уровня результатов основной деятельности (ребенка, ученика, работника); б) информированности человека о социальной значимости результатов.

Соответственно и *проблемы* в этой сфере связаны с низкими результатами, с незнанием результатов, с непониманием смысла, неуважением и непринятием результатов.

В качестве примера построения программ преобразования можно привести психологическую модель работника (Грачев, 2018), включающую характеристики этого работника, методы их оценки и методы управляющего воздействия (см. таблицу 3).

В этой модели представлены два традиционных компонента, используемых в психологии труда для характеристики работника (мотивация и способности), они дополнены еще двумя – рабочей концепцией (образ работы) и рабочей культурой (культура поведения работника). При этом в качестве основы мотивации работника понимаются его жизненные ориентации. Кроме того, системный подход к работнику позволил обосновать пять основных ролей работника – *профессионал, руководитель, подчиненный, коллега и член организации*, приоритетность которых определяется как индивидуально-психологическими особенностями работника, так и особенностями организационной культуры.

Таблица 3
Методы оценки и методы воздействия на основные характеристики работника

Системная характеристика	Работник	Методы оценки	Методы воздействия
Структура	Мотивация, способности, рабочая концепция, рабочая культура, включая рабочую философию	Оценка трудовой мотивации, профессионально важных качеств, рабочей концепции. Методы оценки культуры и философии работника (в процессе разработки)	Проектирование мотивирующей рабочей среды, системы производственного обучения, системы информирования. Организационные мероприятия по формированию культуры и философии
Системообразующие факторы	Жизненные ориентации работника	Опросники, определяющие ценностные ориентации, самоактуализационные опросники, шкала мотивационных характеристик работника	Помощь работнику в определении смысла своей работы в контексте его жизненных ориентаций
Среда жизнедеятельности	Содержание труда, условия труда, оплата труда, социальная значимость результатов труда, оценка результатов труда, взаимодействие в процессе труда, условия для статусного продвижения	Опросники для оценки организационной среды, опросники для оценки удовлетворенности	Оптимизация организационной среды работника (социальное проектирование)
Роли работника	Профессионал, руководитель, подчиненный, коллеги, член организации	Методы оценки (в процессе разработки)	Тренинги, моделирующие основные ролевые ситуации

Этапы прикладного психологического исследования

Типичные ситуации функционирования	Ситуации: удовлетворения физиологических потребностей, безопасности, принятия, признания, самореализации, самосовершенствования	Определение проблемных ситуаций в процессе психологического консультирования	Психологическое консультирование работника по разрешению проблемных ситуаций
Рабочая концепция (терминальные образы)	Образ себя как работника, образы коллеги, руководителя, подчиненного, рабочей группы, организации	Методики определения Я-концепции, концептуальных моделей и оперативных образов, коммуникативные методики. Шкала для оценки мотивационных характеристик работника, построение групповых портретов реального и идеального работников, рабочей группы, организации	Система информирования о работнике, группе, организации
Содержательные показатели эффективности	Количество и качество производственных результатов Степень реализации жизненных ориентаций, удовлетворенность	Показатели производственной эффективности работника Показатели удовлетворенности и/или степени реализации жизненных ориентаций	Использование показателей в системе управления
Формально-динамические показатели эффективности	Стабильность, подвижность, устойчивость, динамичность, резистентность	Методы оценки – в процессе разработки	Тренинговые процедуры, направленные на развитие соответствующих свойств
Форма управления	Активность, выраженность самоуправления Подчиняемость	Оценка включенности работника в решение вопросов (самоуправление)	Развитие системы самоуправления, исполнительской дисциплины

Реализация программы

Требования к этапу реализации программы преобразования в прикладной психологии разработаны, пожалуй, менее всего. Частично эти требования обсуждаются как требования организации профессиональной деятельности практического психолога (см., например: Болотова, Макарова, 2001). В содержательном плане, наверное, наиболее полно представлены программы подготовки психологов-консультантов, поскольку обучение консультированию проводится в ряде учебных заведений. Однако в данном случае речь идет о практических психологах, непосредственно работающих с клиентами, а задачей данной статьи является обсудить проблему проектирования системы обеспечения разработанного психологом-исследователем проекта управляющего воздействия, имеющего универсальный характер.

В этом отношении важно то, что в системе реализации психологического проекта можно выделить компоненты: а) определение требований к психологу-исследователю, осуществляющему психологическое проектирование; б) определение требований к лицам, принимающим решения по поводу реализации проекта (сам человек, родители, ближайшее окружение, учителя, руководители и т. д.); в) разработка проекта организационных условий реализации программы преобразования.

Определение требований к психологу-исследователю

В плане проектирования психологу-исследователю важно иметь компетенции, важные для практического психолога, поскольку программа преобразования ориентирована в первую очередь на него. Один из вариантов определения таких требований — использовать для них модель жизненных ориентаций человека, поскольку в конечном счете работа практического психолога направлена на обеспечение интересов клиента. В таблице 4 эти требования определены в отношении основных ситуаций жизнедеятельности человека.

Определение требований к лицам, принимающим решения

Общие требования к лицам, принимающим решения, связаны с подготовкой в области психологии и социотехнического проектирования (проектирования среды жизнедеятельности). Эти требования относятся не только к руководителям, но и к родителям и учителям и другим лицам, включенным во взаимодействие с человеком, вклю-

Таблица 4

Требования к психологу-исследователю,
осуществляющему психологическое проектирование

Ситуация	Требования к психологу-исследователю
<i>Дефицитарные ситуации</i>	
Удовлетворения физиологических потребностей	Владение информацией о психофизиологическом состоянии человека, способность дать общий совет по оптимизации состояния
Безопасности	Знание типичных объектов, ситуаций, причин тревожности и страхов клиента; умение избавить клиента (и самого себя) от тревожности и страхов
Принятия	Знание коммуникативных особенностей клиента; умение решать проблемы в коммуникативной сфере; наличие коммуникативных способностей у психолога
Признания	Умение психолога оценивать клиента и себя, проводить коррекцию уровня притязаний и самооценки; знание референтных лиц, умение быть референтным лицом; умение оказывать помощь клиенту в достижении значимых результатов
Влияния	Способность психолога использовать и развивать самостоятельность, способность управлять и подчиняемость клиента; способность устанавливать оптимальный уровень самоорганизации клиента
<i>Самореализационные ситуации</i>	
Общие требования	Психолог – пример самореализации
Реализация когнитивного потенциала человека	Способность психолога определить и сформировать представления клиента о предельных значениях своего когнитивного потенциала, скорректировать уровень притязаний и внешние требования, формировать и корректировать познавательные интересы
Реализация коммуникативного потенциала человека	Способность психолога определить и сформировать представления клиента о предельных значениях своего коммуникативного потенциала (о коммуникативных ориентациях и способности раскрываться в общении), скорректировать уровень притязаний и внешние требования в коммуникативных ситуациях, формировать потребность в общении, учить человека общению
Реализация практического потенциала человека	Способность определить интересы человека, формировать и корректировать способности человека, его уровень притязаний, определять реальную программу достижения результата в значимых видах деятельности

Продолжение таблицы 4

Ситуация	Требования к психологу-исследователю
<i>Духовные ситуации</i>	
Общие требования	Способность психолога помочь клиенту в а) формировании полной и непротиворечивой модели мира; б) формировании и коррекции представления человека о собственной жизни с точки зрения духовных ценностей; в) формировании способностей к социально значимой деятельности, в определении своего места в социальной жизни; г) разработке программы самосовершенствования («стать лучше для себя и для других») в развитии потенциалов – когнитивного, коммуникативного и практического

чая его самого (способность человека обеспечить внедрение разработанных им самим либо другими лицами проектов).

Разработка проекта организационных условий реализации проекта

Полнее всего этот аспект проектирования представлен в работах по педагогике, в которых, как правило, специально разрабатываются требования к педагогическим условиям решения задач, связанных с обучением и воспитанием. В практической психологии эта форма работы представлена чаще всего в психологическом контракте, который заключается между клиентом и консультантом-психологом и регламентирует их взаимодействие. Возможные формы такого контракта довольно широко представлены в литературе; в нашем же случае можно обратить внимание на другие аспекты проблемы, что можно рассмотреть на примере одного из аспектов организации социально-психологической службы промышленного предприятия.

Разработка и апробация проекта условий для реализации системы социального управления ПО «Курганприбор»

В качестве примера будет использован опыт работы социально-психологической службы производственного объединения «Курганприбор» (1980-е годы) по апробации и внедрению системы социального управления (функционирование этой системы было регламентировано стандартом предприятия по социальному управлению), ори-

ентированной на жизненные интересы работников предприятия (Грачев, 2008). В этом прикладном исследовании были реализованы все три этапа прикладного исследования, включая последний, связанный с разработкой типовой программы обеспечения внедрения.

Характерная особенность типовой системы социального управления, прошедшей апробацию в объединении и впоследствии внедренной в других организациях страны, состояла в том, что ее основу составляли ежегодные планы социального развития подразделений (основное подразделение — цех), структура которых была определена в соответствии с моделью среды жизнедеятельности работника (см., например: Боровик и др., 1986; Зотова, Журавлев, 1982; и др.).

Этот план включал в себя следующие обязательные для подразделения разделы:

- обогащение содержания труда;
- совершенствование системы оплаты труда;
- улучшение условий труда, охрана здоровья и техника безопасности;
- разработка рациональных режимов труда и отдыха, средств восстановления состояния работников;
- повышение социальной значимости результатов труда;
- обеспечение возможностей для реализации социальной активности (самоуправление, техническое творчество, общественная активность);
- совершенствование системы профессионального роста;
- совершенствование системы социальной информации;
- адаптация молодых рабочих;
- улучшение жилищно-бытовых условий;
- организация свободного времени.

Разработка этих планов предполагала поиск проблем по каждому разделу плана, определение предложений по решению проблем, сроков и ответственных. Эти планы утверждались решением общего собрания работников подразделения. Общий контроль качества и реализации плана осуществлялся так называемой балансовой комиссией, состоящей из топ-менеджеров предприятия, оценивающей итоги работы подразделения в истекшем году в первой половине января следующего года.

Оперативное управление и контроль осуществлялись на основе разработки и реализации *ежемесячных планов социального управления* подразделений, согласованных с ежегодными планами социального развития. Ежемесячная балльная оценка выполнения этих

планов была включена в комплексную систему эффективности и качества управления (КСЭКУ) и влияла на размер премии подразделения. (Оценка определялась социально-психологической службой.)

Реализации системы социального управления на ее низших уровнях способствовало то, что в крупных цехах объединения работали цеховые психологи. Они, с одной стороны, были включены в штат цеха и находились в непосредственном подчинении начальнику цеха, с другой, в функциональном отношении (прежде всего с точки зрения внедрения и апробации системы социального управления на уровне подразделения) – начальнику социально-психологической лаборатории.

Формы работы цехового психолога, содержащиеся в должностной инструкции:

- участие в разработке плана социального развития цеха;
- оперативный контроль социального управления;
- включение рядовых работников в управление (прежде всего в решение социальных вопросов);
- организация и контроль процесса адаптации;
- диагностика и обучение руководителей младшего звена – мастеров и бригадиров;
- профдиагностика и профконсультирование работников (по их запросу);
- оценка и оптимизация социально-психологического климата;
- оценка и оптимизация психофизиологического состояния работников;
- обучение общению, формирование коммуникативных способностей (тренинги);
- индивидуальные консультации работников (по запросу).

Ответственность за разработку и реализацию планов возлагалась на руководителей подразделений, которые прошли обучение социальному управлению по программам, разработанным социально-психологической лабораторией.

Учебный план курса «Основы социального управления» для руководителей среднего звена включал следующие темы:

1. Понятие о социальном управлении производственной организацией. Основные уровни и критерии эффективности социального управления.
2. Организация социального управления на уровне «человек–рабочее место» (мастера и бригадиры; в центре внимания – *отдельный работник*):

Этапы прикладного психологического исследования

- 2.1. Диагностика и оптимизация психофизиологического состояния;
- 2.2. Формы работы по повышению удовлетворенности работника трудом;
- 2.3. Стимулирование социальной активности подчиненных;
3. Организация социального управления на уровне «группа–рабочая зона группы» (мастера и бригадиры; в центре внимания – *рабочая группа*):
  - 3.1. Диагностика и оптимизация социально-психологического климата;
  - 3.2. Диагностика и оптимизация уровня развития группы;
  - 3.3. Стиль руководства и его влияние на группу;
4. Социальное управление на уровне производственных подразделений:
  - 4.1. Организация оптимальной производственной среды жизнедеятельности работника: содержание труда, результаты труда, оплата, оценка и условия труда, свободное время;
  - 4.2. Работа администрации и общественных организаций по созданию условий для реализации социальной активности работников;
  - 4.3. План социального управления подразделения как стратегическая основа социального управления;
  - 4.4. Месячные планы социального управления как форма оперативного управления.

Видно, что в тематике курса представлены, с одной стороны, традиционные психологические знания (к примеру, диагностика и оптимизация состояния, климата и т. п.), а с другой, социотехнические знания, позволяющие оптимизировать организационную среду как среду жизнедеятельности.

Таким образом, в условиях обеспечения внедрения системы социального управления были представлены как условия для подготовки лиц, включенных в реализацию системы, так и организационные условия, обеспеченные стандартом предприятия, регламентирующим систему социального управления.

Итак, содержание и форма прикладного психологического исследования отличают его от фундаментального и обеспечивают эффективность использования прикладной психологии в аспекте удовлетворения жизненных интересов человека. Основные перспективы развития прикладной психологии видятся в развитии ее общей тео-

рии и методологии. В этом развитии важную роль будет играть, с одной стороны, использование системного подхода, который показал свою эффективность в развитии как фундаментальных, так и прикладных наук. С другой стороны, большое значение имеет взаимодействие фундаментальной и прикладной психологии в форме взаимообогащения. Такое взаимодействие наряду с использованием системного подхода позволит дополнить применение моделей феноменов, нашедших широкое распространение в прикладной психологии, теоретическими моделями, позволяющими развивать понятийное, предметное и проблемное поля современной психологии. Этому будет способствовать обоснованное построение прикладного психологического исследования.

Литература

- Болотова А. К., Макарова И. В.* Прикладная психология: Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Боровик В. С., Журавлев А. Л., Крылова Н. В.* Проблемы «Службы человека» на производстве // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 1. С. 154–160.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева и А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Грачев А. А.* Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Ин-т практической психологии, 2008.
- Грачев А. А.* Психологическое проектирование развития производственной организации // Психология менеджмента: практикум / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2010. С. 207–221.
- Грачев А. А.* Теоретические и методологические основания прикладной психологии // Психологический журнал. 2013. № 1. С. 15–24.
- Грачев А. А.* Психологическая модель работника в организационной психологии // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. А. Н. Занковский, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 755–769.
- Грачев А. А.* Психологическое проектирование как основа прикладной психологии // Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 750–779.

- Грачев А. А.* Терминальный образ как сценарий: прикладной аспект // Всероссийская юбилейная научная конференция с международным участием, посвященная 130-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна «Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые научные направления». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 64–75.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
- Зотова О. И., Журавлев А. Л.* Психологическая служба промышленного предприятия: поиски, решения // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 155–158.
- Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Л. Г. Дикая, М.А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Панферов В. Н.* Психология человека. СПб.: Изд-во Михайлова, 2000.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»—Социум, 2001.
- Психология труда, организации и управления в условиях цифровой трансформации общества. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2021.
- Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия / Под ред. А.Л. Журавлева и др. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2016.
- Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Барабанщиков, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А.Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Служба социального развития предприятия: практическое пособие. М.: Наука, 1989.
- Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.

Социально-психологические методы практической работы в коллективе: диагностика и воздействие / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Хашенко. М.: Институт психологии АН СССР, 1990.

Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1999.

Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2019.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Теоретико-экспериментальная психология и практика: новые горизонты // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 30–41.

Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Раздел III
ОРГАНИЗАЦИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА

Знание и понимание «правильного» и «неправильного» мира человека

В. В. Знаков

doi: 10.38098/

Мир человека многомерен, он состоит по меньшей мере из трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Соответственно, понимание субъектом мира тоже неоднородно: в разных реальностях оно строится на неодинаковых психологических основаниях. В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной – мнение и смысл, в экзистенциальной – переживание и опыт. Каждой реальности человеческого бытия соответствует свой тип обсуждаемого феномена: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Знания, становящиеся психологическим фундаментом типов понимания также различны. Основой понимания-знания оказывается познавательное знание (Фуко, 2007), понимания-интерпретации – конвенциональное (Lagattuta et al., 2010; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006), понимания-постижения – духовно-практическое (Адо, 2005). В этих случаях внутренними условиями понимания являются знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы (Знаков, 2018).

Одним из важных проявлений многомерности мира человека является отражение в сознании людей его правильности, соответствия законам, правилам, нормам или неправильности – их несоблюдения социальными группами и сообществами.

Цель статьи – проанализировать сходство и различие в понимании психологических признаков «правильного» и «неправильного» мира человека.

«Правильное» в понимании социокультурной реальности

В мире человека представления о правильности–неправильности реализуются главным образом в социокультурной реальности. К этой реальности неприменима корреспондентная теория истины, в ней

нет никаких абсолютных критериев истинности одних высказываний и ложности других. Вследствие этого политические выборы, конкурсы красоты, суждения об интеллектуальном превосходстве одного человека над другим и т. п. построены на мнениях, разных интерпретациях содержания понимаемого. Мнения не могут быть истинными, они правильны, верны с точки зрения одних людей и неправильны, не являются верными с позиции других. Иначе говоря, от мнений мы ожидаем не истинности, а правдоподобия.

Для описания событий и ситуаций социокультурной реальности наиболее подходящим является конвенциональный домен социального знания (Lagattuta et al., 2010; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006). Он явным образом соотносится с герменевтической традицией и пониманием-интерпретацией проблем, методов и результатов научных исследований. Конвенциональные знания возникают в результате согласования множества мнений. Признаваемая многими людьми правильность/неправильность мнений оказывается зависимой от местных норм, обычаев и конкретных обстоятельств. Примером может служить правостороннее или левостороннее движение, принятое в разных странах.

Следовательно, в социокультурной реальности понимание фактов основано не на достоверных знаниях, а на разных *мнениях* людей. Что такое мнение, которое мы высказываем, общаясь с другими людьми? Это наше убеждение, основанное на гипотезе, одном из возможных вариантов развития событий. Любое мнение становится осмысленным только тогда, когда оно сопоставляется с другими мнениями, которые дают ответы на вопросы о том, как иначе могли происходить события в конкретном фрагменте мира человека. Значимость мнения субъекта всегда определяется соотношением с мнениями его собеседников и оппонентов. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, несводимые к одному единственно возможному смыслу. Соответственно, главный постулат научного анализа социокультурной реальности звучит так: не может быть единственной истинной интерпретации того, что «на самом деле произошло»: всегда существует несколько альтернатив возможного развития событий.

Разнообразие мнений направлено на формирование не принципиально неодинаковых и несопоставимых друг с другом пониманий фрагмента мира, а, наоборот, на создание целостной картины, углубление понимания, общего для взаимодействующих людей. «Отсюда также следует, что если об определенном предмете имеется

некоторое число различающихся между собой мнений, то данный предмет понимается глубже, чем если бы о нем имелось лишь одно мнение, однако при этом понимание интересующего нас предмета возрастает отнюдь не потому, что в каждом из мнений приводятся какие-либо факты, не упомянутые в других мнениях, а главным образом в силу того, что только наличие других мнений позволяет очертить контуры и осознать специфичность той или иной «точки зрения» на предмет, которая имплицитно представлена в каждом из них. Собственно, понимание любого предмета доксоморфного дискурса достигается только тогда, когда взгляд на него, обусловленный той или иной «точкой зрения», очерчен как можно более ясно, что достигается лишь путем выдвижения по данному предмету некоторого числа разных по содержанию мнений» (Нехаев, 2008, с. 130). Каждое индивидуальное мнение характеризуется тем, что оно не только так или иначе описывает действительность, но и выражает личную точку зрения, угол зрения, под которым субъект рассматривает объект, понимает окружающий его мир. Неудивительно, что глубокое понимание любого фрагмента мира человека всегда предполагает его «охват» целой сетью частично совпадающих мнений.

Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько лежащих в его основе мнений возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации – это конкретные способы понимания; чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Естественно, что это относится и к множественности трактовок психологической природы самого феномена понимания. Между ними есть как противоречия, так и согласованность, сходство ключевых признаков понимания в соответствии с разными теориями. В социокультурной реальности одни и те же факты вследствие их разной интерпретации могут настолько кардинально отличаться друг от друга, что становится трудно установить общее между ними. «Современное познание принципиально интерпретативно. Для современного гуманитария понимать текст – это значит владеть комплексом рациональных процедур, позволяющих объективизировать то или иное знание, привести его к максимально достоверному виду. Поиски ведутся в самых разных направлениях, и одно из новых есть внедрение в практику образования путей герменевтических, интерпретативных подходов, связанных с пониманием» (Борзова, 2013, с. 31).

Мнение представляет собой «такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно но-

вое по отношению к возможному» (Нехаев, 2009, с. 16). Мнение нельзя связывать с понятием истинности, потому что какие-то элементы представленного в нем описания мира могут соответствовать действительности, а какие-то не могут (вследствие отсутствия традиционно понимаемого референциального измерения, необходимого для классической корреспондентной теории истины).

Мнения отражают межгрупповую согласованность суждений о правильности или неправильности дискурсивных высказываний. Мнения невозможно оценить как безусловно истинные или ложные: как определить, чьи картины прекраснее — реалистов или абстракционистов, а также какой порок отвратительнее — скупость или завистливость? Мнения построены на разных системах аргументации, в них присутствуют и объективные, и субъективные компоненты. Мнения можно характеризовать только как правильные или неправильные. В основе квалификации высказывания как правильного лежит согласованное мнение людей о должном, о правилах и нормах поведения. Представления о должном, лежащие в основе признания высказываний, текстов правильными или неправильным, формируются на основе соглашений, принимаемых большими и малыми социальными группами. Мнения имеют мало общего с истиной: в соответствии с неодинаковыми ценностными представлениями люди выражают в них свое отношение к объектам познания и понимания.

Категория «правильное» имеет непосредственное отношение как к описанию социокультурной реальности, так и к ее пониманию. Применительно к социокультурным ситуациям люди склонны применять простые и ясные правила, сильно упрощающие их понимание: «Создавая картину мира, человек стремится к максимально правильному отражению реальности и одновременно к *максимальной определенности*. Парадокс заключается в том, что максимальное снятие неопределенности возможно только при отрыве от реальности, при построении замкнутых на себе умозрительных конструкций. В этом случае можно получить непротиворечивую картину мира, дающую хорошо работающее объяснение всего. Но эта абсолютно определенная картина будет не слишком адаптивной» (Улыбина, 2017, с. 100–101). Стремление к простоте проявляется и в понимании человеком физических явлений: «Природа человека такова, что он всегда стремился составить для себя простой и не обремененный излишними подробностями образ окружающего его мира» (Эйнштейн, 2021, с. 50). Эти давно известные факты послужили основанием для различения в мире человека «правильного» и «неправильного» миров (Колотаев, Улыбина, 2017).

Несмотря на лавинообразное нарастание в XXI в. публикаций о сложности и многомерности мира человека, стремление к упрощению образа окружающей действительности проявляется даже в такой интеллектуальной сфере, как наука. В психологии оно выражается в дизайне научного исследования, который В. А. Толочек называет «простой схемой». Такое исследование ограничивается констатацией отдельных различий между двумя объектами. Неудивительно, что его результатами становятся банальные суждения о том, что мужчины отличаются от женщин, успевающие учащиеся — от неуспевающих и т. п. «Признаем, что традиционные варианты НИР, названные нами „простыми схемами“ (предполагают использование лишь методов одного класса — обычно опросников и анкет, оперирование лишь однолинейными и плоскостными срезами эмпирических данных, полученных посредством одного типа методик при элиминации других возможных „проекций“ фрагментов социальной действительности), имеют серьезные ограничения» (Толочек, 2021, с. 77–78). Еще в большей степени стремление к простоте, за которой скрываются имплицитные представления о правильной структуре устройства мира, присуще общественному сознанию людей, ожидающих от ученых простых и ясных объяснений происходящего вокруг: «Разумеется, у людей есть потребность в понимании происходящего вокруг них, и от ученых ждут ответов на ключевые вопросы об устройстве мироздания, но ответов простых, понятных и окончательных, не требующих чрезмерных интеллектуальных усилий. И к тому же соответствующих общественным ожиданиям. Беда в том, что мир (как выясняется именно благодаря достижениям науки) устроен гораздо сложнее, чем нам хотелось бы. Поэтому для того, чтобы современная научная картина мира проникла в массовое сознание, нужны целенаправленные усилия» (Марков, 2015, с. 10).

Концептуальное осмысление понимания субъектом того, что допустимо называть правильным, а что неправильным миром, несомненно, важно для психологии возможного. С точки зрения психологии понимания, в частности психологии возможного, необходимо осуществить анализ фреймов организации повседневного опыта субъекта, понимающего правильный мир. Затем не менее значимым шагом будет выявление фреймов понимания неправильного мира.

Сама по себе «правильность» описывается довольно легко, но при этом следует различать *когнитивные* и *моральные* стороны значения этого понятия. С когнитивной точки зрения правильно мы называем события и ситуации, которые можно понять исключительно на основании физических, правовых и моральных

законов, правил. Стремление субъекта считать мир человека правильным с точки зрения психологии возможно не только допустимо, но и оправданно: жизнь в таком мире понятна, потому что предсказуема, основана на причинно-следственных связях. Нарушение правил дорожного движения увеличивает вероятность аварий, несоблюдение предписаний врачей повышает риск возникновения болезней, неподчинение солдата офицеру влечет за собой дисциплинарное наказание. Для того чтобы человеку адаптироваться и успешно жить в стабильном правильном мире, нужно следовать правилам и подчиняться существующим законам. Моральная точка зрения акцентирует очевидный факт, что в обществе «правильность» всегда включает нравственные компоненты, например, справедливость в отношениях между людьми. Вследствие этого правильный порядок жизни людей в обществе основан на гармоничном сочетании когнитивных и моральных аспектов этого понятия. Только когнитивный порядок «не является залогом гармонии, красоты, в конечном счете — блага. Как известно, строгий порядок существовал в концентрационных лагерях, известного рода порядок существует в организованных преступных группировках. Чтобы способствовать утверждению красоты, истины и справедливости, порядок должен быть *правильным*, связанным с правильным мышлением, правильным поведением, правильным отношением к миру, иными словами — основанным на подлинных ценностях и идеалах» (Ремезова, 2021, с. 23).

В том, что мы живем в правильном обществе, в последние два десятилетия нас активно пытается убедить руководство страны. Правильным является общество, основанное на взаимном доверии и справедливости. Оно опирается на два моральных принципа: «Первый: люди доверяют друг другу, общественным институтам и власти, а власть доверяет им. Второй: общественные отношения, особенно распределение и обмен, устроены более или менее справедливо с общей точки зрения — то есть люди в большинстве своем согласны с правилами распределения» (Липатов и др., 2015, с. 9). К сожалению, психологические исследования показывают, что доверие и справедливость не являются отличительными признаками психологии граждан нашей страны (Юревич, 2019). С этой точки зрения российское общество пока трудно назвать правильным.

Тем не менее, стремление людей жить в правильном мире активно поддерживается политиками, рассчитывающими посредством простых и ясных лозунгов получить поддержку избирателей. Летом 2021 г., перед выборами в Государственную Думу РФ, содержание ло-

зунговых призывов отражало необходимость увеличения прожиточного минимума, минимального размера оплаты труда, уменьшения инфляции, отмены пенсионной реформы, обеспечения жильем всех граждан страны и т. п. Сложности, нарушающие этот правильный мир, сразу же возникают при попытках дать ответы на непростые вопросы: где взять деньги на реализацию продекларированных целей? какой должна быть экономика? и т. п.

Направленность на жизнь в правильном мире проявляется в нашем государстве в поисках «духовных скреп» — единых для всех граждан страны духовных оснований, объединяющих общество современной России (это невозможно, потому что их существование противоречит принципу необходимого разнообразия культуры — см.: Иванченко, 1999). Проявляется такое стремление и в искусстве, причем не только российском. Многочисленные фильмы, снятые в XXI в. и посвященные Великой Отечественной войне, развиваются по одинаковому сценарию. В них советские люди, преодолевая невероятные лишения, страдания и трудности, мужественно и изобретательно воюют с фашистами, что в конечном счете приводит их к победе. По аналогичной схеме созданы фильмы о высших достижениях российских спортсменов (хоккеистов, баскетболистов, фехтовальщиков и др.) на мировых аренах. То же можно сказать о детективах и боевиках, причем не только российских. Смысловое восприятие таких книг и фильмов требует от зрителя лишь извлечения из памяти фрейма понимания правильного мира, в котором затраченные усилия всегда вознаграждаются. «Правильный мир отражает описанную М. Лернером иллюзию веры в справедливый мир, состоящую в стремлении людей видеть мир как имеющий правила, соблюдение которых гарантирует достижение успеха и защищает от несчастий (Lerner, Miller, 1978). В этом случае удача ощущается как награда за проявленную доблесть, а неудача — как результат допущенных ошибок. А значит, счастье и несчастье всегда заслуженны, а происходящее — справедливо. Нужно только понимать правила и следовать им. Правила отражают то, что на данном этапе, в данной культуре воспринимается как нуждающееся в закреплении и воспроизведении, и не нарушающий правила человек рассматривается как „хороший“, а нарушающий — как „плохой“» (Колотаев, Улыбина, 2017, с. 93).

Представления о правильности мира основаны на убеждении в причинно-следственной обусловленности мира человека и на мнении о том, что дистрибутивная (распределительная) справедливость всегда торжествует — и в распределении наград, и в воздаянии за при-

чинение ущерба другим людям. Иначе говоря, понимание правильного мира неразрывно связано с убеждением понимающего субъекта в его справедливом устройстве. Убеждение в правильности социального мира если не коррелирует в статистическом смысле, то содержательно корреспондирует, соответствует вере в справедливый мир (Bartholomaeus, Strelan, 2016; Stroebe et al., 2015).

Почему вера в справедливый мир играет значимую роль в познании и поведении? Потому что она служит для человека концептуальным основанием понимания мира, сохранения уверенности в предсказуемости событий и ситуаций. В конечном счете иллюзорная вера в справедливость мира облегчает для субъекта формирование мнения, что он может контролировать все, что с ним происходит. Вера в справедливый мир направлена «на то, чтобы привести несогласованные элементы реальности к согласованию. Частично эта установка опирается на связь с эмпирикой, показывающей, что во многих случаях старания действительно приводят к лучшему результату, чем отсутствие стараний, время, затраченное на учебу, — к лучшим знаниям, хорошее отношение к людям вызывает ответное дружелюбие, а соблюдение правил дорожного движения уменьшает шанс попасть в аварию» (Улыбина, 2017, с. 101).

Люди различают справедливость для себя и для других. Когда они считают, что другие заслужили то, что с ними произошло, это укрепляет их точку зрения, согласно которой мир обращается с ними справедливо. Поскольку люди соблюдают личный договор с миром, они ожидают, что другие поступают так же. Когда договор нарушается, наблюдатели, особенно жертвы, воспринимают нарушителей как не соблюдающих договор. Соответственно, нарушители должны быть наказаны. Такая негативная реакция помогает восстановить справедливый мир для других, поскольку теперь существует соответствие между действием и его результатом. И наоборот, когда люди сами становятся жертвами, возникают совершенно иные реакции: вместо выражения жестких социальных установок вера в справедливый мир для себя предполагает ориентацию на свои психологические особенности, в первую очередь на мысли о прощении (Strelan, Sutton, 2011).

Прощение в психологии изучается как многомерный конструкт. Он относится к процессу, с помощью которого жертвы переходят от отрицательного к положительному настрою по отношению к нарушителю социальных или моральных норм. Существует три основные причины, по которым в концепции веры в справедливый мир для себя поощряется прощение.

Во-первых, такая вера адаптивна, потому что дает людям чувство контроля. Нарушения угрожают личному контролю, а прощение помогает жертвам регулировать свои аффективные и когнитивные реакции, чтобы они больше не несли бремя, возложенное на них преступлением. Таким образом, прощение как внутриличностное явление служит адаптивной функции.

Во-вторых, для людей с высокими показателями справедливости мира по отношению к себе существует моральный долг действовать в соответствии со своим личным контрактом с миром. Поскольку общество ценит и вознаграждает затраченное время и упорный труд, мы получаем то, что заслуживаем, и мы заслуживаем то, что получаем. Неудивительно, что хорошее случается с хорошими людьми, а плохое — с плохими.

В-третьих, люди, которые считают, что мир относится к ним справедливо, в целом положительно относятся к человечеству. Такая позитивная ориентация на других позволяет жертвам отказываться от краткосрочных целей (таких, как ответные меры) и вместо этого уверенно инвестировать в будущее, ожидая, что они будут надлежащим образом вознаграждены за свои действия. Прощение — это ответ, ориентированный на подход, который служит для поддержания ценных отношений. Прощение как межличностный феномен представляет собой полезную, ориентированную на будущее просоциальную стратегию, помогающую жертвам защититься от угроз их самости (Bartholomaeus, Strelan, 2016).

Личный контракт человека с миром расширяет возможности для инвестиций и приверженности долгосрочным просоциальным целям, потому что «люди, которые верят, что мир предназначен только для себя, также склонны быть теоретиками роста. Они рассматривают проступки не как препятствия, а как возможности для роста в отношениях. Таким образом, они ориентированы на будущее, как того требует вера в справедливый мир для себя. Поэтому они принимают соразмерное дальновидное поведение — например, прощение — для защиты от мировой угрозы справедливости» (ibid., p. 110).

Неправильный мир — значимая часть экзистенциальной реальности

Мир человека многомерен и сложен, и потому в каждой из образующих его реальностей можно найти не только «правильное», но и «неправильное». Человек не является простой системой, функционирующей только в правильном мире. Многомерность мира способствует

тому, что субъект иногда вынужден действовать в ситуациях с отношениями противоположностей. Противоречивость ситуаций человеческого бытия нередко проявляется в конфликтах интересов взаимодействующих людей. Особенно часто конфликт интересов возникает из-за разного понимания социальных и моральных норм. Во многих ситуациях договоренности, правила и нормы не соблюдаются, в результате чего невинные люди становятся жертвами произвола, а нарушители чувствуют себя безнаказанными. Так, в 2021 г. у автоблогера Э. Давидыча было 674 штрафа за нарушение правил дорожного движения, у Э. Била – 566, у Н. Ивлеевой – 440 нарушений. При этом значительная часть штрафов (в основном не заплаченных) связана с превышением скорости. Естественно, что нарушители правил так или иначе ущемляют права других водителей и пешеходов, а также порождают у них чувство возмущения безнаказанностью.

Людям трудно понимать, а тем более принимать ситуации неправильного мира (потерю ребенка, спортивную травму, внезапную опасную перестройку водителя в другой ряд движения) из-за их непредсказуемости, неожиданности, маловероятности. В неправильном мире нарушаются законы причинно-следственной связи, в результате чего искажается стабильная картина представлений о действительности, затрудняется планирование результатов на основе известных правил: ничто не предрешиено и ничто невозможно предсказать. «За счет этого в этой области не существует связи между моралью и успехом и, соответственно, невозможно проследить причинно-следственные связи и понять правила. В нем можно достичь успеха, но остаться плохим и нелюбимым и можно быть слабым и никчемным, но хорошим и получать любовь. Неправильный мир – это место, в котором невозможно жить, невозможно строить планы и надеяться на лучшее. За счет этого он может включать в себя неоднозначные образы, содержащие в себе возможность изменения себя и реальности» (Колотаев, Улыбина, 2017, с. 96).

В экзистенциальной реальности неправильность проявляется, в частности, в понимании человеком того, что такое справедливость по отношению к другим и самому себе. Первым шагом на пути разрушения веры человека в правильность и справедливость мира может стать внезапное осознание серьезного заболевания: «У больных разрушается иллюзия справедливого устройства мира, возникают вопросы: „Почему я заболел?“, „За что?“, „За какие грехи?“. Эти вопросы очень важны для человека, так как в дальнейшем они могут трансформироваться в поиски ответа на вопрос „Каков смысл моей болезни?“» (Чулкова, Пестерева, 2010, с. 91).

Мнение о несправедливости мира порождает убеждение в его неправильности. Неудивительно, что для психологов наряду с верой в справедливый мир социально значимым предметом исследования стала и вера в несправедливый мир. Первая отражает веру некоторых категорий людей в упорядоченность мира, тогда как вторая – в его произвольность. Например, заключенные больше верят в несправедливый мир, чем тюремные охранники. Вера в несправедливый мир может облегчить совершение преступления или уменьшить чувство вины после него. Такая вера играет защитную роль: при получении негативного опыта людям может угрожать чувство, что они не могут достичь положительных результатов. Из-за этого люди рационализируют, объясняя себе и другим, что негативные события в несправедливом мире неизбежны, следовательно, они случаются не по их вине. Убеждение в несправедливости мира основано на мнении, что награды и наказания не распределяются правильным, должным образом. Люди, убежденные в несправедливости мира, менее оптимистичны, они полагают, что в их жизни негативные события более вероятны, чем положительные. Кроме того, у них более выражены тревожность, депрессия, невротизм (Lench, Chang, 2007).

Люди, часто воспринимающие события как негативные, скорее всего,отреагируют на них, укрепив свою веру в несправедливый мир. Такая реакция способствует появлению гнева, раздражительности и неадекватному поведению. Например, субъекты, считающие мир несправедливым, с меньшей вероятностью будут соблюдать режим лечения, успешно справляться с утратой или травмой (Dalbert et al., 2001). Вера в справедливый мир обусловлена мотивацией защиты себя, она более стабильна и устойчива к изменениям. Вера в несправедливость мира, напротив, зависит от ситуативного опыта и с большой вероятностью должна измениться с появлением новой информации. Согласно результатам психологических исследований с использованием методики «Шкала веры в несправедливый мир», вера в справедливость мира и вера в его несправедливость являются ортогональными и слабо связанными между собой факторами. Людям трудно одновременно поддерживать веру в справедливый мир и веру в несправедливый мир (Lench, Chang, 2007).

В прошлом веке в исследованиях, анализирующих веру в справедливый мир, источники справедливости (что или кто порождает это чувство) не указывались, а скорее отражались в общем понятии «мир». Только недавно в психологической литературе появились публикации, направленные на изучение источников, на основа-

нии которых у человека происходит формирование представлений о справедливости, а также действий в ответ на несправедливость. К. Строби с соавт. выделили пять источников справедливости (природа, Бог, другие люди, Я, случайность), которые отображаются в относительно независимых измерениях. Авторы полагают, что способность людей справляться с важными жизненными событиями и их эмоциональное благополучие определяются источниками, которые они считают ответственными за справедливость. По их мнению, определенные источники (Бог, природа, другие люди) должны с большой вероятностью вызывать ориентированные на действие реакции. Хотя обычно предполагается, что люди реагируют на угрозы своей вере в справедливый мир осознанием необходимости восстановить справедливость, восстановление происходит не очень «проактивно»: люди часто обвиняют жертв несправедливости в их судьбе, а не принимают меры по устранению ее последствий. Методика веры в несправедливый мир лучше способна предсказывать социальные действия, когда существует соответствие между доступным типом поведения и предполагаемым источником справедливости. Будут ли люди выступать против несправедливости, зависит от того, кто или что, по их мнению, обеспечивает справедливость мира. Те, кто твердо убежден в том, что Бог определяет мир как справедливый, вероятно, будут участвовать в различных индивидуальных или коллективных акциях в ответ на несправедливые жизненные события, включая непосредственную помощь жертвам несправедливости. Напротив, измерения «Я» и «Случайность» связаны с бездействием. Следовательно, для ответа на вопрос М. Лернера о том, как люди справляются с несправедливостью в своей жизни, необходимо учитывать не абстрактное всеобъемлющее чувство справедливости, а индивидуальные системы убеждений, относящиеся к тому, кто или что распределяет награды и наказания. Индивидуальные системы убеждений по-разному связаны с компонентами шкал веры в справедливый и несправедливый мир, а также с восприятием и реакцией на негативные жизненные события (Stroebe et al., 2015).

* * *

Итак, конвенциональные знания о правильности или неправильности устройства социального мира становятся психологическим основанием его понимания-интерпретации. Психологические характеристики интерпретации неразрывно связаны с верой понимающего мир субъекта в справедливость или несправедливость мира.

Источники веры не однородны, а, напротив, очень разнообразны: они включают внутриличностные, коммуникативные, метафизические, гносеологические и природные факторы.

Литература

- Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М. – СПб.: Степной ветер—ИД «Коло», 2005.
- Борзова Т. В.* Теоретические основы психологии понимания в обучении. Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2013.
- Знаков В. В.* Три типа понимания мира человека – три типа психологического знания // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 194–223.
- Иванченко Г. В.* Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве. Таганрог: Изд-во ТРТГУ, 1999.
- Колотаев В. А., Улыбина Е. В.* Варианты преобразования феномена веры в несправедливый мир в кинематографе // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 2 (8). С. 91–106.
- Липатов А. А., Купрейченко А. Б., Громова А. И., Шрадер Х.* Правильное общество / Под ред. Ю. В. Веселова. СПб.: Питер, 2015.
- Марков А. В.* Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Corpus—АСТ, 2015.
- Нехаев А. В.* Мнение как познавательная форма: логико-семиотический анализ: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Тюмень: Тюменск. гос. ун-т, 2009.
- Нехаев А. В.* Прагматика мнения: правдоподобность versus вероятность // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2008. № 10. С. 124–132.
- Ремезова И. И.* Человек и мир: в поисках красоты и гармонии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. «Философия». 2021. № 3. С. 17–41.
- Толочек В. А.* Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Часть 2 // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 3 (120). С. 72–86.
- Улыбина Е. В.* Ловушка справедливости: способы снятия неопределенности в картине мира личности // Мир психологии. 2017. № 2 (90). С. 100–108.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.

- Чулкова В. А., Пестерева Е. В. Клинико-психологические аспекты в онкологии // Вестник СПб. ун-та. Социология. 2010. № 1. С. 91–100.
- Эйнштейн А. Бог не играет в кости: моя теория относительности. М.: Родина, 2021.
- Юревич А. В. Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–96.
- Bartholomaeus J., Strelan P. Justworld beliefs and forgiveness: The mediating role of implicit theories of relationships // Personality and Individual Differences. 2016. V. 96. P. 106–110.
- Dalbert C., Lipkus I. M., Sallay H., Goch I. A just and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs // Personality and Individual Differences. 2001. V. 30. № 4. P. 561–577.
- Lagattuta K. H., Nucci L., Bosacki S. L. Bridging theory of mind and the personal domain: children's reasoning about resistance to parental control // Child Development. 2010. V. 81. № 2. P. 616–635.
- Lench H. C., Chang E. S. Belief in an unjust world: When beliefs in a just world fail // Journal of Personality Assessment. 2007. V. 89. № 2. P. 126–135.
- Lerner M. J., Miller D. T. Just world research and the attribution process: looking back and ahead // Psychological Bulletin. 1978. V. 85 (5). P. 1030–1051.
- Richardson C. B., Mulvey K. L., Killen M. Extending Social Domain Theory with a Process-Based Account of Moral Judgments // Human Development. 2012. V. 55. № 1. P. 4–25.
- Smetana J. Social-cognitive domain theory: Consistencies and variations in children's moral and social judgments // Handbook of moral development / M. Killen, J. G. Smetana (Ed.). Mahwah, NJ: Erlbaum, 2006. P. 119–154.
- Strelan P., Sutton R. M. When just-world beliefs promote and when they inhibit forgiveness // Personality and Individual Differences. 2011. V. 50. P. 163–168.
- Stroebe K., Postmes T., Tauber S., Stegeman A., John M.-S. Belief in a Just What? Demystifying Just World Beliefs by Distinguishing Sources of Justice // PLoS One. 2015. V. 10. № 3. P. 1–30.

Экспериментально-психологические концепции в дореволюционной российской психологии¹

А. А. Костригин, Н. Ю. Стоюхина

doi: 10.38098/

В современной российской науке присутствует широкая дискуссия о доминирующих направлениях, парадигмах и подходах в психологии. Достаточно часто все их многообразие сводится к следующим противоположным друг другу парам – естественнонаучная и гуманитарная, количественная и качественная, номотетическая и идеографическая, объяснительная и описательная, эмпирическая и философская (религиозно-философская) психология и др. (Братусь, 2005; Бусыгина, 2009; Гусельцева, 2006; Епанчинцева, Козловская, 2011; Корнилова, 2007; Мазиллов, 2013; Мироненко, 2021; Мироненко, Сорокин, 2008; Парадигмы в психологии..., 2012; Пископпель, 2008; Розин, 2018; Романова, Рыжов, 2014; Хомская, 1997, Шадриков, 2021; Юревич, 2005а, 2007). Как представляется, проблема разделения психологии на две части возникла еще на рубеже XIX–XX вв., когда психологическая наука в России находилась на этапе становления, переживала свой первый и далеко не последний кризис (Василуок, 1996; Гусельцева, 2006; Мазиллов, 2019; Мироненко, 2008; Хрестоматия по истории психологии..., 1980; Юревич, 1999).

Несмотря на то, что XX в. для зарубежной и российской психологии ознаменовался доминированием экспериментального подхода, а в настоящее время психологическая наука, прежде всего, понимается именно как экспериментально ориентированная область исследований, интерес к гуманитарной (описательной, идеографической) психологии (этот термин будет использоваться нами в значении психологии, которая занимается внутренним миром человека в самом широком смысле слова, но без использования экспериментальных методов – Братусь, 1990; Воробьева, 1995, 2004; Лызлов, 2006; Сироткина, 1998; Слободчиков, Исаев, 1995) всегда оставался и наблюдается до сих пор (Васильев, 2010; Гостев, Борисова, 2012;

---

1 Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2022-0001.

Дорфман, 2005, 2008; Зенько, 2009; Карицкий, 2019; Психологическая мысль России, 2001; Славская, 2015; Фёдоров, 2005; Шадриков, 2021; и др.). Судя по количеству публикаций, описание истории становления и развития гуманитарной психологии в России является более полным по сравнению с рассмотрением процесса формирования экспериментальной психологии.

Как представляется, такое положение вещей может быть связано, в частности, с тем, что гуманитарная психология некоторыми исследователями XX и начала XXI в. рассматривалась как предшествовавший или уже завершённый этап (Кольцова и др., 1997, с. 134; Ярошевский, 1974, с. 318), сопутствовавший или второстепенный вариант (Дружинин, 2000, с. 5; Корнилова, Смирнов, 2019, с. 367–376; Юревич, 2005б, с. 207; 2007, с. 5) развития психологической науки, поэтому данная область психологических идей и концепций является наиболее очевидным и распространённым предметом историко-психологических исследований. Что касается экспериментальной психологии, то она воспринимается как современная, действующая, продолжающаяся в настоящее время научная парадигма (Барабанщиков, 2011а; Берулава, 2008; Корнилова, 2006; Ломов, 1990; Мазиллов, 1998; Ярошевский, 1976), её история пока ещё только пишется.

Другой причиной недостаточного освещения истории экспериментальной психологии является трудность описания и анализа именно самих экспериментов (единиц экспериментальной психологии): обычно представляются уже результаты и выводы исследований ученого, что переводит историко-психологический анализ из эмпирической в теоретическую плоскость. В последнее время в зарубежной истории и методологии психологии наблюдается значительный интерес к анализу и своеобразной «ревизии» (проверке, критической оценке) классических психологических экспериментов (Digdon et al., 2014; Harris, 2011; Perry et al., 2020; и др.), что, по нашему мнению, может составлять одно из направлений историко-психологических работ по экспериментальной психологии. В российской научной литературе данная проблематика поднимается достаточно редко (Ясницкий, 2013). Вероятно, именно поэтому история теоретических идей, особенно в области гуманитарной психологии, является более распространённым жанром историко-психологических публикаций. Более того, при анализе только теорий нет необходимости выходить за рамки именно идей и обращаться к эмпирическим исследованиям и результатам.

Дополнительно стоит рассмотреть ещё один концептуальный аспект для постановки задач историко-психологического исследова-

ния в области экспериментальной психологии, касающийся материальной стороны научного исследования – это научные приборы и аппараты (Виноградова, 2012). «Научные объекты» и «научные вещи» также выступают «участниками» истории науки, через которые можно реконструировать историю под новым углом зрения или выявлять дополнительные аспекты традиционных исторических моделей (Латур, 2002; Шиповалова, 2013). В истории психологии исследовательские приборы занимали значимое место в педологических, психолого-педагогических, психотехнических, собственно экспериментальных исследованиях, однако в настоящее время работ по этой теме лишь небольшое количество (Котомина, 2018, 2020; Стародубцева, Родионова, 2020; Стоюхина, Костригин, 2019).

Обозначенные ракурсы в проблематике истории экспериментальной психологии в России показывают, что могут быть поставлены более частные и узкие историко-психологические задачи. В настоящее время выходят публикации, посвященные крупным и магистральным вопросам и показывающие историю российской экспериментальной психологии в общем (Барабанщиков, 2011б; Блинникова, Сироткина, 2007; Брушлинский, 1990; Будилова, 1960, 1961, 1985, 1990; Будилова, Кольцова, 1985; Драпкина, Полякова, 1985; Дубровина, 2013; Егоров, 1986; Ждан, 1990, 2011; Журавлев, 2012; История и некоторые вопросы..., 1990; Кольцова, 1985, 1990, 2011; Кольцова, Олейник, 1986, 2017а, б; Кузьмин, Якунин, 1985; Ломов, 1986; Мазилев, 1998, 2011; Стоюхина, 2016) и только некоторые работы обращаются к отдельным сторонам развития экспериментальной психологии в начале XX в. (Артемьева, 2012; Батыршина, 2010; Большакова, 1990; История и некоторые вопросы..., 1990; Киселева, Горячева, 2011; Литвиненко, 2017; Носкова, 1990, 1997; Пономаренко и др., 1990; Сафарян и др., 2006). Как представляется, во многих публикациях один и тот же объект исследования: персоналии (В. М. Бехтерев, А. Ф. Лазурский, А. П. Нечаев и др.), лаборатории (в Казани, Москве, Санкт-Петербурге и др.), институции (Казанский университет, Московский университет, Санкт-Петербургская военно-медицинская академия, Харьковский университет, Педагогический музей при Главном управлении военно-учебных заведений, Психологический институт им. Л. Г. Щукиной и др.), освещаются похожие положения (первые идеи, подходы, исследования и др.), используется небольшое количество источников. Сложившаяся ситуация в области изучения истории российской экспериментальной психологии представляет собой слабо развивающееся исследовательское поле, которое требует оригинальных подходов к постановке новых исследовательских проблем и задач.

В данной работе ставится цель анализа первых концептуальных моделей экспериментального изучения психических явлений в российской психологии до 1917 г. Хотя это традиционная задача, которую решали во многих историко-психологических работах, однако мы все же выйдем за рамки часто рассматриваемых имен, а также обозначим научные направления, в рамках которых выдвигались экспериментально-психологические модели (российская психология дореволюционного периода развивались также на пересечении с психиатрией и педагогикой). Кроме того, новизной данной работы является анализ большего количества публикаций, относящихся к анализируемому ученому, а также описание динамики взглядов упоминаемых персоналий на проблемы экспериментальной психологии.

Рассматриваемый период (с 1890-х годов до 1917 г.) был выбран по нескольким причинам: во-первых, в эти годы появились первые экспериментальные идеи непосредственно в психологии (в физиологии и психиатрии они появились раньше); во-вторых, до 1917 г. психология развивалась относительно свободно и согласно научным принципам (Кун, 1975): множество идей и подходов конкурировали друг с другом (что будет нами показано ниже), в то время как после 1917 г., особенно в 1920-е годы, появился идеологический компонент в психологии (Репрессированная наука..., 1991); в-третьих, в данный период возможно проследить процесс перехода от эмпирической (интроспективной) к экспериментальной психологии и выявить остаточные элементы эмпиризма в экспериментальных концепциях, что позволит определить специфические подходы, которые в дальнейшем развивались в ранних советских психологических школах.

Перед тем как представить собственно экспериментально-психологические концепции российских ученых, рассмотрим предпосылки возникновения и распространения экспериментальных идей во второй половине XIX—начале XX вв.

Предпосылки экспериментального изучения психических явлений в работах эмпирических психологов на рубеже XIX—XX вв.

О возможности приложения эксперимента в психологии высказывались многие российские эмпирические психологи второй половины XIX—начала XX в. Под эмпирической психологией мы понимаем то направление психологической науки XIX в., в рамках которой использовался метод самонаблюдения (интроспекции) и субъективно исследовались факты сознания, психические процессы и другие ду-

шевные явления (Костригин, Стоюхина, 2016). Эмпирическая психология выступила некоторым фундаментом, от которого отталкивались ученые в процессе разработки экспериментальной психологии.

Философ и психолог Михаил Иванович Владиславлев (1840—1890) оценивал положительно само намерение применить естественно-научный эксперимент в психологии. «Так как душевные явления тоже суть факты, то явилось естественное желание, чтобы и они были, по возможности, подвергнуты экспериментам и изучены точно. Высказываются даже такие мнения, что психология никогда не станет точною наукою, пока не даст такое же приложение у себя эксперименту, какое он получил уже в физике, например, или в химии. Такие желанья сами по себе очень хороши: ибо кто-же из психологов не хотел бы сообщить своей науке наибольшую точность. В приложении к ощущениям это желание до некоторой степени осуществлено и получены значительные результаты. Если бы оказалась возможность еще расширить приложение эксперимента в психологии, тем лучше. Но следует помнить, что в душевной жизни есть особые условия и обстоятельства, делающие опыт неприменимым к большинству душевных состояний» (Владиславлев, 1881, с. 11—12). К таким условиям ученый относил неосуществимость некоторых экспериментов (например, помещение человека в ситуации, угрожающие его физическому и психическому благополучию), а также низкую возможность управления психическими явлениями (например, произвольного переживания каких-либо эмоций, изолирования одного психического явления от другого и др.).

Протоиерея Александра Константиновича Гиляревского (1852—не ранее 1910) тоже интересовало применение экспериментального метода в психологии. «В последнее время представители естествознания все более и более стали говорить о необходимости применять к психологии *экспериментальный* метод естественных наук, чтобы производить точные наблюдения над искусственно произведенными душевными явлениями. Относительно подобных заявлений должно заметить, что если под психологическим экспериментом разуметь намеренное воздействие с целью дать иное направление естественному ходу душевной жизни, то вся наша духовная жизнь может быть непрерывным рядом экспериментов над самим собою (самовоспитание и самоисправление, вообще — различные виды самодеятельности) и другими (воспитание и т. п.). Если же от эксперимента требуют, чтобы он вызывал произвольно избранное и при том заранее predetermined душевное явление, то о таком психологическом эксперименте не может быть и речи <...>» (Гиляревский, 1883, с. 14—15).

Священнослужитель это объяснял тем, что все душевные явления протекают естественно и не могут быть искусственно воспроизведены, они связаны друг с другом и их невозможно разделить, невозможно напрямую воздействовать извне на причину возникновения и протекания различных психических явлений, наконец, экспериментальное изучение будет сталкиваться со свободной волей человека и препятствовать свободному течению душевной жизни. «Поэтому экспериментальный метод, как понимают его представители естествознания, может быть приложен только к одним материальным явлениям; следовательно, и психолог может производить эксперименты только над процессами, совершающимися в нервной системе, насколько это будет требоваться интересами психологического исследования, но не над явлениями, которые имеют чисто психическое происхождение» (Гиляревский, 1883, с. 15–16).

Похожие идеи высказывали и другие авторы, однако они не использовали термины «эксперимент» или «экспериментальный метод»: о «положительном методе» в психологии писал историк и психолог Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) (Кавелин, 1972, с. 9), о «приемах естествознания» говорил философ и филолог Сильвестр Сильвестрович Гогоцкий (1813–1889) (Гогоцкий, 1880, с. 5), на «психологический опыт» указывал философ Николай Григорьевич Дебольский (1842–1918) (Дебольский, 1886, с. 16), приложение «объективного метода» к изучению психических явлений рассматривал психолог и философ Александр Иванович Введенский (1856–1925) (Введенский, 1891, с. 19) и др. Отметим, что обозначенные здесь точки зрения, хотя и связаны с экспериментальным психологическим исследованием, однако не являются оформленными экспериментальными представлениями. Во многих работах российских психологов XIX в. рассматривалось изучение души и психики с помощью физиологии, внешнего наблюдения и других методов, но эти идеи, по нашему мнению, относятся к предыдущему этапу развития научных методов в психологии, когда доминировало эмпирическое направление (с использованием методов интроспекции и самонаблюдения). Переход же к экспериментальному исследованию в российской психологии произошел после открытия Владимиром Михайловичем Бехтеревым (1857–1927) лаборатории экспериментальной психологии в Казани и создания Московского психологического общества в 1885 г., а наиболее активными представителями «новой» психологии стали совсем другие ученые, которые ранее не принадлежали к эмпирическому направлению (о них и их представлениях об экспериментальной психологии будет сказано ниже).

В этом разделе необходимо еще указать на смену отношения эмпирических психологов к эксперименту в начале XX в. Если сначала ученые этого направления не во всем положительно оценивали использование экспериментальных методов в психологии, выражали опасение о потере «идентичности» психологии как науки, изучающей субъективные и внутренние явления, которые доступны только самому человеку, то уже в 1900-е годы вследствие научной и институциональной (Московское психологическое общество, Русское общество экспериментальной психологии, психологические лаборатории и др.) деятельности представителей экспериментальной психологии применение эксперимента в психологии признавалось перспективным. Так, философ и психолог Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) писал о том, что экспериментальная психология сможет решить те задачи психологии, которые сложны для эмпирического (интроспективного) направления. «По-видимому, экспериментальной психологии предстоит большое будущее, но, кажется, не будет слишком суровым сказать, что до сих пор она еще не успела оправдать возлагаемых на нее огромных упований. Причина тому лежит отчасти в чрезвычайной трудности предмета исследования, отчасти в некоторой ограниченности и случайности задач, которые она себе ставила до сих пор» (Лопатин, 1903, с. 17). К таковым задачам психолог относил точное установление связи между физиологическими и психическими состояниями, а также исследование отдельных душевных явлений и фактов в произвольно выбранных условиях. «В большинстве случаев психические явления по произволу вызываться не могут, по крайней мере, с тою чистотою и точностью, какая нужна для того, чтобы эксперимент назвать научным, но в некоторых случаях психологические эксперименты действительно возможны в самом строгом смысле этого слова» (там же, с. 18).

Также приведем в качестве примера изменившуюся позицию А. И. Введенского. Он определял эксперимент как разновидность наблюдения и указывал на общие преимущества этого метода: изучение и наблюдение новых, до сих пор не наблюдавшихся явлений, воспроизведение и многократное повторение опытов, определение причин изучаемых явлений, выявление зависимости количественных изменений изучаемого явления от различных условий и др. А. И. Введенский считал, что техника (приборы) и методика психологических экспериментов похожи на физические, в некоторых случаях организация и проведение первых даже «легче», однако сложность данного метода заключается в понимании полученных фактов и формулировании выводов. Несмотря на то, что сильные стороны психологичес-

кого экспериментирования становились очевидными, его развитие пока еще находилось не на высоком уровне, в том числе по причине поиска соответствия между измерением и душевными явлениями, что тормозило признание эксперимента основным методом психологии. «Словом: теперь если и задерживают развитие экспериментальной психологии какие-либо причины, то уже не временные, исторические, а *постоянные, внутренние*, коренящиеся в самом изучаемом предмете, в таких особенностях душевной жизни, *вследствие которых преимущества эксперимента пред наблюдением при чисто психологических вопросах одни вовсе не могут быть осуществлены, а другие могут быть осуществлены лишь в сравнительно немногих случаях* <...>» (Введенский, 1908, с. 92).

В работах эмпирических психологов присутствовали достаточно детальные представления об эксперименте, однако они все еще сомневались в полноценном статусе экспериментального метода в психологии, а также наблюдались «инерция» взглядов и зависимость от эмпирической (субъективной, интроспективной, религиозно-философской) традиции, доминировавшей в XIX в. Постепенное изменение отношения к эксперименту свидетельствовало о том, что вклад экспериментальных исследований в развитие психологии был очень значим. Причиной такого успеха экспериментальной психологии стали работы представителей этого нового направления.

Проблемы экспериментальной психологии в работах психологов, психиатров и физиологов конца XIX—начала XX в.

Экспериментально-психологические исследования проводились многими врачами, психиатрами, физиологами и психологами — представителями нового психологического подхода. Таких работ было большое количество, но они имели зачастую узкое и прикладное значение. Мы ограничим рассмотрение количества таких исследований только теми, в которых обозначались теоретические аспекты психологического эксперимента.

Этот раздел является предварительным, в нем пока еще не будут рассмотрены экспериментально-психологические концепции, так как эта форма относится к высшим уровням разработки психологического знания. Научные концепции появляются не сразу, до них и параллельно с ними проводятся конкретно-эмпирические, прикладные и невысокого уровня теоретического обобщения исследования, подготавливающие почву для оформления концепции, а также выполняющие функцию как поддержки, так и крити-

ки, на основе чего уточняются различные теоретические положения. Поэтому приведенные далее взгляды ученых на проблемы психологического эксперимента покажут контекст разработки экспериментальной психологии в России на рубеже XIX–XX вв.

Прежде всего укажем на вклад психиатров в распространение экспериментально-психологических идей. Московский врач-психиатр Петр Петрович Викторов (1853–1926?) выступал за объединение психологии и физиологии на пути изучения личности, в том числе за введение психологических проблем в задачи физиологического экспериментирования. «Что такое, однако, психология в тесном смысле слова? Когда метафизики, прежней памяти, учили, что психические явления и вообще наша личность, „я“, есть лишь проявление мыслящей субстанции духа, которая в своих независимых от материи свойствах делала лишь то одолжение животной организации, что прикреплялась к *glandula pinealis*¹ в мозгу (Декарт), тогда мы, без сомнения, имели психологию в тесном смысле слова, ибо если сама духовная субстанция была нечто независимое от организма, то следовательно, и изучать ее нужно было независимо, отдельно. Но с тех пор, как *glandula pinealis* оказалась простым комочком эпителиальной ткани, не содержащим в себе даже мозгового, мыслящего вещества, психология должна была сойти со своих непокорных высот в тесную камеру физиологического эксперимента. Спрашивается, если теперь, как и прежде, мы станем изучать психические явления отдельно от физиологических, то чем собственно будем отличаться от метафизиков, хотя бы и приняли наименование позитивистов? Я думаю, что ничем» (Викторов, 1887, с. 5–6). Эта довольно крайняя точка зрения уточнялась ученым в виде подхода в психиатрии и клинической психологии, направленного на исследование личности как психофизиологического феномена, совокупности субъективных и объективных проявлений нервно-психического аппарата (там же, с. 8). Таким образом, одной из предпосылок развития экспериментальной психологии была разработка физиологической психологии, или психофизиологии.

Другим направлением психиатрических работ, повлиявших на становление экспериментальной психологии, стало обоснование экспериментально-психологического метода при изучении нервных и душевных болезней. Этот и ряд других естественно-научных методов составляли систему точного и надежного психиатрического обследования. Так, психиатр, психолог и публицист Павел Ивано-

---

1 Шишковидная железа, или эпифиз (*лат.*).

вич Ковалевский (1849–1923) описывал основные механизмы функционирования душевной деятельности на основе экспериментально-психологических исследований (Ковалевский, 1885). То же более четко сформулировал психиатр Наум Израилевич Скляр (1869–1957) при описании психиатрической деятельности немецкого специалиста Карла Роберта Зоммера (1864–1937). «Зоммер же, хотя и придает значение клиническому наблюдению, но выше всего ставит физические, химические, а главным образом экспериментально-психологические способы исследования единичных симптомов или симптомокомплексов в различные моменты течения болезни, что для него является предпосылкой научной диагностики и прогностики» (Скляр, 1912, с. 2). Как представляется, экспериментально-психологический метод в данном случае не рассматривался как собственно психологический, но как междисциплинарный (Бернштейн, 1908; Россолимо, 1894; и др.).

Включение эксперимента в ряд объективных методов научной психологии, имевших перспективу дальнейшей разработки, было осуществлено психиатром Владимиром Федоровичем Чижом (1855–1922). Он отметил место современной ему психологии, которое находилось не вне сферы собственно научного и объективного изучения, а примыкало к области естествознания. «Современная психология не выделяет себя от всех остальных наук, как то было со старой психологией, стоявшей в стороне от всех остальных наук; современная психология стоит в ближайшей связи с естествознанием вообще; анатомия и физиология нервной системы служат главными вспомогательными знаниями для современной психологии; одним слово, психология все более и более сближается и сливается с другими отраслями знания <...>» (Чиж, 1894, с. 50). По мнению В. Ф. Чижа, одним из важнейших признаков науки, которым стала обладать и психология в конце XIX в., является использование опыта и математики при изучении психических явлений. Ученый относил к методам научной психологии, реализующим принципы получения опыта и измерения (математического выражения), физиологический метод, наблюдение, психофизику, психометрию; последнюю он обозначал разделом экспериментальной психологии. Определение психологического экспериментирования объективным методом, удовлетворяющим всем критериям научности, представителем психиатрии и в дальнейшем непосредственным участником формирования экспериментальной психологии явилось значимым событием. К сожалению, собственной концепции психологического эксперимента В. Ф. Чиж не предложил.

В работе психиатра Исаака Григорьевича Оршанского (1851–1923) подчеркивалась актуальность широкого применения экспериментального метода в психологии в ответ на существующую в его отношении критику. «Можно ли серьезно ввиду <...> все более и более широких завоеваний и приобретений, делаемых ежедневно экспериментальной психологией, оспаривать право этого метода на научное значение? Очевидно – нет» (Оршанский, 1897, с. 58). По мнению ученого, в будущем, безусловно, будут определены ограничения и недостатки экспериментальной психологии, однако для того, чтобы приблизиться к этому ее состоянию, необходимо всестороннее развитие данного направления. «Пока же экспериментальная психология может отстаивать свое право на законное научное существование как метода, тем же способом, каким в древности философ опровергнул возражения софиста, отрицавшего возможность движения, тем, что он, философ, пошел. Экспериментальная психология может сказать в свою очередь: я существую и, мало того, двигаюсь вперед» (там же, с. 58).

Поддерживая проведение экспериментально-психологических исследований, И. Г. Оршанский выступал против критики не только самого метода, но и теории, лежащей в его основе, – психофизической теории. «Замечательно при этом, что критика настолько же беспощадна к теоретическим начала психофизики и экспериментальной психологии, насколько она безмолвно преклонилась перед фактом существования нового опытного метода в психологии. Различая таким образом метод от теории, критика этим самым отрицает взаимную тесную связь, соединяющую новый метод с новыми воззрениями на содержание и задачи психологии <...>» (там же, с. 59). Таким образом, психиатр обозначил проблему соотношения теории и метода: экспериментальный метод использовался активно (причем достаточно давно – различные психофизические и экспериментальные опыты в российской психологии описывались еще в 1870-е годы), а экспериментальная теория – то, чем должна заниматься психология и что она должна изучать, – развивалась и распространялась медленно, метод обгонял теорию. Именно это и иллюстрируется приведенными нами высказываниями и впоследствии будет отмечено в подходах: концептуальное оформление экспериментальной психологии было связано в основном с самим методом и методиками, а также организацией исследования.

Оригинальную концепцию души и психики предложил психиатр Николай Васильевич Краинский (1869–1951) – энергетическую психологию. Согласно ученому, душевная деятельность выступает

проявлением психической энергии, а «последняя представляет собой особый вид общей мировой энергии и проявляется, как и во всех физико-химических процессах, в двух формах — живой и потенциальной, а потому всецело подчинена известным нам законам энергетике. С этой точки зрения все психические явления от рефлекторных до самых высших душевных движений, по моему мнению, должны быть сведены на законы физики и химии» (Краинский, 1905, с. 74). Эти проявления психической энергии необходимо исследовать специфическими методами. «Методы экспериментальные должны изучать механизм и законы проявления психической энергии, старый же метод самонаблюдения один лишь может дать ответ на вопрос о форме этой самоощущающей загадочной силы, именуемой нашим „я“» (там же, с. 76). Как полагал Н. В. Краинский, подход энергетической психологии мог бы объединить зачастую противоречившие друг другу направления объективной и субъективной психологии, стать новой комплексной психологической наукой. «Энергетическая психология вносит душевные явления в общий строй мировых событий, открывает новые широкие горизонты и примиряет экспериментальную физиологическую психологию с умозрительной и субъективной. Она дает прочную основу психопатологии, а в некоторых отделах, как в учении о памяти и человеческой личности, приводит к многим неожиданным и ценным выводам» (там же, с. 77—78). Для интеллектуального пространства российской науки начала XX в. значение экспериментальной психологии было достаточно высоким, поэтому ее включали в различные новые учения.

Свою точку зрения на задачи экспериментальной психологии высказал психиатр, психотерапевт и психолог Александр Николаевич Бернштейн (1870—1922). По его мнению, экспериментальная психология не имеет своего объекта, она содержит в себе только методы исследования психических явлений. «Экспериментальная психология не представляет собою отдельной науки; она не является даже самостоятельной отраслью или отделом науки. Понятие экспериментальной психологии характеризуется не свойствами и особенностями объекта, который она изучает, так как этим объектом оказываются те же явления и те же факты, которые интересуют психологию вообще; экспериментальная психология представляется понятием только методологическим, характеризующим приемы исследования и способы изучения различных психологических задач» (Бернштейн, 1909, с. 1). Как полагал А. Н. Бернштейн, экспериментальный метод может быть применен только к изучению проявлений душевной жизни, «феноменологической стороне психологии»; метафизи-

ческие же вопросы не входят в круг вопросов экспериментальной психологии.

Еще одной предпосылкой развития и одновременно приложения экспериментальной психологии являлось изучение гипнотических состояний. Это направление особенно активно разрабатывалось в конце XIX в. специалистами из разных научных областей — философами, психологами, физиологами, психиатрами и др. Гипнотические состояния относились к перспективной сфере исследований, на основе которых предполагалось уточнить знания о функционировании психических явлений и разработать новые объективные методы. Проиллюстрируем эту точку зрения высказыванием философа Алексея Александровича Козлова (1831—1901), который указал на значение гипнотизма для развития экспериментальной психологии. «Самый важный вклад гипнотизма в психологию уже может быть реализован теперь же, именно приложение к психическим явлениям, при посредстве гипнотизма, строгих, экспериментальных методов, или, иначе говоря, приложение к ним точного счета и измерения. В деле этой прямой экспериментации умственных явлений гипнотизм, по выражению Бони: „будет тем же для философа, чем вивисекция для физиолога“. Так он может дать самые точные эксперименты для исследования вопроса о влиянии движения на идеи; или дать возможность наблюдения патологических явлений по произволу в усиленном и ослабленном виде, напр., расстройства слова могут быть произведены посредством его с таким разнообразием форм и степеней, какого не даст никакая клиника. Точно так же можно изучить различные формы расстройства и потери памяти. При посредстве гипнотизма можно изучать самые мелкие модификации различных психических явлений в тождественных случаях» (Козлов, 1887, с. 32—33). Безусловно, предлагаемые А. А. Козловым направления гипнотических экспериментально-психологических исследований больше относятся к психиатрии и патопсихологии, однако в описываемый период (1880—1890-е годы) метод психологического эксперимента еще не стал исключительно ассоциироваться только с психологией, поэтому и вклад в его разработку вносили представители разных наук, в том числе и со стороны гипнологии (Бехтерев, 1898; Кандинский, 1890; Рыбаков, 1905; Тарханов, 1886; Токарский, 1888; и др.).

Со стороны физиологов, обсуждавших проблемы экспериментальной психологии, необходимо отметить позицию Ивана Михайловича Сеченова (1829—1905) относительно места психологии среди других наук и принципов дальнейшей разработки психологичес-

ких вопросов. Говоря о сложности объекта изучения в психологии, И. М. Сеченов активно призывал к наиболее точному исследованию психических явлений. «В самом деле, обладая таким громадным преимуществом перед науками о материальном мире, где объекты познаются посредственно, психология как наука не только должна была бы идти впереди всего естествознания, но и давно сделаться безгрешною в своих выводах и обобщениях» (Сеченов, 1873, с. 145–146). Однако успехи психологии оценивались ученым невысоко.

Эта проблема обусловила предложение И. М. Сеченова о том, чтобы психологию разрабатывали представители естествознания — физиологи. «Что касается до надежности тех рук, в которые попадет психология, то в них, конечно, никто не усомнится; порукой в этом те общие начала и та трезвость взгляда на вещи, которыми руководится современная физиология. Как наука о действительных фактах, она позаботится прежде всего отделить психические реальности от психологических фикций, которыми запружено человеческое сознание по сие время. Верная началу индукции, она не кинется сразу в область высших психологических проявлений, а начнет свой кропотливый труд с простейших случаев; движение ее будет через это, правда, медленно, но зато выиграет в верности. Как опытная наука, она не возведет на степень непоколебимой истины ничего, что может быть подтверждено строгим опытом; на этом основании в добытых ею результатах гипотетическое будет строго отдельно от положительного. Из психологии исчезнут, правда, блестящие, всеобъемлющие теории; в научном содержании ее будут, наоборот, страшные пробелы; на место объяснений в огромном большинстве случаев выступит лаконическое „не знаем“; сущность психических явлений, насколько они выражаются сознательностью, останется во всех без исключения случаях непроницаемой тайной (подобно, впрочем, сущности всех явлений на свете); и тем не менее, психология сделает огромный шаг вперед. В основу ее будут положены вместо умствований, нашептываемых обманчивым голосом сознания, положительные факты или такие исходные точки, которые в любое время могут быть проверены опытом» (там же, с. 164). Предметом психологии при физиологической ее ориентации должен выступить рефлекс, который является основой функционирования психических актов и работы органов чувств. По мнению И. М. Сеченова, только в таком случае психология станет «положительной наукой» (там же, с. 164). Хотя идеи ученого относились к тому периоду, когда положения экспериментальной психологии еще активно не обсуждались (в то время использовалось понятие «опыта»), обос-

нование И. М. Сеченовым опытности (в физиологическом значении) психологического знания определило дальнейшую разработку психологических проблем в физиологии и объективных направлениях психологии.

Другим крупным физиологом, чьи высказывания относительно психологии важны в рассматриваемом вопросе, являлся Иван Петрович Павлов (1849–1936). В работе «Экспериментальная психология и психопатология на животных» (1903) ученый обосновал специфику экспериментально-психологического исследования психических явлений, сопровождающих физиологические реакции. Интерес И. П. Павлова к психологии широко известен, поэтому нам представляется важным показать его вклад еще и в разработку психологического эксперимента.

По мнению И. П. Павлова, хотя объективное изучение психических и физиологических явлений имеет свою специфику, однако методический аспект схожий. Данный аргумент был представлен ученым как правомерный для постановки физиологом психологических задач (на примере животного). «Это будет прежде всего история обращения физиолога от чисто физиологических вопросов к области явлений, обычно называемых психическими. Этот переход произошел, хотя и неожиданно, но вполне естественно, и – что мне кажется особенно важно в этом деле – без изменения, так сказать, методического фронта» (Павлов, 1903, с. 109). Физиолог часто наблюдает в поведении животного не связанные с физиологическими факторами или труднообъяснимые с физиологической точки зрения реакции, поэтому и обнаруживается некоторая новая область исследований, в которой традиционный метод не подходит. И. П. Павлов показал различие физиологического и психологического опытов (экспериментов). «Что же характерного в этих новых явлениях сравнительно с физиологическими? Прежде всего, кажется, различие лежит в том, что в физиологической форме опыта вещество соприкасается непосредственно с организмом, а в психической форме оно действует на расстоянии» (там же, с. 113). Кроме того, как считал ученый, в психологических опытах влияние внешних предметов на физиологические реакции является «отдаленней и тоньше» (там же). Однако для того чтобы остаться в области физиологии и точного метода, необходимо признать, что наблюдаемые психические явления, во-первых, имеют рефлекторную природу и выполняют приспособительную функцию, а во-вторых, обусловлены работой центральной нервной системы. Таким образом, экспериментально-психологический метод выступал связующим звеном между физиологией

и психологией; результатом этого союза стало формирование психофизиологической отрасли в XX в.

Выше были упомянуты работы, в которых обсуждались теоретические аспекты применения экспериментально-психологического метода в различных научных областях (психиатрии, гипнологии, физиологии), что создавало предпосылки для обоснования экспериментальной психологии как самостоятельного направления.

Теперь рассмотрим методические вопросы, которые отражали значимость экспериментально-психологических исследований и разработки экспериментальных процедур в психологии. Необходимость точного психологического исследования различных психических явлений отмечалась многими авторами: при изучении памяти – врачом-офтальмологом, доктором медицины, учеником В. Ф. Чижа Карлом Игнатьевичем Заборским (1869 – ?) (Заборский, 1894), чувств – психиатром и психопатологом Иваном Алексеевичем Сикорским (1842–1919) (Сикорский, 1903), внимания – психиатром Аристархом Владимировичем Ильиным (1874–1960) (Ильин, 1908), речи – психиатром Львом Николаевичем Скородумовым (?) (Скородумов, 1913), воображения – врачом, психиатром и психологом Станиславом Доминиковичем Владычко (1878–1936) (Владычко, 1913) и др.

Особый интерес представляют работы, авторы которых предлагали различные программы экспериментального и объективного исследования психических явлений и личности. Данные программы содержали прообраз или первичную форму экспериментально-психологических концепций, причем многие из них публиковались одновременно или после возникновения полноценных концепций. Это демонстрировало неоднородность психологического знания и децентрализацию в разработке психологических проблем. Чаще всего в таких программах отсутствовали представления об экспериментальной психологии как методе и научном подходе, однако некоторые авторы, особенно если они много лет занимались экспериментальными исследованиями, предваряли свой методический инструментарий обобщениями, которые важны в рамках анализируемого в данной работе вопроса.

Экспериментально-психологические программы обследования были направлены на изучение отдельных психических процессов и их совокупности (что называлось индивидуальными особенностями, личностью, психологическим профилем и др.), а также предназначены для решения конкретных прикладных задач. Так, коллектив авторов (С. Ю. Блуменау, А. Ф. Лазурский, М. П. Лопатнев,

М. А. Минцлова, А. И. Неклюдова, Н. Е. Румянцев, Е. А. Юргенс) из лаборатории экспериментальной педагогической психологии при Педагогическом музее военно-учебных заведений в Санкт-Петербурге составил план экспериментального исследования личности, в котором предлагались методы изучения восприятия, ассоциации представлений, памяти, мышления, воображения, движений, подверженности внушению, внимания, работоспособности и утомляемости, скорости психических процессов (Методы экспериментального..., 1908). Схожую и одновременно оригинальную программу предложил коллектив (А. Н. Бернштейн, Т. Ф. Богданов, П. М. Зиновьев) другой психологической лаборатории при Московском педагогическом собрании: изучение восприятия и усвоения знаний, способности понимания, комбинаторной способности, способности сопоставления, критической способности, внимания, памяти, ассоциаций, кругозора, творчества и др. (Бернштейн и др., 1909).

Собственную программу предложил психиатр, дефектолог, специалист в области сурдопсихологии Андриан Владимирович Владимирский (1875–1932). Будучи учеником В. М. Бехтерева, он четко описывал задачи экспериментального исследования личности. «Задачи экспериментальной психологии мне представляются не всегда совершенно одинаковыми. Наиболее главной и существенной задачей является изучение психического явления, его анализ, генезис и дальнейшая эволюция» (Владимирский, 1911, с. 4). По мнению ученого, для психологического исследования важно само психическое явление, а не его носитель, поэтому экспериментальная психология может быть применена к любому живому существу. «Для чистой науки совершенно неважно, кто носитель этого психического переживания, человек, животное, растение, быть может, минерал, ее задачи совершенно отвлеченны, и тогда анализ и синтез — могучие и единственные пособия в ее победной работе. Для научной теоретической психологии живой человек постольку и нужен и интересен, поскольку можно исторгнуть из него объект изучения — психическое явление, а затем он не нужен, и судьба его совершенно не интересует чистого психолога. И чем успешнее будет это отвлечение от живого человека, тем ближе будет она к своей заветной цели — к единой истине» (там же). Таким образом, программы психологического исследования он разделял на индивидуальные или прикладные (которые изучают определенного человека) и теоретические (которые отвлеченно изучают закономерности функционирования психических явлений) (там же, с. 6). В программу исследования личности ученый включал измерение ее глазомера, точности мускульно-осязательных

восприятий, умственной работоспособности и др. Обращает на себя внимание то, что данная программа во многом связана с измерением внешне наблюдаемых реакций, в чем и прослеживается влияние школы объективной психологии В. М. Бехтерева.

Широко известны программы психологического исследования психиатра и психолога Григория Ивановича Россолимо (1860—1928), который описал значимость экспериментального метода в психологии. Он отмечал большое количество заслуг экспериментальной психологии перед физиологией и психологией, позволивших поднять статус этих наук на самый высокий уровень. «Вот почему и изучение самых сложных процессов в нервной системе, ее психических функций, так долго ждавшее своей очереди в качестве одной из глав физиологии, сделало столько завоеваний со времени признания за ним права на объективную методику, когда экспериментальная психология приобрела все права гражданства. В отношении патологических явлений значение последней уже признано лучшими современными психиатрами (Ziehen, Kräpelin, Sommer, В. М. Бехтерев и др.), а для разрешения большого числа задач педагогической психологии эксперимент оказался одним из наиболее могущественных орудий. Но еще важнее значение экспериментальной психологии для области знания, промежуточной между упомянутыми выше, для изучения сложных явлений психопатологии в связи с ростом и развитием личности: благодаря двойному источнику дефектов в недоразвитой психике чувствуется большая потребность в таких методах, которые, обладая необходимой для всякой мерки точностью и простотой объективно-психологического приема, могли бы быть применимы с одинаковым основанием к явлениям нормальной и патологической психологии» (Россолимо, 1910, с. 5). Г. И. Россолимо предложил методику «Психологических профилей», в которой на основе 380 опытов изучались и измерялись различные психические процессы (внимание, воля, восприятие, память, мышление, воображение и др.) (Россолимо, 1910; Россолимо, 1912, с. 44).

Отдельно можно выделить прикладные программы экспериментально-психологического исследования, направленные на изучение ребенка и школьника в рамках педологии и педагогической психологии. Экспериментальный метод широко применялись педагогами, педологами и педагогическими психологами. О значимости эксперимента при изучении психических явлений у ребенка писал философ, психолог и педагог Николай Дмитриевич Виноградов (1868—1936) (Виноградов, 1910), психиатр Бронислав Иванович Воротынский (1865—1925) (Воротынский, 1917), психолог Николай Ни-

колаевич Ланге (1858–1921) (Ланге, 1910), педагог и психолог Николай Ефимович Румянцев (1876–1919) (Румянцев, 1910) и др.

Одной из первых таких программ являлась работа, составленная под руководством А. П. Нечаева (мы приведем здесь только содержание этой программы, а его экспериментально-психологическую концепцию опишем в следующем разделе статьи). План обследования предполагал изучение развития памяти и интересов у школьников с помощью ассоциативного метода и запоминания слов (Наблюдения над развитием..., 1901). Подобная программа психологического обследования была разработана Г. И. Россолимо (1906) для изучения особенностей развития психических процессов у ребенка — интеллекта, памяти, воображения, внимания, чувств, воли, речи и др. При описании различных приборов из лаборатории экспериментальной педагогической психологии Педагогическом музее военно-учебных заведений в Санкт-Петербурге Н. Е. Румянцев обозначил и направления психолого-педагогического изучения ребенка — исследование периодов психического развития через особенности функционирования памяти, ассоциаций, интересов, мышления, подверженность внушению, выявление факторов умственного утомления, определение эффективных способов обучения и воспитания и др. (Румянцев, 1907). Еще одним примером является составленное М. А. Павловой руководство по изучению личности ребенка как вариант психолого-педагогической характеристики. В этой работе представлены методы изучения различных свойств ощущений, восприятия, памяти, ассоциаций, внимания, воображения, мышления, речи, чувств и воли для последующего определения общих психических особенностей ребенка и его характера (Павлова, 1916).

Указанные теоретические, экспериментальные и прикладные работы по проблемам экспериментальной психологии представили контекст развития данного метода и подхода в рамках психологии, а также на пересечении с другими науками (психиатрией, физиологией, педагогикой). Значение психологического эксперимента обнаружилось уже в 1880-е годы, однако непосредственного отношения к психологической науке он не имел. «Психологическая» часть данного понятия относилась не к научной дисциплине, а к предмету изучения — психическим явлениям. Последние входили в область психиатрического (патопсихологического, клинического, гипнотического), физиологического и педагогического (педологического) исследования, поэтому психические явления еще не имели узкопсихологической коннотации, а экспериментальный метод разрабатывался представителями смежных с психологией наук. Ученые обозначили теоре-

тическую и методическую проблематику экспериментальной психологии, а главное — показали потребность в развитии данных идей.

Обратимся к более разработанным подходам в области экспериментальной психологии, которые ключевым образом повлияли на становление психологической науки в России в XX в.

Экспериментально-психологические концепции конца XIX—начала XX в.

Хотя предпосылками возникновения и формирования экспериментальной психологии являлись естественно-научные исследования в области психофизики, физиологии и психиатрии, экспериментально-психологическое направление имело собственную специфику, поэтому преемственность экспериментальных исследований в России, в первую очередь, шла от работ Вильгельма Вундта (1831—1920), у которого учились многие российские экспериментальные психологи (В. М. Бехтерев, А. Ф. Лазурский, Н. Н. Ланге, А. П. Нечаев, А. А. Токарский, Г. И. Челпанов, В. Ф. Чиж и др.). Кроме прямых ссылок на работы немецкого психолога, это выражалось в полемике представителей российской психологии с немецким ученым (Грот, 1896; Костригин, 2020; Троицкий, 1867; Чиж, 1886; и др.).

В качестве основных структурных элементов российской экспериментальной психологии в конце XIX—начале XX в. выступали концепции, которые содержали общие положения данного подхода и аспекты его реализации. При представлении и обсуждении экспериментально-психологических концепций российских исследователей мы будем использовать следующую схему описания (впрочем, не претендующую на философско-научный или теоретико-методологический статус): определение или общее представление автора об экспериментальной психологии, ее взаимоотношения с другими науками и психологическими дисциплинами (психофизикой, психофизиологией и др.), задачи, методы, особенности организации экспериментально-психологического исследования. Эта схема была выведена эмпирическим способом, так как многие высказывания авторов, охарактеризованные ниже, отражают именно эти вопросы. С другой стороны, большего количества элементов экспериментально-психологических концепций не обнаружилось, так как во многом авторы рассматривали экспериментальную психологию не как теорию (что было более характерно в отношении эмпирической, интроспективной, умозрительной или метафизической психологии), а как методологию и методику; при этом глубокой проработанно-

стью отличаются далеко не все идеи рассматриваемых авторов, поэтому данная схема не везде соблюдена полностью. Предложенный принцип представления концепций позволит определить, насколько методологически разработанной выступала экспериментальная психология в исследуемый период.

По нашему мнению, экспериментально-психологические концепции могут быть выделены в работах Н. Н. Ланге, Н. Я. Грота, А. А. Токарского, А. Ф. Лазурского, Г. И. Челпанова, В. М. Бехтерева и А. П. Нечаева. Ведущим критерием выделения концепции у конкретного автора является наличие перечисленных выше элементов, которые составляют систему взглядов ученого в области экспериментальной психологии. Дополнительным основанием признания идей исследователя разработанной концепцией выступает их присутствие в нескольких работах, причем опубликованных в разные годы. Последнее будет характеризовать динамику взглядов автора на проблемы экспериментальной психологии. Развитие экспериментально-психологических идей будет наиболее детально представлено в отношении взглядов А. Ф. Лазурского, Г. И. Челпанова, В. М. Бехтерева и А. П. Нечаева, чьи исследования заложили основы российских психологических школ.

Одна из первых оформленных концепций была изложена Николаем Николаевичем Ланге (1858–1921), определившим психологический эксперимент через организацию экспериментальных условий, когда «наблюдаемое явление ставится в особые, намеренно избранные условия, способствующие его изучению» (Ланге, 1893, с. XXIII). Эксперимент в психологии идентичен экспериментам в других науках, в которых объект изучается многократно и в различных условиях, что показало свою эффективность: «Вместо того, чтобы довольствоваться случайными встречами, в которых изучаемое явление возникает для нас неожиданно, не нужно усложненно и крайне неустойчиво, мы заставляем его протекать и повторяться любое число раз и в тех условиях, какие мы сами заранее выбрали» (там же, с. XXIII).

Н. Н. Ланге выделил несколько задач экспериментальной психологии. Во-первых, эксперимент дополняет («улучшает») самонаблюдение через создание особых искусственных условий «нормирования наблюдаемого психического явления», способствующих более точному его изучению (там же, с. XXIII, XXVIII). Во-вторых, экспериментальная психология призвана выявлять общие характеристики и законы функционирования психических явлений на основе логической теории. По мнению Н. Н. Ланге, этот признак относит психологию к объяснительным наукам. «Если бы психология

была исключительно описательной наукой, она еще могла бы, до *некоторой* степени, развиваться и помимо эксперимента, описывая и классифицируя данные сознания. Но она имеет, кроме описательной, еще более важную задачу — объяснительную; она должна указывать на законы смены психических явлений, их взаимную зависимость друг от друга» (там же, с. XXXI). В-третьих, в рамках психологического эксперимента осуществляется измерение психических явлений (их интенсивности, продолжительности, количества ошибок при выполнении упражнений и др.) и реализуются психофизические задачи. Четвертой задачей экспериментальной психологии, по Н. Н. Ланге, является объективное изучение животных и людей, находящихся в состоянии гипноза. Ученый называл это направление объективным экспериментом, который осуществляется на основе внешнего, объективного наблюдения.

Из указанных Н. Н. Ланге задач вытекают и методы экспериментальной психологии — самонаблюдение, логические методы, измерение (психофизические методы), объективное наблюдение. Особое внимание Н. Н. Ланге уделял логической задаче (выявлению законов психических явлений) и логическим методам (индуктивному исследованию), к которым он относил методы «совпадения, разницы, остатков и сопутствующих изменений» (там же, с. XXXI). Здесь ученый опирался на Дж. С. Милля. Только с помощью логических методов психология сможет определить законы, так как они находятся за пределами непосредственного восприятия и самонаблюдения: «Эти законы, сами по себе, уже не составляют данных сознания, они суть бессознательные операции или формы психической жизни. Мы можем только заключать к ним из сравнения явлений, а не наблюдать непосредственно» (там же, с. XXXI).

Полноценного описания условий или принципов организации экспериментально-психологического исследования не было в работе Н. Н. Ланге, однако данный аспект был частично им раскрыт: он обращал внимание на необходимость создания психологических кабинетов и лабораторий, в которых различные приборы и инструменты использовались бы для решения задач экспериментальной психологии (там же, с. XXI).

Оригинальной стороной экспериментально-психологической концепции Н. Н. Ланге является применение логических методов не столько для непосредственного изучения психических явлений, сколько для последующей интерпретации полученных результатов и выведения различных закономерностей. Данные процедуры могут быть определены как теоретические методы и принципы экс-

периментально-психологического исследования. С другой стороны, опора на логику являлась свидетельством присутствия в только оформлявшемся направлении экспериментальной психологии эмпирических элементов (см., например: Троицкий, 1882).

Принципиальное отличие собственно экспериментально-психологического взгляда на душу и психику от эмпирического (рассуждений эмпирических психологов об экспериментальном методе, процитированных выше) было обосновано философом и психологом Николаем Яковлевичем Гротом (1852–1899). По мнению ученого, экспериментальная психология – это качественно новое направление в науке, которое отличается от предыдущих этапов объективного изучения душевных явлений психофизикой и психофизиологией: «Психофизика и психофизиология – только преддверие *настоящей* экспериментальной психологии, которая будет изучать экспериментально чисто психические факты в их своеобразной природе, – как факты сознания, мысли, чувства, хотения и психического действия» (Грот, 1896, с. 9). Использовать новый метод – значит изучать «экспериментально процессы восприятия, памяти, ассоциации идей – в их психическом содержании и отношениях независимо от сопровождающих их физиологических процессов» (там же, с. 9). В этом случае не будет происходить смешения или даже подчинения психологии физиологии, чего опасались эмпирические психологи; экспериментальная психология должна строиться на принципиально новых основаниях.

По мнению Н. Я. Грота, особенностью экспериментально-психологического изучения является создание экспериментальных, «искусственных» условий для возникновения определенных психических явлений у человека. «Экспериментальная психология не довольствуется непосредственным наблюдением душевных явлений и умственной переработкой наблюдений в обобщения и гипотезы, а ставит себе задачей искусственно направлять эти явления и сознательно допрашивать природу со стороны психического ее существования и содержания» (там же, с. 7).

Задачами психологического эксперимента Н. Я. Грот считал: «1) определение зависимости и связи психических явлений и процессов с физическими явлениями и воздействиями *среды*, 2) определение связи и зависимости душевных явлений и процессов от физиологических процессов и анатомических условий в *организме*, 3) определение чисто психических отношений – связи и зависимости *между психическими явлениями, законами и процессами, как таковыми*» (там же, с. 32). Первая задача решается психофизикой, вторая – пси-

хофизиологией и психопатологией, третья же относится к области собственно психологии.

В качестве основного метода экспериментальной психологии Н. Я. Грот признавал самонаблюдение (а не внешнее наблюдение), так как только в самонаблюдении, во внутреннем опыте человеку даны психические явления. «Психологическое наблюдение, на какой бы ступени оно ни стояло, на какой бы объект ни обращалось, есть прежде и главнее всего *самонаблюдение*, но не в смысле старого приема *самосозерцания нашего „я“* — в отвлеченных его свойствах, способностях и отрешенной от вещества субстанциональности, а лишь в том смысле, что отдельные психические факты в их собственно *психическом* содержании, как факты ощущения, представления, чувства, хотения и проч., даны только самосознанию и никакими внешними чувствами наблюдаемы быть не могут» (там же, с. 10). Главным же отличием от классической интроспекции и указанного выше самосозерцания является то, что экспериментатор не сам наблюдает свои психические явления, а собирает самонаблюдения участников эксперимента. «Отличие экспериментальной психологии от простой наблюдательной заключается в том, что для устранения субъективности в толковании чужих психических состояний мы прибегаем к показаниям и свидетельствам *самих лиц*, их переживающих, так что самонаблюдение из единичного становится коллективным» (там же, с. 12). Кроме того, эти показания и свидетельства проверяются и опытом других людей.

Психологический эксперимент, по Н. Я. Гроту, может быть осуществлен с помощью фиксации письменных ответов участников, их устных отчетов о данных самонаблюдения и использования различных инструментов и приборов, находящихся в психологических кабинетах. К дополнительным принципам организации экспериментально-психологического исследования ученый относил добровольность участия человека, взаимное доверие друг к другу участника и экспериментатора, а также оказание на испытуемого воздействия «только в пределах его психического развития, сознания и самосознания» (там же, с. 48).

Концепция Н. Я. Грота отличается эмпирической направленностью (опорой на метод самонаблюдения), так как большинство психологических работ ученый написал на основе эмпирических идей (Грот, 1879—1880, 1886, 1889). Его идеи, по нашему мнению, представляют собой иллюстрацию перехода от эмпирической психологии к экспериментальной, смены одного подхода на другой, что встречалось среди психологов рассматриваемого периода достаточно редко

(чаще всего ученый сразу начинал придерживаться экспериментальных идей). Кроме того, Н. Я. Грот указал на принципы взаимодействия с участником исследования и подбора материалов для эксперимента, исходя из особенностей испытуемого.

В том же 1896 г. вышла работа психиатра, психолога и специалиста в области гипноза и внушения Ардалиона Ардалионовича Токарского (1859–1901). Он работал в психологической лаборатории, созданной при психиатрической клинике Московского университета Сергеем Сергеевичем Корсаковым (1854–1900) (Корсаков, 1897), и участвовал в организации в ней систематических занятий и исследований. Полученные им результаты экспериментальных исследований стали поводом для осмысления проблем психологического эксперимента (Токарский, 1896). По мнению А. А. Токарского, психология является естественной наукой, которая использует методы наблюдения и опыта (эксперимента). Значение эксперимента заключается в подтверждении существования психического явления и выявлении причинно-следственных связей в его функционировании. «Для того, чтобы знание явления стало несомненным, требуется его проверка и доказательство. Для этого служит опыт или эксперимент. Экспериментом называется искусственное изменение условий наблюдения с целью определения отношений между явлением и условиями его возникновения. Этим прежде всего доказывается самый факт существования явления, которое было ранее обнаружено простым наблюдением, затем определяется отношение явления к его условиям, причинам или сопровождающим обстоятельствам. Таким образом, эксперимент есть только проверка наблюдения. Это не есть, следовательно, наблюдение при искусственно измененных условиях, как часто говорится, но есть именно изменение условий, за которым вновь начинается наблюдение, которое, совершаясь при измененных экспериментом условиях, тем не менее остается наблюдением» (там же, с. 7–8).

Сопоставлять экспериментальную психологию с другими науками (например, физиологией) А. А. Токарский считал лишним, так как эксперимент делает из психологии науку. Это позволяет избавиться от различных малообоснованных предположений, тем самым сведя все психологические исследования к одной лишь психологической науке без ее разделения на направления. «Поэтому в психологии, как и в других науках, эксперимент имеет решающее значение: только посредством эксперимента психология становится наукой и только посредством эксперимента может она освободиться от бесплодных и произвольных гипотез. Отсюда следует,

что выделение экспериментальной психологии как особой науки в отличие от психологии, так называемой физиологической, эмпирической, интуитивной и проч., не имеет никакого основания. Психология, как наука, — едина, пользуется всеми методами естествознания, и только добытые с помощью методов данные могут иметь для нее значение» (там же, с. 8).

По мнению А. А. Токарского, задачами психологии как науки, использующей экспериментальный метод, являются изучение психического содержания, выделение его составных элементов, определение связи между этими элементами, а также установление отношения между психическими явлениями и внешним миром.

К методам психологического экспериментального исследования ученый относил методы анализа ощущений (едва заметных различий, верных и ложных случаев, средних ошибок), восприятий (разложения, вариаций), измерения времени психических процессов (реакций, сравнения — усложнения, воспроизведения), воспроизведений (простых восприятий, сложных представлений) и сложных психических актов (воспроизведения, искусственно-го изменения психического состояния, наблюдения над душевнобольными, самонаблюдения) (там же, с. 10–19). Многие из них являлись классическими из области психофизики и физиологической психологии (по В. Вундту). Кроме методов, которые создают условия для наблюдения, проведения психологических опытов и получения данных, ученый особо выделял диалектический метод, роль которого заключается в формулировании выводов: «Дело в том, что как только от отдельных наблюдений мы переходим к заключениям и установке понятий, так тотчас мы становимся в условия отвлеченного мышления, которое невозможно без диалектического метода, т. е. без метода анализа понятий и их отношений» (там же, с. 19). Применение этого метода возможно только в том случае, если сформулированные заключения могут быть проверены опытным путем. По мнению А. А. Токарского, такой подход препятствует распространению метафизических и субъективных элементов в науке.

В качестве пособия по организации различных психологических экспериментов А. А. Токарский предложил описания проведенных им и другими сотрудниками (А. Басистовым, И. Целиковым, И. Холчевым, А. Касаткиным, П. Подъяпольским) лаборатории опытов с подробным анализом как подготовки к измерению, так и результатов различных лабораторных занятий по изучению простой реакции на световое восприятие, способов реакции на зрительные

впечатления, влияния направления внимания на простую реакцию и др. (там же, с. 20–60).

В концепции А. А. Токарского оригинальным элементом выступила трактовка эксперимента не как измерения или получения некоторых данных, а как организации условий для наблюдения. Другой отличительной стороной взглядов психиатра на экспериментальную психологию являлась опора на теоретический (диалектический) метод при анализе результатов наблюдения и измерения.

Представления отдельных психологов, развивавших экспериментальные идеи на рубеже XIX–XX вв., изменялись на протяжении нескольких лет. Эта динамика взглядов является важной для понимания процесса становления экспериментальной психологии в рассматриваемый период, особенно взглядов ученых, оставивших наибольший вклад в данной области исследований. Одним из таких ученых, чьи экспериментальные воззрения формировались в нескольких публикациях, был психиатр и психолог Алексей Федорович Лазурский (1874–1917).

Одна из первых теоретических статей А. Ф. Лазурского «Современное состояние индивидуальной психологии» была посвящена частному предмету исследования, к которому мог быть применен экспериментальный метод (Лазурский, 1897а, б). В этой работе ученый обосновывает новую задачу психологии – изучение «индивидуальных различий в душевном складе человека», исследование того, «как видоизменяются душевные свойства у различных людей и какие типы создают они в своих сочетаниях» (Лазурский, 1897а, с. 351). Он назвал эту исследовательскую область индивидуальной или «личной» психологией, и отводил экспериментальному методу одну из ведущих ролей в решении задач индивидуальной психологии (там же, с. 352). Экспериментально можно определить особенности ума, восприятия, воображения, памяти, эмоций, темперамента и характера, которые могут быть положены в основу выделения различных типов людей.

Развитие взглядов А. Ф. Лазурского на экспериментальную психологию продолжилось в специальной публикации «О значении эксперимента в психологии» (Лазурский, 1904). Здесь ученый непосредственно обозначил роль психологического эксперимента в начале новой эпохи в психологии. «Когда благодаря исследованиям Вебера и Фехнера, Гельмгольца, Дондерса, Фолькмана и др. были сделаны первые шаги в этом направлении, то многим казалось, что в истории психологии открылась совершенно новая эра, что наука эта должна порвать со всем своим прошлым и основаться с этих пор уже на совер-

шенно новых началах. Таковыми новыми основами, сближавшими психологию с естествознанием, должны были явиться эксперимент и связанное с ним точное математическое измерение» (там же, с. 141).

Однако, по мнению А. Ф. Лазурского, несмотря на все достоинства экспериментальной психологии (точное измерение, «математическая формулировка психологических законов», большая объективность психологических наблюдений, детальный анализ сложных душевных явлений (редукция сложных к простым), варьирование условий возникновения психических явлений, возможность объяснения причин их возникновения), существуют и недостатки в ее реализации (неприложимость естественно-научного измерения к душевным явлениям, сведение душевных явлений к психофизическим и психофизиологическим, изучение внутреннего мира человека не в естественных условиях, а в искусственно созданных) (там же, с. 142–144). Он считал, что ожидания от экспериментальной психологии не оправдались, так как экспериментальные методы по-прежнему доступны для приложения только к простейшим явлениям, а сама экспериментальная методика видоизменялась (упрощалась, смешивалась с самонаблюдением, все меньше использовала математические формулы для выражения результатов и описания психических явлений): «Характерную особенность современного положения экспериментальной психологии составляет ее разбросанность, разнообразие ее задач и вместе с тем полное отсутствие какой бы то ни было определенной, общей программы, общего плана в ведении работ. Программа, начертанная Вундтом, оказалась слишком узкой, новая же еще не появилась. Отсюда чрезвычайная пестрота как в приемах исследования, так и в вопросах, изучению которых посвящены отдельные работы» (там же, с. 153–154).

Как полагал ученый, такое состояние экспериментальной психологии можно преодолеть, если признать ее не отдельной новой наукой, а новым методом в ряду других психологических методов: «Делается все более очевидным, что экспериментальная психология не есть какая-либо особая наука, что самый эксперимент представляет собою только один из приемов психологического исследования» (там же, с. 154). Кроме того, из психологии могут быть выделены научные дисциплины, предметом которых будут психические явления, успешно изучаемые с помощью экспериментальных методов. «Очень может быть, что всесторонняя, на наших глазах непрерывно растущая и расширяющаяся работа психологов-экспериментаторов приведет в конце концов к тому, что из общей психологии выделятся некоторые ее отделы в качестве самостоятельных научных дис-

циплин; но нам кажется, что в подобных случаях отличительным признаком, главным *raison d'être*¹ каждой такой самостоятельной науки явится не только экспериментальный способ исследования, сколько самое содержание данной науки, ряд тех вопросов, которые до сих пор оставались еще почти не затронутыми и разработка которых должна составить главную задачу нарождающейся научной дисциплины» (там же, с. 154). К дисциплинам, где экспериментальный метод должен занять особое место, А. Ф. Лазурский относил разрабатываемую им индивидуальную психологию (психологию личности, науку о характерах) и психологию детей школьного возраста (педагогическую психологию).

Таким образом, ученый предложил рассматривать психологический эксперимент как один из психологических методов, который способствует совершенствованию прежних приемов психологического исследования (например, самонаблюдения) и позволяет более точно изучать прежний предмет психологии (внутренний мир, душевные явления и др.). Однако преувеличивать значение экспериментальной психологии, по мнению А. Ф. Лазурского, не стоит (в смысле полной замены ею всей психологии), необходимо заново определить ее место в общем строе психологических наук. Эти рассуждения ознаменовали происходившие в 1900-е годы изменения в российской психологии – выделение из общей (единственной) дисциплины нескольких, исследования которых направлены уже не на умозрительное формулирование общих характеристик и закономерностей, а на вопросы практики.

В одной работе А. Ф. Лазурский выразил свой окончательный взгляд на экспериментальную психологию. Он не считал экспериментальную психологию самостоятельной наукой, а определял ее как отдельный метод. «Особой „экспериментальной психологии“ нет и не может быть, так как эксперимент есть лишь метод, который можно применять в любом из отделов психологии» (Лазурский, 1912, с. III). Само название работы «Общая и экспериментальная психология», составленной на основе его лекционного курса, он объяснил тем, что экспериментальную часть его лекций составляли именно описания экспериментов, иллюстрировавшие особенности функционирования различных психических явлений. Таким образом, экспериментальная психология, по А. Ф. Лазурскому, это и есть собственно психология с применением эксперимента в психологических исследованиях наряду с другими методами (как и другие авторы, он

---

1 Основание, смысл (*фр.*).

до сих пор указывал в качестве первого и ведущего метода самонаблюдение — там же, с. 9).

Как считал А. Ф. Лазурский, благодаря эксперименту и вообще объективным методам психология имеет тесные взаимоотношения с естественными науками. Как сама психология пользуется данными естественных наук, так и, например, физиология, обращается к психологическим наблюдениям для определения локализации различных психических функций в отделах коры головного мозга.

К задачам и одновременно преимуществам эксперимента ученый относил, во-первых, создание условий для более объективного изучения психических явлений. «Эксперимент <...> разделяет исследователя от исследуемого, наблюдателя от наблюдаемого. При экспериментальном исследовании есть *экспериментатор* — лицо, которое должно решать известные психологические вопросы, вырабатывать методы постановки для решения этого вопроса и ставить самый эксперимент; от него совершенно отделено другое лицо — *испытуемый*, который только должен отвечать на поставленные ему вопросы» (там же, с. 11). Во-вторых, в рамках экспериментального метода используется измерение психических процессов и осуществляются математические подсчеты. Третьей задачей психологического эксперимента является создание возможности видоизменения и воспроизведения как самих психических явлений, так и ситуаций, в которых они изучаются. Еще одной сильной стороной эксперимента является организация условий для вмешательства в течение психических явлений: «Характерная черта психологического эксперимента состоит в том (в противоположность чистому наблюдению), что я вмешиваюсь в течение психической жизни другого лица и стараюсь так или иначе повлиять на это течение путем изменения внешних условий» (там же, с. 13).

Говоря о методическом аспекте экспериментальной психологии по представлениям А. Ф. Лазурского, необходимо еще раз подчеркнуть, что ученый считал, что психологический эксперимент может применяться как отдельно, так и вместе с другими психологическими методами. Эту позицию А. Ф. Лазурского следует отличать от подхода Н. Я. Грота, который утверждал, что экспериментальная психология — это особое направление, в котором применяются различные методы, в том числе и самонаблюдение. Согласно же А. Ф. Лазурскому, можно выделить несколько методов внутри собственно психологического эксперимента, с помощью которых можно влиять на психические процессы: метод впечатлений (воздействие на испытуемого различными раздражителями и изучение его субъективных впечат-

лений), метод выражений (изучение внешних реакций с помощью различных раздражителей), близкий к последнему метод (двигательных) реакций. Кроме того, эксперимент может быть разделен на индивидуальный и коллективный (опрос или анкета).

А. Ф. Лазурским не были четко описаны организационные аспекты психологического эксперимента, однако стоит обратить внимание на его рассуждения об искусственных и естественных условиях проведения экспериментального исследования психических явлений. При поиске наиболее эффективного способа применения эксперимента и сохранения естественности поведения человека в нем он предложил понятие «естественного эксперимента», где можно совместить «произвольное вмешательство в психическую жизнь человека – то, что является характерным для эксперимента – с сравнительно простой и естественной обстановкой опыта» (там же, с. 18). При организации естественного эксперимента создаются условия, при которых испытуемый не будет знать, что он участвует в эксперименте, что позволит ему демонстрировать естественные реакции (Лазурский, 1911, с. 145). Новый вид эксперимента, разработанный А. Ф. Лазурским, имеет преимущества перед наблюдением (при котором условия слабо контролируются) и строгим психологическим лабораторным экспериментом (при котором ограничиваются свободные проявления испытуемого) (там же, с. 147–149).

Особенностью экспериментально-психологической концепции А. Ф. Лазурского является, во-первых, включение экспериментальной психологии в общую структуру психологии и рассмотрение ее как нового и обязательного метода, и, во-вторых, стремление распространить экспериментально-психологические методы на частные задачи психологии и на этой основе выделить психологические дисциплины, ориентированные на практику.

Классиком в области российской экспериментальной психологии является психолог и философ Георгий Иванович Челпанов (1862–1936), чьи взгляды по рассматриваемому вопросу имели некоторую динамику. Уже в своей магистерской диссертации «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности» (1896) ученый обращался к проблеме экспериментальных исследований. По мнению Г. И. Челпанова, психологический эксперимент может решать только частные вопросы психологии; получаемых результатов недостаточно для самых высоких обобщений относительно психических явлений. «Едва ли кто-нибудь станет отрицать, что эксперимент имеет громадное значение в области *частных* психологических вопросов. Вопрос же мною затронутый от-

носится к числу настолько *общих*, что трудно даже найти какую-нибудь определенную область, в которой можно было бы произвести эксперименты, могущие иметь решающее значение. Мой личный опыт в области психофизических экспериментов привел меня к тому убеждению, что при современном состоянии методов экспериментации, результаты исследований не могут доставить никаких определенных данных в пользу того или другого решения *общих* вопросов психологии» (Челпанов, 1896, с. XIII–XIV). Как считал Г. И. Челпанов, методология психологического эксперимента в конце XIX в. была развита все еще недостаточно, чтобы решать самые сложные вопросы психологии, поэтому по-прежнему оставалось значимое влияние теории и умозрения в российской психологии. Тем не менее интерес ученого к экспериментальному изучению психических процессов был достаточно высоким: в конце 1890-х годов он стажировался в немецких университетах (непосредственно у В. Вундта) и издавал работы, посвященные экспериментальным опытам (Челпанов, 1896, 1900б; и др.).

В одной из ранних своих теоретических работ «Мозг и душа» (Челпанов, 1900а) ученый представил позицию о специфике экспериментальной психологии и вообще независимости научной психологии от других наук (в частности, физиологии). По Г. И. Челпанову, современная ему психология отличается от прежней, эмпирической, тем, что использует экспериментальный метод, который, в свою очередь, отличается от физиологического метода. «В действительности современная психология отличается от прежней <...> тем, что она сделалась *экспериментальной*, каковой прежняя психология не могла быть вследствие недостаточного развития именно экспериментальных методов. *Физиологическая* психология и *экспериментальная* психология — два понятия, отличные друг от друга. Можно сказать, что экспериментальный метод исследования в прежней психологии не применялся, между тем как физиологическое исследование психических процессов далеко не новость» (Челпанов, 1900а, с. 86).

Однако в психологии эксперимент приобретает своеобразный вид — это более точное самонаблюдение, которое осуществляется самим психологом в специально контролируемых условиях. Например, Г. И. Челпанов описывал эксперимент с предъявлением цветных карточек для изучения восприятия сочетаний цвета, в котором и иллюстрировалась особая методика проведения эксперимента в психологии. «Мы изменяем непосредственно состояние нашего *физического* аппарата, в данном случае нашей сетчатки, а то или другое

изменение сетчатки влечет за собою то или иное *психическое* состояние. В данном эксперименте, как это легко видеть, мы можем изменять наши психические состояния совершенно так, как это делает натуралист зоолог, ботаник; мы можем косвенным образом изменять наши психические состояния, и именно при помощи изменения физического аппарата. <...> В этом смысле эксперимент в психологии возможен и, можно сказать, что эксперимент преобразил всю современную психологию» (там же, с. 101). Г. И. Челпанов обсуждал также проблему соотношения физических и психических явлений, и именно в связи с этим возникает вопрос о возможности психологии стать наукой по естественно-научному образцу и изучать объективным методом собственный предмет (субъективного характера). Ученый и без объективных методов (в частности, эксперимента) не сомневался в научности психологического исследования (даже при помощи самонаблюдения), однако вслед за В. Вундтом российский психолог признавал за экспериментом заслугу преобразования современной психологии, видя в термине «экспериментальная» психология – «указание на характерную особенность современного исследования» (там же, с. 102). Таким образом, по Г. И. Челпанову, экспериментальный метод являлся современной модификацией самонаблюдения, поэтому экспериментальная психология это и есть современная психология.

Наибольшее значение для понимания экспериментально-психологической концепции Г. И. Челпанова имеют изданные им лекционные курсы – «Психология: основной курс...» (1909), «Лекции по экспериментальной психологии» (1910а, 1910б) и «Введение в экспериментальную психологию» (1915), а также отдельная работа «Об экспериментальном методе в психологии» (1913), во многом опирающаяся на его лекции. Рассмотрим теперь идеи ученого более структурированно.

Экспериментальная психология, по мнению Г. И. Челпанова, – это не отдельная отрасль психологии, это особый метод: «Я хотел бы, чтобы вы согласились со мной, что нет экспериментальной психологии, а есть экспериментальный метод исследования. Нельзя говорить, что существуют две психологии. Экспериментальной психологии не существует, есть только экспериментальный метод. На истории психологии мы убеждаемся, что раньше постоянно были попытки выделить экспериментальную психологию; теперь так называемая экспериментальная психология все больше и больше входит в общую психологию. Теперь все более ясным становится то, что это есть особый метод исследования, входящий в общую психологию, кото-

рый может быть поставлен наряду с другими методами исследования <...>» (Челпанов, 1909, с. 85).

Для того чтобы описать специфику эксперимента в психологии и его отличие от наблюдения, Г. И. Челпанов подчеркивал более активную позицию исследователя при использовании экспериментального метода: «Сущность эксперимента заключается в том, что к тому или другому явлению мы относимся не пассивно и воспринимаем его не случайно, но, наоборот, относимся к нему активно, способствуя возникновению явления и не только его возникновению, но даже видоизменению условий, при которых совершается явление, и благодаря этому мы имеем возможность изучать природу этого явления» (там же, с. 46). Кроме того, истинный эксперимент преследует цель не только контроля условий, но и изучения причинно-следственных связей между явлениями. Преимуществами экспериментального метода являются возможности повторения условий и явлений, их воспроизведения, выхода за пределы индивидуальных различий и формулирования законов. Одной из главных проблем в применении эксперимента в психологии, по мнению Г. И. Челпанова, является использование измерения при изучении психических явлений и их количественное выражение. Измерение психических явлений (например, ощущений) становится возможным, так как человек может количественно определить степень или интенсивность одного ощущения в сравнении с другими. «Ступени, существующие между ощущениями <...> указывают, что ощущения могут быть распределены по степеням, а это значит, что они могут быть измеряемы» (там же, с. 55). Другие аспекты измерения и количественного выражения психических процессов в концепции Г. И. Челпанова мы изложим ниже, когда обратимся к вопросу о методах экспериментальной психологии.

Г. И. Челпанов разделял экспериментальную психологию на две части — качественную (определение качественных отношений психических явлений) и количественную (определение количественных отношений психических явлений) (Челпанов, 1910а, с. 3). Как нам представляется, эти части можно обозначить собственно задачами экспериментально-психологического исследования по Г. И. Челпанову. Под количественным направлением он понимал все экспериментальные исследования, ставящие задачу изучить функционирование психических явлений в точном числовом выражении, т. е. измерить их. Его можно обозначить как психофизическое направление (Челпанов, 1913, с. 36–37). Качественная экспериментальная психология, согласно Г. И. Челпанову, не занимается измерением,

а определяет наличие тех или иных психических явлений, описывает факты, причем в основном изучает сложные психические явления. «В экспериментах этого рода психический процесс не находится в нашей власти, мы не можем производить в нем изменений. В них есть существенное отличие от тех экспериментов, которые называются *психофизическими*, главным образом в том отношении, что в них не допускается никакого *измерения*, но ведь следует признать, что эксперимент мы имеем не только в том случае, когда может быть производимо измерение, но и в том случае, когда мы определяем качественные отношения. Здесь же эксперимент служит только для того, чтобы установить факты. <...> Эксперименты этого рода менее совершенны, т. е. приводят к менее определенным результатам, чем эксперименты психофизические, но тем не менее они имеют очень важное значение именно потому, что они служат для установления фактов мыслительной деятельности» (там же, с. 36–37).

Дополнительно Г. И. Челпанов выделял исследования элементарных и высших умственных процессов (суждения, умозаключения, мышления понятий и др.) (там же, с. 31), а также индивидуальные и коллективные эксперименты (там же, с. 38).

К методам экспериментальной психологии Г. И. Челпанов относил методы раздражений, выражений и реакций (эти же методы указывались и А. Ф. Лазурским) (Челпанов, 1909, с. 65); экспериментально-психологическими были также некоторые методы психофизики – градаций (средних градаций), ошибок (средних ошибок, истинных и ложных случаев) и др. (Челпанов, 1910а, с. 71, 87, 92, 96). Кроме того, Г. И. Челпанов не исключал экспериментального метода, а объединял его с методом самонаблюдения: «Самонаблюдение не исключает эксперимента, и нельзя, наоборот, при экспериментальном исследовании избавиться от необходимости пользоваться самонаблюдением: одно с другим тесно связано» (Челпанов, 1909, с. 44); метод самонаблюдения в эксперименте только совершенствуется.

Анализируя работы Г. И. Челпанова, можно сделать вывод о том, что к дополнительным методам экспериментальной психологии можно отнести не только те, с помощью которых производятся опыты и собираются данные, но и те, которые используются для математической обработки полученных результатов: «Вследствие того, что психические явления измеримы, в исследовании психических явлений оказывается возможным применение статистических методов, которые оказались такими плодотворными в изучении социальных явлений и в биологии, в применении к психологии они оказались столь же плодотворными» (Челпанов, 1913, с. 21). Это-

му вопросу Г. И. Челпанов посвятил целый курс лекций (Челпанов, 1910а, 1910б) и отдельное издание на основе лекций (Челпанов, 1915), где были изложены основы психометрии со стороны оперирования количественными показателями. Он писал: «Если в психологии идет речь об измерении, психолог должен стать в такое положение, как математик, физик, астроном и т. д., т. е. он должен пользоваться теми же приемами измерений» (Челпанов, 1910а, с. 4), таким образом, психологу необходимо изучить теории ошибок и вероятностей, уметь рассчитывать различные значения (среднее арифметическое, среднее вариации, среднюю квадратичную ошибку, медиану, наиболее частное значение) и др.

Аспекты организации экспериментально-психологического исследования обсуждались Г. И. Челпанов относительно применения различных приборов для исследования психических явлений. Он описал как теоретические, так и методические вопросы применения хроноскопа, сфигмографа, пневмографа, плетисмографа, эргографа, аппаратов Раншбурга и Мюллера-Шумана и др., отдельно останавливаясь на их техническом устройстве (Челпанов, 1910б).

Концепция Г. И. Челпанова характеризуется дифференцированием качественных и количественных экспериментально-психологических исследований, а также подробным анализом математико-статистического аппарата при психологическом измерении. Несмотря на то, что ученый подчеркивал специфику изучения субъективных психических явлений и внутреннего мира, не сводя психологию к физиологии и естественным наукам, он создал крупнейшую российскую психологическую школу, которая в дальнейшем развивала экспериментальные традиции в собственно психологическом смысле (Артемьева, Дубровская, 2021; Богданчиков, 2008; Гладкова, 2005; Серова, 2012; Стоюхина, 2013; Ярошевский, 1999).

Крупным представителем экспериментального и объективного исследования психических явлений в России на рубеже XIX–XX вв. являлся психиатр, невропатолог и психолог Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927). К его заслугам необходимо отнести открытие лаборатории экспериментальной психологии в 1885 г. в Казани, что стало институционализацией данного направления исследований. Однако можно рассматривать его и как теоретика объективного подхода в психологии. В. М. Бехтерев обращался к экспериментально-физиологическим и экспериментально-психологическим проблемам уже в 1880-е годы (Бехтерев, 1884, 1888). В частности, изучая сознание, ученый предлагал в качестве ведущего использовать именно экспериментальный метод: «Какое количество представле-

ний может одновременно присутствовать в нашем сознании, составляет не только крайне интересную задачу для исследования, но и задачу первостепенной важности. Не удивительно поэтому, что уже довольно давно этот вопрос был поставлен на очередь в психологии, но до развития так называемой психофизики или экспериментальной психологии все попытки подойти к решению его оставались бесплодными» (Бехтерев, 1888, с. 14). Как представитель физиологии и психиатрии В. М. Бехтерев относил собственные исследования к экспериментальным и измерительным (Бехтерев, 1896а, б).

Ориентация В. М. Бехтерева на объективный и экспериментальный подход в психологии была им обозначена только в начале 1900-х годов, когда ученый начал публиковать работы по теоретическим вопросам объективного изучения психики с использованием точных измерений психических явлений. «Вместе с успехами современной психологии оказалось, что к ней приложимы опыт и математика, благодаря чему развился целый отдел психологии под названием психофизики и экспериментальной психологии, причем наши наблюдения над психической сферой стали приобретать точность физических опытов. На этом поприще выдвинулось до сего времени уже достаточное число видных имен, между которыми мы назовем Вебера, Фехнера, Вундта, Гельмгольца, Преяера, Бине и др., как более выдающихся. Исследованиями этих авторов оказаны современной психологии незаменимые услуги и надолго обеспечено ее прогрессивное развитие» (Бехтерев, 1902, с. 8).

В другой работе В. М. Бехтерев указывал на необходимость ухода от изучения только субъективных психических явлений и использования субъективных методов. «Выводы современной нам экспериментальной психологии именно потому и приобретают для нас особенную ценность, что они подчиняют самонаблюдение возможно точному контролю объективного исследования. Как известно, все успехи современной экспериментальной психологии основаны на объективном контроле самонаблюдения и это вошло в такой мере в плоть и кровь современной психологии, что недалеко уже время, когда вся субъективная психология переработается в науку экспериментальную, подобно физиологии» (Бехтерев, 1904, с. 651). Более того, ученый критиковал преобладание в экспериментальной психологии субъективных подходов, которые направлены на применение самонаблюдения, исследование только своих внутренних сознательных переживаний и ограничением предметного поля человеком: «Субъективная психология даже по взгляду лиц, пользующихся экспериментальным методом исследования, суживает свою задачу пре-

делами одного сознания» (там же, с. 655). Таким образом, психологии необходимо наряду с субъективными изучать также и объективные проявления психики, которые человеком могут не осознаваться. Данная точка зрения В. М. Бехтерева выразилась во введении нового понятия – нервопсихики или биопсихики (там же, с. 660): психическая деятельность есть всегда нервопсихическая, включающая в себя изменения нервной системы и других систем организма.

Новый подход в психологии был обозначен В. М. Бехтеревым как объективная психология, или биопсихология (Бехтерев, 1907, с. 8, 12). Для решения задач объективной психологии необходимо использовать точное измерение и эксперимент, но, как выше было указано, В. М. Бехтерев различал как минимум два течения в психологическом эксперименте – субъективное и объективное. Объективная психология опирается только на объективный эксперимент, совсем отбрасывая самонаблюдение: «Объективная психология, о которой мы говорим, исключает совершенно метод самонаблюдения из наблюдения и эксперимента, причем все психические отправления должны подвергаться лишь объективной регистрации и контролю. Она должна оставаться безусловно объективной наукою во всех своих чертах» (там же, с. 12).

Используя в своих исследованиях экспериментально-психологические идеи, В. М. Бехтерев все же оставался за пределами основной дискуссии об экспериментальной психологии среди психологов и философов начала XX в. Это объясняется тем, что В. М. Бехтерев больше относился к медицинскому, психиатрическому и физиологическому сообществу. Следствием такого взгляда ученого на психологическую проблематику являлось то, что он сначала рассматривал экспериментальную психологию как самостоятельную область психологии (Бехтерев, 1902, с. 8), а затем признавал ее в перспективе способной получить ведущую роль в психологической науке вместо субъективной. Он писал: «Названием экспериментальной психологии отмечается в сущности собрание тех психологических знаний, которые исследуются путем эксперимента. Здесь, следовательно, нет специального предмета исследования, а имеется лишь особый метод, и поскольку этот метод не распространился еще на все отделы психологии, постольку так называемая экспериментальная психология может удерживать свое название, которое, по-видимому, скоро сделается трюизмом. Это название во всяком случае столь же излишнее в психологии, как название наблюдательной или эмпирической психологии, которым прежде часто пользовались и которое ныне почти вывелось из употребления» (Бехтерев, 1907, с. 8–9).

В своем оригинальном психологическом подходе В. М. Бехтерев выступал против интроспективной психологии, которая так же, как его объективная психология и другие экспериментально-психологические направления (психиатрия, психопатология, сравнительная психология, зоопсихология и др.), использовала экспериментальный метод. Ученый отгораживался от результатов экспериментальных исследований субъективного толка: «Можно было бы думать, что эксперимент, введенный в психологию несколько десятков лет уже и делает психологию объективной наукою, в действительности, однако же, это не так...» (там же, с. 12). И далее: «Очевидно, что эксперимент также может служить и целям субъективной психологии, как и целям объективной психологии, смотря по тому, что желают получить от эксперимента» (там же, с. 12–13). По мнению В. М. Бехтерева, эксперимент в субъективной психологии по преимуществу изучает сознание, доступное только самонаблюдению, объективная же психология использует эксперимент для изучения внешних, психофизиологических и бессознательных реакций. «Для целей объективной психологии, как мы ее понимаем, не только нет необходимости в субъективном анализе, но последний вовсе не входит в ее задачи и представляется излишним. При всем том эксперимент может и должен служить важнейшим орудием объективной психологии, если его обставить таким образом, чтобы по возможности все внешние проявления были точно и полно регистрируемы в соотношении с данными внешними воздействиями» (там же, с. 13–14).

Рассматривая подход В. М. Бехтерева, стоит четко различать саму объективную психологию и экспериментальную психологию: как представляется, их отношение является иерархичным, при котором эксперимент входит в перечень методов объективного изучения психики наряду с объективным наблюдением и измерением физиологических явлений. Поэтому, говоря о задачах экспериментальной психологии, по В. М. Бехтереву, правомерно к таковым относить общие задачи объективной психологии. Главной задачей объективной психологии является изучение отношения между внешними воздействиями и внешними проявлениями невропсихики (там же, с. 33–34). Частными направлениями по объекту изучения выступают исследования внешних и физиологических (нервнопсихических, мозговых) проявлений взрослого человека, детей, душевнобольных и животных (Бехтерев, 1909, с. 7–8). Кроме того, эксперимент в объективной психологии определяет различные типы реакций, например, реакции внутренних органов, реакции организма при отсутствии каких-ли-

бо органов и отделов мозга, связь между двигательными реакциями, репродуктивной и сочетательной деятельностью нервной системы и интенсивностью внешних раздражителей, связь между речевыми реакциями и внешними воздействиями и др. (Бехтерев, 1907, с. 34; Бехтерев, 1909, с. 8).

Экспериментально-психологические методы не обсуждались В. М. Бехтеревым в этих работах подробно, однако, как представляется, к ним ученый относил физиологические, психиатрические и даже психологические методы, которые направлены только на определение внешних проявлений человека: «Объективная психология для выяснения своих задач может воспользоваться только той частью материала психофизики, физиологической психологии и экспериментальной психологии, которая может служить к выяснению отношений между воздействиями внешних раздражений и внешними же проявлениями невропсихики, — отношений, составляющих предмет изучения объективной психологии» (Бехтерев, 1907, с. 33—34). Из числа конкретных методических процедур ученый называл только регистрацию внешних реакций (Бехтерев, 1909, с. 9).

Последняя процедура может быть отнесена и к организационным аспектам экспериментального исследования в рамках объективной психологии — строгая и точная регистрация только объективных, внешних и физиологических проявлений психики человека; остальные субъективные и внутренние явления устраняются В. М. Бехтеревым из объективно-психологического исследования.

В. М. Бехтерев разрабатывал не собственно экспериментальную психологию, а свой оригинальный подход на пересечении психологии и физиологии, который использовал экспериментальный и объективный метод. В этом заключается значительное отличие его взглядов от идей его современников-психологов: в то время как А. Ф. Лазурский и Г. И. Челпанов «перестраивали» уже существующую психологию на основе экспериментальных принципов, В. М. Бехтерев предлагал не учитывать большую часть предыдущих достижений психологии (особенно тех, которые относились к субъективной, эмпирической, интроспективной, умозрительной психологии) и создавать принципиально новую науку с новым предметом и обновленным методом (эксперимент сужался до объективного и психофизиологического). Необходимо также отметить, что ученый не ставил собственно задачи обсуждения экспериментальной психологии, поэтому в его работах этот вопрос носил частный характер, который восходил к более сложным проблемам психологии (психической причинности, психофизиологической проблемы и др.).

Представителем российской дореволюционной психологии, разрабатывавшим проблемы эксперимента, был психолог и педагог Александр Петрович Нечаев (1870–1948). Впервые близкие к точному исследованию психических явлений вопросы А. П. Нечаев обсуждал в своей дипломной работе «Психология Гербарта» (1893). Среди многих идей И. Ф. Гербарта ученый анализировал возможность применения математики в психологии, которую одним из первых обозначил именно немецкий психолог: «В психологии Гербарта очень видное место занимают разного рода математические вычисления. Первый том „Psychologie als Wissenschaft“⁴¹ почти целиком наполнен сложными формулами, в которых выражаются выставляемые Гербартом психологические законы. В начале настоящего столетия применение математики в психологии было немалою новостью. Сам Герbart придавал ей большое значение. Позднейшие психологи точно так же не раз с благодарностью вспоминали его попытку <...>» (НА ИП РАН. Ф. 21. Оп. 1.1. Д. 1. Л. 44 об.). Опираясь на И. Гербарта, А. П. Нечаев указывал, что перспектива использования математики в психологии обнаруживается в случае признания количественных характеристик психических явлений. «Если признать существование количественной стороны душевной жизни и если допустить, что вообще количественное определение опыта имеет большое значение, то нельзя отвергать важности и возможности пользоваться в психологических исследованиях математикой» (НА ИП РАН. Ф. 21. Оп. 1.1. Д. 1. Л. 46 об.). По А. П. Нечаеву, одним из психологических вопросов, в которых прежде всего может быть выявлена количественная сторона, является соотношение души и тела, психических и физиологических явлений. Таким образом, ученый начал свою разработку экспериментально-психологических проблем с историко-психологического и теоретического рассмотрения вопроса количественного измерения психических процессов, что, как мы уже видели в работах других психологов, занимает одно из ведущих мест в психологическом эксперименте.

Наибольший вклад А. П. Нечаев внес в развитие педагогической психологии и педологии, в этой же области обнаруживались его теоретические и методические идеи относительно экспериментальной психологии. Ученый признавал большие заслуги экспериментального метода в развитии психологической науки в целом: «В течение

1 Книга И. Гербарта, вышедшая в двух томах в 1824–1825 гг. Полное название — «Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik» («Психология как наука, основанная на опыте, метафизике и математике»).

последних тридцати лет в развитии психологии были сделаны громадные успехи. Эта наука вступила на новый путь. Психологи перестали довольствоваться случайными наблюдениями фактов и начали старательно применять к изучению душевных явлений своеобразные эксперименты, подвергая получаемые при этом результаты точной регистрации и математической обработке. В настоящее время уже накопилось так много подобного рода исследований, что все они вместе обыкновенно отмечаются даже особым именем „экспериментальной психологии“» (Нечаев, 1901, с. 4).

Как и другие его современники-психологи, А. П. Нечаев считал, что эксперимент не отдаляет психологию от ее непосредственного предмета и не уводит в сферу чисто объективного изучения (как это было показано В. М. Бехтеревым), а наоборот, сосуществует с самонаблюдением и даже включает его в свое содержание. «Но не следует думать, будто психологи-экспериментаторы стремятся свести исследование душевной жизни к чисто внешним, объективным приемам. Всякий психологический эксперимент предполагает в то же время и самонаблюдение» (там же, с. 5–6). И в другом месте: «Внешние, „объективные“ средства исследования, применяемые экспериментальной психологией, имеют целью создать условия или для известного рода *самонаблюдения*, или для точной регистрации *полученных при нем* результатов» (там же, с. 6). По мнению ученого, самонаблюдение является основным методом психологии, но различные ошибки, допускаемые при его реализации и фиксации результатов, устраняет математическая обработка полученных данных. Еще большее приложение математики наблюдается в экспериментальной психологии (Нечаев, 1902а, с. 54).

Давая собственное определение психологического эксперимента, А. П. Нечаев связывал его основную задачу с проверкой частных случаев наблюдения и их обоснования с помощью индуктивного метода. «Эксперимент в психологии (так же, как и в других науках) является наблюдением, производимым при искусственных условиях, позволяющих нам собирать материал, удовлетворяющий требованиям методов индуктивного исследования» (Нечаев, 1906, с. 24). Ученый объяснял это тем, что одной из главных целей психологии как науки является установление причинной связи между психическими явлениями. Способами же выявления причинной связи выступают методы индуктивного исследования (согласия, различия, сопутствующих изменений) (там же, с. 21–22). Таким образом, экспериментальный метод не устанавливает зависимость между психическими явлениями; с помощью эксперимента могут быть получены

более надежные данные для дальнейшего их рассмотрения с помощью логических методов. Если же и индуктивные методы не могут справиться с поставленной задачей, то применяется математическая обработка (там же, с. 25–28).

Как и при анализе экспериментально-психологических идей В. М. Бехтерева, мы можем отметить, что задачи экспериментальной психологии, представляемые А. П. Нечаевым, относятся не к психологии в целом, а только к одной ее области — педагогической психологии. Ученым была обозначена значимость экспериментально-психологических знаний для педагогики: «Есть очень важные общие соображения, по которым, по-видимому, без колебаний следует признать, что если *психология вообще* имеет для педагогики громадное значение, то *экспериментальная психология* должна иметь еще большее. Действительно <...> по своему существу она представляет *не особую науку* сравнительно с так называемой „общей“ или эмпирической — неэкспериментальной психологией, а только ее последовательное развитие, причем вводимые ею приемы исследования имеют целью прежде всего облегчить тот *анализ душевных явлений*, проникнуть в тайны которого так необходимо всякому мыслящему педагогу» (Нечаев, 1901, с. 5). Экспериментальная психология предлагает педагогу методы изучения умственных процессов ученика, помогает исследовать его индивидуальные особенности, а также выступает фундаментом для «фактически обоснованной педагогики». Как полагал А. П. Нечаев, различные экспериментальные опыты и методики позволяют, с одной стороны, изучать психические явления школьника в учебном процессе, а с другой — подготавливать будущих педагогов к преподавательской работе. В итоге он заключил: «Всякое школьное обучение, в сущности, представляет собой ряд психологических экспериментов. Всякий учитель волей-неволей, сознательно или бессознательно „испытывает“ на своих учениках пригодность разных приемов преподавания» (там же, с. 9).

К методам экспериментальной педагогической психологии в работах А. П. Нечаева можно отнести методики изучения реакций, ассоциаций, восприятия, памяти, внимания, умственного утомления, интересов, понимания, уровня психического развития ребенка и др. (Вопрос о совместном..., 1915; Наблюдения..., 1901; Нечаев, 1901, 1917; и др.). Им же даны описания устройства и использования различных психологических приборов при преподавании психологии в школах (Коноров, Нечаев, 1907).

Особенности организации психологического эксперимента обсуждались А. П. Нечаевым только в области изучения ребенка. По его

мнению, основными принципами изучения детей и школьников являются использование «опросных программ» (программ экспериментально-психологического исследования, о которых мы писали в предыдущем разделе), включающих измерение совокупности психических процессов, а также проведение опытов сначала на небольшой группе испытуемых и предварительный анализ этих результатов перед их распространением на остальных детей (Нечаев, 1902б).

А. П. Нечаев разрабатывал экспериментально-психологические вопросы применительно к педагогике и педагогической психологии, поэтому общепсихологические теоретические проблемы им глубоко не обсуждались. Он принадлежал к той группе психологов, которые признавали самонаблюдение ведущим психологическим методом, а эксперимент – его развитием и усовершенствованным вариантом с введением количественных измерений и математической обработки. Это же подтверждается его ранними представлениями о задачах психологии; А. П. Нечаев разделял эмпирические и интроспективные позиции (Нечаев, 1897). Как представляется, следствием этого стало использование им логических индуктивных методов для выведения общих закономерностей функционирования психических явлений, исследованных даже с помощью эксперимента. Таким образом, эксперимент для А. П. Нечаев – это вспомогательный метод, поставленный на службу теоретического анализа. Также стоит обозначить вклад А. П. Нечаева в разработку экспериментальной психологии именно для прикладной сферы – педагогики, что было свидетельством нового этапа развития психологической науки в начале XX в.

Заключение

Разработка экспериментальной психологии в России в конце XIX–начале XX в. носила достаточно интенсивный характер, так как применение точных и объективных методов привело к значимым достижениям в других науках, в том числе смежных с психологией (физиологии и психиатрии). Кроме того, экспериментально-психологический метод уже активно использовался вне психологии (в психиатрии и патопсихологии), поэтому был подготовлен методический и эмпирический (результаты конкретных исследований) фундамент для внедрения эксперимента в российскую психологию.

Рассмотренные экспериментально-психологические концепции свидетельствовали о широкой дискуссии относительно содержания, методов и задач исследований в области экспериментальной психо-

логии (или психологии в целом на основе нового экспериментального подхода). Количество выделенных концепций является достаточно большим (с учетом того, что самостоятельных психологических направлений в рассматриваемый период было немного), а если изменить критерии их выделения, то их станет еще больше (например, близки к концептуальной идеи А. Н. Бернштейна). Это свидетельствует о том, что 1890-е и 1900-е годы для российской психологии ознаменовались активным переходом к экспериментальному подходу и разработке новых оснований психологического исследования.

В результате анализа экспериментально-психологических идей российских психологов можно сделать несколько выводов о процессе обсуждения проблем экспериментальной психологии и формулировании принципов нового психологического подхода. Прежде всего необходимо отметить, что одной из ключевых проблем экспериментальной психологии, которую выделяли почти все авторы (определенные нами как разработчики концепций), являлось установление методологического статуса экспериментальной психологии: ее обозначали как еще одну психологическую дисциплину, теорию и метод. Каждое из этих решений имело определенные последствия для дальнейшего развития российской психологии, в частности, усиления или ослабления позиций отдельных психологических школ (особенно в советское время).

Введение отдельной психологической дисциплины множило бы «психологии», что оставляло бы данную науку в положении, характерном для XIX в., когда выделялись умозрительная, эмпирическая (интроспективная) и физиологическая психологии, в то время как на рубеже XIX–XX вв. произошло создание единой психологической науки, внутри которой существовали отдельные дисциплины по сфере приложения психологического знания. Определение экспериментальной психологии в качестве теории (или нового подхода) позволило бы развиваться психологии как минимум по двум основаниям (которые обозначались нами в самом начале статьи) — естественно-научному и гуманитарному, объяснительному и описательному, объективному и субъективному. Отношение к психологическому эксперименту как к методу означало бы сохранение текущего положения в психологии, в котором была бы отдельная область, содержащая в себе исключительно экспериментальные измерения, не всегда связанные с решением фундаментальных психологических проблем. Несмотря на преобладающую позицию авторов о том, что экспериментальная психология изначально родилась из метода — эксперимента, по прошествии времени можно сказать, что наука «са-

ма выбрала» развитие экспериментальной психологии как теории, превратившейся в общий методологический подход, объединяющий различные области психологической науки, и существующие психологические дихотомии (естественно-научная—гуманитарная, количественная—качественная, номотетическая—идиографическая, объяснительная—описательная, эмпирическая—философская психология и др.) подтверждают это; более того, их противопоставление все более усиливается. Причины произошедших трансформаций в российской психологии определить в настоящее время трудно; одно лишь точно можно сказать — решающим здесь была не сумма точек зрения психологов, рассмотренных в данной статье.

Другим выводом из проанализированных концепций является признание того, что обсуждение исследователями вопросов экспериментальной психологии приводило к постановке теоретико-методологических проблем психологии в целом. Учеными ставились проблемы соотношения души и тела, психических и физиологических явлений (что объединяется в психофизиологической проблеме), психической причинности, метода изучения психики, возможности применения измерения и математики в психологии, места психологии среди других наук. Это свидетельствует о том, что обсуждение новых психологических подходов всегда требует пересмотра ключевых положений конкретной науки, определения новой позиции к ключевым научным проблемам. Кроме того, на основе экспериментальной психологии (или точного метода исследования психических явлений) некоторые авторы формулировали собственные теории: например, В. М. Бехтерев предложил объективную психологию, специфика подхода Г. И. Челпанова заключалась в соединении эмпирического и экспериментального исследования, А. Ф. Лазурский разработал индивидуальную психологию и др.

Следующий аспект анализа — специфика понимания экспериментальной психологии различными группами исследователей. Эти группы будут изменяться, исходя из разных оснований.

Выше уже одно основание было предложено — определение экспериментальной психологии как отдельной науки, теории или метода. По этому критерию подавляющее большинство авторов (четко описали свою позицию А. А. Токарский, А. Ф. Лазурский, Г. И. Челпанов, В. М. Бехтерев и А. П. Нечаев) в итоговом варианте относили экспериментальную психологию к методу (по косвенным признакам Н. Н. Ланге и Н. Я. Грота также можно отнести к этой группе). Другим основанием для дифференциации взглядов выступает отношение к самонаблюдению: Н. Н. Ланге, Н. Я. Грот, А. Ф. Лазур-

ский, Г. И. Челпанов и А. П. Нечаев определяли самонаблюдение либо основным методом психологии, либо считали задачей экспериментальной психологии усовершенствовать его. А. А. Токарский и В. М. Бехтерев как представители психиатрии и физиологии совсем не рассматривали самонаблюдение как перспективный психологический метод. Третьим основанием для определения специфики взглядов авторов является признание необходимости использования теоретических методов при анализе результатов психологических исследований. Наиболее ярко данная позиция была выражена Н. Н. Ланге, А. А. Токарским и А. П. Нечаевым. Представляется, что этот элемент научной деятельности для данных авторов выступал критерием надежности или дополнительной проверки полученных результатов. Хотя, безусловно, для большинства ученых теоретическая работа является неотъемлемой частью их исследований, тем не менее для указанных авторов этот аспект, вероятно, выступал признаком взвешенного отношения к экспериментальному материалу. Еще одним критерием для разграничения взглядов представленных ученых можно обозначить отношение к применению математического аппарата в психологии. Наибольшее внимание этому уделили Г. И. Челпанов и А. П. Нечаев. Нельзя сказать, что другие авторы не использовали математические методы, однако это является отличительной чертой экспериментально-психологических концепций: для А. П. Нечаева возможность количественного измерения психических явлений выступала теоретической предпосылкой экспериментального исследования, для Г. И. Челпанова – способом проверки надежности полученных результатов.

Определим, наконец, методологический уровень экспериментальной психологии на рубеже XIX–XX вв. (Корнилова, Смирнов, 2019; Юдин, 1978). Несмотря на то, что большинство авторов считали экспериментальную психологию одним из психологических методов (что соответствует уровню методик и техник по Э. Г. Юдину), по нашему мнению, она находилась на уровне конкретно-научной методологии, так как в ней присутствовало определение границ применения, места среди смежных наук, специфического предмета и задач исследования, а также методов экспериментального изучения, отличных от методов других научных дисциплин. Это подтверждается еще и тем, что в дальнейшем распространилась именно экспериментальная методология (Александров, Максимова, 2006; Галкина, Журавлев, 2020; Пономарев, 2006) или даже парадигма (Корнилова, 2006; Носуленко, 2007) в психологии, обозначенная уже в постсоветский период, что подтверждает более высокий методологический

статус экспериментальной психологии по сравнению с положением метода эксперимента. Таким образом, ставя задачи обоснования экспериментального метода в психологии, ведущие отечественные ученые разработали самостоятельный экспериментально-психологический подход, повлиявший на становление данной науки в XX и начале XXI в.

Литература

- Александров И. О., Максимова Н. Е.* Экспериментальная методология Я. А. Пономарева и принцип реконструкции // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 329–351.
- Артемьева О. А., Дубровская Л. Д.* Научные коллективы Г. И. Челпанова: историко-психологическое исследование // Психология и психотехника. 2021. № 4. С. 72–89.
- Артемьева Т. И.* Вклад И. А. Сикорского в становление отечественной психологии как экспериментальной научной дисциплины // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 82–84.
- Барабанщиков В. А.* Экспериментальный метод в психологии // Экспериментальная психология. 2011а. Т. 4. № 1. С. 4–16.
- Барабанщиков В. А.* Экспериментальный метод в российской психологии // Современная экспериментальная психология. В 2 т. Т. 1 / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011б. С. 13–29.
- Батыршина А. Р.* К истории экспериментального исследования воли в отечественной психологии // Экспериментальная психология в России / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 27–32.
- Бернштейн А. Н.* Экспериментально-психологическая методика распознавания душевных болезней. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1908.
- Бернштейн А. Н.* Об основных методах экспериментальной психологии // Труды психологической лаборатории при Московском педагогическом собрании. Вып. 1 / Под ред. А. Н. Бернштейна. М.: Тип. журнала «Вестник права и нотариата», 1909. С. 1–5.
- Бернштейн А. Н., Богданов Т. Ф., Зинovieв П. М.* Практические методы экспериментально-психологического исследования личности // Труды психологической лаборатории при Московском педагогическом собрании. Вып. 1 / Под ред. А. Н. Бернштейна. М.: Тип. журнала «Вестник права и нотариата», 1909. С. 6–12.

- ческом собрании. Вып. 1 / Под ред. А. Н. Бернштейна. М.: Тип. журнала «Вестник права и нотариата», 1909. С. 37–60.
- Берулава Г. А.* Особенности современного этапа развития психологии // Вестник университета Российской академии образования. 2008. № 4. С. 14–25.
- Бехтерев В. М.* Теория образования наших представлений о пространстве. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884.
- Бехтерев В. М.* Сознание и его границы. Казань: Тип. Императорского университета, 1888.
- Бехтерев В. М.* Значение органов равновесия в образовании представлений о пространстве. СПб.: Изд. К. Л. Риккера, 1896а.
- Бехтерев В. М.* О болезненных ощущениях и ощущениях у душевнобольных. СПб.: Тип. В. А. Вацлика, 1896б.
- Бехтерев В. М.* Роль внушения в общественной жизни. СПб.: Изд. К. Л. Риккера, 1898.
- Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. СПб.: Тип. Альтшулера. 1902.
- Бехтерев В. М.* Объективная психология и ее предмет // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 9. С. 650–661.
- Бехтерев В. М.* Объективная психология. Вып. 1. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1907.
- Бехтерев В. М.* Задачи и метод объективной психологии. СПб.: Тип. С. М. Проппера, 1909.
- Блинникова И. В., Сироткина И. Е.* Методология эмпирических исследований в психологии: история и перспективы // Психология, практика, образование: формы и способы интеграции / Под ред. И. В. Блинниковой, Т. Н. Савченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 243–258.
- Богданчиков С. А.* Сквозь время: школа Г. И. Челпанова в ее развитии, основных чертах и историческом значении // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 2. С. 33–50.
- Большакова В. В.* Экспериментальное изучение психологии школьников в трудах А. П. Нечаева // История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: ИП АН СССР, 1990. С. 189–199.
- Братусь Б. С.* Опыт обоснования гуманитарной психологии // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 9–16.
- Братусь Б. С.* Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии: преемственность или скачок? // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. № 7. С. 3–8.

- Брушлинский А. В.* Разработка принципа единства сознания и деятельности в экспериментальной психологии (предвоенный период) // История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: ИП АН СССР, 1990. С. 42–50.
- Будилова Е. А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX—начало XX в.) / Отв. ред. С. Л. Рубинштейн. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
- Будилова Е. А.* Первые русские экспериментальные психологические лаборатории // Из истории русской психологии / Под ред. М. В. Соколова. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 296–357.
- Будилова Е. А.* Начало экспериментальной психологии // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 4. С. 3–11.
- Будилова Е. А.* Полемика о психологическом эксперименте на Всероссийских съездах по педагогической психологии // История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: ИП АН СССР, 1990. С. 76–85.
- Будилова Е. А., Кольцова В. А.* 100-летие первой русской экспериментальной психологической лаборатории // Вопросы психологии. 1985. № 6. С. 96–102.
- Бусыгина Н. П.* Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 5. № 1. С. 57–65.
- Васильев В. В.* Философская психология в эпоху просвещения. М.: Канон+, 2010.
- Василюк Ф. Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Введенский А. И.* Лекции по психологии: 1890–91 акад. г. СПб.: Изд. студентов Имп. ист.-филол. ин-та, 1891.
- Введенский А. И.* Лекции психологии. СПб.: Тип. В. Безобразов и Ко., 1908.
- Викторов П. П.* Учение о личности, как нервно-психическом организме. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887.
- Виноградов Н. Д.* Ближайшие задачи экспериментальной педагогики // Труды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии в Санкт-Петербурге в 1909 г. (1–5 июня). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 32–40.
- Виноградова Г. Н.* История науки и приборостроения. СПб: НИУ ИТМО, 2012.

- Владимирский А. В.* К методике экспериментального исследования личности. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1911.
- Владиславлев М. И.* Психология: исследование основных явлений душевной жизни. В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1881.
- Владычко С. Д.* Методика экспериментально-психологического исследования воспроизводящего и комбинационного воображения у душевно-больных // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1913. № 8–12. С. 701–728.
- Вопрос о совместном обучении при свете экспериментальной психологии / Под ред. А. П. Нечаева. Пг.: Екатерининская типография, 1915.
- Воробьева Л. И.* Гуманитарная психология: предмет и задачи // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 18–15.
- Воробьева Л. И.* Субъект и/или автор (о категориях гуманитарной психологии) // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 149–158.
- Воротынский Б. И.* Проблемы современной педагогики в связи с успехами экспериментальной психологии. Казань: Типо-лит. Университета, 1917.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* Вклад Я. А. Пономарева в развитие методологических и теоретических вопросов психологической науки // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 5–13.
- Гиляревский А. К.* Учебник психологии. Новочеркасск: Тип. Ф. К. Траплина, 1883.
- Гладкова И. В.* Георгий Челпанов. Интеллектуальная биография и философия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.
- Гогоцкий С. С.* Программа психологии. Вып. 1. Киев: Университетская тип., 1880.
- Гостев А. А., Борисова Н. В.* Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Грот Н. Я.* Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1879–1880.
- Грот Н. Я.* О душе в связи с современными учениями о силе: опыт философского построения. Одесса: Тип. «Одесский вестник», 1886.
- Грот Н. Я.* Значение чувства в познании и деятельности человека. М.: Тип. А. Гатцука, 1889.
- Грот Н. Я.* Основания экспериментальной психологии. М.: Типо-лит. И. Н. Кушнерев и Ко., 1896.
- Гусельцева М. С.* Методологические кризисы и типы рациональности в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3–15.

- Дебольский Н. Г.* Лекции по психологии. СПб.: Типо-лит. С. Ф. Яздовского, 1886.
- Дорфман Л. Я.* Методологические основы эмпирической психологии: от понимания к технологии. М.: Смысл—Academia, 2005.
- Дорфман Л. Я.* Горизонты современной эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 3. С. 3—30.
- Драпкина С. Е., Полякова М. Я.* К истории организации В. М. Бехтеревым психофизиологической лаборатории при Казанском университете (октябрь 1885 г.) // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 123—126.
- Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000.
- Дубровина Л. А.* Влияние российской ментальности на становление отечественной экспериментальной психологии в конце XIX—начале XX вв. // Педагогика и психология образования. 2013. № 3. С. 5—16.
- Егоров А. Г.* Тенденции развития экспериментальной психологии // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 3. С. 13—17.
- Епанчинцева Г. А., Козловская Т. Н.* Интеграционные тенденции в развитии методов психологического исследования // Сибирский психологический журнал. 2011. № 39. С. 28—35.
- Ждан А. Н.* Из истории вопроса о соотношении теории и эксперимента в психологии // История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: ИП АН СССР, 1990. С. 30—41.
- Ждан А. Н.* К истокам экспериментальной психологии в Московском университете // Современная экспериментальная психология. В 2 т. Т. 1 / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 31—43.
- Журавлев А. Л.* Роль В. М. Бехтерева в становлении общественной (социальной) психологии в России (к 155-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 122—134.
- Заборский К. И.* О памяти зрительных восприятий: исследование в области экспериментальной психологии: Дис. ... докт. мед. наук. Юрьев: Тип. Шнакенбург, 1894.
- Зенько Ю. М.* Христианская антропология и психология в лицах. Основные авторы и работы с древнехристианского периода по настоящее время: библиографический справочник. СПб.: Речь, 2009.
- Ильин А. В.* К методике экспериментально-психологического исследования акта внимания resp. процесса сосредоточения // Обо-

зрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1908. № 6. С. 338–344.

История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: ИП АН СССР, 1990.

Кавелин К. Д. Задачи психологии: соображения о методах и программе психологического исследования. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1872.

Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях. СПб.: Изд. Е. К. Кандинской, 1890.

Карицкий И. Н. Актуальные проблемы истории психологии (по материалам журнала «Методология и история психологии») // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1. С. 148–153.

Киселева Н. А., Горячева А. С. Эксперимент как база развития педагогической психологии в дореволюционной России // Вестник Псковского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2011. № 13. С. 168–172.

Ковалевский П. И. Основы механизма душевной деятельности. Харьков: Изд. журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», 1885.

Козлов А. А. Гипнотизм и его значение для психологии и метафизики. Киев: Унив. тип. В. И. Завадского, 1887.

Кольцова В. А. К 100-летию лаборатории экспериментальной психологии В. М. Бехтерева в Казани // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 2. С. 9–18.

Кольцова В. А. Особенности экспериментального подхода в отечественной психологии // История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: ИП АН СССР, 1990. С. 60–75.

Кольцова В. А. В. М. Бехтерев – создатель первой экспериментальной психологической лаборатории // Современная экспериментальная психология. В 2 т. Т. 1 / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 115–123.

Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. 100-летие развития экспериментальной психологии в России (итоги конференции) // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 3. С. 157–165.

Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Отечественная экспериментальная психология: история формирования, особенности развития, место в профессиональной подготовке специалиста // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе: Сборник материалов Всероссийской

- ской научно-практической конференции, посвященной 25-летию со дня образования психологической службы уголовно-исполнительной системы / Под общ. ред. Д. В. Сочивко. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017а. С. 9–16.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Становление экспериментального подхода в отечественной психологии конца XIX—начала XX века // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017б. С. 245–252.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н., Тугайбаева Б. Н.* Развитие психологии в годы войны и в послевоенный период // *Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории* / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 105–162.
- Коноров М. И., Нечаев А. П.* Коллекция простейших приборов для преподавателей психологии в средних школах. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1907.
- Корнилова Т. В.* Экспериментальный метод как путь к причинному объяснению в психологии // *Психология. Журнал ВШЭ*. 2006. Т. 3. № 2. С. 3–22.
- Корнилова Т. В.* Экспериментальная парадигма, или ложные дихотомии в психологии // *Теория и методология психологии: постнеклассическая парадигма* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 95–118.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. М.: Издательство Юрайт, 2019.
- Корсаков С. С.* Психиатрическая клиника имени Абрама Абрамовича Морозова. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1897.
- Костригин А. А.* Актуальность изучения научного творчества Вильгельма Вундта для зарубежной и отечественной психологии // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 291–307.
- Костригин А. А., Стоюхина Н. Ю.* Умозрительная и интроспективная психология в России в XIX—начале XX вв.: определение понятий, границы направлений // *Психология и психотехника*. 2016. № 9. С. 755–765.
- Котомина А. А.* Хроноскоп Гиппа и ускорение времени: от исследовательских практик к решению прикладных задач. 2018. URL: [https://polymus.ru/ru/museum/pros/conference/xi-mezhdunarodnaya-](https://polymus.ru/ru/museum/pros/conference/xi-mezhdunarodnaya)

nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-istoriya-nauki-i-tehniki/conf-2018-tesis/kotomina-a.a.-hronoskop-gippa-i-uskorenie-vremeni-ot-issledovatel'skih-praktik-k- (дата обращения: 12.03.2019).

Котомина А. А. «Шестое чувство у слепых»: от измерения к протезированию // История науки и техники. Музейное дело. Периодическая таблица технологий: человеческий фактор: материалы XIII Международной научно-практической конференции 3–5 декабря 2019 г. / Ред. Ю. Д. Джафарова, Е. П. Музыкаина. М.: Политехнический музей, 2020. С. 331–341.

Краинский Н. В. Энергетическая психология. Вильна: Виленская окружная лечебница, 1905.

Кузьмин Е. С. Якунин В. А. Развитие психологии внутри естествознания. Л.: ЛГУ, 1985.

Кун Т. Структура научных революций / Общ. ред. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. М.: Прогресс, 1975.

Лазурский А. Ф. Современное состояние индивидуальной психологии // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1897а. № 5. С. 351–357.

Лазурский А. Ф. Современное состояние индивидуальной психологии (окончание) // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1897б. № 6. С. 434–442.

Лазурский А. Ф. О значении эксперимента в психологии // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 3. С. 141–158.

Лазурский А. Ф. Об естественном эксперименте // Труды Первого Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике в С.-Петербурге с 26 по 31 декабря 1910 г. СПб., 1911. С. 142–152.

Лазурский А. Ф. Общая и экспериментальная психология. СПб.: Изд-во М. К. Костина, 1912.

Ланге Н. Н. Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1893.

Ланге Н. Н. О современном состоянии педагогической психологии и задачах будущего // Труды Второго всероссийского съезда по педагогической психологии в Санкт-Петербурге в 1909 г. (1–5 июня). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 24–30.

Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. Т. 35. № 5–6. С. 1–32.

Литвиненко С. В. Становление экспериментальной психологии и педагогики в ведомстве военно-учебных заведений России в начале XX века // Непрерывное образование. 2017. № 3 (21). С. 79–82.

- Ломов Б. Ф. Начало развития экспериментальной психологии в России // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 3. С. 18–25.
- Ломов Б. Ф. История и актуальные проблемы развития экспериментальной психологии в России // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: Наука, 1990. С. 7–16.
- Лопатин Л. М. Курс психологии: лекции, читанные на Историко-филологическом факультете Императорского Московского университета и на Высших женских курсах в 1903–1904 ак. г. М.: Типо-лит. Ю. Вевер, 1903.
- Лызлов А. В. Истоки гуманитарного направления в психологии (на материале трудов В. Дильтея): Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии: период становления психологии как самостоятельной науки. Ярославль: МАПН, 1998.
- Мазиллов В. А. Становление метода эксперимента в научной психологии // Современная экспериментальная психология. В 2 т. Т. 1 / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 139–159.
- Мазиллов В. А. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. С. 186–194.
- Мазиллов В. А. Кризис психологии: новое понимание и трактовка // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3. С. 90–100.
- Методы экспериментального исследования личности. СПб.: Изд. Педагогического музея военно-учебных заведений, 1908.
- Мироненко И. А. Кризис психологии: перманентный и системный или локальный // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 119–127.
- Мироненко И. А. О методологическом разнообразии психологического знания // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 28–45.
- Мироненко И. А., Сорокин П. С. Идеальные типы Макса Вебера в пространстве дихотомии описательной и объяснительной парадигм психологии // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. «Педагогика и психология». 2008. № 2. С. 4–17.
- Научный архив Института психологии РАН (НА ИП РАН). Ф. 21. Оп. 1.1. Д. 1.
- Наблюдения над развитием интересов и памяти в школьном возрасте. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901.

- Нечаев А. П.* О задачах современной психологии. СПб., 1897.
- Нечаев А. П.* Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901.
- Нечаев А. П.* Лекции по психологии. СПб.: Лит. Богданова, 1902а.
- Нечаев А. П.* Об организации психологических наблюдений // Русская школа. 1902б. № 2. С. 149–154.
- Нечаев А. П.* Учебник психологии для гимназий. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1906.
- Нечаев А. П.* Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения. 3-е изд. Пг.: Тип. П. П. Сойкина, 1917.
- Носкова О. Г.* Истоки экспериментальной психологии в работах специалистов железнодорожного дела России конца XIX–начала XX в. // История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: ИП АН СССР, 1990. С. 86–101.
- Носкова О. Г.* История психологии труда в России, 1917–1957. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
- Носуленко В. Н.* Психофизика восприятия естественной среды: проблема воспринимаемого качества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Оршанский И. Г.* Измерение психических явлений. Харьков: Паровая тип. и лит. Зильберберг, 1897.
- Павлов И. П.* Экспериментальная психология и психопатология на животных // Известия Императорской военно-медицинской академии. 1903. Т. 7. № 2. С. 109–121.
- Павлова М. А.* Практическое руководство к изучению личности ребенка при помощи методов экспериментального исследования. Одесса: Изд. А. А. Ивасенко, 1916.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Пископпель А. А.* Объяснение и понимание в диалоге «объяснительной» и «описательной» психологий // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 47–57.
- Пономарев Я. А.* О предмете системного подхода и степени его развития // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 277–283.

- Пономаренко В. А., Обознов А. А., Носов Н. А. К истории экспериментальных исследований в отечественной авиационной инженерной психологии // История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, В. А. Кольцова. М.: ИП АН СССР, 1990. С. 160–172.
- Психологическая мысль России: век Просвещения / Отв. ред. В. А. Кольцова. СПб.: Алетейя, 2001.
- Репрессированная наука / Под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991.
- Розин В. М. Противопоставление и переосмысление естественно-научного и гуманитарного подходов // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 2. С. 291–306.
- Романова Е. С., Рыжов Б. Н. История психологии с системных позиций // Системная психология и социология. 2014. № 1. С. 5–15.
- Россолимо Г. И. Экспериментальный метод при изучении нервных и душевных болезней. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894.
- Россолимо Г. И. План исследования детской души. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1906.
- Россолимо Г. И. Психологические профили. Метод количественного исследования психических процессов в нормальных и патологических состояниях. Ч. 1. Методика. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910.
- Россолимо Г. И. Поправки и добавления к методике исследования психологических профилей. СПб.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1912.
- Румянцев Н. Е. Лаборатория экспериментальной педагогической психологии в С.-Петербурге. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1907.
- Румянцев Н. Е. Экспериментальный метод в педагогической психологии // Труды Второго всероссийского съезда по педагогической психологии в Санкт-Петербурге в 1909 г. (1–5 июня). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 99–118.
- Рыбаков Ф. Е. Гипнотизм и психическая зараза. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1905.
- Сафарян С. Н., Сафарян М. Н., Галстян Т. А. Экспериментальная и прикладная психология в России: библиографический материал (1861–1917). М.: Диалог–МИФИ, 2006.
- Серова О. Е. Метапсихология представления пространства в научной концепции Г. И. Челпанова // Альманах Научного архива Психологического института. Вып. 5. Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова / Сост. и отв. ред. О. Е. Серова, Е. П. Гусева. М.: ПИ РАО–МГППУ, 2012. С. 39–57.

- Сеченов И. М.* Психологические этюды. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1873.
- Сикорский И. А.* Опыт объективного исследования состояний чувства (с кратким указанием на объективные признаки мысли и воли). Киев: Лито-тип. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1903.
- Сироткина И. Е.* Литература и психология: из истории гуманитарного подхода // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 75–85.
- Скляр Н. И.* Зоммеровская клиника и экспериментально-психологический метод исследования при нервных и душевных болезнях. М.: Тип. Штаба Московского военного округа, 1912.
- Скородумов Л. Н.* Новый метод экспериментального исследования речевой функции и его приложения к психологии // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1913. № 1. С. 30–36.
- Славская А. Н.* Основы психологии С. Л. Рубинштейна: философское обоснование развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности. М.: Школа-пресс, 1995.
- Стародубцева Л. В., Родионова С. Н.* Вклад курских исследователей в развитие технического обеспечения психологических исследований // История и педагогика естествознания. 2020. № 3–4. С. 61–65.
- Стоюхина Н. Ю.* Психолог И. Н. Дьяков – ученик профессора Г. И. Челпанова: один из многих // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2013. № 5–6. С. 72–96.
- Стоюхина Н. Ю.* К вопросу о российской экспериментальной психологии в первые годы XX в. // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 287–306.
- Стоюхина Н. Ю., Костригин А. А.* Экспериментальные аппараты в советской психотехнике 1920–30-х гг.: «свое» и «чужое» // История и педагогика естествознания. 2019. № 1. С. 34–40.
- Тарханов И. Р.* Гипнотизм, внушение и чтение мыслей. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1886.
- Токарский А. А.* Гипнотизм и внушение. Харьков: Тип. М. Ф. Зильберберга, 1888.
- Токарский А. А.* Записки психологической лаборатории Психиатрической клиники Императорского московского университета // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 1 (31). С. 1–60.

- Троцкий М. М.* Наука о духе: общие свойства и законы человеческого духа. В 2 т. Т. 1. М.: Н. А. Абрикосов, 1882.
- Троцкий М. М.* Немецкая психология в текущем столетии: историческое и критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка. М.: Тип. Т. Рис, 1867.
- Фёдоров А. А.* История донаучной психологии: психософия. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2005.
- Хомская Е. Д.* О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 112–132.
- Хрестоматия по истории психологии: период открытого кризиса (начало 10-х гг.—середина 30-х гг. XX в.) / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Челпанов Г. И.* Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. В 2 ч. Ч. 1. Представление пространства с точки зрения психологии. Киев: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1896.
- Челпанов Г. И.* Мозг и душа: критика материализма и очерк современных учений о душе. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900а.
- Челпанов Г. И.* О памяти и мнемонике. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900б.
- Челпанов Г. И.* Психология: основной курс, читанный в Московском университете в 1908–09 г. / Под ред. студентов Г. О. Гордона, Н. А. Рыбникова. М.: Типо-лит. И. И. Любимова, 1909.
- Челпанов Г. И.* Лекции по экспериментальной психологии. Ч. 1. М., 1910а.
- Челпанов Г. И.* Лекции по экспериментальной психологии. Ч. 2. М., 1910б.
- Челпанов Г. И.* Об экспериментальном методе в психологии // Новые идеи в философии. Сб. № 9. Методы психологии. Ч. 1. СПб.: Образование, 1913. С. 12–39.
- Челпанов Г. И.* Введение в экспериментальную психологию. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1915.
- Чиж В. Ф.* Научная психология в Германии. М.: Университетская тип. (М. Катков), 1886.
- Чиж В. Ф.* О методах научной психологии // Архив психиатрии. 1894. Т. XXIII. № 1. С. 46–59.
- Шадриков В. Д.* Возвращение души. Теоретические основания и методология психологической науки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.

Концепции дореволюционной российской психологии

- Шиповалова Л. В.* Бруно Латур и историчность научных объектов // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2013. Т. 15. С. 78–97.
- Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978.
- Юревич А. В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А. В.* Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или Раскачанный маятник // Вопросы психологии. 2005а. № 2. С. 147–151.
- Юревич А. В.* Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005б.
- Юревич А. В.* Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 3. С. 3–17.
- Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Издательство политической литературы, 1974.
- Ярошевский М. Г.* История психологии. М.: Мысль, 1976.
- Ярошевский М. Г.* Две научные школы в отчем доме психологов России // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 8–12.
- Ясницкий А.* Курт Коффка: «У узбеков ЕСТЬ иллюзий!». Заочная полемика между Лурией и Коффкой // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 1–25.
- Digdon N. et al.* Little Albert's alleged neurological impairment: Watson, Rayner, and historical revision // History of psychology. 2014. V. 17. № 4. P. 312–324.
- Harris B.* Letting go of Little Albert: Disciplinary memory, history, and the uses of myth // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2011. V. 47. № 1. P. 1–17.
- Perry G. et al.* Credibility and incredulity in Milgram's obedience experiments: A reanalysis of an unpublished test // Social Psychology Quarterly. 2020. V. 83. № 1. P. 88–106.

Естественно-научные взгляды в психологии религии: стадии и пути развития¹

А. М. Двойнин

doi: 10.38098/

Введение

Психология религии — одна из отраслей психологической науки, которая проделала весьма большой и нелинейный исторический путь. Рождение психологии религии фактически совпадает с рождением самой научной психологии, датировать которое в современной историографии науки принято двумя последними десятилетиями XIX в. Исследователи связывают появление этой отрасли с работами В. Вундта, У. Джеймса, Г. С. Холла и др. (Loewenthal, 2008; Nelson, 2009; Wulff, 1997). Расцвет психологии религии пришелся на 1890—1920 гг., после чего данная отрасль пережила спад исследовательского интереса и фактический упадок (Beit-Hallahmi, 1974). Возрождение психологии религии заняло несколько десятилетий и происходило достаточно неравномерно (Wulff, 1998). Серьезное развитие отрасли отмечается с 1990-х годов в связи с увеличением количества научных исследований и публикаций, возобновлением деятельности профессиональных сообществ психологов, открытием новых лабораторий и исследовательских центров. В целом на протяжении своего исторического развития психология религии претерпела множество трансформаций, непризнаний и трудностей, связанных как с противоречивой природой самих явлений религии и духовности, так и с методологическими недостатками и тупиками при их исследовании (Chanda, 2022).

В последнее десятилетие психология религии как научная дисциплина демонстрирует устойчивый рост: развиваются новые исследовательские направления (эволюционное, когнитивное, нейробиологическое и др.), появляются новые факты и теоретические разработки, продолжает увеличиваться число публикаций. Несмот-

---

1 Статья представляет собой доработанную версию текста, опубликованного на английском языке в журнале «Natural Systems of Mind» (Dvoinin, 2022).

ря на то, что общий объем научных публикаций по психологии религии существенно меньше, чем, скажем, по когнитивной или возрастной психологии, темпы роста публикаций по психологии религии с 2011 по 2020 г. в два раза выше, чем в области когнитивной психологии (Volkova et al., 2021).

Развитие современных психологических исследований религии обусловлено рядом причин, не последнюю роль среди которых, как нам представляется, играет появление новых методологических подходов, в основу которых положены естественно-научные взгляды как на природу религии, так и на природу человека.

Цель данной статьи — дать обобщенную картину развития естественно-научных взглядов в психологии религии с момента их более или менее отчетливого проявления до настоящего времени. Мы не пытаемся произвести инвентаризацию этих взглядов или дать их исчерпывающий обзор. Наша задача гораздо скромнее: мы наметим стадии, основные пути и источники развития естественно-научных взглядов в психологии религии, сознавая при этом, что намечаемая картина, по сути, — эскиз, который без прорисовки деталей отражает реальность несколько упрощенно. Тем не менее подобное упрощение, как нам представляется, необходимо для уяснения общей, так сказать, композиции психологии религии в естественно-научном «разрезе».

Зарождение естественно-научных взглядов в психологии религии: биологические интерпретации религиозных явлений психики

Как уже было сказано, рождение психологии религии фактически совпадает с рождением самой научной психологии. Поскольку научная психология в качестве отдельной дисциплины выделилась из философии благодаря внедрению экспериментального метода и лабораторных условий, то логично было бы предположить, что появление естественно-научных взглядов в психологии религии так или иначе связано с этой же причиной. Казалось бы, именно воспроизводимость научных фактов при строго контролируемой экспериментальной процедуре в лабораторном исследовании — один из ключевых столпов естественно-научной эпистемологии. На деле же отнюдь не эти *методологические* нововведения в психологии конца XIX—начала XX в. привели к появлению натуралистических представлений о религиозных феноменах психики.

Хорошим свидетельством в пользу данного тезиса является методологический дуализм в теории основателя научной психоло-

гии В. Вундта, создателя первой в мире психологической лаборатории и пионера в применении экспериментального метода, внесшего при этом вклад в психологию религии.

Методологический дуализм немецкого ученого, как известно психологам, выразился в разделении психологии на две слабо связанные друг с другом сферы, для исследования каждой из которых предназначался свой познавательный методический инструментарий. Для исследования простейших реакций и элементарных психических структур, составляющих содержание индивидуального сознания (ощущений, представлений, чувствований), предназначался метод интроспекции и эксперимент как способ уточнения интроспективных данных. Эта сфера психологии называлась В. Вундтом «физиологической психологией». Для изучения общих проявлений психологии масс, так называемой «души народа», предполагались принципиально иные методы: историко-этнологические наблюдения и анализ продуктов культуры — языка, мифов, религии, традиций, искусства и др. Таким образом, должна была оформиться «психология народов».

Говоря современным языком, «физиологическую психологию» В. Вундт считал естественно-научной дисциплиной, нацеленной на раскрытие законов природы человеческой психики (Wundt, 1874), а «психологию народов» скорее гуманитарной наукой, направленной на описание целостной психологии этнокультурных сообществ.

На этой методологической «развилке» вопросы, затрагиваемые психологией религии, у В. Вундта пошли по пути «психологии народов» (см.: Wundt, 1905–1909), что, по сути, отдаляло их от естественно-научной траектории развития. Для такого пути, надо признать, были вполне вразумительные причины. Во-первых, это объективные сложности индукции и моделирования религиозных явлений в лабораторных условиях. Во-вторых, отношение к религиозным явлениям психики как к явлениям человеческого «духа» и культуры при еще достаточно ограниченных представлениях о возможностях психологического экспериментирования вкупе с несовершенством методик и аппаратуры делало их нерелевантными для строгих экспериментальных процедур. Психология религии тем самым отдавалась «на откуп» историкокультурным, этнографическим описаниям, клиническим наблюдениям и опросным методам — анкетированию, интервью.

Тем не менее естественно-научные взгляды в зарождающейся психологии религии постепенно формировались, но уже как следст-

вия попыток найти *натуралистические объяснения* религиозным явлениям психики.

Одной из первых таких попыток, насколько это можно сейчас обнаружить, стал психологический анализ религиозного развития ребенка, осуществленный в 1880-е годы американским психологом и педагогом Г. С. Холлом. Обобщив собственные наблюдения за детским развитием и ряд фактов, добытых другими исследователями, ученый выделил стадии религиозного развития ребенка в онтогенезе (Hall, 1882). В качестве теоретического фундамента периодизации выступил основной биогенетический закон, согласно которому онтогенез организма изоморфен стадиям филогенетического развития его вида. Утверждая, что базовые религиозные чувства могут быть развиты у ребенка в ранние месяцы младенчества посредством заботливого ухода за телом малыша, избегания сильных стимулов и резкостей в обращении, Г. С. Холл выделил стадию фетишизма в онтогенетическом развитии ребенка, характерную для дошкольного возраста, стадию естественного идолопоклонничества, свойственную младшему школьному возрасту. В пубертатный период ребенок достигает пика своего религиозного развития (под влиянием религиозного воспитания) и становится способным к подлинному альтруизму и любви к ближнему (как это заложено в христианской традиции).

Однако данная теория, хоть и опиралась на определенный фактологический материал в виде наблюдений, была весьма умозрительной и тенденциозной. Вместе с тем ее научная значимость заключалась в попытке выявить естественные предпосылки становления религиозности индивида через анализ закономерностей его психического развития в онтогенезе.

Попытки найти натуралистические объяснения религиозным явлениям психики осуществлялись исследователями, стоящими на весьма разных методологических позициях: от феноменологических — до бихевиористских.

Так, существенную роль в становлении естественно-научных взглядов на религиозные психологические явления сыграли идеи У. Джеймса, которого относят к представителям феноменологического направления в психологии религии. У. Джеймс отрицал весьма распространенную в конце XIX—начале XX в. идею о существовании особых религиозных чувств, отличающихся от всех прочих эмоций человека. Он утверждал, что религиозный страх, религиозное чувство возвышенного или, например, любовь к Богу есть не что иное, как естественные человеческие эмоции, направленные на религиозный объект (James, 1902).

В русле бихевиористского направления естественно-научные взгляды выражались в попытках найти объяснение религиозному поведению индивида с позиции биологических преимуществ, которые оно может ему дать. Религиозное поведение рассматривалось как способствующее выживанию и успешной адаптации к среде, а религиозные убеждения индивида — как способ улучшения биологических процессов в организме. Например, У. Р. Уэллс полагал, что религиозные убеждения приобретают непосредственное значение для выживания индивида, благодаря их субъективному воздействию на его биологическое благополучие (Wells, 1921). По мнению Д. М. Траута, религиозные нормы и традиции как регуляторы поведения способствуют успешному достижению индивидом тех целей, которые иными способами достигнуть трудно или невозможно: безопасность, любовь, пища, секс и т. п. (Trout, 1932). Позднее Б. Ф. Скиннер дал натуралистическое объяснение религиозному поведению как следствию оперантного научения (Skinner, 1948, 1971).

Поиски объяснений религиозных явлений психики, как известно, предпринимались и психоаналитиками. З. Фрейд видел в религии особый выработанный культурой способ компенсации беспомощности человека перед силами природы и несовершенствами самой культуры (Freud, 1928). По К. Г. Юнгу, религиозные явления с психологической точки зрения, по сути, — символические проекции психики, выражающие целостность человеческого бытия (Jung, 1969). Примечательно, что попытки соединения фрейдизма и марксизма советскими исследователями в 1920—1930-е годы привели к более радикальным утверждениям о том, что обращение человека к религии есть один из способов сублимации сексуальной энергии через создание системы «социальных раздражителей», дающих власть определенному классу общества (Рейснер, 1925), а сама религия есть продукт детских бессознательных влечений эдипова комплекса (Малис, 1924).

Несмотря на попытки основателей и сторонников психоанализа отчасти натурализовать религиозные явления психики, выводя их из особенностей функционирования бессознательного, психоаналитические объяснения все же нельзя отнести к естественно-научным взглядам, даже несмотря на декларативную позицию З. Фрейда — избегать всяких метафизических и спиритуалистских спекуляций и строить психоаналитическую теорию на строгих медицинских фактах. В реальности многие теоретические построения психоаналитиков, в том числе касающиеся вопросов психологии религии, оказались слабо верифицируемыми и, по существу, метафизическими.

Поэтому дальнейшее развитие психоанализа в контексте психологии религии пошло в XX в. по пути герменевтической методологии¹.

В появлении естественно-научных взглядов в психологии религии конца XIX—начала XX в. существенную роль, как нам представляется, сыграли медицинские исследования психиатров и психопатологов. Не эксперимент, а психиатрические наблюдения в клинике позволили увидеть за различными религиозными феноменами (беспокойчивость, ясновидение, мистические состояния и т. п.) психические симптомы естественного происхождения.

В этом отношении достаточно далеко продвинулась «французская школа» в психологии религии — группа врачей-исследователей религиозных патологий, работавших в конце XIX—начале XX в. (Wulff, 1997). Так, Ж.-М. Шарко пришел к выводу, что религиозная одержимость является не чем иным, как особой формой истерии, а факты исцеления от болезни под влиянием религиозной веры пациентов объясняются ауто suggestion (Шарко, 2001). Изучавший религиозные экстатические состояния П. Жане, распознал в них симптомы так называемой «психастении» — нарушения, которое в современной психиатрии обозначается как обсессивно-компульсивное расстройство (Janet, 1926—1928). Т. Рибо обнаружил зависимость религиозных чувств от органических (в частности, конституциональных особенностей) человека (Ribot, 1894, 1898). Ярко выраженная религиозная страсть могла переходить в патологию двух типов: *депрессивную* (меланхолическую), основанную на чувстве вины и страха, и *экзальтированную*, выражающуюся в сильном чувстве любви и восторженности. Швейцарец Э. Мюризе отметил, что патологии религиозных эмоций связаны с дезинтеграцией неразделимых в нормальном состоянии аспектов религиозности — индивидуального и социального. При потере социального аспекта верующий становится мистиком, сфокусированным на религиозных переживаниях. В случае утраты индивидуального аспекта религиозности наблюдается такое явление, как фанатизм, поддерживаемый за счет высокой идентификации с группой или сообществом верующих, подчинения лидеру или вероучению (Murisier, 1901).

Следует отметить, что изучение психиатрами религиозных явлений психики активно шло и в России дореволюционного и раннего постреволюционного периодов. Например, В. М. Бехтеревым, М. Ю. Лахтиным, И. А. Сикорским, А. А. Токарским, В. Ф. Чижом,

¹ Примеры психоаналитических толкований религиозных явлений психики можно найти в ставших классическими работах такого рода (см.: Современная западная психология религии..., 2017).

А. И. Яроцким и др. с медицинских позиций изучались мистические переживания у душевнобольных, феномены ясновидения, религиозного внушения, фанатизма, психические эпидемии (бесоудержимость, демономания), религиозный бред, влияние на психику спиритизма и мн. др. В своих научных работах психиатры опирались на подход, который был назван У. Джеймсом «медицинским материализмом», т. е. нахождением физиологических объяснений религиозных явлений психики (Психология религии в России..., 2019; James, 1902).

По-видимому, именно психиатрические исследования во многом повлияли на рефлексию познавательных принципов психологии религии, которые в ясном виде сформулировал швейцарский психолог Т. Флурнуа. В своей работе 1903 г. он ввел два методологических принципа, которых должен придерживаться любой психолог при изучении религиозных феноменов (Flournoy, 1903). Первый и наиболее известный из них – *принцип исключения трансцендентности*, который гласит, что при исследовании религиозных феноменов ученый обязан воздерживаться от утверждения/отрицания их истинности. Второй принцип, имеющий непосредственное отношение именно к естественно-научным взглядам в психологии религии, – это *принцип биологической интерпретации*, согласно которому психология религии должна быть:

- 1) *физиологической* и искать, где это возможно, органические причины при объяснении религиозных феноменов;
- 2) *генетической*, или *эволюционной*, в рассмотрении внешних и внутренних факторов развития религиозности;
- 3) *сравнительной*, что заключается в чувствительности к индивидуальным различиям;
- 4) *динамической*, признающей религиозную жизнь чрезвычайно сложным процессом, включающим действие множества факторов (Flournoy, 1903).

Как видим, требование искать, где это возможно, органические причины при объяснении религиозных феноменов нацеливает исследователей на выявление биологического фундамента религиозных явлений психики. Оно весьма успешно может быть выполнено в области психопатологии, но при этом не оставляет исследователю места для рассмотрения социокультурного «пласта» в психике религиозного человека. Дальнейшее историческое развитие психологии религии показало, что принцип биологической интерпретации является несколько однобоким. Современные психологи рели-

гии не придерживаются его в том виде, в котором он сформулирован Т. Флурнуа, полагая его устаревшим. Вместе с тем в современной психологии религии требование выявлять *естественные*, а не *сверхъестественные* причины религиозных явлений психики сохраняется, как сохраняется методологическая значимость принципа исключения трансцендентности.

Можно сказать, что принцип биологической интерпретации в концентрированном виде выражал натуралистические устремления ранних психологов религии. Этот принцип оказался важным в историческом плане шагом к формированию естественно-научных взглядов в психологии религии, несмотря на его однобокий редуционизм.

Источники современных естественно-научных взглядов в психологии религии: генетика, нейронаука, когнитивистика, эволюционизм

Позиции психологии религии, пережившей бурный рост в 1880–1920-е годы, в 1930–1950-е годы значительно ослабели, научный интерес к ней существенно снизился. Попытки возродить этот интерес в 1960-е годы, предпринятые некоторыми европейскими психологами, не увенчались значительными успехами. Лишь в 1990-е годы психология религии начала переживать эпоху возрождения, когда появились новые подходы и направления исследований, академические ассоциации психологов религии («International Association for the Psychology of Religion», «Division 34. Psychology of Religion» Американской психологической ассоциации и др.), новые специализированные научные журналы (см.: Двойнин, Малевич, 2017).

Естественно-научные идеи в психологии религии после определенного периода затишья¹ вновь стали высказываться психологами религии. Отчетливо эти идеи проявились в 1990–2000-х годах в связи с достижениями и разработками в области: генетики, нейронауки (поведенческой нейронауки, нейропсихологии), когнитивного и эволюционного подходов (в религиоведении, антропологии, психологии).

1. На понимание биологических основ религиозных явлений психики во многом повлияла теория эволюционного отбора генов Р. До-

1 Мы сознательно опускаем здесь отдельные исследования этого периода из-за их спорадичности, а также те натуралистические взгляды на религию, которые не имели прямого отношения к области психологии религии.

кинза. Эта теория дополнила представление о естественном отборе на уровне популяций и отдельных организмов учением о естественном отборе на уровне отдельных генов. Р. Докинз считает, что гены борются за существование в процессе естественного отбора, используя организмы в качестве носителей и передатчиков. «Эгоистичные» гены (в терминологии Р. Докинза) стремятся к возможно большому количеству репликаций, увеличивая степень адаптации, а также вероятность своего выживания и перехода к организмам следующего поколения (Докинз, 2015а, б). По аналогии с генами как носителями биологической информации Р. Докинз ввел также понятие мемов (memes) – единиц-репликаторов, несущих массив закодированной культурной информации, психологически «приятной» для людей и распространяемой через имитацию, научение (там же)¹. Развитие генетики позволило поставить вопрос о наследственной обусловленности таких явлений, как язык, альтруизм, духовность, мораль и др., прежде считавшихся исключительно культурно транслируемыми. Так, например, С. Пинкер отстаивающий идею наличия гена языка, заметил, что человек обучается языку примерно в том же смысле, в каком паук учится плести паутину (Пинкер, 2004). В работе Д. Хамера показано, что «духовность» вполне может быть зафиксирована психометрически, а лежащая в основе духовности тенденция наследуема (Hamer, 2005). Исследователю удалось экспериментально выявить так называемый «ген духовности» VMAT2 – именно ему приписывается бóльшая часть наследования (28% изменений в аллелях – маркер «духовности»). Тем не менее, сам Д. Хамер не абсолютизирует именно генетический фактор, полагая, что ответственность за то, «выстрелит» ли данный ген в конкретном организме, лежит на других факторах, в том числе – на культурных условиях. В работах других исследователей было также обнаружено, что полиморфизм гена-рецептора дофамина, DRD4, в значительной степени связан с измерениями духовности и «самотрансценденции» по шкале личностных характеристик (Comings et al., 2000).

Несмотря на успехи генетики в изучении наследственных механизмов передачи так называемых «культурных» явлений, безусловно, не следует генетическую *предрасположенность* к определенным культурным формам принимать за *предопределенность*. Здесь можно согласиться с представителями системно-эволюционного под-

---

1 Дальнейшее развитие идеи мемов осуществлялась другими авторами, что привело к формированию такого направления, как «меметика», научный статус которого в настоящее время вызывает сомнения у представителей академической науки.

хода к психике Ю. И. Александровым и Н. Л. Александровой в том, что и у человека, и у животных существует биологическая predisposition к усвоению культуры, к освоению соответствующих видотипических навыков (Александров, Александрова, 2009). Другими словами, гены определяют эпигенетические правила, которые канализируют развитие и усвоение культуры (Wilson, 1999).

Таким образом, современные представления о биологической наследуемости культуры предполагают лишь определенную видовую «культурную специализацию».

2. Развитие нейронауки как в теоретическом, так и в методическом плане (появление позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ), функциональной магнитно-резонансной томографии (ФМРТ) и однофотонной эмиссионной томографии (ОФЭКТ) вкуче с возможностями нейровизуализации) значительно продвинуло психологов в понимании нейронных механизмов религиозности.

С этими исследованиями связано появление такой научной области, как нейротеология. Проблему ее вклада в развитие естественно-научных взглядов в психологии религии мы обсудим ниже.

Нейротеология – научное направление, оформившееся в исследованиях ряда авторов (Альпер, 2014; Ньюберг и др., 2013; Ashbrook, 1984; Ashbrook, Albright, 1999; Newberg, D'Aquili, 2001; и др.), которое сосредоточено на изучении нейронных механизмов, обеспечивающих реализацию (приобретение, воспроизведение, передачу и т. п.) религиозного опыта. Э. Ньюберг, Ю. Д'Аквили и В. Рауз заметили, что основные тезисы нейротеологии могут быть сформулированы следующим образом:

1. Религиозные явления психики отмечаются изменениями активности мозга, которые подлежат исследованию.
2. Это не является доказательством/опровержением существования Бога.
3. Религиозный опыт «локализован» в мозге функционально или морфологически?
4. Существует ли особая «духовная» функция?

Нейротеология пытается обнаружить паттерны, которые являются универсальными и независимыми от культуральных матриц. Групповые ритуалы, как и индивидуальная религиозность, способствуют вовлечению одних и тех же эмоциональных разрядов, имеющих отношение к эмоциям страха, умиротворения или экстаза. Эти эмоции и этот опыт могут быть вызваны деафферентацией, т. е. ограничением доступа информации к мозговым структурам (Ньюберг и др., 2013).

В результате анализа вышеперечисленных тезисов нейротеологии мы пришли к выводу о том, что только один из них (причем самый спекулятивный!) можно признать более или менее инновационным — это вопрос о существовании/несуществовании особой «духовной» функции с точки зрения мозговых механизмов психики. Остальные тезисы отнюдь не новы, ведь изменения мозговой активности при любых психических явлениях (в том числе связанных с религиозным опытом) фиксировались задолго до появления нейротеологии. Также не нов и второй тезис, скорее воспроизводящий принцип исключения трансцендентности Т. Флурнуа применительно к предметному полю нейронауки; хотя сам этот тезис методологически корректен. И наконец, третий тезис является конкретизацией одной из основных проблем нейропсихологии — проблемы локализации или антилокализации психических функций в мозгу.

На первый взгляд, может показаться, что нейротеология — это вполне академическая область нейронауки, имеющая четкую естественно-научную методологическую базу. Однако это не совсем так. Как справедливо отмечает Т. В. Малевич, нейротеология использует «диаметрально противоположные методы и подходы: от выяснения нейробиологической детерминации религиозного поведения до нейрорадиологических и нейрохимических исследований, направленных на выявление корреляции между религиозными переживаниями и структурно-функциональной организацией мозга; от попыток с помощью нейронауки обосновать теологию и ценность религиозных переживаний до «методологического агностицизма» и «методологического натурализма» (Малевич, 2013, с. 63). Нейротеология фактически разделяет достаточно грубую в методологическом отношении позицию радикального локационизма, пытаясь найти уникальный нейробиологический субстрат элементов религиозного опыта вроде «зоны Бога» или «зоны духовности». Это подобно тому, как пытаться найти в мозге зону «восприятия мохнатых вещей», зону «восприятия автомобиля», что весьма бессмысленно (Ratcliffe, 2006). При этом нейротеологи рассматривают религиозный опыт не как частный случай повседневного опыта человека, а как что-то крайне уникальное и специфическое, что должно иметь, по их представлениям, особую уникальную нейробиологическую основу в организме человека. Поэтому представители данного направления сосредоточены в основном на исследовании особых мистических и экстатических состояний, эксцентричных проявлений религиозности. Это радикально отличает их подход от когнитивного подхода, пытающегося раскрыть закономерности религиозно-

го мышления, поведения и переживания как частные проявления более общих закономерностей функционирования познавательных процессов человека (Day, 2009).

Не следует забывать и об общей критике подобного локализации с позиции параллельной обработки информации и теории системной и динамической локализации высших психических функций, разработанной А. Р. Лурией и его учениками. В их работах было показано, что мозговое обеспечение высших психических функций (которые также задействованы в конституировании религиозного опыта человека) требует работы мозга как целого: «Высшие психические функции как сложные функциональные системы не могут быть локализованы в узких зонах мозговой коры или в изолированных клеточных группах, а должны охватывать сложные системы совместно работающих зон, каждая из которых вносит свой вклад в осуществление сложных психических процессов и которые могут располагаться в совершенно различных, иногда далеко отстоящих друг от друга участках мозга» (Лурия, 2013, с. 77).

Кроме этого, нейротеология не предлагает объяснений религиозного опыта как системно детерминированного. В поисках уникальных нейробиологических причин религиозных переживаний и мистических состояний она игнорирует такие уровни детерминации, как социальный и собственно психологический. При этом нейротеология совершает методологическую ошибку, принимая за причинно-следственные связи корреляции между нейробиологическими переменными и религиозными переживаниями.

Ввиду данных соображений мы не можем не согласиться с тем, что, «несмотря на опору нейротеологии на естественно-научную методологию, многие ее утверждения носят гипотетический и спекулятивный характер» (Малевич, 2013, с. 79).

Среди исследований религиозного опыта в области нейронауки нельзя не упомянуть тех, которые в отличие от нейротеологических выполнены на базе более традиционной методологии. Существуют исследования, показывающие, что религиозность связана с функционированием височных долей головного мозга и усиливается при височной эпилепсии (Ogata, Miyakawa, 1998; Persinger, 1984, 1991, 1993). Однако, как указывает С. Шахтер, делать такое утверждение нужно весьма осторожно, так как медицинские данные на этот счет пока недостаточно полные (Schachter, 2006). П. Макнамара (McNamara, 2001, 2002), а также П. Макнамара, Дж. Андресен и Дж. Джеллард (McNamara et al., 2003) предоставили ряд экспериментальных и клинических данных, показывающих, что с некоторыми религиозны-

ми и ритуальными практиками сопряжены передние лобные доли. Не вдаваясь в подробности, отметим, что в настоящее время накоплено достаточно много экспериментальных данных, свидетельствующих о том, что дофаминергические системы префронтальной коры влияют на религиозность: расстройства, связанные с повышенной дофаминергической активностью, например шизофрения и обсессивно-компульсивное расстройство, зачастую сопровождаются усилением религиозности. Изменения префронтальной активности могут сопровождаться изменениями в религиозном поведении.

Следует также отметить важную для развития естественно-научных взглядов в психологии религии дискуссию между сторонниками гипотезы «лимбического маркера» и гипотезы «когнитивного императива». Как считают Н. П. Азари и М. Слорс, гипотеза «лимбического маркера» способствовала попыткам объяснить естественное происхождение религии с опорой на данные мозговой активности, полученные во время исследования *религиозных переживаний*, т. е. некогнитивных по своей сути психических состояний. Некогнитивный характер этих переживаний дает возможность их описания вне какой-либо религиозной традиции, т. е. вне системы конкретных верований (Azari, Slors, 2007).

Общая идея данной гипотезы: если получится показать, что в основе религиозных переживаний лежат эволюционно «примитивные» нейронные схемы (т. е. включающие низкоуровневые мозговые структуры, которые человек разделяет с менее развитыми в эволюционном отношении видами живых существ), то можно будет утверждать, что религия также имеет примитивные эволюционные корни и что она возникла как элемент развития природы.

Однако гипотеза «лимбического маркера» встречается с концептуальными трудностями. Проинтерпретировать определенные некогнитивные психические состояния как переживания именно сверхъестественного можно только в рамках *уже имеющейся* религиозной традиции, т. е. в контексте некой когнитивной системы верований в сверхъестественное. Но тогда получается, что *вне* религиозной традиции данные состояния могут быть интерпретированы как переживания *чего угодно* и не обязательно сверхъестественной реальности (ibid.). Парадокс заключается в том, как в таком случае они могут приводить к появлению когнитивных элементов — религиозных верований?

В противоположность гипотезе «лимбического маркера» Э. Ньюберг и Ю. Д'Аквили считают, что появление верований можно объяснить особенностями организации психики человека: «когнитив-

ным императивом» — биологически обусловленной потребностью в познании реальности; способностью предвидеть события и опасаться их (например, испытывать страх собственной смерти); «каузальным оператором» — склонностью находить причины различным событиям; «бинарным оператором» — тенденцией интерпретировать реальность в системе противоположных категорий (например, «свет» и «тьма», «рай» и «ад») (Newberg, d'Aquili, 2001). Однако данные аргументы, по мнению Н. П. Азари и М. Слорса, не объясняют в целом нелогический характер многих мифов и верований, а также не объясняют факты их очевидного соответствия особенностям социальной организации того сообщества, которое их создает (Azari, Slors, 2007).

Не вдаваясь в детали данной дискуссии, отметим, что пока нейровизуализационные исследования религиозных переживаний не подтверждают гипотезу «лимбического маркера», а идея «когнитивного императива» еще нуждается в дополнительном обосновании и проверке.

Развитию естественно-научных взглядов в психологии религии способствовало и приложение к исследованию религиозного опыта нейроэкономических теорий.

Нейроэкономика — научная дисциплина, применяющая экономические модели для изучения работы мозга и использующая нейробиологические данные в области экономической теории. Работа мозга (мозговые процессы) анализируется при помощи особых понятий: «риски», «затраты», «вознаграждения», «безбилетник», «сигналы, подделка которых дорого стоит» и т. п.). Большую популярность в нейроэкономике получила *теория затратных сигналов*. Применение теории затратных сигналов к эволюционным моделям религии предлагает правдоподобный механизм объяснения того, как религия способствует кооперативному взаимодействию (Sosis, 2003; Sosis, Alcorta, 2003). Затратные сигналы являются такими паттернами поведения, которые накладывают определенные издержки на индивида, их демонстрирующего, — «расходы», выходящие за рамки базовых «расходов», которые любые поведенческие акты влекут за собой, и поэтому с трудом поддающиеся подделке со стороны индивидов, не способных понести соответствующие «расходы» (Sosis, Alcorta, 2003). Представители теории затратных сигналов утверждают, что паттерны религиозного поведения, которые демонстрируют степень приверженности индивида к группе — это «сигналы, подделка которых дорого стоит» (*costly-to-fake signals*). Другими словами, с экономической точки зрения человеку невыгодно («дорого») имитировать свою религиозность перед окружающими ра-

ди получения каких-либо общественных благ. Сторонники данной теории считают, что способность религии содействовать кооперации является ее основной адаптивной функцией (Irons, 1996, 2001; Sosis, 2003).

Безусловно, нейроэкономический подход имеет право на существование в психологии религии и наверняка еще окажется продуктивным в решении определенных проблем данной отрасли. Тем не менее сейчас не представляется возможным оценить границы данного подхода, меру его применимости к религиозным явлениям психики. Без этого можно легко попасть в ловушку неоправданного редуционизма или околонучных спекуляций с экономической терминологией.

3. Когнитивный и эволюционный подходы, активно развивающиеся в настоящий момент в таких дисциплинах как религиоведение, антропология и психология, стали еще одним источником развития естественно-научных взглядов в психологии религии. Метафора психики как когнитивного аппарата, осуществляющего обработку информации и обладающего ограниченной пропускной способностью, оказалась весьма применима к изучению религиозных явлений. Экспериментальные возможности, которые предоставляет современная когнитивистика (возможности формулировки операциональных гипотез, их контролируемая проверка и пр.), теория модульности работы мозга/сознания, идеи биокультурной коэволюции и др. были реципированы психологией религии и рядом других научных областей. Это привело к формированию таких пересекающихся друг с другом научных направлений, как когнитивная и эволюционная психология религии, когнитивное и эволюционное религиоведение, когнитивная и эволюционная антропология.

Один из фундаментальных вопросов современной психологии религии в контексте естественно-научных представлений следующий: *является ли религия эволюционно полезным механизмом, способствующим адаптации* или она есть — *побочный продукт эволюции, представляющий собой экзаптацию* (применение адаптации в целях, не имеющих отношения к изначальным)?

В настоящее время дискуссия на эту тему далека от завершения и только усиливается. Л. А. Киркпатрик полагает, что споры о предполагаемой адаптивной функции, несомненно, продолжатся и в будущей психологии религии, но они будут более продуктивными в контексте общей парадигмы, признающей и обосновывающей важность эволюционировавшей психологической архитектуры для объяснения поведения (Kirkpatrick, 1999).

С точки зрения сторонников понимания религии как эволюционно полезного механизма религия способствует просоциальному поведению человека – соблюдению социальных норм, культурных паттернов поведения. Религия является мощным средством регуляции социального поведения. В конечном счете обеспечиваемая религией просоциальность усиливает приспособленность и репродуктивный успех. В целом религия способствует кооперации, альтруизму и сплочению группы, что существенно повышает ее шансы на выживание. Подобную позицию отстаивают А. Норензаян и А. Ф. Шариф (Norenzayan, Shariff, 2008), сторонники нейроэкономической теории затратных сигналов (Irons, 1996, 2001; Sosis, 2003) и др.

Другие ученые считают, что религия – это побочный продукт эволюции (Atran, 2002; Boyer, 2000, 2001, 2003; Boyer, Bergstrom, 2008; Boyer, Ramble, 2001; Kirkpatrick, 1999, 2006, 2011; Pinker, 2006). Если бы религия являлась адаптивной функцией, заложенной (*hard-wired*) в мозг, то явным было бы наличие у человека религиозного «инстинкта», порождающего религию с целью приспособления. При этом, как полагает Л. А. Киркпатрик, предположения о том, в чем заключается адаптивная функция таких религиозных инстинктов, составляют длинный ряд и не кажутся правдоподобными: начиная с защиты от страха перед смертью или других форм утешения и заканчивая групповыми преимуществами вроде обеспечения сплоченности, солидарности и снижения конфликтности (Kirkpatrick, 1999).

Позиция Л. А. Киркпатрика, а также С. Атрана заключается в том, что совокупность разнородных феноменов, обозначаемых термином «религия», является набором побочных продуктов нескольких адаптационных механизмов, имеющих свои собственные, прагматичные жизненные функции (Atran, 2002; Kirkpatrick, 1999, 2005). Другими словами, у нас нет особого инстинкта игры в футбол, однако мы создаем игру, которая согласовывается со множеством психологических механизмов, не имеющих отношения к футболу.

Если говорить о религии, то вера в существование сверхъестественных сил и существ, по-видимому, возникает как побочный продукт возникших в ходе эволюции систем, в чью задачу входит понимание физического, биологического и межличностного окружения (Boyer, 2001).

Когнитивные и эволюционные психологи религии¹ рассматривают мозг как сформировавшийся в ходе эволюции аппарат (*hard-wire*),

1 Некоторые исследователи могут быть также идентифицированы и как представители когнитивного и/или эволюционного религиоведения или антропологии.

который узкоспециализирован (домен-специфичен) и обеспечивает оптимальную для выживания и репродуктивной функции адаптацию индивида к условиям жизни. Узкоспециализированные функциональные подсистемы мозга одинаковы у представителей разных этносов и культур и автоматически срабатывают, перерабатывая информацию определенного типа, к которой они предназначены. Идея врожденных и преднастроенных узкоспециализированных психических механизмов (так называемых «модулей», «функциональных органов» и т. п.) принадлежит не самим когнитивным и эволюционным психологам религии, а известному философу сознания Дж. Фодору (Fodor, 1983). Метафорически модульную организацию психики можно уподобить «швейцарскому ножу», каждый инструмент которого предрасположен для применения к специфическому материалу. Надо сказать, что Дж. Фодор признавал модульную организацию только за низкоуровневыми психическими механизмами (ibid.). Современные когнитивные и эволюционные психологии религии придерживаются теории всеобщей модульности, согласно которой вся психика в целом подвержена модульной организации.

В 1993 г. в своей монографии «Лики в облаках» С. Гатри высказал идею о том, что вера в сверхъестественных агентов основывается на когнитивных искажениях, свойственных нашей психике (Guthrie, 1993). В дальнейшем эта идея была развита в представление о существовании особого «модуля» психики – «Сверхчувствительного устройства обнаружения агентности» (Hypersensitive Agency Detection Device – HADD). Подобно существующему у человека модулю распознавания лиц, HADD позволяет нам реализовывать узкоспециализированную и эволюционно полезную функцию. HADD работает следующим образом: в любой ситуации, когда организм получает неизвестный сигнал, данный модуль мгновенно опоздает его как исходящий от некоего живого агента и потенциально опасный. Например, шорох в кустах, когда вы находитесь в лесу, мгновенно вызывает гипотезу о присутствии постороннего, потенциально опасного живого агента, например хищника. И, несмотря на то, что в реальности шорох может быть вызван падением сухой ветки с дерева, для организма эволюционно полезнее реагировать на неизвестный стимул как на угрожающий и потенциально опасный: лучше лишиться раз среагировать на шорох как на хищника и остаться в живых, чем среагировать нейтрально и быть съеденным тигром.

Основываясь на идее существования HADD, Дж. Барретт провел экспериментальные исследования, показавшие, что данный модуль сверхчувствителен и легко может срабатывать в ситуациях отсутст-

вия реальных агентов, порождая представления об антропоморфных живых существах (Barrett, 1996; Barrett, Keil, 1996).

Среди естественно-научных взглядов, часть которых мы с вынуждены оставить за пределами нашей статьи, достойна внимания теория когнитивного оптимума П. Буайе (Boyer, 2000). Согласно П. Буайе, религиозные идеи возникают как незначительные когнитивные нарушения нерелигиозных понятий. Наши нерелигиозные понятия он классифицировал в определенные категории. Исследователь выделил 5 фундаментальных категорий: природный объект, рукотворный объект, растение, животное, личность. Любое нерелигиозное понятие обладает так называемой *интуитивной онтологией* – неявными свойствами, которые интуитивно приписываются нами этому понятию, например, понятие «стол» обладает интуитивными свойствами: имеет поверхность, является рукотворным предметом, изготовлен из твердого материала (дерева, металла, стекла и др.) и т. д. Данные интуитивные свойства определяются нашей житейской (наивной) физикой. В отношении живых существ сбываются ожидания из области житейской (наивной) биологии и психологии. Понятия о сверхъестественных существах нарушают наши интуитивные представления в области биологии или психологии, благодаря чему они получают преимущество быть культурно устойчивыми, хорошо запоминаются и передаются в культуре. Например, согласно житейской биологии, всякое живое существо смертно. Существование живого, но бессмертного сверхъестественного существа нарушает наши интуитивные ожидания и обладает контринтуитивным свойством. Тем не менее, чтобы быть воспринятыми и культурно передаваемыми, религиозные понятия должны обладать определенным набором интуитивных свойств. Поэтому, как правило, несмотря на то что божества мыслятся как существующие вне пространства, времени, всемогущие и т. п., им приписываются интуитивно понятные для живых существ свойства – иметь намерения, думать, любить, ненавидеть, ошибаться и т. п. (Boyer, 2001).

Таким образом, для того, чтобы иметь «культурный успех» божество должно обладать интуитивными и некоторыми контринтуитивными свойствами. При этом количество контринтуитивных свойств не должно превышать некоторый *когнитивный оптимум*. Например, кошка, обладающая двумя контринтуитивными свойствами – способностью летать и читать мысли людей – будет иметь больший «культурный успех», чем кошка, способная летать, читать мысли, имеющая 94 лапы, сотворенная из камня и живущая в параллельном мире. В целом, как пишет П. Буайе, религиозные понятия

приобретаются и используются не потому, что они хороши для людей или общества в целом, и не вследствие внутренней потребности или желания обладать ими. Они приобретаются и используются потому, что их легче запомнить и ими гораздо проще овладеть, чем всеми другими (Boyer, 2000).

Оценивания идеи и перспективы эволюционного подхода, мы далеки от мысли Л. А. Киркпатрика о том, что эволюционная психология религии должна стать не просто направлением психологии религии, наряду с другими, а базовой парадигмой для всей отрасли (Kirkpatrick, 2011). Как нам представляется, у эволюционного подхода есть важные ограничения. Во-первых, представители эволюционного подхода сущностно не отличают культурно-исторические факторы развития психики от биологических. В этом случае редукция всего многообразия культурной жизни человечества к эволюционным механизмам представляется неоправданным упрощением. Изучать человека как представителя вида живых существ, наряду с другими, можно и нужно, но игнорировать специфичность культурного бытия как источника развития психики человека методологически не вполне корректно и вряд ли продуктивно.

Именно благодаря культуре человеческое существование радикально отличается от существования животного мира, будучи подчиненным не столько биологическим законам эволюции, сколько законам *исторического развития* (по К. Марксу). Культура человечества обладает собственным онтологическим статусом, поэтому всякая *прямая редукция* высших культурных проявлений к биологическим, выработанным эволюцией, представляется неоправданной. К примеру, многолетние духовные поиски конкретного человека, увенчавшиеся религиозным обращением, объяснять модульной организацией психики, не рассматривая множество опосредствующих социокультурных звеньев и детерминант, означает делать некорректный «скачок» между разными уровнями объяснения явлений. В этой связи перспективными в исследовательском отношении выглядят идеи культурно-исторической теории Л. С. Выготского (2000), которые могли бы стать основой для альтернативного эволюционному подходу в психологии религии. Идея рассмотреть религию как систему созданных человеком в процессе культурно-исторического развития искусственных стимулов-средств — психологических орудий — для овладения собственной психикой и поведением выглядит весьма эвристичной.

Во-вторых, разделяемая когнитивными и эволюционными психологами религии концепция модульности психики является лишь

теоретической гипотезой и далеко не единственной в когнитивной психологии; можно вспомнить также коннекционистский (нейро-сетевой) и символичный подходы.

Модульный подход к психике нередко критикуется. Так, например, автор идеи «универсальной грамматики» Н. Хомский (1972) полагал, что развитие языковой системы в функциональном плане не зависит от развития других психических структур, а представляет собой автономный модуль психики. Наличием этого универсального, а значит, культурно неспецифического модуля, можно объяснить, по мнению автора, удивительную похожесть грамматических структур языков разных народов мира. Однако Дж. Брунер, на основе исследования логики и характера взаимодействия матери и ребенка в коммуникациях и совместных играх, заключает: «По-видимому, можно утверждать, что ребенок узнает грамматические правила, необходимые для построения и понимания предложений, через их соответствие концептуальной структуре, создаваемой для регуляции совместного действия и совместной направленности внимания. Это было бы равносильно утверждению о том, что грамматика возникает как набор правил, извлеченный из совместно регулируемой деятельности, которая стала кодифицироваться в культуре языкового сообщества» (Брунер, 1984, с. 45). Другими словами, *грамматика языка* соотносится с *«грамматикой» поведения*. Именно это предположительно является причиной существования грамматических универсалий, общих для большинства языков, а не узкоспециализированный языковой модуль психики.

Можно также оценить справедливость критики модульного подхода на примере идеи (развиваемой М. Хаузером в рамках интуитивной концепции морали) о том, что человек обладает видоспецифическим «органом морали», представляющим собой нейронную сеть, специально предназначенную для оперирования с моральными проблемами (Хаузер, 2008). Именно благодаря данному модулю, по убеждению автора, человек осуществляет интуитивный моральный выбор, который затем рационально обосновывается. Критика данного подхода, осуществленная с позиции теории функциональных систем Ю. И. Александровым, на наш взгляд, весьма справедлива. Ю. И. Александров утверждает, что гены связаны с моральным поведением не напрямую, а посредством процесса специализации нейронов, что буквально означает то, что «определенные нейроны „научаются“ своей активностью обеспечивать сформированное индивидом поведение: работать с компьютерной программой, закидывать спиннинг, пилить дрова, танцевать определенный

танец, считать в уме и т. п.» (Александров, 2008, с. 12). При этом в формировании описанных навыков (процессе системогенеза) задействован весь мозг, а не какой-либо «орган» с его специфической функцией.

Таким образом, так называемый «модуль» HADD, о котором пишут когнитивные и эволюционные психологии религии, может оказаться не столько модулем, сколько прошедшей прижизненный системогенез функциональной системой — выработанным навыком нейронов в процессе целостного взаимодействия организма со средой реагировать определенным образом на неопознанные стимулы и сигналы.

В целом эволюционная парадигма при четком осознании границ ее применимости способна привести к продуктивному развитию ряда проблемных областей психологии религии, таких, как генетические и нейронные механизмы религиозности, низкоуровневые психические процессы, задействованные в религиозном опыте и т. д. При этом сторонникам эволюционного подхода следует не сводить объяснение к концепции модульности психики, а рассматривать возможности других подходов, в частности, системно-функционального (см., например: Александров, Александрова, 2009).

Заключение

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что развитие естественно-научных взглядов в психологии религии было нелинейным и дискретным. В этом развитии можно более или менее отчетливо выделить три стадии.

На *первой стадии* (условные хронологические границы: 1880—1920-е годы) зарождение естественно-научных взглядов было связано не с методологическими инновациями в психологии — введением экспериментального метода в лабораторные исследования, а с отчетливым стремлением психологов найти натуралистические объяснения религиозным явлениям психики. Поиск этих объяснений приводил ученых на данном, начальном этапе развития психологии религии к биологическим интерпретациям религиозных явлений. Религиозный опыт, по сути, выводился из органических особенностей человека и его биологических связей со средой. Конечно, эти ранние попытки страдали механицизмом и избыточным редуционизмом, что приводило к биологизаторству при анализе сложных в онтологическом плане религиозных явлений, нивелированию их социокультурной специфики.

Ввиду отсутствия на раннем этапе развития психологической науки данных в области генетики невозможность проводить серьезные нейробиологические исследования религиозности из-за несовершенства методического инструментария; объективные сложности применения эксперимента в области изучения религиозного опыта не привели к существенному прогрессу в развитии верифицируемых естественно-научных теорий в психологии религии.

Однако в историческом плане ранние натуралистические объяснения религиозных явлений психики способствовали становлению психологии религии как научной дисциплины в целом. Они укрепляли представление о религии как о продукте естественных жизненных процессов, который вполне может быть объектом научного исследования. Натуралистические устремления психологов конца XIX—начала XX в. помогли отрефлексировать методологические принципы психологии религии, которые оказали благотворное влияние на ее дальнейшее развитие. Значительный вклад в появление естественно-научных взглядов в тот период, мы полагаем, внесли не бихевиористы, которые проводили мало специальных поведенческих экспериментов с верующими, а врачи — психиатры и психопатологи. Именно в работах медиков, внимательных к физиологии и иным телесным проявлениям, религиозные явления психики со всей убедительностью предстали как симптомы естественного происхождения.

На *второй стадии* (условные хронологические границы: 1930—1980-е годы) развитие естественно-научных взглядов носило инерционный характер и существенно затормозилось. Это было связано с тем, что психология религии как отрасль научного знания переживала в данный период значительный спад исследовательского интереса; психологические исследования религиозных явлений были малочисленны и проводились спорадически. Вместе с тем некоторые естественно-научные изыскания (например, в рамках поведенческого, клинического направлений и др.) проводились.

На *третьей стадии* (условные хронологические границы: с 1990-х годов по настоящее время) интерес исследователей к естественным детерминантам религиозности возрождается. Этот интерес подпитывается из нескольких источников: генетики, нейронауки, когнитивистики и эволюционизма. Происходит определенный возврат к поиску биологического (генетического, нейробиологического) субстрата религиозного опыта уже с учетом методологических, а также методических возможностей современных генетики и нейронауки. Те экспериментальные данные, которые получены в конкретных ис-

следованиях, пока достаточно ограничены и противоречивы для того, чтобы делать обобщенные выводы. Некоторые заключения, например, о наличии в головном мозге «зоны Бога» и подобные, которые можно иногда услышать от представителей такой области, как нейротеология, весьма спекулятивны. Однако можно констатировать то, что в психологии религии созрели обоснованные гипотезы о биологических предпосылках религиозных явлений психики (гипотезы височных долей, «лимбического маркера», «когнитивного императива» и др.).

Вместе с тем опыт естественно-научных исследований в психологии религии показывает, что найти объяснения религиозным явлениям психики с опорой исключительно на данные нейронауки без обращения к социокультурным, историческим и антропологическим материалам не представляется возможным.

Когнитивный и эволюционный подходы к религиозному опыту, по нашему мнению, существенно продвинули психологию религии по пути естественно-научного развития. Эксперименты, показавшие контринтуитивность религиозных репрезентаций и их ограниченность особенностями когнитивного «аппарата» психики (в частности, когнитивными искажениями), позволили выдвинуть обоснованную гипотезу о когнитивном происхождении религии. Специфика религиозных репрезентаций, заключающаяся в том, что они нарушают наши интуитивные (наивные) ожидания в отношении объектов природы, культуры и других людей, как считают когнитивисты, обеспечивает успех их культурной трансмиссии.

Дискуссии относительно вопроса, считать ли религиозные явления психики эволюционно полезным адаптационным механизмом или неким побочным продуктом эволюции, далеки в настоящий момент от своего завершения; полученные эмпирические данные пока противоречивы. Однако для развития естественно-научных взглядов в психологии религии эта дискуссия крайне полезна, поскольку со всей прямотой и отчетливостью в ней ставится вопрос о функциональном назначении религиозных верований, переживаний и поведенческих моделей.

Слабым местом когнитивных и эволюционных исследований религиозных явлений психики, как мы полагаем, является их внеисторический характер — фактически на одну доску ставятся примитивные верования дикаря и современного образованного европейца. При таком взгляде, который для определенных целей, безусловно, продуктивен, роль социальных факторов, специфика культурного измерения религиозных явлений не высвечивается. Следствием

этого является избыточный редукционизм, с которым далеко не все психологи религии готовы согласиться. Концепция модульной организации психики, получившая широкое применение для когнитивных и эволюционных объяснений религиозности, также вызывает критические отклики. Недооцененным в этом плане остается системно-функциональный подход к организации психики, который мог бы стать хорошей альтернативной теорией всеобщей модульности в области психологии религии.

Перспективы развития естественно-научных взглядов в психологии религии достаточно широки. Экспериментальный метод в лабораторных исследованиях религиозного опыта еще только начинает набирать свою популярность. Проверка уже имеющихся и выдвижение новых гипотез о когнитивных и некогнитивных детерминантах религиозных верований, решение вопроса об эволюционном смысле религиозных явлений психики или его отсутствии – все это дело будущего данной научной отрасли. Мы надеемся на преодоление психологией религии на этом пути жестких редукционистских схем и раскрытия роли культурно-исторических факторов развития и функционирования религиозных явлений психики.

Литература

- Александров Ю. И.* Мораль и гены. Предисловие к русскому изданию // М. Д. Хаузер. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008. С. 5–18.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Альпер М.* Бог и мозг: Научное объяснение Бога, религиозности и духовности. М.: Эксмо, 2014.
- Брунер Дж.* Онтогенез речевых актов // Психолингвистика: Сб. статей / Под ред. А. М. Шахнаровича. М.: Прогресс, 1984. С. 21–50.
- Выготский Л. С.* Психология. М.: Эксмо, 2000.
- Двойнин А. М., Малевич Т. В.* Психология религии в современном мире (вместо предисловия) // Современная западная психология религии: Хрестоматия / Ред.-сост. Т. В. Малевич; под ред. К. М. Антонова, К. А. Колкуновой. М.: ПСТГУ, 2017. С. 7–28.
- Докинз Р.* Эгоистичный ген. М.: АСТ–Corpus, 2015а.
- Докинз Р.* Бог как иллюзия. М.: Колибри–Азбука–Аттикус, 2015б.
- Лурия А. Р.* Основы нейропсихологии. М.: Академия, 2013.

- Малевич Т. В. Нейротеология: теории религии и наука о мозге // Религиоведческие исследования. 2013. № 7–8. С. 62–83.
- Малис Г. Ю. Психоанализ коммунизма / Предисл. К. И. Платонова. Харьков: Космос, 1924.
- Ньюберг Э., Д'Аквилли Ю., Рауз В. Тайна Бога и наука о мозге: Нейробиология веры и религиозного опыта. М.: Эксмо, 2013.
- Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004.
- Психология религии в России XIX–начала XXI века / Ред.-сост. К. М. Антонов. М.: ПСТГУ, 2019.
- Рейснер М. А. Проблемы социальной психологии. Ростов-на-Дону: Буревестник, 1925.
- Современная западная психология религии: Хрестоматия / Ред.-сост. Т. В. Малевич; под ред. К. М. Антонова, К. А. Колкуновой. М.: ПСТГУ, 2017.
- Хаузер М. Д. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008.
- Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
- Шарко Ж. М. Исцеляющая вера // История психологии религии: Хрестоматия / Науч. ред. и сост. М. В. Чумаков. Курган: КГУ, 2001. С. 44–58.
- Ashbrook J. B. Neurotheology: The working brain and the work of theology // *Zygon*. 1984. V. 19 (3). P. 331–350.
- Ashbrook J. B., Albright C. R. The humanizing brain: An introduction // *Zygon*. 1999. V. 34 (1). P. 7–43.
- Atran S. In Gods We Trust: The Evolutionary Landscape of Religion. N. Y.: Oxford University Press, 2002.
- Atran S. The cognitive and evolutionary roots of religion // P. McNamara (Ed.), Where God and Science Meet: How Brain and Evolutionary Studies Alter Our Understanding of Religion. V. 1: Evolution, Genes and the Religious Brain. Westport, CT: Praeger, 2006. P. 181–207.
- Azari N. P., Slors M. From brain imaging religious experience to explaining religion: A critique // *Archive for the Psychology of Religion*. 2007. 29. P. 67–85.
- Barrett J. L. Anthropomorphism, intentional agents and conceptualizing God: Ph. D. dissertation. Cornell University, 1996.
- Barrett J. L., Keil F. C. Conceptualizing a non-natural entity: anthropomorphism in God concepts // *Cognitive Psychology*. 1996. V. 31. P. 219–247. doi: 10.1006/cogp.1996.0017
- Beit-Hallahmi B. Psychology of religion 1890–1930: The Rise and Fall of a psychological movement // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1974. V. 10. P. 84–90.

- Boyer P.* Functional origins of religious concepts: Ontological and strategic selection in evolved minds // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2000. V. 6 (2). P. 195–214.
- Boyer P.* *Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought*. N. Y.: Basic Books, 2001.
- Boyer P.* Religious thought and behaviour as by-products of brain function // *Trends in Cognitive Sciences*. 2003. V. 7 (3). P. 119–124.
- Boyer P., Bergstrom B.* Evolutionary perspectives on religion // *Annual Review of Anthropology*. 2008. V. 37. P. 111–130.
- Boyer P., Ramble C.* Cognitive templates for religious concepts: Cross-cultural evidence for recall of counter-intuitive representations // *Cognitive Science*. 2001. V. 25 (4). P. 535–564. doi: 10.1016/S0364-0213(01)00045-3
- Chanda A.* Tracing the history of the discipline of psychology of religion, major developments and methodological differences utilised by scholars in America and Europe // *SciELO Preprints*. 2022. doi: 10.1590/SciELOPreprints.3424
- Comings D. E., Gonzales N., Saucier G., Johnson J. P., MacMurray J. P.* The DRD4 gene and the spiritual transcendence scale of the character temperament index // *Psychiatric Genetics*. 2000. V. 10 (4). P. 185–189. doi: 10.1097/00041444-200010040-00006
- Day M.* Exotic experience and ordinary life: On Andrew Newberg, Eugene D'Aquili and Vince Rause, *Why God Won't Go Away: Brain science and the biology of belief* (2001) // M. Stausberg (Ed.). *Contemporary Theories of Religion. A Critical Companion*. N. Y.: Routledge, 2009. P. 115–128.
- Dvoinin A. M.* Development of naturalistic views in psychology of religion // *Natural Systems of Mind*. 2022. V. 2 (in press).
- Flournoy T.* Les principes de la psychologie religieuse // *Archives de Psychologie*. 1903. V. 2. P. 33–57.
- Fodor J. A.* *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1983.
- Freud S.* *Die Zukunft einer Illusion*. Leipzig–Wien–Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1928.
- Guthrie S.* *Faces in the Clouds: A New Theory of Religion*. N. Y.: Oxford University Press, 1993.
- Hamer D.* *The God Gene: How Faith Is Hardwired into Our Genes*. N. Y.: Anchor Books, 2005.
- Hall G. S.* The moral and religious training of children // *The Princeton Review*. 1882. 9. P. 26–48.
- Irons W.* Morality, religion and human nature // W. Richardson, W. Wildman (Eds). *Religion and science: History, Method and Dialogue*. N. Y.: Routledge, 1996. P. 375–399.

- Irons W.* Religion as a hard-to-fake sign of commitment // R. Neese (Ed.). *Evolution and the Capacity for Commitment*. N. Y.: Russell Sage Foundation, 2001. P. 292–309.
- James W.* *The Varieties of Religious Experience. A Study in Human Nature*. N. Y.: Longmans, Green & Co., 1902.
- Janet P.* *De l'angoisse à l'extase. Études sur les croyances et les sentiments*. 2 vols. Paris: F. Alcan, 1926–1928.
- Jung C. G.* *Psychology and Religion: West and East*. 2nd ed. // *Collected Works of C. G. Jung*. V. 11. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1969.
- Kirkpatrick L. A.* Toward an evolutionary psychology of religion // *Journal of Personality*. 1999. V. 67 (6). P. 921–952.
- Kirkpatrick L. A.* *Attachment, Evolution and the Psychology of Religion*. N. Y.: Guilford Press, 2005.
- Kirkpatrick L. A.* Religion is not an adaptation // P. McNamara (Ed.). *Where God and Science Meet: How Brain and Evolutionary Studies Alter Our Understanding of Religion*. V. 1: *Evolution, Genes and the Religious Brain*. Westport, CT: Praeger, 2006. P. 159–179.
- Kirkpatrick L. A.* The role of evolutionary psychology within an interdisciplinary science of religion // *Religion*. 2011. V. 41. P. 329–339. doi: 10.1080/0048721X.2011.604511
- Loewenthal K. M.* *The Psychology of Religion: Short Introduction*. Oxford: Oneworld Publications, 2008.
- McNamara P.* Frontal lobes and religion // J. Andresen (Ed.). *Religion in Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 237–256.
- McNamara P.* The motivational origins of religious practices. *Zygon*. 2002. V. 37 (1). P. 143–160.
- McNamara P., Andresen J., Gellard J.* Relation of religiosity and scores on verbal and non-verbal fluency tests to subjective reports of health in the elderly // *The International Journal for the Psychology of Religion*. 2003. V. 13 (4). P. 259–271.
- Murisier E.* *Les Maladies du Sentiment Religieux*. Paris: F. Alcan, 1901.
- Nelson J. M.* *Psychology, Religion and Spirituality*. N. Y.: Springer, 2009. doi: 10.1007/978-0-387-87573-6
- Newberg A. B., d'Aquili E.* *Why God Won't Go Away: Brain Science and the Biology of Belief*. N. Y.: Ballantine Books, 2001.
- Norenzayan A., Shariff A. F.* The origin and evolution of religious prosociality // *Science*. 2008. V. 322 (5898). P. 58–62. doi: 10.1126/science.1158757
- Ogata A., Miyakawa T.* Religious experience in epileptic patients with a focus on ictus-related episodes // *Psychiatry and Clinical Neuroscience*. 1998. V. 52. P. 321–325. doi: 10.1046/j.1440-1819.1998.00397.x

- Persinger M. A.* People who report religious experiences may also display enhanced temporal lobe signs // *Perceptual and Motor Skills*. 1984. V. 58 (3). P. 963–975. doi: 10.2466/pms.1984.58.3.963
- Persinger M. A.* Preadolescent religious experience enhances temporal lobe signs in normal young adults // *Perceptual and Motor Skills*. 1991. V. 72 (2). P. 453–454. doi: 10.2466/pms.1991.72.2.453
- Persinger M. A.* Paranormal and religious beliefs may be mediated differentially by subcortical and cortical phenomenological process of the temporal (limbic) lobes // *Perceptual and Motor Skills*. 1993. V. 76 (1). P. 247–251. doi: 10.2466/pms.1993.76.1.247
- Pinker S.* The evolutionary psychology of religion // P. McNamara (Ed.). *Where God and Science Meet: How Brain and Evolutionary Studies Alter Our Understanding of Religion*. V. 1: Evolution, Genes and the Religious Brain. Westport, CT: Praeger, 2006. P. 1–10.
- Ratcliffe M.* Neurotheology: A science of what? // P. McNamara (Ed.). *Where God and Science Meet: How Brain and Evolutionary Studies Alter Our Understanding of Religion*. V. 3: The Psychology of Religious Experience. Westport, CT: Praeger, 2006. P. 81–104.
- Ribot T.* *The Diseases of the Will*. Chicago: The Open Court Publishing Company, 1894.
- Ribot T.* *The Psychology of the Emotions*. London: W. Scott Ltd, 1898.
- Schachter S. C.* Religion and the brain: evidence from temporal lobe epilepsy // P. McNamara (Ed.). *Where God and Science Meet: How Brain and Evolutionary Studies Alter Our Understanding of Religion*. V. 2: The Neurology of Religious Experience. Westport, CT: Praeger, 2006. P. 171–188.
- Skinner B. F.* “Superstition” in the pigeon // *Journal of Experimental Psychology*. 1948. V. 38. P. 168–172.
- Skinner B. F.* *Beyond Freedom and Dignity*. N. Y.: A. A. Knopf, 1971.
- Sosis R.* Why aren’t we all Hutterites? Costly signaling theory and religious behavior // *Human Nature*. 2003. V. 14 (2). P. 91–127.
- Sosis R., Alcorta C. S.* Signaling, solidarity and the sacred: The evolution of religious behavior // *Evolutionary Anthropology*. 2003. 12. P. 264–274.
- Trout D. M.* *Religious Behavior*. N. Y.: Macmillan, 1932.
- Volkova E. V., Zuev K. B., Rusalov V. M.* Grand challenges in modern sciences // *Natural Systems of Mind*. 2021. V. 1 (1). P. 5–14. doi: 10.38098/nsom_2021_01_03_01
- Wells W. R.* *The Biological Foundations of Belief*. Boston: R. G. Badger, 1921.
- Wilson E. O.* *Consilience. The Unity of Knowledge*. N. Y.: A. A. Knoff, 1999.
- Wulff D. M.* *Psychology of Religion: Classic & Contemporary Views*. 2nd ed. N. Y.: John Wiley and Sons, 1997.

Wulff D. M. Rethinking the Rise and Fall of the psychology of religion // A. L. Molendijk, P. Pels (Eds). Religion in the Making: The Emergence of the Sciences of Religion. Leiden: Brill, 1998. P. 181–202.

Wundt W. Grundzüge der Physiologischen Psychologie. Leipzig: W. Engelmann, 1874.

Wundt W. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Bd. 2. Mythos und Religion. Leipzig: W. Engelmann & A. Kröner, 1905–1909.

Культурная психология Яана Вальсинера: опыт эмпирических исследований¹

И. А. Мироненко, А. Л. Журавлев

doi: 10.38098/

Введение

Мы уже знакомили читателя с теорией, методологическими принципами и подходами, развиваемыми в культурной психологии Яана Вальсинера (Мироненко, Журавлев, 2021, 2022). В настоящей статье мы приведем примеры реализации теоретических подходов и принципов школы динамического семиозиса в эмпирических исследованиях. Провозглашаемые Яаном Вальсинером теория и методология психологического исследования существенно отличаются от предпочитаемых мейнстримом мировой науки. Примат идиографического подхода, интроспекция как основной метод получения эмпирического материала, отказ от статистики — насколько реализуемо это в эмпирических исследовательских работах?

В российском дискурсе, как и в зарубежном мейнстриме, не наблюдается особого интереса к идиографическому методу как к инструменту исследования. Анализ единичных случаев (case-studies), конечно, имеет место, однако, применяется он как метод обучения, иллюстрирующий известные уже закономерности и нацеленный на развитие умений и компетенций применения законов и закономерностей в решении практических задач, но не как метод выявления закономерностей, еще не известных, т. е. не как метод исследовательский.

Возможно ли обобщение, которое является целью научного познания, на основе исследования единичных случаев? Каким образом оно возможно, без усреднения на больших выборках, на основе предположения об уникальности каждого отдельного случая?

Согласно культурной психологии Яана Вальсинера, в силу индивидуально неповторимого характера протекания психических явлений только такое обобщение и возможно. Оно основывает-

---

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00260.

ся на выявлении общих по своей природе закономерностей, индивидуально-неповторимое проявление которых наблюдается в каждом случае. Вальсинер цитирует высказывание Л. С. Выготского о И. П. Павлове:

«И. П. Павлов изучает фактически деятельность *слюнной железы у собаки*. Что дает ему право назвать свой опыт изучением высшей нервной деятельности *животных*? Быть может, он должен был проверить свои опыты на коне, вороне и т. д. — на всех или, по крайней мере, на большинстве животных, чтобы иметь право сделать выводы? Или, может быть, он должен был свой опыт назвать *так*: изучение слюноотделения у собаки? Но именно слюноотделения собаки *как такового* Павлов и не изучал, и его опыт ни на йоту не увеличил наших знаний о собаке как таковой и насчет слюноотделения как такового. Он в собаке изучал не собаку, а *животное вообще*, в слюноотделении — *рефлекс вообще*, т. е. у этого животного и в этом явлении он выделил то, что есть общего у них со всеми однородными явлениями. Поэтому его выводы не только касаются всех животных, но и всей биологии: установленный факт выделения слюны у данных павловских собак на данные Павловым сигналы прямо становится общебиологическим принципом — превращения наследственного опыта в личный. Это оказалось возможным, потому что Павлов *максимально абстрагировал* изучаемое явление от специфических условий единичного явления, он гениально *увидел в единичном общность*» (Выготский, 1982, с. 404).

В соответствии с культурной психологией Вальсинера настойчиво подвергается критике сложившаяся традиция использования статистики, применение которой основано на предположении об эргодичности¹ описываемых функций. Аргументом принципиальной некорректности статистического подхода в психологии полагается то, что большинство сложных целостных психических явлений не являются эргодичными. Иными словами, можно принять статистические расчеты характеристик элементарных психических функций,

---

1 Для эргодических систем действует закон неразрывности функции, т. е. в любой точке континуума математическое ожидание по временным рядам должно совпадать с математическим ожиданием по пространственным рядам. Для определения параметров системы можно долго наблюдать за поведением одного ее элемента, а можно за очень короткое время рассмотреть все ее элементы (или достаточно много элементов). Если система обладает свойством эргодичности, то в обоих случаях получатся одинаковые результаты. Для эргодических систем корректно использование статистики.

таких как время сенсомоторной реакции на свет, объем кратковременной памяти и прочие подобные, основываясь на том, что здесь действует закон нормального распределения, т. е. у людей встречаются значения искомого показателя во всем диапазоне, и больше всего средних значений, что и описывает кривая нормального распределения. Например, глаза у людей устроены сходным образом, и на основе множества измерений можно вычислить средние показатели абсолютных и дифференциальных порогов зрения. Однако в отношении тех сложных целостных культурно обусловленных явлений, которые в фокусе интереса культурной психологии, предположение об эргодичности не имеет оснований. Люди качественным образом различаются по своим взглядам, верованиям, устремлениям, представлениям о добре и зле. Реагировать на какие-либо события люди могут по-разному, в том числе и прямо противоположным образом (Valsiner, 2009, p. 16). Положение об уникальности каждого психологического явления делает невозможным применение статистических процедур, требует применения преимущественно идиографического подхода в психологии.

Фокус на исследовании индивидуальных случаев, анализ которых является основой для обобщений, а не усредненная статистика выборок, обосновывается методологически, для чего используется понятие *абдукции*, введенное Ч. Пирсом в триаде «абдукция—индукция—дедукция» как познавательная процедура принятия правдоподобных гипотез на основе интуиции. Согласно Пирсу, процесс научного познания осуществляется как взаимодействие 1) абдукции, осуществляющей принятие правдоподобных объяснительных гипотез на основе «абдукционного инстинкта»; 2) индукции, реализующей эмпирическое тестирование выдвинутых гипотез; 3) дедукции, посредством которой из принятых гипотез выводятся следствия. Моментом творчества, порождающего *новое* научное знание, является именно абдукция.

Далее будут приведены примеры эмпирических исследований в русле школы динамического семиозиса Яана Вальсинера.

Исследования микрогенеза психических процессов при применении метода шкальных оценок

В психологии шкальные оценки применяются широко и повсеместно: при измерении интеллекта, оценке личностных особенностей и т. д., так что трудно назвать область психологических исследований, где бы они не применялись. Соблазнительная простота использо-

вания и кажущаяся объективность результатов при использовании метода шкальных оценок обеспечили методу успех и популярность. Быстрота процедуры позволяет охватить опросом большие группы людей, что обеспечивает «статистически достоверный» результат. Однако «несмотря на популярность метода, психические процессы, которые происходят, когда испытуемый отмечает свой ответ на шкале, остаются не исследованными и непроанализированными» (Rosenbaum & Valsiner, 2011, p. 50). Что же отражают шкальные оценки? Какая психическая реальность за ними скрыта? Задайте человеку вопрос — доволен ли он собой? — и, скорее всего, последует длительный сумбурный монолог, который вряд ли закончится каким-либо определенным утверждением. Что же происходит на самом деле, когда этот человек за несколько секунд дает однозначный ответ в виде шкальной оценки? В целом ряде работ делается попытка найти ответ на этот вопрос (Rosenbaum, Valsiner, 2011; Valsiner et al., 2005a, b; Wagoner, Valsiner, 2005).

Проведенное эмпирическое исследование (Rosenbaum & Valsiner, 2011) имело двоякую цель:

1. Вскрыть «черный ящик» процесса шкалирования. Гипотеза заключалась в том, что поставленная перед испытуемым задача шкалирования запускает внутренний диалог. С целью проверки этой гипотезы экспериментальная процедура была модифицирована таким образом, чтобы «развернуть» в оригинале свернутый процесс при шкалировании.
2. Провести анализ микрогенеза когнитивных и аффективных процессов, происходящих, когда испытуемый дает шкальную оценку какому-либо явлению по указанию экспериментатора.

Исследователи использовали популярный личностный тест NEO PI-R (Costa, McCrae, 1992), где испытуемому предлагается по пятибалльной шкале («Неверно»—«Скорее неверно»—«Трудно сказать»—«Скорее верно»—«Верно») оценить, насколько верны по отношению к нему предлагаемые в тесте высказывания о личностных особенностях. Из данного теста были выбраны 14 пунктов, которые были подвергнуты «деконструкции» в процессе эксперимента. Участниками эксперимента были жители двух стран: Эстонии (обозначены буквой «Е» и номером) и США (обозначены буквой «А» и номером).

По каждому из выбранных 14 пунктов испытуемого просили:

1. Дать развернутую интерпретацию того, что значит каждый из двух полюсов оценивания. Например, ответ «Неверно» на высказывание «Меня не слишком задевает, когда надо мной подшучи-

вают и подразнивают меня» одним из испытуемых интерпретировался таким образом: «Это плохо, хуже некуда, если меня настолько раздражают шутки в мой адрес, что я просто сразу убегаю...». Ответ «Верно» этот испытуемый интерпретировал так: «Это хорошо, как если бы я совсем не чувствовал неловкости, что бы ни происходило. Это значило бы, что я полностью в себе уверен».

2. На втором этапе нужно было оценить себя по данной шкале.
3. Последним заданием было описать процесс оценивания и обосновать свою оценку.

Таким образом, процесс шкалирования разделяется на две взаимосвязанных составляющих: интерпретация и собственно оценивание. Предполагалось, что в ходе интерпретации полюсов испытуемый генерирует пространство смыслов, в котором осуществляется затем оценка.

Рассмотрим для примера несколько вариантов интерпретации отдельных высказываний.

Высказывание «У меня очень яркое воображение». Испытуемый А6 интерпретирует полюс ответа «Неверно» таким образом: «Я никогда не фантазирую, не размышляю о том, что может случиться, если я сделаю или если я не сделаю что-либо». Ответ «Верно», противоположный полюс шкалы, он интерпретирует так: «Я часто фантазирую, представляю себе множество картин того, что может произойти в будущем».

В данном примере на каждом полюсе шкалы подвергаются интерпретации два понятия: «очень» и «воображение». Интерпретация понятия «очень» происходит в рамках соотношения «я часто—я никогда». «Воображение» раскрывается как «множество картин того, что может случиться в будущем».

Испытуемый Е47 интерпретирует высказывание «Многие считают меня эмоционально холодным, сдержанным человеком».

- «Неверно»: «Не так много людей (может быть, меньше 10) считают меня эмоционально холодным, сдержанным и лишенным эмпатии».
- «Верно»: «Это значит, что много людей (скажем, больше 20) считают, что я — холодный и эмоционально сдержанный человек, редко проявляющий чувство эмпатии».

Здесь также выявляются два аспекта, которые подвергаются интерпретации: «Многие» — это понятие переводится в число людей (меньше 10; больше 20). Качество «эмоционально холодный, сдер-

жанный» дополняется эмпатией и раскрывается как ее проявление или не проявление.

В данном высказывании требуется дополнительная интерпретация того, что человека спрашивают, что думают о нем, по его мнению, другие люди; это расширяет поле неоднозначности интерпретации.

Этот аспект может отвечающими просто игнорироваться. Например, испытуемый А30 дает такую трактовку:

- «Неверно»: «Я оптимист, обладаю чувством юмора, дружелюбен и открыт к новым знакомствам».
- «Верно»: «Я холодный и недружелюбный. Узкий круг общения, не завожу новых друзей, не отношусь к людям с пониманием и уважением».

С другой стороны, возможна фиксация именно этого аспекта – внешней оценки. Испытуемый А28 интерпретирует:

- «Неверно»: «Никто обо мне так не думает».
- «Верно»: «Люди меня боятся».

Таким образом, вопрос, на который испытуемые дают ответ, интерпретируется ими в двух вариантах, различных по своему содержанию. Один испытуемый «интериоризирует» мнение о себе других людей, другой – говорит о том, что, по его мнению, чувствуют к нему другие.

Был получен и ответ, интегрирующий внешний и внутренний аспекты вопроса, испытуемого Е23:

- «Неверно»: «Люди обо мне думают в целом позитивно, что я теплый и дружелюбный».
- «Верно»: «Мне кажется, что люди думают, что я холодный и погруженный в себя человек».

Здесь два смысловых поля (мнение обо мне других и мои характеристики) объединяются посредством нового конструкта – позитивности мнения людей, что приводит к появлению новых характеристик. Из заданных категорий холодный и отстраненный, интерпретатор выводит противоположные – теплый и дружелюбный, и уже эти качества соотносятся теперь с образом Я.

Смысловые поля, порождаемые в процессе интерпретации, обладают для испытуемого определенной валентностью, т. е. они позитивно заряжены (притягивают) или негативно заряжены (отталкивают) интерпретатора (в терминах К. Левина). В пространстве этих накладывающихся друг на друга смысловых полей движется испы-

туемый, решая поставленную задачу выставления шкальной оценки. Это движение с необходимостью сопровождается или даже осуществляется путем ведения внутреннего диалога, обычно свернутого, который экспериментаторы пытаются эксплицировать в процессе исследования.

Например, испытуемый E11, который поставил оценку 4 («скорее, верно») в пункте «У меня очень яркое воображение», комментирует свое решение следующим образом: «Я люблю фантазировать. Мне нравится представлять, что будет, если я выберу тот или иной вариант развития событий». Интерпретация заданного понятия «яркое воображение» как «фантазирование» играет определяющую роль, а оценка частоты явления, заявленная как критерий на этапе интерпретации, здесь заменяется снимающим напряжением новым смыслом: «Мне нравится».

Испытуемая E44 в этом же пункте анкеты отметила шкальное значение 5 («верно»). На этапе интерпретации ею было предложено:

- «Верно» означает: «Я всегда придумываю разные варианты развития событий и пытаюсь найти связи между разными вещами, даже если эти связи получаются очень надуманными, притянутыми».
- «Неверно» означает: «Мне очень трудно решать жизненные задачи, если только условия не подсказывают путь однозначно. Мне очень трудно использовать предметы не стандартным образом, видеть сходства разных явлений и совершать умозаключения».

Выбирая для себя шкальную оценку «5» («верно»), она поясняет: «Мне нравится думать о новом, выдумывать невозможные решения каких-то проблем, которые все же в чем-то осмысленны и правильны».

Сходным образом, как и в предыдущем случае, новая смысловая категория «Мне нравится» появляется здесь как снимающая напряжение, однако содержание категории «Яркое воображение» совершенно иное. Нетрудно видеть, что в первом случае человек оценивает склонность грезить, предаваться мечтам, а во втором — говорит о креативности и даже интеллекте в целом.

Интересно, что во многих случаях одна и та же шкальная оценка имеет совершенно разное психологическое содержание. Например, испытуемые E41 и E47 на утверждение «Если необходимо, я готов манипулировать людьми, чтобы добиться желаемого» дали один и тот же ответ — 3 («трудно сказать»). В таблице 1 представлена развертка психологического содержания разных путей к решениям, внешне одинаковым, но по смыслу различным.

Таблица 1

Содержательная интерпретация шкальных оценок

Интерпретация оценки	Испытуемый Е41	Испытуемый Е47
Верно	Я всегда готов манипулировать людьми, какие бы цели я ни преследовал	Если мне нужно, я могу обманывать людей, чтобы получить желаемое
Неверно	Я считаю манипулирование аморальным или просто так неуспешен в этом, что не пробую никем манипулировать	Я никогда не буду манипулировать людьми, даже если нет иного пути получить желаемое
Трудно сказать	Я манипулирую людьми, но только когда это необходимо. И обычно стараюсь, чтобы результаты были полезны и этим людям	Что значит «манипулировать»? Думаю, если я манипулирую людьми, я делаю это неосознанно. Так что мне трудно сказать, верно ли в отношении меня это высказывание

Для обоих манипулирование имеет явную отрицательную социальную коннотацию, но если для Е41 имплицитно ясно, как проявляется в жизни явление, обозначаемое как манипулирование и он дает шкальную оценку места и меры этого свойства в своем поведении, то испытуемый Е47, вначале дает интерпретацию, затем фокусируется на неоднозначности спектра явлений, которые могут быть отнесены к манипулированию, и говорит о том, что ему трудно квалифицировать свое поведение в этом отношении.

Авторы задаются вопросом: что же измеряют шкалы при их стандартном применении? (Rosenbaum, Valsiner, 2011). И дают ответ по аналогии с ответом, данным в 1923 г. Борингом на вопрос, что такое интеллект? – Это то, что измеряют тесты интеллекта, шкалы измеряют то, что они измеряют (Boring, 1923).

Представленная в работах попытка деконструкции оценочных шкал позволяет увидеть скрытое за обманчивой простотой процедуры психологическое содержание, процессы, происходящие в сложной многомерной реальности, которые ранее могли оставаться в тени, не попадать в область научного анализа, – это путь расширения сферы научного познания (Rosenbaum, Valsiner, 2011; Valsiner et al., 2005a, b; Wagoner, Valsiner, 2005).

Метод интермодального преконструирования (IMPreC): исследования гипергенерализации

Одна из последних разработок школы динамического семиозиса — метод интермодального преконструирования, который предполагается использовать для исследования гипергенерализации (Valsiner et al., 2021). Гипергенерализация рассматривается как основной механизм функционирования человеческой психики, основа отношения человека к миру. Понятие гипергенерализации занимает особое место в понятийном аппарате школы динамического семиозиса и носит авторский характер.

В качестве своих «авторских» новообразований в теоретической психологии Вальсинер называет взаимосвязанные понятия «плероматизация» и «гипергенерализация» («гиперобобщение») (Valsiner, 2021a, b). Плерома — термин в греческой философии («наполнение, полнота, множество»), позднее в гностицизме («божественная полнота», «полнота абсолютного бытия»). Проявления плероматизации Вальсинер усматривает в искусстве Ренессанса «где под видом реалистических изображений людей на фоне изобилующих деталями пейзажей представлены знаки и смыслы» (Valsiner, 2021b, p. 460). Использование в качестве фона богатых деталями альпийских и городских пейзажей позволяет художнику показать «глубинные взаимосвязи между „близким“ и „далеким“, еще не понятые психологией» (ibid., p. 460). Плероматизация представляет собой процесс аффективного обобщения семиотики фона, идущий параллельно с процессом категоризации в отношении того, что находится в фокусе картины. В противоположность категоризации (образования категорий путем абстрагирования), где обобщение носит относительно устойчивый и вербально определенный характер, плероматизация порождает текучие, основанные на интуиции и прямо не вербализуемые обобщения в форме сравнений и метафор. Процесс обобщения продолжается, выходя за пределы как плероматизации, так и категоризации, и в продолжение его происходит слияние плероматизации и категоризации, которое он называет гипергенерализацией (гиперобобщением).

Предполагается, что метод интермодального преконструирования позволит исследовать микрогенез формирования смысловых полей в процессе перевода смысла из одной модальности в другую.

Разработка метода опирается на определенную историческую традицию. В качестве исторических предшественников авторы называют известные исследования последовательного многократно-

го воспроизведения сюжетов Ф. Бартлетта, эксперименты Вернер и Каплан, где исследовалось формирование взаимно многозначных связей между понятиями и графическими изображениями, а также исследования А. Р. Лурии интермодального запоминания (синестезии) в ходе его работы с мнемонистом С (Bartlett, 1920, 1932; Werner, Kaplan, 1963).

Эксперименты Бартлетта относят к вопросу о постепенном разрушении следов памяти, однако авторы *IMPreC* в первую очередь отмечают полученные Бартлеттом данные об изменениях сюжета по ходу его последовательных воспроизведений, о трансформациях запоминаемого материала, фактически о переконструировании сюжета как о креативном процессе с использованием воображения, который имеет место в процессе последовательных воспроизведений.

В названных работах создателей метода *IMPreC* интересовало то, что в них в каждом случае по-своему открывались процессы семиозиса – формирования новых смыслов в процессе обработки информации – центрального понятия в культурной психологии Яна Вальсинера: «Воспроизводя продукты своего предшествующего семиозиса, мы не просто повторяем ранее созданное. <...> то новое, что появляется теперь в результатах, не просто шум или ошибки, которые можно отбросить. Для культурной психологии прежде всего интересен процесс порождения нового смысла...» (Valsiner et al., 2021, p. 7).

Основная идея метода *IMPreC* заключается в том, что испытуемый несколько раз повторяет некоторую информацию, для него эмоционально значимую и наделенную личностным смыслом, при каждом новом повторении в новой модальности.

В эксперименте экспериментатор дает задание – написать стихотворение о любви (ibid.). Выбор такой темы продиктован тем, что обращение к любви активизирует поле аффективной гипергенерализации. В то же время, задание должно быть выполнено в словесной форме (стихотворение), что запускает и вербализованный процесс категоризации.

Испытуемый должен был написать короткое стихотворение, основываясь на личном опыте переживаний. Специально отмечалось, что опыт переживаний может включать и переживание отсутствия чего-либо, например, утраты. На следующем этапе его просили представить свое стихотворение в форме рисунка. Предполагалось при этом, что рисунок как более «плероматичная» форма позволит подняться на более высокий уровень обобщения.

Интерпретация рисунка вряд ли может быть однозначной, поэтому на третьем этапе эксперимента испытуемого просили описать словами и прокомментировать сделанный им рисунок.

Предполагается, что в процессе выполнения заданий, таким образом, происходит повышение «уровня» вербального обобщения:

От смутного ощущения — к осознанию («я чувствую нечто» — первый уровень рефлексии). Далее — второй уровень рефлексии — вербальная категоризация конкретного ощущения («Я чувствую гнев»¹), за которым следует третий уровень вербализованных обобщений («Мир отвратителен»). Четвертый, высший уровень обобщения уходит за пределы языка, это уровень невербальных обобщений: «Я понимаю, но уже не могу описать словами».

В статье Вальсинера с соавт. описан ряд экспериментов с использованием метода интермодального прекопирования (Valsiner et al., 2021).

Например, испытуемая Сяосюэ по просьбе экспериментатора пишет стихотворение на родном китайском языке и сама предлагает его перевод на английский:

Я всем говорю «До свидания!»² — снова и снова.
Но тебе я ничего не сказала.
Я просто боюсь,
Что если я скажу «До свидания!»,
Это может быть нашим расставанием навсегда.

На следующем этапе ей дается задание нарисовать те чувства, которые вызывает у нее написанное стихотворение. Инструкция: 1) постарайтесь нарисовать те чувства, которые скрываются за словами вашего стихотворения; 2) постарайтесь выразить своим рисунком и то, что вы чувствуете и осознаете, когда читаете сейчас свое стихотворение; 3) не пытайтесь *объяснять* словами; 4) покажите в рисунке, как меняются ваши чувства в процессе выполнения задания.

Сяосюэ полностью закрашивает поле рисунка широкими неровными слоями цвета: снизу густой холодной темно-серый, над ним узкой полосой чуть светлее серого цвет морской волны, затем две оставшихся трети площади рисунка — лиловый, постепенно светлеющий кверху.

На следующем этапе испытуемым предлагалось интерпретировать собственные рисунки, сказать, какие новые чувства добави-

---

1 Пример из: Valsiner et al., 2021.

2 В оригинале «Goodbye!» без прямой отсылки к новому свиданию.

лись, когда они рисовали, к тому, что они чувствовали, когда писали и затем читали свое стихотворение.

Интерпретация Сяосюэ достаточно прямолинейна:

Печаль расставания нарисована сине-серым, слой за слоем, мягкая, как дым, тяжелая, как туман, она превращается в море, разделившее двух людей. Но нежность к любимому больше, чем печаль, как небо больше, чем море.

В своей интерпретации рисунка Сяосюэ использует сравнения, такие как «*мягкая, как дым, тяжелая, как туман*», «*море, разделившее двух людей*». Использование сравнений обеспечивает синтез категоризации и плероматизации в форме гипергенерализации – постижения смысла «невыразимого в словах».

После эксперимента Сяосюэ просили прокомментировать свои ощущения в процессе выполнения заданий экспериментатора. Она отметила, что ей было трудно выразить свои чувства как в стихотворении, так и в рисунке (особенно в рисунке): «Осталось еще очень многое, что я не смогла выразить» (ibid., p. 14). Однако можно видеть, что по ходу выполнения заданий у испытуемой происходит процесс, который авторы называют гипергенерализацией – образованием новых обобщенных смыслов.

В эксперименте испытуемых также просили интерпретировать чужие стихи и рисунки. Это было важно, чтобы наглядно показать и изучить центральное для семиотики Ч. Пирса явление семиозиса, т. е. познания объекта субъектом через индуцируемые объектом смыслы – как процесс интерпретации субъектом проявлений объекта – его «знаков». Идея семиозиса выражает суть отношений между знаком и внешним миром: объект репрезентации существует, но он удален и непосредственно недосягаем (идея опосредованности непосредственного познания культурой). Познание объекта возможно лишь через исследование порожденных им знаков. Культурная традиция – это динамический процесс интерпретации знака, способ его функционирования. Знак служит средством передачи информации от одного субъекта к другому. Однако его значение, содержание, передаваемое от одного субъекта другому, в процессе этой передачи неизбежно трансформируется. То, что понимает воспринимающий сообщение, никогда полностью не исчерпывает то, что хотел сообщить его автор, и никогда не сводится к тому, что было автором сообщения заложено. Таким образом, в процессе передачи информации через посредство знака возникает новая информация, т. е. происходит семиозис. Интерпретация знака порождает новое значение.

Представленное выше стихотворение Сяосюэ интерпретирует другая испытуемая, Икуми: «Я думаю, Сяосюэ предчувствует, что человек, о котором говорится в ее стихотворении, в будущем оставит ее, и она больше его не увидит. Она уже чувствует, что он поворачивается к ней спиной... В душе Сяосюэ темное чувство печали, и тьма там растет. Когда я думала об этом, я представляла холод в ее сердце (сине-серый) и тепло любви (розовый цвет). И я думала, что на лице Сяосюэ грусть и одиночество» (*ibid.*, p. 14).

Кикику тоже интерпретирует стихотворение Сяосюэ: «Сяосюэ легко сказать „до свидания!“ своим друзьям, но не человеку, имеющему для нее особое значение. Это очень специфическое чувство. С одной стороны, она собирается ехать учиться за границу, хочет этого, с другой – она ощущает болезненное сопротивление в себе, как если бы ее сердце оставалось с любимым..» (*ibid.*, p. 15).

Испытуемая Кикику отмечала после эксперимента: «Когда я читала стихотворения других участников, у меня возникали эмоции и чувства, которые не были тождественны чувствам авторов стихов, но были каким-то образом с ними связаны» (*ibid.*, p. 15).

Применительно к человеку, психика которого культурно (знаково) обусловлена, Вальсинер делает вывод о том, что в процессе самонаблюдения, результаты которого подвергаются интерпретации как знаки (в ходе семиозиса), субъект фактически создает, конструирует себя: «Активный субъект создает самого себя через посредство семиозиса как механизма восприятия и понимания информации о самом себе» (Valsiner, 2021a, p. 294). Следовательно, интроспекция становится главным методом психологического познания (Valsiner, 2017, 2021a; см.: Мироненко, Журавлев, 2022).

Заключение

Описанные эксперименты, конечно, не отвечают строгим требованиям научности. Их методические и методологические ограничения и слабые места достаточно очевидны. Сами авторы описанного эксперимента с использованием метода интермодального преконструирования указывают, в частности, на то, что существенная часть эксперимента проходила на английском языке, неродном для участников, что очевидно требовалось каким-то образом учесть, но сделано это не было. Однако проведенное исследование представляет интерес, поскольку позволило увидеть едва ли не новый для экспериментальной психологии класс феноменов, реальных, целостных, культурно обусловленных, несомненно, включенных в человечес-

кую жизнь, феноменов человеческого *понимания*, но остающихся недоступными как для исследований в русле «компьютерной модели» когнитивистики и физикалистских подходов, так и в рамках аппарата подходов нарративных.

Яан Вальсинер называл психологию пуританской наукой, более обеспокоенной «правильностью» метода, чем познанием реальности. Такой методологический ригоризм он рассматривает как препятствие в развитии научного познания: когда исследовательские вопросы подбираются под метод, гипотезы становятся самоочевидными, а получение принципиально нового знания невозможным (Valsiner, 2004). Неоднократно отмечено, что в психологическом сообществе представление о допустимости/корректности тех или иных методов а) имеет высочайшую значимость; б) в разных научных кругах существенно различается. По сути, оно относится к роду социальных представлений, о которых писал Серж Московиси, т. е. зависит от того, к какой группе ученых тот или иной автор принадлежит и в качестве такового выполняет функции, приписываемые социальным представлениям (Abric, 1994):

- поддержание общего для группы образа реальности, когда новая информация сразу вписывается в существующую в группе схему референтации, соответствующую групповым нормам, ценностям и практикам;
- обеспечение социальной идентичности, позволяющее утверждать свое членство в группе и отличать «своих» от «чужих» в обществе;
- руководство поведением, обеспечивающее постановку целей и формирование взаимных ожиданий в социальных ситуациях, согласно принятым в группе нормативным представлениям;
- поддержание оправдания социальной дифференциации, а также общих мнений и практик в отношении объектов среды обитания.

На фоне явных различий во мнениях в отношении применимости и ценности количественных и качественных методов, нарративов, методов контент-анализа и статистики общим принципом является страстная приверженность каждой группы принятым ею методам и стремление обеспечить их чистоту. Обсуждения научных работ в коллективах едва ли не в первую очередь фокусируются на допущенных методических ошибках, а не на вопросе о значимости полученного нового знания. А ведь неоспоримым фактом является методическая небрежность существенной части тех немногих пси-

хологических исследований, которые вошли в учебники всего мира и стали открытием новых аспектов психологической реальности. Так, известны методические огрехи Хоторнского эксперимента, о которых не упоминается в описаниях для студентов: участницы не были «наивными» и имели дополнительную мотивацию для работы в экспериментальной группе, а две из пяти работниц, участвовавших в «Хоторнской саге» были заменены в ходе эксперимента, когда они стали демонстрировать неконструктивное поведение, и именно с этой заменой был связан наиболее значительный скачок производительности труда (Копец, 2010). Не было здесь и контрольной группы.

Знаменитый «парадокс Лапьера» был открыт в исследовании, подвергнувшись массивной критике за многочисленные методические оплошности. Так, в частности, здесь сравнивались результаты двух серий эксперимента, при том, что никак не проверялось участие во второй серии тех же испытуемых.

Эксперимент Лапьера проводился в два этапа (La Piere, 1967). На первом этапе Лапьер в течение нескольких лет (1930–1933) путешествовал по США со своими друзьями – молодой супружеской парой китайской национальности. Они посетили 252 американских предприятий обслуживания (68 отелей и 184 ресторана и кафе) и практически в каждом из них (за исключением одного отеля) им был оказан достаточно теплый прием – персонал обращался с ними вежливо, обслуживание соответствовало стандартам.

Второй этап проводился спустя 6 месяцев. Лапьер разослал письма в те же предприятия, которые посетила группа ранее (67 отелей и 184 ресторана – за исключением единственного отеля, где им отказали в заселении на первом этапе, обосновав отказ расовыми предубеждениями). В письмах содержалась просьба ответить, готова ли администрация заведения принять гостей китайской национальности. Ответ пришел из 128 заведений: 92% отелей и 91% ресторанов и кафе ответили отказом, остальные использовали уклончивые формулировки, и лишь из одного отеля пришло письмо с согласием.

Таким образом, Лапьер обнаружил явное несоответствие между установками персонала отелей и их реальным поведением – люди говорят одно, а делают другое. До этого исследования предполагалось, что социальные установки (аттитюды) людей непосредственно проявляются в их поведении. Эксперимент Лапьера вошел в историю, несмотря на многочисленные методические огрехи (Андреева, 2008; Копец, 2010).

В опроснике, который был разослан в отели, было только два варианта ответа («да» и «нет»).

Ответ был получен только из половины отелей; некоторые ученые выдвигали предположения о том, что, если бы ответы были получены из всех отелей, результаты не были бы настолько однозначными.

Между двумя этапами эксперимента прошло 6 месяцев. Нет никакой гарантии, что персонал, отвечавший на письма, — это тот же самый персонал, который принимал в отелях Лапьера и его друзей.

Заданный в письмах вопрос был поставлен таким образом, что непосредственно актуализировал национальные стереотипы отвечающих, в то время как в процессе живого общения на первом этапе эти стереотипы никак специально не актуализировались.

Исследования Лапьера и Хоторнский эксперимент вошли в историю. В то же время большое число безупречно методически выстроенных работ наслаиваются, как сыпучие пески, в которых вязнет психологическое познание. Проявлением растущего осознания бессмысленности накопления «научных фактов» стал кризис воспроизводимости, активно обсуждаемый в последние десятилетия.

Почетное место в методологии психологии занимает математическая статистика. Большинство ученых верят в то, что единственный путь к обобщенному знанию — доказательство сходства распределения показателей в группе — т. е. единого для всех механизма. Но есть ли основания полагать, что высшие психические функции людей являются эргодическими? Не располагает ли логика культурно-исторической теории к использованию идиографического подхода, нацеленного на выявление общих закономерностей в индивидуально-неповторимых вариантах? — Не оказывается ли нарастающая индивидуализация психического развития, о которой писал Б. Г. Ананьев, «вынесенной за скобки» статистически доказательных исследований?

С момента основания нашей науки продолжается обсуждение ее методологического кризиса. Представляется, что говорить о едином кризисе здесь нельзя, на каждом новом витке развития встречается новый кризис, со своими причинами и вызовами времени, на которые нужен ответ. Корень современного кризиса — стремительное изменение основного предмета психологических исследований — психики человека, его личности, от которого отстает теоретико-методологический аппарат психологии, разработанный до наступления коренных перемен последних десятилетий. В этой ситуации чистота «вчерашних» методов, оставаясь важным критерием, уже не может быть единственным для оценки ценности психологических исследова-

ний. В оптике измерительных процедур и понятий, разработанной для вчерашней реальности, невозможно увидеть реальность новую, возникающую сегодня. Для продвижения вперед необходима готовность выходить за пределы установленных правил, которые не бывают вечными. Осознание недостаточности и ограничений имеющегося аппарата – необходимый шаг в развитии науки. Фиксация на «правильности» применения метода, когда она становится более важной, чем запрет на повтор, о котором говорил М. Г. Ярошевский, приводит к тому, что познание буксует в бесконечно множасьихся фактах, уже не несущих ничего нового.

Толерантность к неопределенности, способность выстраивать конструктивное взаимодействие с инакомыслящими необходима сегодня не только в практике частной жизни, но и в науке. Методологический ригоризм становится препятствием в развитии науки, тем более вредным и разрушительным, чем уже круг и сплоченное сообщество, его практикующее.

Обыденной реальностью психологии стал измерительный подход к определению сущности психических явлений. В. Н. Дружинин отмечает: «Любой психологический конструкт, описывающий психологическое свойство, процесс, состояние, имеет смысл лишь в сочетании с описанием процедуры исследования, диагностики, измерения поведенческих проявлений этого конструкта. При изменении процедуры измерения конструкта изменяется и его содержание» (Дружинин, 2008, с. 20). Измерительный подход основывается на подмене реальности ее моделью, запечатленной в процедуре измерения или в словесной конструкции, обозначаемой каким-либо понятием («экзистенциальная тревога», «кризис среднего возраста» и пр.). Последнее мы считаем возможным отнести к измерительному подходу в силу популярности в психологии понятия шкал наименований. Когда дается «научное» название чего-либо, таким образом тоже реализуется измерительный подход, что часто оборачивается готовностью оперировать аппаратом принятых теоретических моделей, не пытаясь понять, что же происходит в реальности.

Измерительный подход – неизбежная и необходимая сторона развития психологической науки, что отрицать было бы бессмысленно. Но бессмысленно и забывать о том, что в русле этого подхода то, что мы полагаем в качестве предмета исследования, лишь в той мере остается *реальностью*, в какой тот теоретический «конструкт», который мы используем, адекватен реальности, а не является симулякром. Когда исчезает сомнение в тождестве актуальной реальности

и измеряемого конструкта — значимость результатов исследования для познания *реальности* уже ничем не гарантирована.

Что же обеспечивает и ограничивает в психологии применимость измерительного подхода?

Социально-гуманитарные науки отличаются от естественных, в частности, тем, что предмет их изменяется с существенно большей скоростью. Если есть основания утверждать, что температура — это то, что измеряет термометр — и так было, есть и будет, то утверждать, что для событий, происходящих с личностью нашего современника, адекватным отражением может служить теоретическая модель, созданная полвека, а то и больше, назад, таких оснований существенно меньше. Измерительный подход реализует кумулятивную сторону науки, накопленное *вчера* знание. Но в оптике измерительных процедур и понятий, разработанной для вчерашней реальности, невозможно увидеть реальность новую, возникающую сегодня.

Изменения, происходящие в человеческой цивилизации и культуре на протяжении последних десятилетий, носят радикальный характер, качественным образом они изменили и изменяют социокультурную реальность жизни человека. В соответствии с культурно-исторической теорией и субъектным подходом из сказанного следует необходимость признать радикальный и качественный характер изменений человеческой психики, прежде всего, личности человека.

Скорость изменений социально-культурной сферы уже в прошлом столетии достигла того предела, когда встал вопрос о несоответствии аппарата науки ее предмету. Социологи поставили его в явной форме, заявляя, что «старые» теории просто не годятся для анализа новой реальности (Lash, 2009).

Психологический дискурс в западно-центрическом мейнстриме, а во многом и в России остается верен представлению о «вечном» человеке, как будто меняется лишь программное обеспечение, а сам компьютер остается тем же. «Большие» теории здесь мыслятся наделенными вечной жизнью (Мироненко, Журавлев, 2019), однако симптомы устаревания аппарата науки и здесь очевидны для всех: горы и горы новых фактов, получаемых в принятой методологической оптике, не приводят больше к сколько-нибудь существенному продвижению в познании действительности.

Для того чтобы научное познание имело смысл, теоретико-методологический аппарат науки не должен отставать от изменений предмета исследования. Измерительный подход должен непрерывно изменяться, чтобы оставаться адекватным *актуальной* реальности. Это становится возможным при условии его реализации во множест-

ве вариантов, каждый из которых не является единственным и безальтернативным, сохраняет статус одной из возможных интерпретаций, подвергается сомнению и с неизбежностью отменяется в свой час. Единая парадигма, о которой спорят и мечтают методологи с момента становления психологической науки, стала бы концом психологии (Мироненко, 2021). Как рост мутаций обеспечивает выживаемость вида в ситуации изменений среды, рост методологического разнообразия обеспечивает запас жизнеспособности психологии как науки, предмет которой изменяется с возрастающей скоростью.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2008.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2008.
- Конец Л. В.* Классические эксперименты в психологии. Киев, 2010.
- Мироненко И. А.* О методологическом разнообразии психологического знания // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 28–45.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Культурная психология Яана Вальсинера. Часть 1. В дискурсе глобальной науки // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 6. С. 5–13.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Культурная психология Яана Вальсинера. Часть 2. Школа динамического семиозиса // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 2. С. 41–50.
- Abric J.-C.* Pratiques sociales et représentations. Paris: PUF, 1994.
- Bartlett F. C.* Some experiments on the reproduction of folk-stories stable // Folklore. 1920. V. 31 (1). P. 30–47. URL: <http://www.jstor.org/stable/1255009>.
- Bartlett F. C.* Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge University Press, 1932.
- Boring E. G.* Intelligence as the tests test it // The New Republic. 1923. V. 35. P. 35–37.

- Costa P. T., McCrae R. R.* NEO PI-R professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc., 1992.
- La Piere R.* Attitude versus action // M. Fishbein, N. John (Eds). Attitude Theory and Measurement. N. Y., 1967.
- Lash S.* Afterword: In praise of the a posteriori: Sociology and the empirical // European Journal of Social Theory. 2009. V. 12. P. 175–187. doi: 10.1177/1368431008099646
- Rosenbaum P. J., Valsiner J.* The un-making of a method: From rating scales to the study of psychological processes // Theory & Psychology. 2011. 21 (1). P. 47–65. doi: 10.1177/0959354309352913
- Valsiner J.* Cultural psychology today – personal introduction to the Ritsumeikan Symposium // Ritsumeikan Bulletin. 2004. № 3. P. 108–118.
- Valsiner J.* Integrating psychology within the globalizing world: A requiem to the post-modernist experiment with Wissenschaft // Integr. Psych. Behav. 2009. № 43. P. 1–21.
- Valsiner J.* From Methodology to Methods in Human Psychology. Springer Briefs in Psychology. Springer VS, 2017.
- Valsiner J.* General human psychology: Foundations for a Science. Springer VS, 2021a.
- Valsiner J.* My Confession // Culture as Process. A Tribute to Jaan Valsiner / B. Wagoner, C. Demuth, B. A. Christensen (Eds). Springer Nature Switzerland AG, 2021b. P. 457–563.
- Valsiner J., Bibace R., LaPushin T.* What happens when a researcher asks a question? // Science and medicine in dialogue: Thinking through particulars and universals. Praeger series in health psychology. Westport, Connecticut–London: Praeger, 2005a. P. 275–288.
- Valsiner J., Diriwächter R., Sauck C.* Diversity in unity: Standard questions and nonstandard interpretations // R. Bibace, J. D. Laird, K. L. Noller, J. Valsiner (Eds). Science and medicine in dialogue: Thinking through particulars and universals. Westport, CT: Praeger, 2005b. P. 289–307.
- Valsiner J., Tsuchimoto T., Ozawa I., Chen X., Horie K.* The Inter-modal Pre-Construction Method (IMPreC): Exploring Hyper-Generalization // Human Arenas – An interdisciplinary Journal of Psychology, Culture and Meaning. 2021. doi: 10.1007/s42087-021-00237-8
- Wagoner B., Valsiner J.* Rating tasks in psychology: From static ontology to dialogical synthesis of meaning // A. Gülerce, I. Hofmeister, G. Saunders, J. Kaye (Eds). Contemporary theorizing in psychology: Global perspectives. Toronto, Canada: Captus, 2005. P. 197–213.
- Werner H., Kaplan B.* Symbol formation: An organismic developmental approach to language and the expression of thought. N. Y.: Wiley, 1963.

Стратегии и этапы научно-педагогической деятельности¹

Л. М. Попов, П. Н. Устин

doi: 10.38098/

Введение

Длительный путь освоения психологии в университете соотносится с определенной парадигмой. Этот путь включает следование канонам классической рациональности (исследование объекта), неклассической рациональности (изучение объекта в его взаимосвязях с миром), наконец на сегодняшнем этапе — это путь следования постнеклассической рациональности. Здесь важным становится не столько объект изучения, сколько «саморефлексии исследователя... и модернизация исследовательской реальности» (Гусельцева, 2016, с. 39). Именно «саморефлексия исследователя» подталкивает к постановке вопроса о психологии как науке или практике, о единстве или принципиальном различии научной и практической психологии, об исследователе как нейтральном или внешне и внутренне детерминированном человеке, носителе антропного начала в психологической науке и практике (см.: Взаимоотношения исследовательской..., 2015).

Все мы — психологи: и профессора, и студенты, и консультанты, и ведущие тренингов, и научные сотрудники психологических институтов. Но мы разные психологи. Одни постигают психику во всех тонкостях, изучают ее функционирование от микромира (нейропсихология) до макромира (психология больших групп и объединений). Другие используют арсенал накопленных в психологической культуре знаний для передачи их молодым людям, осуществляя их научную социализацию. Третьи используют психологические знания для оказания психологической помощи по преодолению жизненных проблем (техногенная катастрофа, депрессия, суицид). Четвертые с помощью психологических знаний оказывают воздействие на людей, чтобы реализовать свои позитивные и негативные замыслы.

---

1 Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00253.

Возникает вопрос о функциях (ролях) разных психологов, участников взаимодействия «человек–мир» (Рубинштейн, 2003). В общем акте взаимодействия выделяются два процесса: познание человеком мира и самого себя; преобразование мира и самопреобразование. В соответствии с этим можно заключить, что есть два класса психологов — исследователи и преобразователи.

Есть сторонники детального изучения многочисленных составляющих психики человека и сторонники целостного подхода к человеку. Сторонники детального, аналитического исследования психологии человека руководствуются идеей объективности познания, которое возможно, если диагностировать отдельные характеристики психики с помощью надежных методик. Это «доличностный», «досмысловой» период развития психологии, этап классической рациональности, идеи которого продолжают жить благодаря деятельности отдельных специалистов.

Сторонники целостного подхода руководствуются тем, что надо соединить целостное представление о человеке с его основной деятельностной функцией, поскольку познание есть ступенька к преобразованию. Акцент делается на анализе рефлексивного самосознания человека и его осознанного побуждения к активности по преобразованию проблемной ситуации вовне или по самопреобразованию. Это этап постнеклассической рациональности (см.: Психологическое знание..., 2021; Юревич, Журавлев, 2007; и др.).

Сторонники разных подходов используют свои стратегии для достижения целей. Определим стратегию психолога как общий план, сценарий жизни на определенный период времени, предполагающий выбор основного направления профессиональной деятельности, ее главных целей, этапов, путей самореализации действующего субъекта с поиском чего-то нового, творческого на выбранном пути (Абульханова-Славская, 1991, с. 8).

Мы руководствуемся тезисом Я. А. Пономарёва, согласно которому в процессе субъект–объектного взаимодействия происходит переход процесса как динамической, временной характеристики в продукт как статическую, пространственную характеристику. В свою очередь «продукты взаимодействия превращаются в условиях нового процесса ... становясь этапами развития» (Пономарёв, 1976, с. 21–22).

Таким образом, при выборе стратегии идет сосредоточение на процессуальных характеристиках познания-преобразования, но также и на результативных (продукты в виде знаний) характеристиках взаимодействия. Основным критерием выделения стратегии мы определяем доминирующий процесс взаимодействия человека как субъекта с миром и с самим собой. Такими процессами будут созерцание

(познание, самопознание) или преобразование (самопреобразование) в виде создания содержательно или технологически выраженного продукта. Дополнительным критерием является рассмотрение человека как предмета познания (преобразования) в его целостном или дифференцированном виде.

В таком случае на основе терминологии Я. А. Пономарёва мы выделяем две стратегии: абстрактно-аналитическую и действенно-преобразующую – с опорой на категории «абстрактное» и «конкретное» в их философской трактовке. Абстрактно-аналитическая стратегия может быть представлена тремя этапами исследовательской деятельности: исследованием отдельных психологических качеств (первый уровень профессионального признания); исследованием психики как системы (второй уровень профессионального признания); этапом межпредметных исследований.

Действенно-преобразующая стратегия также может быть представлена тремя этапами: этапом самооценки психологических характеристик человека и саморазвития; этапом профессионального самоопределения; этапом жизненно важного целедостижения. Общим методом познавательно-преобразующей деятельности является метод «Интервью с самим собой» в трех модификациях.

Задача состоит в характеристике каждого этапа обеих стратегий с показом антропного детерминизма, который может быть представлен более полно в психологии, чем в естественных науках.

Психология – не изолированная наука. Среди наук, по мысли Б. М. Кедрова, со временем она должна занять главенствующее положение как наука наиболее полного изучения человека и его предназначения во Вселенной. Основанием для этого являются выводы физиков: ввести во все науки, изучающие мироустройство, антропный принцип, ибо любая научная теория будет неверна, если в ней не предусмотрено возникновение мыслящего человека, «наблюдателя», который познает законы природы (Касумов и др., 2014). В обобщенном виде, по словам Н. Бора и В. Гейзенберга, «нет независимой от наблюдателя реальности» (Петренко, Супрун, 2014, с. 69).

Физики пришли к выводу о том, что необходимо не только дать исчерпывающее описание существующего мира, но и объяснить, почему он такой, какой есть (Касумов и др., 2014). Сходную позицию высказывает нейрофизиолог Т. В. Черниговская: «Исследуя нейронные сети и гиперсети в надежде понять смысл того, что происходит в мозгу, и понять проблему сознания, мы зависаем над бездной, так как мы изучаем только тело. Изучая только проявление нашей психики, мы зависаем над ней же» (Черниговская, 2022).

В естественных науках антропный принцип увязывает свойства Вселенной и существование в ней человека. Здесь человек выступает как наблюдатель, выводы которого об устройстве Вселенной детерминированы его сознанием. У психолога-исследователя антропный принцип проявляется в наличии многомерной детерминации его деятельности по изучению мира людей, что обусловлено его статусом, пристрастиями, установками, системой ценностей, наконец научно-мировоззренческой идеологией. В таком понимании антропный принцип всегда присутствовал в работе психолога как осознаваемая и неосознанная детерминация. Об этом С.Л. Рубинштейн писал еще в середине 1950-х годов: «Мир — это совокупность вещей и людей, в которую включается... то, что относится к человеку и к чему он относится... что может быть для него значимо, на что он направлен» (Рубинштейн, 2003, с. 314). Однако как психолог-исследователь С.Л. Рубинштейн никогда сам не акцентировал внимание на этом, оставляя вскрытие антропной обусловленности в ее полном варианте исследователям его творчества.

В психологии такая анатомия творчества ученого проводится редко. Чаще это свойственно искусствоведам и литературоведам, которые устанавливают соотношенность художественных образов какого-либо художника с его окружением, со временем, с социальными событиями и личными переживаниями.

Руководствуясь принципом междисциплинарности в познании мира (см.: Психология: современные направления..., 2003) и используя новый для психологии термина «антропность», мы посчитали возможным рассмотреть стратегии психолога на основе собственной научно-педагогической деятельности с позиции антропного принципа, попытаться приблизиться к «живому знанию» (Зинченко, 1998) о психологе-исследователе, который не только изучает психику и поведение человека, но и руководствуется определенным смыслом («почему», «ради чего») в своей научной, образовательной деятельности.

1. Абстрактно-аналитическая стратегия и ее этапы

1.1. Первый этап исследования отдельных психологических феноменов и механизмов (первый уровень профессионального признания)

Соавторам проекта в период следования данной стратегии была свойственна направленность на определенное признание в пси-

психологическом сообществе «не только сознания, но и всего бытия» (там же, с. 314). Так, будучи аспирантом Института психологии АН СССР, один из авторов изучал отдельный феномен творчества – интеллектуальную инициативу. Экспериментальная часть работы была выполнена по методике «Креативное поле» (цилиндрические шахматы). Трудность возникла на этапе интерпретации результатов. Научному руководителю Я. А. Пономарёву они были представлены с позиций автора методики Д. Б. Богоявленской. Это вызвало недовольство Якова Александровича, и он предложил перейти к работе с Д. Б. Богоявленской в качестве руководителя.

Необходимо было определиться и с научным руководителем, и с теоретическим осмыслением полученных результатов. В контактах с научным руководителем возникла пауза, которая использовалась для детального изучения его теоретической концепции и последующей интерпретации экспериментальных данных с позиции психологического механизма творчества (Пономарёв, 1976).

Антропный принцип проявился как новое видение экспериментальных данных. В результате в отношениях с научным руководителем возникает полное взаимопонимание. В итоге интеллектуальная инициатива была признана элементом психологического механизма творчества (Попов, 1983). Ее временная характеристика проявилась в направленности инициативных действий в прошлое или в будущее. Творческое проявление инициативности выразилось в стремлении обобщить накопленный опыт или упредить действия экспериментатора (опережающее отражение по П. К. Анохину). Продуктом инициативных действий являлись способы («эвристике») более эффективного решения однотипных задач, которые побуждали к новым поисковым процессам. Так, теоретическое положение Я. А. Пономарёва о взаимосвязях и взаимопереходах «процесс—продукт» было подтверждено на новом экспериментальном материале.

Впоследствии была освоена идея о взаимодействии, согласно которой значимым является выделение двух фаз процесса (созерцание и преобразование), а также обоюдность воздействий субъекта и объекта. Значение этого положения совершенно очевидно при взаимодействии людей, здесь же подчеркивается воздействие неживого объекта. Воздействие задачи в качестве объекта было проинтерпретировано как возможность осознания побочного продукта в интуитивном озарении человека. Позднее Н. И. Чуприкова подтвердила мысль о значимом влиянии объекта ссылкой на Гегеля: «Субъект способен перемещать вещи в сторону своего внутреннего мира, отнимая у вещей присущую им внешность» (Чуприкова, 2020, с. 97).

Право диссертанта на научную самостоятельность было завоевано и затем воплощено при обосновании интеллектуально-деятельностного механизма человека как субъекта саморазвития (Попов, 1992).

Основу структуры и функционирования данного механизма составили теоретические положения С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, Б. М. Кедрова, Я. А. Пономарева и собственные наработки по мышлению и творчеству, что отражено в наших работах (Попов, 1992; Попов, Голубева, Устин, 2008; Попов, Ибрагимова, Устин, 2016). Примечательно, что функционирование охватывало внутреннюю (интеллектуальную) и внешнюю (онтологическую) характеристику действий человека, первая означала мысленное «оперирование сущностями», а вторая – оперирование тем, что создавалось содержательно человеком в действительности. По Г. Олпорту, это внутреннее поведение (мышление) и внешнее поведение, которое может быть выражением любой человеческой активности (Фрейджер, Фейдимен, 2001, с. 819).

Особое значение придавалось разработке запуска данного механизма и возможным зонам интеллектуально-деятельностного развития субъекта. В основу легли идеи В. М. Бехтерева о личности как колеблющейся величине (Бехтерев, 1994), А. Н. Леонтьева о взаимопереходах интернально-экстернальных действий (Леонтьев, 1975) и Л. С. Выготского о зонах ближайшего развития (Выготский, 1991). Деятельность данного механизма была подтверждена экспериментально.

После защиты докторской диссертации создается иллюзия полной свободы творчества. Антропность проявилась в желании заниматься в психологии тем, что близко и понятно широкому кругу людей. Социальные процессы конца XX–начала XXI в. в России особенно пагубно отразились на нравственном состоянии людей. Потеряли смысл традиционные ценности: сострадание, справедливость, доброта, правильная речь, уважение к старшим (Юревич, 2014, с. 67). Было утрачено в коллективных представлениях различие добра и зла. Отражением вызова на восстановление привычного для нормальной нравственной атмосферы понимания добра и зла стали наши монографии: «Добро и зло в психологии человека» (2000) и «Добро и зло в этической психологии личности» (2008). Так складывалось новое научное направление, где исследовательский интерес сместился с интеллектики на духовно-нравственное развитие личности с одновременной заявкой на создание новой психологической специальности – «этической психологии личности» (Попов, Устина, 2009).

С одной стороны, это был поворот к изучению целостного человека, были выделены многочисленные типы доброго и злого человека. С другой стороны, продолжение работы требовало участия тех, кто разделяет позицию руководителя нового направления, т. е. участие аспирантов. Но у каждого аспиранта, кроме следования в фарватере научного руководителя, есть и свой мотив – защитить диссертацию. При этом продвижение идеи по изучению нравственных типов людей наталкивалось на представление о «нормальной» кандидатской диссертации, выполненной в традициях дифференциального исследования человека. В ней было необходимо абстрагировать от целостного человека какую-либо характеристику, провести ее диагностику с помощью надежной, валидизированной методики и гипотетически связанных с ней других характеристик человека. Отсюда и складывалась абстрактно-аналитическая стратегия исследования, результатом которой было построение модели изучаемого феномена. Подчеркивалось, что изучаемая черта имеет системообразующий характер в соотношении с другими свойствами, это положение отличается научной новизной и может быть учтено на практике.

На основе созданного нами в те годы теста «Добро и зло» (Попов, Кашин, Старшинова, 2000) с его надежным методологическим обоснованием появилась возможность исследовать различные нравственные характеристики человека. С 2003 по 2016 г. под нашим руководством были защищены кандидатские диссертации по исследованию циничности (Устин, 2003), честолюбия (Устина, 2008), ответственности (Ремизова, 2009; Закирова, 2010), завистливости (Горшенина, 2016). Степень свободы каждого автора по-прежнему определялась степенью включенности его исследования в научные направления кафедры, лаборатории и, конечно же, научного руководителя.

Общее в выполненных работах сводилось к тому, что предметом исследования становилась какая-либо нравственно-этическая характеристика человека, элементы которой были заложены в содержание теста «Добро—зло», а также в содержание других личностных тестов. Наиболее часто применялись тесты: 16-RF Кеттелла, самоактуализационный тест (Э. Шострома), мотивация достижений (Т. Элерса), тест самоотношений (В. В. Столина, С. Р. Пантелеева), тест уровня субъективного контроля (Е. Ф. Бажина и др.). Было издано пособие, где представлен набор из 27 методик по диагностике нравственной сферы личности (Закирзянова, 2013), которые полезны для исследователей духовно-нравственной сферы личности (см., например: Духовно-нравственные проблемы..., 2018; и др.).

Экспериментально-исследовательские каноны по применению абстрактно-аналитической стратегии состоят в диагностике (созерцание, познание) заявленной характеристики и установлении степени ее корреляционной сопряженности с рядом других интеллектуально-личностных характеристик. Так, например, в работе по исследованию циничности установлены значимые связи с тщеславием, несдержанностью, беспринципностью, хамством, вероломством и жестокостью (Устин, 2003). Высокий уровень работы определяется вскрытием механизма функционирования и созданием модели изучаемого феномена. Как правило, такие работы защищаются по научной специальности «Общая психология, психология личности».

1.2. Этап исследования психики как системной организации (второй уровень профессионального признания)

Системный подход в психологии связывается, прежде всего, с Б. Ф. Ломовым, который аккумулировал идеи И. П. Павлова, Б. Г. Ананьева, П. К. Анохина, В. П. Кузьмина, С. Л. Рубинштейна о человеке как синтезе биологического, психического и социального. Б. Ф. Ломов «стремился понять специфику отражения, деятельности, общения, личности в контексте целостного бытия человека и его психики...» (Барабанщиков, Завалишина, Пономаренко, 1996, с. 10). Б. Ф. Ломов считал, что когда мы «абстрагируемся от других измерений, то, естественно, выявляем только какой-то один ряд свойств, получаем как бы срез в какой-то одной плоскости. Но понять по этому срезу изучаемые явления в целом невозможно (Ломов, 1996, с. 41).

Путь к пониманию психики человека как системы лежит в движении «от абстрактного к конкретному, чтобы на основе полученных абстракций воссоздать конкретное, построить психическое как некоторую целостную систему» (там же, с. 82). В этом направлении Б. Ф. Ломов следовал традициям научной школы В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева, которые использовали принцип комплексного подхода в оценке человека (см.: Методология комплексного..., 2008; и др.). Если В. М. Бехтерев реализовал данный подход для понимания душевной болезни человека, то Б. Г. Ананьев применял его для исследования сенсорно-перцептивных процессов. Системный подход, в основе которого лежала идея интеграции свойств, состояний и процессов психики, был этапом продвижения в понимании человека как «единого целого». В перспективе Б. Г. Ананьев и Б. Ф. Ломов видели необходимость создания института человека, где могло бы быть достигнуто взаимопонимание между учеными, изучающими

человека как биопсихосоциальное образование. Б. Г. Ананьев считал, что путь к пониманию человека как целостности состоит в признании его индивидуальности, которая представляет индивидуальные, субъектные и личностные характеристики человека. По оценке Б. Ф. Ломова, Б. Г. Ананьеву удалось научно обосновать и экспериментально подтвердить сенсорно-перцептивный уровень понимания человека как целостной системы. Б. Ф. Ломов стал рассматривать психику как систему в единстве когнитивной, регулятивной и коммуникативной подсистем. Он и его последователи понимали, что для достижения согласованного результата по интеграции подсистем требуется единство подхода как отдельных исследователей, так и научных лабораторий института психологии. Такое единство возможно при наличии связей между различными психологическими дисциплинами, оно определяется целостностью объекта их исследования. Каждый «исследователь должен в совершенстве знать ту область психологии, в которой он работает, пограничные области психологии и даже другие науки, он должен владеть системой современных методов (Ломов, с. 80).

Следует отметить, что научное продвижение к пониманию целостного человека как системы сопряжено с трудностью взаимопонимания между специалистами не только по биологическому, психическому и социальному блокам, но и внутри каждого блока. Взаимопонимание между всеми может быть достигнуто при следовании согласованной теории межпарадигмального типа, при согласованных методах получения данных и совместно выработанной терминологии.

Необходимость целостного подхода обусловлена переходом от теории (абстрактно-аналитической стратегии) к действиям вовне, к действенно-преобразующей стратегии, когда психолог побуждает прямо или косвенно конкретного человека к действиям вовне. По мысли Б. Ф. Ломова, какую бы деятельность человек ни выполнял, «он остается человеком со всей системой присущих ему многообразных свойств: информационных, социально-психологических, психофизиологических и др.» (там же, с. 81).

Желание овладеть методологией системного подхода сложилось у авторов данной статьи в результате выбора научной школы Института психологии РАН для дальнейшего пути в психологии. Относительно всех работ, выполненных в рамках абстрактно-аналитической стратегии, помимо глубокой теоретико-экспериментальной проработки исследуемого феномена, отмечается лишь рекомендательный уровень применения на практике полученных результатов. Экспе-

риментально-системная стратегия в крайне ограниченном варианте была реализована в кандидатской диссертации Р. В. Меркель, выполненной под нашим руководством (Меркель, 2011). В работе по исследованию авторитарности личности ставилась задача по установлению взаимосвязи авторитарности как свойства личности с когнитивными, регулятивными и коммуникативными свойствами. В результате была выявлена многомерная корреляционная связь авторитарности с указанными свойствами. Было установлено, что авторитарность коррелирует с другими личностными свойствами (самостоятельность, ответственность, самоуверенность); с когнитивными характеристиками (социальный интеллект, стереотипность мышления); с регулятивными свойствами, которые представлены волевой (самоконтроль, нормативность) сферой личности; с мотивационно-ценностной организацией человека (социальная активность, статус в социуме). Была выявлена связь авторитарности и с рядом коммуникативных свойств: конформизмом, доверчивостью, подверженностью влиянию тех, кто выше по статусу.

Достаточно полно все атрибуты системного подхода представлены, например, в докторской диссертации по исследованию феномена «переживания субъекта» (Фахрутдинова, 2012). Это внутрискруктурные отношения (пространственные, временные, информационные, энергетические, телесные, эмоциональные, когнитивные); динамические характеристики с циклами, стадиями переживания; связи переживания с бытийной и рефлексивной структурами сознания. Установлены механизмы взаимоотношения переживания индивидуальности и группового субъектов, а также механизм функционирования переживания. Из работ сторонников абстрактно-аналитического и системного подходов чаще всего делается вывод об общих закономерностях, функционировании психологических механизмов среднестатистического человека или людей, отнесенных к определенной социальной, профессиональной, возрастной, половой группе. Выводы делаются по некоторому массиву людей, отсюда крайне осторожны рекомендации диссертантов по «практической значимости исследования». Напомним об антропной позиции Б. Ф. Ломова: для психолога значимым должен быть конкретный человек, который каждую единицу времени «живет и действует как единое целое» (Ломов, 1996, с. 52).

Системный подход в пределе может дать полное представление о каждой подсистеме, включая сведения о «первокирпичиках» в подсистемах. С его помощью удастся установить связи всех измеряемых параметров между собой и выделить системообразующий фактор.

В работах физиков последней трети XX в. утверждается, что период выявления «первокирпичиков» утратил свою актуальность. В общей философии природы, построенной на бутстрап-теории частиц, Дж. Чью и его коллеги считали, что природа может быть понята только через самосогласованность ее частей. Ни одно из свойств любой части материальной вселенной не является фундаментальным, все они вытекают из свойств других частей (Лотов, 2015). В философии бутстрапа как философии целостной Вселенной утверждаются два приемлемых для психологии вывода.

Первый вывод: свойства частей вносят определенный вклад в понимание целого. Целое первично. Фактически это было известно уже Платону.

Второй вывод сводится к тому, что процесс первичен, паттерн вторичен, т. е. любая структура, которую мы наблюдаем, есть проявление лежащего в ее основе процесса (там же).

Если применить представленные выводы к материалу по авторитарности с учетом того, что каждый человек постоянно «живет и действует», то исследование авторитарности в зависимости от антропности исследователя и человека-наблюдателя (психолога) в каждый момент времени должно включать разные виды мотивации, статусность в данном сообществе, актуальную задачу, сопутствующие и препятствующие обстоятельства, уверенность или тревожность, ответственность, подобострастность или требовательность. При этом возникает не только приоритет процесса над паттерном, но и ранее описанный момент перехода «процесса в продукт и обратно». Нечто подобное в физике характеризует такую частицу, как фотон, способную быть массой и энергией. Однако это может быть сделано только в будущем или может быть соотнесено с изучением индивидуальности ограниченного числа испытуемых.

С идеологией бутстрап-подхода перекликается сетевой подход, который строится на принципе равноправных горизонтальных отношений участников. Утверждение М. С. Гусельцовой о смене системного подхода сетевым вызвало возражение со стороны А. Л. Журавлева и Е. А. Сергиенко (Журавлев, Сергиенко, 2022). В их обстоятельной статье, посвященной проблеме взаимосвязи системного и сетевого подходов, показано, как системный подход обогащается элементами сетевого подхода, широко распространенного в практике досугового и делового общения.

Так, в системном подходе доминирующий ранее иерархический принцип взаимодействия подсистем психики с вертикальным соподчинением дополняется гетерархическим, горизонтальным вза-

имодействием. Однако следует заметить, что взаимодействие горизонтального типа ведется преимущественно в условиях досугового общения, часто анонимного. В сетевом варианте общения деловых партнеров сочетаются вертикальный и горизонтальный типы взаимодействия.

1.3. Этап межпредметных исследований

Выход на этап межпредметных исследований произошел в 2018 г., когда мы заинтересовались феноменом «Я-виртуальное» и интеграцией социальной и виртуальной реальностей. Наш интерес совпал с основными трендами развития современной психологии. Так, согласно результатам экспертного опроса о приоритетных направлениях развития психологии, осуществленного сотрудниками Института психологии РАН, к 2030 г. одно из ведущих мест займут исследования, связанные с ИТ, социальными сетями и виртуальной реальностью (Журавлев и др., 2016).

«Я-виртуальное» – это феномен, который выступает отражением «Я-реального» и характеризуется расширением как социальных границ, так и основных компонентов Я-концепции (когнитивных, эмоциональных, поведенческих). Исследование данного феномена – это один из ведущих исследовательских трендов в современной картине познания, где особое место занимает психология социальных сетей. Социальные сети – это виртуальная площадка, которая связывает миллионы пользователей со всего мира и расширяет границы их социального взаимодействия друг с другом. В целом современные социальные сети являются определенным аналогом кибернетического моделирования социально-психологических процессов, точнее, виртуальной моделью социально-психологической реальности (см., например: Психологические исследования в интернет-пространстве, 2020).

Первые исследования психологии социальных сетей появились вслед за появлением специализированных социальных сервисов (Facebook, 2004–2006; «Одноклассники», 2006; «В контакте», 2006); точкой актуализации внимания к данной проблематике можно считать 2016 г. Результаты выборов президента в США (Дональда Трампа) и голосования по выходу Великобритании из Европейского Союза (Brexit) показали, что социальные сети – это не только виртуальная площадка для общения, но и эффективный инструмент: как для выявления психологических портретов людей, так и для воздействия на их поведение. Влияние на людей через социальные сети облада-

ет рядом преимуществ по сравнению с традиционными способами. В частности, это возможность одновременно охватить и проанализировать огромное количество людей (с помощью методов Big Data) и задействовать элементы искусственного интеллекта через использование нейросетей (нейросетевое моделирование, основанное на самообучении киберсистем и выступающее аналогом искусственного интеллекта).

Начиная с 2006 г., значительно вырос массив исследовательских результатов, отражающих возможности предсказания поведения на основе психометрических данных в социальных сетях. Согласно результатам анализа мировых трендов, в психологических исследованиях к настоящему времени отмечается высокий рост публикаций, связанных с психологией социальных сетей. Так, палестинские ученые проанализировали около 11000 публикаций, посвященных вопросам социальных медиа, и выявили около 1000 публикаций, связанных с проблематикой психологии социальных сетей (Zyoud et al., 2018). Здесь выделяются центры психометрии в университетах Кэмбриджа и Стэндфорда, которые объединяют в рамках проекта «Моя личность» («myPersonality project») более 200 ученых со всего мира, занимающихся проблемой психометрических показателей поведения личности в социальных сетях. В этой связи одним из наиболее известных является результат исследования, в котором на выборке более чем 58000 пользователей Facebook были показаны прогностические возможности «лайков» в социальных сетях. Исследователи доказали, что на основе «лайков» можно предсказывать: расовую принадлежность (европеиды или афроамериканцы) с вероятностью в 95%; пол с вероятностью в 93%; сексуальную ориентацию с вероятностью в 88% для мужчин и 75% для женщин; партийную принадлежность (демократы или республиканцы) с вероятностью в 85%; религиозную принадлежность (христиане или мусульмане) с вероятностью в 82% (Kosinski et al., 2013).

Интерес к обозначенной проблематике потребовал комплексного подхода и поиска технологий, методов и средств, выходящих за пределы актуального арсенала методов и технологий, которыми владеет современная психология. Необходимость мониторинга огромных объемов информации, поиск способов и средств для сбора эмпирических данных, автоматизация исследовательских процессов, структурирование полученной информации в базы данных, обработка больших данных (десятки и сотни цифровых следов) с последующим количественным и качественным анализом — все это

побудило нас выйти за пределы традиционных исследовательских схем, принятых в психологической науке.

Данный выход осуществился благодаря коллаборации с представителями технического направления Института вычислительной математики и информационных технологий Казанского федерального университета. Они занимались исследованиями в области информационных технологий. Основное назначение организации подобных исследований руководство вуза видело в том, чтобы создать автоматизированную информационную систему и прогнозировать потенциальную успешность абитуриентов всей России, чтобы привлечь их в качестве студентов Казанского университета. Мы откликнулись на предложенные инициативы и стали еженедельно собираться на обсуждение проекта с представителями технического направления, которым также было интересно выйти за пределы исключительно IT-проблематики.

Постепенно стала складываться научная группа, мы пытались найти точки соприкосновения и прийти к пониманию того, что хотим исследовать, как это делать и что лежит в основе нашего проекта. Мы как гуманитарии и психологи-исследователи понимали стратегическую и содержательную часть будущего проекта: какие экспериментальные схемы задействовать, как выделить интересующие нас закономерности и механизмы, на какие методологические подходы и принципы опираться. IT-специалисты понимали тактическую и технологическую стороны реализации проекта: как работать с колоссальными объемами информации, включающими многотысячную выборку испытуемых и многие миллионы цифровых следов. Антропный принцип на этапе межпредметных исследований позволил объединить представителей совершенно разных направлений. Сухой и логически обоснованный технический язык включал идеи программирования, автоматизации и возможности работы с базами данных. Их методы гармонично вписались в логику психологических исследований, позволяя упростить и структурировать будущее исследование. Более того, в процессе совместных обсуждений представителями технического направления для оптимизации процессов прогнозирования поведения реальной и виртуальной личности были предложены идеи нейросетевого моделирования — аналога когнитивных процессов, протекающих при обработке информации человеком. Данные идеи были также положены в основу будущего проекта в качестве одного из методов, позволяющих анализировать огромные потоки информации.

Проект «Нейросетевая психометрическая модель когнитивно-поведенческих предикторов жизненной активности личности на базе социальных сетей» носил междисциплинарный характер и реализовывался совместными усилиями психологов и специалистов в области информационных технологий. В течение трех лет (с 2019 по 2021 г.) была разработана модель прогнозирования жизненной активности личности в ее образовательной и профессиональной деятельности на основе интеграции психологических закономерностей проявления поведенческих и когнитивных процессов пользователей в реальном и виртуальном пространстве с основными метриками (психометриками) их активности в социальных сетях. Под психометрическими характеристиками в работе понимались данные личностного профиля пользователей социальных сетей (друзья, посты, фото, подписчики и т. д.), которые, выступая продуктами (результатами) онлайн-активности, отражают взаимосвязи их виртуального и реального Я.

Общий объем исследовательских выборок составил более 30 тысяч испытуемых при изучении виртуальных предикторов академической успешности студентов в реальной жизни и более 80 тысяч испытуемых при исследовании предикторов в социальных сетях профессиональной успешности специалистов.

В результате исследования психологических закономерностей взаимодействия характеристик Я-реального и Я-виртуального были выделены когнитивно-поведенческие предикторы академической и профессиональной активности личности, представленные в виртуальной реальности как результаты (продукты) процессов ее деятельности в социальных сетях через метрические (психометрические) показатели ее персонального профиля.

В частности, были выявлены прямые взаимосвязи академической успешности личности с рядом метрик ее персонального профиля в социальных сетях, отражающие особенности ее Я-виртуального (виртуального поведения). Это такие метрики, как: друзья, подписчики, фото, посты и репосты. Выявлено, что профессиональная успешность взаимосвязана с такими метриками, отражающими виртуальное поведение личности, как фото и заполненность страниц персонального профиля. Выделено влияние академической успешности личности на особенности ее поведения в виртуальной среде через такие метрики ее персонального профиля в социальных сетях, как количество друзей, подписчиков, фото, интересные страницы и аудиозаписи персонального профиля в социальных сетях. Также показано влияние профессиональной успешности на особенности поведения личности в виртуальной среде через такие метрики ее

персонального профиля в социальных сетях, как количество друзей, подписчиков, фото, видео, аудиозаписей, интересные страницы, заполненность страницы, посты, репосты и лайки персонального профиля в социальных сетях.

На основе результатов исследования была предложена теоретико-методологическая модель когнитивно-поведенческих предикторов жизненной активности личности (Попов, Устин, 2021, 2022). Теоретическое обоснование и практическое воплощение модели отражают один из вариантов решения «кардинальной» проблемы психологии — соединение аналитичности и целостности. В качестве методологического основания предлагаемой модели когнитивно-поведенческой активности субъекта положены: теоретические позиции С.Л. Рубинштейна, В. Штерна о формировании личности в ее взаимодействии с миром; П. К. Анохина, А. Р. Лурии, В. Б. Швыркова о функциональных системах; У. Джемса, А. Л. Журавлева о психологическом пространстве личности; Я. А. Пономарёва о психологическом механизме творчества; В. М. Бехтерева, А. Н. Леонтьева, Л. М. Попова о ритмически-апериодическом характере интеллектуально-деятельностных процессов. Особенности взаимодействия виртуальных и реальных характеристик личности в ее жизненной активности раскрываются с привлечением выводов М. Косински, Д. Стиллвелла и др.

В модели теоретически и эмпирически обосновано, что компоненты (метрики) персонального профиля в социальных сетях выступают точками взаимодействия между реальной и виртуальной личностью. Категория «взаимодействие», выступая отражением жизненной активности личности, является наиболее адекватной формой описания механизма, который связывает «Я-реальное» с «Я-виртуальным». Данная связь проявляется на трех уровнях: познание, адаптация и преобразование. Одним из наиболее значимых проявлений виртуальной активности личности выступают социальные сети. Индикаторами (предикторами) результатов взаимодействия — продукты когнитивно-поведенческого плана, отраженные в метриках личностного профиля пользователей социальных сетей.

Предложенная модель представлена закономерностями и механизмами взаимодействия виртуальной и реальной личности. Теоретико-эмпирическую основу данной модели составляют выделенные закономерности влияния успешности личности в реальной жизни (на уровне академической и профессиональной деятельности) на ее активность в социальных сетях. Виртуальная активность в социальных сетях проявляется через общение, познание (познавательную активность), профессиональную деятельность, досуговую активность

и творчество. Метрики персонального профиля личности выступают отражением ее интеллектуально-деятельностного механизма и выступают когнитивно-поведенческими предикторами — точками, маркерами, которые позволяют предсказывать успешность личности в реальной жизни. Информационно-технологическую основу данной модели составляют нейросетевые модули, которые позволяют снизить многомерность и выделить многообразие возможных вариантов взаимодействия между внутренним и внешним содержанием реальной и виртуальной личности.

Цель нового проекта, реализуемого в настоящее время, направлена на то, чтобы расширить нейросетевую психометрическую модель прогнозирования жизненной активности личности через разработку социальной успешности студентов и профессионалов. В рамках выполнения проекта в персональных профилях пользователей социальных сетей планируется выделить когнитивно-поведенческие предикторы социальной успешности личности — третьего показателя ее жизненной активности. На базе нейросетей, больших данных (Big Data) и социальных сетей идет разработка функциональной психометрической модели когнитивно-поведенческих предикторов социальной успешности личности в рамках ее образовательной и профессиональной деятельности.

2. Действенно-преобразующая стратегия

В часто цитируемом высказывании И. П. Павлова о человеке как системе, единственной по высочайшему саморегулированию, речь идет не только о психике, но и о человеке в целом, человеке как индивидуальности. Абстрактно-аналитическая стратегия в деятельности психолога предназначена для углубленного изучения разных сторон человека, установления значимых связей между отдельными характеристиками и подсистемами его психологической организации. Это позволяет строить гипотетические модели психологических механизмов функционирования когнитивных, регулятивных и коммуникативных компонентов психики. Движение к целостному человеку — это путь от «психологии психики» к «психологии человека» (Слободчиков, 2018) как целостного образования.

В этом случае идет переход от аналитической позиции исследователя к действенно-преобразующей стратегии. Она в нашем исследовании может быть представлена тремя этапами деятельности психолога в ситуациях психолого-педагогического взаимодействия со студентами.

2.1. Этап целостного подхода к человеку в процессе самооценки и саморазвития. Метод «Интервью с самим собой»

Предметом внимания психолога в условиях реального взаимодействия с другим человеком становится человек в контексте целостного бытия (Барабанщиков и др., 1996, с. 10). Категории «целое» и «часть» привлекали философов с античных времен. На основе изучения работ Платона и Аристотеля отмечаются две трактовки понимания целого: как континуального (непрерывного, сплошного), части которого могут быть выделены лишь потенциально, и как дифференцированного, где части объективно представлены внутри целого. Собственным бытием обладает именно целое, а его части наделены бытием опосредованно. Следует признать, что научная российская психология до сих пор ориентирована преимущественно на познание любого явления по пути дифференцированного направления, т. е. от части к целому. Как мы уже отмечали, это обусловлено стремлением к разработке психологической науки по образцу естественных наук, где поиск истины определяется мерой применения количественной оценки экспериментальных данных, надежностью диагностических методик и статистической достоверностью результатов. По мере того как физики приходили к тому, что понять мироздательное устройство Вселенной невозможно без выяснения целесообразности существования в ней человека, в науках стал осуществляться переход от аналитической парадигмы к холистической. Холистическое мышление контекстуально. Оно направлено не столько на детали, сколько на принцип организации, на смысл выполняемой деятельности. Т. Н. Поплавская приводит точку зрения И. Канта, который считал, что в организме части связаны в целое по телеологическому принципу: все части функционируют ради сохранения целого и потому вне этого целого теряют всякий смысл. Он выделил в организме целесообразность строения органов, целесообразную связь между ними и целесообразность в отношениях самих органов к внешнему миру. Оценивая сложности устройства и предназначения частей в любом организме, И. Кант считал, что легче понять образование всех небесных тел, чем точно выяснить возникновение одной только былинки или гусеницы (Поплавская, 2012).

Согласно современной философии, каждое явление имеет то пространство и измерение (холос), в котором одновременно присутствуют все элементы бытия вместе взятые, это является наиболее внутренним бытийным измерением (там же). А. А. Ухтомский, а затем В. П. Зинченко одновременность бытийного присутствия в настоящем, прошлом и будущем соотносят с понятием «хронотоп». Такой

механизм можно рассматривать как психологический синтез времени, включающий события сознательной и бессознательной жизни (Зинченко, 1998, с. 156).

Функционирование единого целого определяется типом связей его частей: связей строения, функционирования и развития. Последовательно данные связи создают представление о структурном целом, функциональном целом, развивающемся целом (Поплавская, 2012, с. 387).

На материале работ, выполненных в рамках абстрактно-аналитической стратегии, было обосновано представление о структурном целом таких феноменов, как циничность, авторитарность, переживание. Функциональное и развивающееся целое было показано в виде функционирования психологического механизма интеллектуально-деятельностного развития субъекта.

В условиях психической деятельности по формированию сложных представлений образного, понятийного, знакового планов действуют «функциональные органы», которые, по А. А. Ухтомскому, создаются как всякое временное сочетание сил для осуществления определенного достижения (Зинченко, 1998, с. 141). «В реальном поведении и деятельности многочисленные функциональные органы работают не изолированно, они вступают во взаимодействие не только с миром, но и с друг с другом. В своей совокупности они составляют трудно дифференцируемый организм – одновременно предметный, телесный и духовный. Особенность этого организма состоит в активности, действенности, направленности не только вовне – на созидание, творчество, но и вовнутрь – на самосозидание» (там же, с. 156).

Проблема современной психологии состоит в том, что «аналитическая работа в науке – это норма». Но проходит время, и науку, в том числе психологию, охватывает «тоска по целостности», ибо «как ни хороша концепция черт, но из бесчисленных, выделенных наукой свойств она (личность) не желает складываться» (там же, с. 161).

Неудовлетворенность аналитической работой вызвала обращение к «ненадежным» методам работы с человеком – беседе, интервью. По словам С. Л. Франка, а позднее В. П. Зинченко, эти методы позволяют получать «живое знание» о бытийном человеке, его проблемах, переживаниях и ценностях. Аргументом в пользу такого знания может быть приведенная В. П. Зинченко позиция А. А. Ухтомского о том, что «субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное» (там же, с. 165).

Если мы соглашаемся с тем, что центральным мотивом психологической науки является поиск истины, то необходимо использовать

наряду с номотетическим методом идеографический (Олпорт, 1998, с. 30–31). Примеры идеографии можно обнаружить в лучших произведениях художественной литературы. Используя методы внешнего и внутреннего диалога, их авторы создают психологические портреты целостной личности – Дон-Кихота, Гамлета, Анны Карениной, истинность и достоверность которых ни у кого не вызывает сомнений (Олпорт, 2009).

Внутренний диалог как взаимодействие человека самим собой Ю. М. Лотман назвал «автокоммуникацией», т. е. взаимодействием Я–Я, которое осуществляется письменно. Человек обращается к самому себе, задает вопросы и отвечает на них, уясняя свое внутреннее состояние, чего без записи не происходит. Ю. М. Лотман отмечает, что такое взаимодействие приводит к перестройке Я, переформированию личности вплоть до аутопсихотерапии, выявлению внутренних ресурсов для самоизменения (Лотман, 2000, с. 165).

Движение от аналитической психологии к психологии целостного подхода привело к созданию метода «Интервью с самим собой» еще в 1990-е годы (Попов, 1990а). Данное интервью выполнялось письменно в домашних условиях и без лимита времени. Интервью с самим собой строилось как рефлексивный анализ по ключевым вопросам психологии с обязательным включением позиции Я в тексте: «Я как личность», «Мой интеллект», «Мой эмоционально-чувственный мир», «Я среди других», «Мой статус», «Влияния на меня и мои влияния на других». Так предполагалось выявить интер-, интра- и метаиндивидуальные характеристики (по А. В. Петровскому) личности испытуемого. Результаты размышлений представлялись в виде письменного текста. Определенная свобода состояла в следовании предложенному сценарию, его пунктам или в частичном изменении сценария. Допускалось и полное изменение сценария, где предлагаемые позиции могли быть включены в целостный текст литературного или автобиографического плана. Испытуемым предлагалось по всем позициям выделять имеющиеся трудности и предлагать самому себе пути их преодоления, а также описать имеющийся опыт преодоления трудностей. Предлагалось подкреплять свои размышления тестовым сопровождением (материалами, полученными испытуемым на основе самотестирования). Итак, цель применения метода сводилась к психологическому самопознанию с возможностью самопреобразования. Для оценки текстового материала была разработана система экспертных оценок. На основе количественной обработки всех материалов сочинений каждого из авторов был выявлен индекс саморазвития по соответствующей формуле, что де-

тельно описано в монографии «Психология самодеятельного творчества» (Попов, 1990б).

Раскрытие человека как индивидуальности показано в отрывках из сочинений студентов о себе. Так, испытуемая О. М. использовала предложенный сценарий по пунктам «Я как личность», «Мой интеллект», «Мой эмоциональный мир», «Мое общение», «Влияния». По каждому пункту выделены «Мои трудности», «Пути решения» и «Опыт работы с самим собой». Ниже приводится фрагмент текста ее интервью:

Я как личность: я медлительна, молчалива, чувствительна, обидчива и в себе малость не уверена. Но есть и приятные качества: спокойствие, уравновешенность, предусмотрительность, терпеливость, склонность к художественному творчеству, эмоциональность. Чистых типов не бывает, и поэтому я наблюдаю в себе признаки не только меланхолика, но и холерика (несдержанность, торопливость, шумливость, чувство гнева, агрессивность и даже грубость). Как правило, это минуты сильной злости, в которые активизируются мужские качества. В счастливые минуты жизни я веселый, легкомысленный сангвиник. С недавних пор, испытываю длительную агрессию, я заметила, что появились припадки страха, что соответствует моим меланхолическим наклонности.

Другая испытуемая Н. П. назвала свое интервью «Мой путь». Ниже представлены фрагменты ее работы.

Приятней всего вспоминать, как все начиналось. Что ознаменовало начало моего пути? Я открыла в себе психолога, когда впервые увидела море. При взгляде в его глубины что-то всколыхнулось внутри и все мелкие заботы, которые волновали меня, померкли. Я будто заново родилась. Какое же оно было глубокое, загадочное, неизведанное. Мы видим лишь его поверхность, все его чудеса скрыты под тоннами воды. И мне было приятно думать, что я отправлюсь в путешествие по исследованию глубин человеческой души, став психологом. Первым объектом моего исследования стала моя собственная психическая жизнь. Началось все довольно просто – с нескольких тестов (темперамент, тревожность). Затем были различные психологические лагеря, психфак малого университета. Но больше всего информации, конечно, давала интроспекция, информация, полученная из первых рук... Поступила в университет без проблем... Первый курс был средневековьем моей жизни, которому не видно было конца. Чтобы вывести меня из депрессии, родители подарили мне абор-

немент в фитнес-клуб. И он для меня оказался спасительной соломинкой. Я открыла в себе новую страсть — занятие, которое я искала всю свою жизнь. Это были танцы... Я наконец-то обрела смысл жизни. Я обрела уверенность, исчезло недовольство собой, я по-настоящему впервые влюбилась в себя. И тогда я снова осознала, что абсолютно правильно выбрала свою будущую профессию психолога. Если я сама смогла себя вытащить из того ада, в котором находилась, значит — могут все! Нужно им только помочь.

В обоих интервью перед нами не столько объект исследования, сколько субъект самопознания и саморазвития, перед нами человек, индивидуальность со своими достоинствами, проблемами и недостатками. Метод «Интервью с самим собой» дает возможность не только провести углубленный психологический самоанализ, но и определиться с возможностью самоизменения. Задача психолога состоит в такой постановке вопросов, которые естественным образом побуждают человека к разговору с самим собой (Я—Я). Причем письменный (компьютерный) вариант интервью без учета времени способствует глубине характеристик своего Я и его перестройке своими силами с использованием внутренних ресурсов.

2.2. Этап профессионального самоопределения в процессе образовательной деятельности. Метод рефлексии «Я — психолог-профессионал»

На наш взгляд, педагогическая деятельность преподавателя в вузе направлена на личностное и профессиональное развитие (саморазвитие) студентов и аспирантов. Задача состоит в том, чтобы не только наполнить студента информацией (знаниями) о человеке, его возможностях, но и побудить его к поиску нового, к применению знаний для успешной адаптации в изменяющемся мире, для его преобразования и самопреобразования.

Когнитивная составляющая образовательной деятельности является наиболее значимой, студенты не только наполняются знаниями, но и обучаются их производить самостоятельно. Все это в совокупности определяется как выработка компетенций. Как правило, компетенции должны включать систематизацию знаний, профессиональное владение понятийным аппаратом, терминологией, методами получения данных и применение результатов на практике. Однако, на наш взгляд, важнейшим звеном компетентностного подхода является умение преподавателя побуждать каждого сту-

дента к творчеству («для себя», «для немногих других», «для культуры») по созданию содержательных для каждой дисциплины новых результатов: продуктов, процессов, технологий. Современный преподаватель не столько сообщает информацию по своему курсу, сколько побуждает студентов к самостоятельному поиску полезной информации, чтобы расширить представление о предмете изучения, выявить проблемные места и вместе с преподавателем вести поиск их решения.

Знание — это ключевая характеристика компетентностного подхода. Зачастую не разграничивают знания и информацию. В философии различают три вида информационных сведений, которые могут содержать полезную, вредную и бесполезную информацию для пользователя (Гухман, 2016). Полезная информация приближает человека к истине, вредная (дезинформация) отдаляет от истины, а бесполезная не имеет никакой ценности для конкретного человека. Однако что полезно для одного, то может быть совершенно бесполезно (неинтересно) для другого и рассматривается как дезинформация третьим. Высшей формой информации, которая имеет наибольшую ценность для потребителя, является знание. Если информация существует независимо от человека, то знанием обладает только человек, который отбирает из всего потока информационных сведений только полезные для него. Информация существует независимо от человека, принадлежит всем и может находиться в печатных источниках (книги, журналы и др.), на электронных носителях. Она может быть знаковой, вербальной, невербальной, может тиражироваться и продаваться. Знание — это та информация, которая лично значима для конкретного человека, освоена им и принадлежит только этому человеку.

Так, психолог-преподаватель освоил определенный пласт информации, превратил ее в собственное знание и на лекции делится этим знанием со студентами. Он предполагает, что это знание будет принято всеми студентами и превратится в их собственное знание. В действительности для одних студентов это полезная информация, которая совпадает с их ожиданиями и превращается в знание. Для других — это бесполезный «шум», который не вызывает никакого отклика, для третьих, увлекающихся эзотерикой, это вредная информация. Одни студенты при подготовке к экзамену стараются найти дополнительные сведения по курсу, другие стараются заучить то, что требуется по программе и побыстрее отделаться от данного предмета. Справедливо изречение: знание — это то, что остается с человеком, когда все выученное забыто.

Проблема присвоения информации и перевод ее в собственное знание стоит как перед студентами, так и перед преподавателями. Их стремление по превращению информации в знание есть антропность в действии. При этом одни тяготеют к рационально-логическому усвоению знаний и их представлению вовне, другие — к иррациональному, третьи — к образному, четвертые — к практико-ориентированным способам работы с информацией. В целом каждый стремится понять «новое» на языке своей теории, своей схемы (ассимиляция), а если схема не работает, то происходит ее модификация (аккомодация), когда субъект познания расширяет свою теорию мира (Пиаже, 1969). Увлеченный преподаватель как творческая личность со своей научной позицией стремится свои исследовательские и педагогические интересы, внешние для студентов, сделать для них внутренними — эффект интроцепции (Штерн, 2005). Он выступает как личность, демонстрируя одновременно знания, страсть, действие и переживание (Зинченко, 1998).

Свое представление о деятельности педагога с учеником излагает испытуемый А. Б.:

В процессе индивидуального обучения участвуют как минимум двое. Это не просто два человека, а два мира. Каждый со своими интересами, ценностями, со своими представлениями, переживаниями. И каждый видит этот мир по-своему. Эти два мира дополняют друг друга и взаимообогащаются...

Значимой ценностью для студентов выпускного курса является подготовка к профессиональной деятельности. Важно представлять свои теоретические знания и практические умения для работы с людьми, а также возможные точки роста. Рефлексия данных способностей и качеств осуществлялась с помощью метода «Интервью с самим собой» в варианте выявления профессиональной компетентности студентов. В соответствии с нашим вариантом компетентностного подхода (знать—уметь—владеть—созидать) необходимо было создать рефлексивный проект «Я — психолог-профессионал» с развернутым ответом на вопросы: что я знаю с учетом пройденных дисциплин, что умею и что могу делать сам как психолог-профессионал.

Общая картина сводится к тому, что все студенты удовлетворены системой полученных знаний с выделением в каждом случае знаний, полученных по прикладным дисциплинам. Также выяснилось, что некоторые студенты уже получили опыт профессиональной деятельности, совмещая обучение и работу в школе, в психологическом центре «Доверие», в коммерческих фирмах. Многие студенты испы-

тывают боязнь самостоятельной профессиональной деятельности и критически относятся к себе как к психологам-профессионалам.

Например, испытуемая А. С. сообщила, что до сих пор не понимает, как ее занесло на психфак. Она не видит себя в будущем психологом-профессионалом. Однако отмечает, что знания, полученные во время обучения, бесценны, и теперь она знает, как разработать диагностическую методику, как можно помочь себе и другим справиться со стрессами. Оценивая себя, А. С. считает, что к профессиональной деятельности она не готова, так как слишком эмоциональна и ее эмоции доминируют над разумом. Кроме того, коммуникативные способности оставляют желать лучшего.

Или, например, испытуемый Г. И. считает, что не может работать психологом, так как при общении с людьми всегда говорит «в лоб», может травмировать человека. Испытуемая Я. К., оценивая себя, считает, что пока она не психолог-профессионал. По ее мнению, психолог – это человек, который разобрался в собственной жизни, имеет устоявшееся мировоззрение, постоянно стремится к самосовершенствованию, в его душе царит гармония. Такой человек может помочь не только себе, но и другим людям найти путь к себе. А психологи чаще всего сами обладают набором комплексов и проблем, поэтому практикующие психологи вместо того, чтобы работать над проблемой клиента, навязывают ему свой вопрос. Хотя Я. К. скептически оценивает себя как психолога, но уже в студенческие годы она начала работать педагогом-психологом в школе. Ведет тренинги, помогает детям справляться с конфликтными ситуациями, читает лекции по зависимости детей, привлекая их к дискуссии.

В отдельных случаях идет переоценка своего опыта в качестве психолога. Так испытуемая Р. Г. уже в студенческие годы получила негативный опыт, работая психологом в коммерческой организации. Работа заключалась в манипулировании людьми в интересах компании. Р. Г. считает, что опыт, безусловно, колоссальный – как профессиональный, так и жизненный. Однако это не был положительный опыт. Да, она научилась многому, ее карьера шла вверх, люди смотрели на нее как на волшебницу, но волшебницу не добрую. Она увидела, как ее действия влекли за собой страшные последствия, увидела человеческие слезы и поняла, что выбрала совсем не тот путь. Пришла к выводу, что психолог должен не забирать у людей, а давать им, давать силы, надежду, радость жизни, новый путь. Р. Г. поняла, что ею тоже манипулировали. Она ушла с этой работы. Но перед этим попыталась исправить то, что натворил за эти два года. Ей удалось это частично, при этом она нажила себе врагов и значитель-

но подпортила бизнес своего начальства. Р. Г. сделала вывод: надо думать прежде, чем делать, бизнесмены бывают разные, не все играют по честным правилам.

Образец того, как знания, умения, владение психологическим материалом и созидательная деятельность компетентно воплотились в деятельности студента и школьного психолога, представлен в материалах работы испытуемой Е. К.:

Передо мной в прямом смысле стоит задача по коммуникации – найти общий язык с каждым ребенком, выбрать подходящую стилистику речи, чтобы не отделять себя от аудитории, но и не упрощать излишне материал. Что касается способностей по воздействию на других людей, то, как бы совестно ни было это признавать, но детьми нужно манипулировать очень тонко и осторожно. По большей части дети доверчивы и суггестивны. Помню, что, играя с чужой душой, тратишь свою. Да, моя работа очень эмоционально и ресурсно затратна, и единственный фактор, который спасает от выгорания – это любовь к своей работе.

2.3. Этап жизненно важного целедостижения.

Метод «скафолдинг»

Одна из проблем теоретико-прикладного значения по механизму развития личности состоит в том, что идея зон ближайшего развития Л. С. Выготского внедрена в детскую, возрастную психологию, но неясно, в какой мере можно говорить о развитии, используя данную идею и методы ее воплощения применительно к взрослому контингенту. Пристальное внимание к этой идее на уровне кандидатских диссертаций по специальности «Психология развития, акмеология» привело к дискуссии: действительно ли специальное воздействие экспериментатора (тренинг, дискуссия и др.) способствует развитию интеллектуальных, организационных, личностных способностей взрослого человека или же побуждает к актуализации ранее накопленного «ментального опыта»?

Итак, проблема состоит в том, чтобы определить – что происходит: развитие или актуализация? Разрешение проблемы имеет теоретический и эмпирический характер. Теоретически для взрослого человека следует выделить зоны ближайшего развития и зоны актуального развития. Зона актуального развития взрослого человека может быть определена, на наш взгляд, как совокупность интеллектуально-деятельностных процессов, представлений, знаний, на-

выков, умений, личностных качеств, которые показывают уровень общего развития человека, степень сформированности указанных характеристик, уровень его ментального опыта и возможности его применения на практике.

Возможности для актуализации зон интеллектуально-деятельностного развития и саморазвития субъекта, выделенные ранее, появляются при работе с новой модификацией метода «Интервью с самим собой», предназначенного для полноты самоанализа личности в условиях субъект-субъектного взаимодействия «преподаватель—студент» (Попов и др., 2008, 2016). Новшество метода состояло в возможности системно-структурного, или целостного (по В. Штерну), самоанализа и определения путей интеллектуально-личностного самосовершенствования личности. В условиях такого субъект-субъектного взаимодействия рождается новый «целостный субъект» совместной жизнедеятельности преподавателя и студента (Панов, 2014, с. 298). Я. А. Пономарев писал о том, что результатом взаимодействия становится «взаимодействующая система» как новая целостность, в которой исключается всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное (Пономарев, 1976). В данной системе отражена как динамическая, временная, процессуальная сторона, так и статическая, пространственная характеристика взаимодействия, т. е. свойства, качества, способности субъектов.

Категория «целостного» субъекта отражает возникновение нового образования, которое складывается во взаимодействии «преподаватель—студент (аспирант)». Однако, если в условиях движения к единой цели в социальной психологии сложилось понятие «групповой, коллективный субъект» (Журавлев, 2000), то в педагогической психологии результат взаимодействия «преподаватель—студент» не имеет подобного обозначения.

На наш взгляд, та целостность, которая в этом случае возникает, может иметь обозначение как складывающийся «целостный диадический субъект». Фактически это самостоятельное нематериальное образование, продукт взаимодействия двух систем, влияние которого существует и в пространстве, и во времени. Это двухполюсное образование, где есть полюс субъекта-студента как элемента данной целостности и полюс субъекта-преподавателя. На полюсе студента в случае «единения душ» возникает движение к овладению системным профессиональным пониманием мироустройства, избранной профессией (специальностью), комплексом созерцательно-преобразовательных действий и достижений преподавателя, его профессиональной и общечеловеческой культурой.

На полюсе преподавателя в случае «единения душ» осуществляется встречное движение по обогащению своего опыта видением мира людьми более юного возраста, их системой ценностей, устремлений, идеалов, лексики. Обе стороны заинтересованы в продуктивном взаимодействии по-разному: иногда больше заинтересован преподаватель, иногда студент.

«Скаффолдинг» как новая модификация метода «Интервью с самим собой» создан в нашей интерпретации на базе концепции личности С.Л. Рубинштейна и состоит из трех компонентов: хочу (мотивация, направленность, смыслы, цель), могу (способности, личностные качества, воля) и действую (порядок действий достижения, временная составляющая, риски и их преодоление) (Рубинштейн, 2003).

Для обоснования метода «скаффолдинг» мы выбрали модель субъект-субъектного взаимодействия «преподаватель—аспирант» со всеми особенностями и субъектными характеристиками, которые были выше представлены в целостном диалогическом субъекте «преподаватель—студент». Речь идет о том, что по плану аспирантуры на первом году обучения все аспиранты проходят курс «Психология высшей школы». Он предназначен для усвоения будущими кандидатами наук, преподавателями психологических сведений о личности, ее интеллекте, коммуникативных, эмоциональных, волевых характеристиках. После завершения чтения курса проводится экзамен. В качестве формы отчетности аспиранта по данному курсу мы выбрали «скаффолдинг» — метод, благодаря которому осуществляется психологически оправданное сопровождение аспиранта по пути к главной цели аспирантуры — написанию и защите диссертации.

Диада «преподаватель—аспирант» представлена двумя субъектами, каждый из которых имеет «Я публичное» и «Я интимное». Основными компонентами личности как субъекта могут быть те, которые представлены в работе С.Л. Рубинштейна: хочу (мотивы, направленность), могу (способности, дарования), «какой Я» (характерологические данные). Однако, если мы обозначаем метод «скаффолдинг» как созерцательно-преобразующий, то данная позиция должна быть не столько созерцательной, сколько действенно-преобразующей. Это возникает в том случае, когда «хочу» как первый компонент концепции и как обозначение избранной цели наполнено смысловым пониманием («для чего»). Второй компонент модели С.Л. Рубинштейна «могу» представляет осознание своих способностей, талантов и тех личностных качеств, которые необходимы для достижения именно данной цели. Третий компонент — это «действую». Он сразу придает модели действенно-преобразующий характер. «Действую» пред-

полагает переход от созерцания и актуализации имеющихся ресурсов (потенциала) к их реализации с учетом планирования этапов действий во времени.

Итак, трехкомпонентная структура «хочу—могу—действую» создает возможность осознания аспирантом не только тех интеллектуальных действий, которые в основном ему известны и без преподавателя психологии, но и тех, сопутствующих успеху психологических факторов, которые раскрываются во взаимодействии с психологом.

Во-первых, это актуализация и осознание подлинной мотивации аспиранта, внешней или внутренней, с осознанием смысла диссертации (для чего она ему нужна). В одних случаях смысл работы над диссертацией видится в возможности решения интересной научной проблемы, в других – в возможности совершить карьеру, благодаря получению научной степени.

Во-вторых, самоанализ актуализирует те способности, умения, личностные качества, которые или уже есть в достаточной мере у аспиранта, или их еще придется развивать для создания и защиты диссертационного продукта. Особенно это заметно в том случае, когда возникает расхождение между тем, что аспирант хочет написать диссертацию (сильнейшая мотивация), но не может этого сделать (хочу, но не могу). Написание и защита диссертации – это не совсем та привычная для аспиранта деятельность, в которой репродуктивные способности могут доминировать и тем не менее позволяют на студенческом этапе успешно двигаться к конечной цели – получению диплома. На аспирантском этапе жизненной активности требуется самостоятельность, способность создавать новое (новую теорию, новую методику, критично относиться к устоявшимся взглядам). Необходимо овладеть новыми технологиями фиксации и обработки эмпирического материала. Все это должно быть осознано, актуализировано. Часто у аспиранта возникает состояние депрессии, неверие в свои силы. И здесь взаимодействующая система «преподаватель – аспирант» оказывается весьма полезной для преодоления возникших барьеров.

В-третьих, аспирант имеет возможность спрогнозировать в плане не только действия по написанию и защите диссертации, но и вероятность прокрастинации, когда кажется, что еще три года впереди, еще есть время все сделать. В последующем именно такой подход связан с наступлением разрушительного стрессового состояния.

Работа по методу «скаффолдинг» показывает степень погружения в главную и второстепенную деятельность. Главная деятельность – это написание и защита диссертации. Второстепенная – увлечен-

ность сопутствующими образованию в аспирантуре курсами. Отмечается в материалах, что если аспирант сосредоточен на главной деятельности, то он работает уже по теме диссертации, сформировал в первом приближении научную проблему. В этом случае все знания, получаемые при подготовке кандидатских экзаменов и изучении сопутствующих курсов, направляются на решение вставшей научной проблемы. Тем самым аспирант провоцирует создание своего рода временных групповых субъектов, прямо или косвенно способствующих решению проблемы. В другом случае, когда поступление в аспирантуру имело не научную мотивацию, тема не определена или навязана научным руководителем, доминирующей является второстепенная деятельность: работа над учебными курсами по плану аспирантуры, подготовка и сдача кандидатских экзаменов.

Заключение

В результате саморефлексии нашей деятельности в качестве психологов – преподавателей университета было установлено, что научная и педагогическая деятельность – это неразрывное единство. В итоге при следовании абстрактно-аналитической стратегии было выделено три этапа исследовательской деятельности (ИД). На первом этапе, «ученическом», ставится задача самоутвердиться в научной психологии и добиться первого уровня профессионального признания в виде защиты кандидатской диссертации. Достигается это путем решения частной научной проблемы в избранной парадигме. Достоверные результаты должны быть получены на «надежных» методиках. Венцом такой деятельности является включенность полученного результата в концептуальные схемы научного руководителя.

На втором этапе ИД осуществляется самоутверждение на докторском уровне, получение права достаточно произвольно вести научную деятельность и право быть экспертом высшего уровня. Результатом такой деятельности, как правило, является авторская концепция, создание модели психологического механизма изученного феномена. Ученый получает право руководить группой аспирантов, проходящих первый этап в рамках данной стратегии.

На третьем этапе ИД ученый выходит за пределы своей науки, стремится к междисциплинарному исследованию проблем, которые решают и представители других наук, отраслей. Как правило, такие усилия поддерживаются грантами и требуют ответственного отношения к работе.

Параллельно с абстрактно-аналитической деятельностью начинается осуществляться действенно-преобразующая стратегия психолога-исследователя. В университете преподаватель всегда имеет возможность ознакомить студентов с результатами своей научной деятельности (идеи, методы, технологии, психологические механизмы). Однако современные студенты считают, что предлагаемая информация становится полезной для них в той мере, в какой она им «помогает».

Ответом на социальный заказ студентов был переход к первому этапу действенно-преобразующей стратегии. В учебный процесс был внедрен метод целостного подхода к человеку как субъекту саморазвития, метод «Интервью с самим собой». Он позволил перейти от изучения психики к изучению реального студента, который в процессе выполнения рефлексивного проекта, т. е. философского осмысления своей жизни и себя в ней (С.Л. Рубинштейн), получал возможность системно-психологического видения себя и находил пути самосовершенствования.

На втором этапе действенно-преобразующей стратегии поддержку студентов получил новый вариант метода самоинтервьюирования – «Я – психолог-профессионал». Здесь выявлялись теоретическая осведомленность и практическая готовность к работе в качестве психолога-профессионала. Выяснилось, что студенты-выпускники делятся на тех, кто боится, избегает такой работы до получения диплома, и тех, кто уже в студенческие годы получает опыт работы психолога: в школе, службе телефона доверия, коммерческой фирме. Метод способствует косвенному подталкиванию к занятию профессиональной деятельностью.

Третий этап стратегии действенного преобразования имеющейся ситуации состоял в организации психологической помощи в направлении выбора, осознания и алгоритма достижения жизненной цели как студентом, так и аспирантом. Новый вариант метода «Интервью с самим собой» получил название «скаффолдинг». В акте рефлексирования акцент смещался с самопознания и профессионального самоопределения на целедостижение в реальной жизнедеятельности. Это был своего рода отклик на запросы тех студентов, которые хотели добиться личностной и профессиональной самореализации с учетом своей ценностно-смысловой направленности. Рефлексивный анализ, использование собственных ресурсов и алгоритм действия осуществлялись как ответы «хочу—могу—действую».

В соответствии с принципом трансформации Я. А. Пономарёва (принцип ЭУС) выделенные этапы аналитической и преобразующей

деятельности можно рассматривать как структурные уровни организации данных видов деятельности в работе психолога-преподавателя университета. В ближайшей перспективе планируется выделение «этапа консультативно-тренинговой деятельности».

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Барабанщиков В. А., Завалишина Д. Н., Пономаренко В. А.* На пути к интеграции психологической науки // Б. Ф. Ломов. Системность в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. С. 5–24.
- Бехтерев В. М.* Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Выготский Л. С.* Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991.
- Горшенина Н. В.* Завистливость как нравственно-психологическая особенность личности: на примере юношеского возраста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2016.
- Гусельцева М. С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–61.
- Гухман В. Б.* Философия информации. М.: Национальный открытый университет «Интуит», 2016.
- Духовно-нравственные проблемы современной личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С. 133–151.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 55–74.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.

- Закирзянова Л. А.* Методики диагностики и изучения нравственной сферы личности. Казань: Отечество, 2013.
- Закирова М. А.* Развитие ответственности в юношеском возрасте: на примере студентов вуза: Автореф. дис.... канд. психол. наук. Казань, 2010.
- Зинченко В. П.* Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть 1. Живое знание. Самара, 1998.
- Касумов Н. Э., Свентицкий И. И., Мудрик В. А.* Антропный принцип как следствие прогрессивной эволюции // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1. «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2014. № 1 (135). С. 36–43.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Лотман Ю. М.* Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. С. 164–178.
- Лотов А.* Новая парадигма мировоззрения. Екатеринбург: Ridero, 2015.
- Меркель Р. В.* Взаимосвязь авторитарности с регулятивными и коммуникативными свойствами личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2011.
- Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Е. В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Олпорт Г.* Личность в психологии. М.: Ювента, 1998.
- Олпорт Г.* Личность: проблема науки или искусства? // Психология личности / Под. ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря, В. В. Архангельской. М.: АСТ–Астрель, 2009.
- Панов В. И.* Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.–СПб.: Психологический институт РАО–Нестор-История, 2014.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П.* Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 69–86.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М.: Просвещение, 1969.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Поплавская Т. Н.* Категории «целое» и «часть» в современной философии // Ученые записки Таврического национального универ-

- ситета им. В. И. Вернадского. Сер. «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2012. Т. 24 (65). № 4. С. 382–390.
- Попов Л. М.* Инициатива и общение в творчестве. Казань: Изд-во КГУ, 1983.
- Попов Л. М.* Интервью с самим собой как метод целостного исследования личности // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. Педагогика. 1990а. № 2 (4). С. 8–11.
- Попов Л. М.* Психология самодеятельного творчества студентов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990б.
- Попов Л. М.* Психология самодеятельности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1992.
- Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н.* Добро и зло. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Попов Л. М., Ибрагимова Е. Н., Устин П. Н.* Концепция психологии творчества Я. А. Пономарева и ее применение в изучении саморазвития // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 35–47.
- Попов Л. М., Кашин А. П., Старшинова Т. А.* Добро и зло в психологии человека. Казань: Изд-во Казанского университета, 2000.
- Попов Л. М., Устин П. Н.* Когнитивно-поведенческая концепция и возможности ее реализации в жизненной активности студентов // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 26–35.
- Попов Л. М., Устин П. Н.* Истоки когнитивно-поведенческой психологии в работе В. М. Бехтерева «Сознание и его границы» // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 1. С. 83–94.
- Попов Л. М., Устина Ю. Н.* Проблемы этической психологии: предмет и методы // Психология человека в современном мире. Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 92–99.
- Психологические исследования в интернет-пространстве / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Ремизова А. В.* Мера ответственности личности в семейной жизни и трудовой деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009.

Стратегии и этапы научно-педагогической деятельности

- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Слободчиков В. И.* Психологическая антропология: от истоков в будущее // Исследователь. Researcher. 2018. № 1–2. С. 16–22.
- Устин П. Н.* Исследование циничности-нравственно-этического компонента личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2003.
- Устина Ю. Н.* Особенности честолюбия как этической характеристики в период становления личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2008.
- Фахрутдинова Л. Р.* Структурно-динамическая организация переживания субъекта: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Казань, 2012.
- Фрейджер Р., Фейдимен Д.* Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
- Черниговская Т. В.* Основная задача человека – породить смыслы // 16-й Санкт-Петербургский саммит психологов 5 июля 2022. URL: <https://psy.su/feed/10076> (дата обращения: 30.09.2022).
- Чуприкова Н. И.* Психическая реальность и предмет психологии // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 92–104.
- Штерн В.* Персоналистическая психология // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 186–198.
- Юревич А. В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Введение // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 7–12.
- Kosinski M., Stillwell D., Graepel T.* Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // PNAS. 2013. V. 110. № 15. P. 5802–5805.
- Zyoud S. H., Sweileh W. M., Awang R. et al.* Global trends in research related to social media in psychology: mapping and bibliometric analysis // International Journal of Mental Health Systems. 2018. 12. 4. P. 1–8.

Авторы и составители сборника

Войтенко Татьяна Павловна – кандидат психологических наук, доцент Сретенской духовной академии.

Гусельцева Марина Сергеевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО; научный сотрудник центра научного проектирования РГГУ; ведущий научный сотрудник школы антропологии будущего ИОН РАНХиГС.

Грачев Александр Алексеевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии Института психологии РАН.

Двойнин Алексей Михайлович – кандидат психологических наук, доцент департамента психологии Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Журавлев Анатолий Лактионович – доктор психологических наук, академик РАН, научный руководитель Института психологии РАН.

Зеленкова Татьяна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент Государственного гуманитарно-технологического университета, старший научный сотрудник Московского НИИ психиатрии Росздрава.

Знаков Виктор Владимирович – доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН.

Китова Джульетта Альбертовна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.

Корнилова Татьяна Васильевна – доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Костригин Артем Андреевич – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН.

Лебедев Александр Николаевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.

Авторы и составители сборника

- Мазилев Владимир Александрович* – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета.
- Мироненко Ирина Анатольевна* – доктор психологических наук, профессор факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Попов Леонид Михайлович* – заведующий кафедрой, доктор наук, профессор Казанского государственного университета.
- Почебут Людмила Георгиевна* – доктор психологических наук, профессор факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Стоюхина Наталья Юрьевна* – кандидат психологических наук, доцент Нижегородского государственного университета.
- Устин Павел Николаевич* – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций Казанского государственного университета.
- Ушаков Дмитрий Викторович* – доктор психологических наук, академик РАН, директор Института психологии РАН.
- Фёдоров Александр Александрович* – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой клинической психологии Новосибирского государственного университета.
- Чикер Вера Александровна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Юревич Андрей Владиславович* – доктор психологических наук, член – корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН.

